

Содержание

Конгресс

- А.В. Лейбина
 Итоги XVI Европейского психологического конгресса. 3

Психология виртуальной ревальности

- Л.А. Шайгерова, Р.С. Шилко, О.В. Ваханцева, Ю.П. Зинченко
 Перспективы использования анализа социальных сетей для изучения этнокультурной идентичности подростков
 в интернет-сообществах 4
- Г.У. Солдатова, А.Н. Ярмина
 Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания. 17

Когнитивная психология

- Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов, М.С. Зиренко, М.А. Чумакова
 Психометрические свойства модифицированной батареи
 Интернационального Ресурса Когнитивных Способностей (ICAR) 32

Юбилей

- Юбилей А.И. Донцова 46

Психология личности

- Альфريد Лэнгле
 Согласие в зависимости. Экзистенциально-аналитический подход1 47
- С.В. Молчанов
 Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности 60

Семейная психология

- О.А. Карабанова
 В поисках оптимального стиля родительского воспитания 71
- А.А. Реан, Ю.А. Евграфова
 Изучение связи показателей личностной зрелости и социально-психологической адаптации молодых супругов 80

Медицинская психология

- С.О. Кузнецова, А.А. Абрамова, А.Г. Ефремов, С.Н. Ениколопов
 Исследование особенностей аутоагрессивного поведения у лиц, переживших сексуальное злоупотребление
 в детском возрасте 88
- Я.А. Гетманенко, А.В. Трусова, А.Е. Добровольская, А.Г. Софронов
 Влияние характеристик семейной системы и индивидуально-психологических особенностей опекуна
 на эффективность социально-психологической адаптации больных шизофренией. 101

Психология спорта

- З.А. Сагова, Р.Р. Шаяфетдинова
 Целеполагание как метод саморегуляции деятельности спортсменов-керлингистов
 с разным уровнем предсоревновательной тревожности 113

Психология образования

- А.С. Дамадаева, А.А. Бехоева
 Проблемы и возможности реализации инклюзивного образования в современном вузе 125

Приложение

- Информация для авторов 134
- Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям) 135

Content

Congress

- Anna V. Leybina
Results of the 16th European Psychological Congress 3

Psychology of virtual reality

- Lyudmila A. Shaigerova, Roman S. Shilko, Olga V. Vakhantseva, Yuriy P. Zinchenko
Outlook of using social network analysis to study ethnocultural identity in online communities 4
- Galina U. Soldatova, Alina N. Yarmina
Cyberbullying: features, role structure, parent-child relationships and coping strategies 17

Cognitive Psychology

- Tatiana V. Kornilova, Sergey A. Kornilov, Maria S. Zirenko, Maria A. Chumakova
Psychometric properties of the modified International Cognitive Ability Resource (ICAR) test battery 32

Birthday Anniversary

- Birthday Anniversary of A. Dontsov 46

Personality Psychology

- Alfried Längle
Consent to addiction. Existential Analytical Approach 47
- Sergey V. Molchanov
Moral Disengagement as myth of «moral freedom» in personality 60

Family Psychology

- Olga A. Karabanova
In search of an optimal parenting style 71
- Artur A. Rean, Yuliya A. Evgrafova
The study of personal maturity and socio-psychological adaptation of the spouses in young couples 80

Medical Psychology

- Svetlana O. Kuznetsova, Aida A. Abramova, Alexander G. Efremov, Sergey N. Enikolopov
The study of the auto-aggressive behaviour in individuals who survived sexual abuse in childhood 88
- Yana A. Getmanenko, Anna V. Trusova, Alla E. Dobrovol'skaya, Alexandr G. Sofronov
The influence of family system and individual psychological characteristics of the caregiver on the effectiveness of socio-psychological adaptation in patients with schizophrenia 101

Sport Psychology

- Zurida A. Sagova, Rimma R. Shaiafetdinova
Goal setting as a method of self-regulation in curler athletes with different levels of pre-competition anxiety 113

Psychology of Education

- Anzhela S. Damadaeva, Aset A. Behoeva
Problems and opportunities of implementing inclusive education in modern University 125

Application

- Information For Authors 134
- Guidelines for Abstract Writing 135

Итоги XVI Европейского психологического конгресса

А.В. Лейбина

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 16 сентября 2019/ Принята к публикации 18 сентября 2019

Results of the 16th European Psychological Congress

Anna V. Leybina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received September 16, 2019 / Accepted for publication: September 18, 2019

2–5 июля 2019 года в Москве на базе Российской академии образования и МГУ имени М.В. Ломоносова, благодаря межведомственному взаимодействию структур Правительства Российской Федерации, научных фондов и организаций практической психологии состоялся XVI Европейский психологический конгресс, который посетили более 2700 участников из 94 стран.

July 2–5, 2019, Moscow faced the 16th European Psychological Congress attended by more than 2700 participants from 94 countries and based on the Russian Academy of Education and Moscow Lomonosov State University thanks to the interagency interaction of the structures of the Government of the Russian Federation, scientific foundations and organisations of practical psychology

На конгрессе прозвучало более 2500 докладов, представленных в форме устных и стендовых презентаций, панельных дискуссий и симпозиумов. Значительная часть последних сопровождалась синхронным переводом и была организована усилиями отечественных специалистов совместно с зарубежными коллегами. Тематика конгресса была довольно широкой, что позволило охватить ключевые темы современной психологии: междисциплинарность, вклад в изучение цифровых технологий, социальных процессов, образования, сферы здравоохранения и безопасности. В частности, большой интерес аудитории был обращен к теме военной и кризисной психологии, а также теме суицидов, названной в 2019 году основной проблемой психического здоровья.

3 июля в рамках Конгресса прошёл торжественный приём в честь 130-летия Международного союза психологической науки при ЮНЕСКО (IUPsyS) на котором выступила профессор Памела Марас (Pamela Maras, Professor, President, International Union of Psychological Science, United Kingdom) президент Союза. Она сообщила, что Исполнительный комитет завершил разработку нового стратегического плана и пригласила участников посетить Международный психологический конгресс (ICP) в Праге в 2020 году

Конгресс получил значительное количество положительных отзывов от отечественных и зарубежных коллег относительно программы, организации и тёплой атмосферы мероприятия, способствующей продуктивному диалогу между учеными и практиками из разных стран, определения тем будущего взаимодействия, установления необходимых деловых контактов.

Завершился Конгресс заседанием Генеральной Ассамблеи Европейской федерации психологических ассоциаций (ЕФПА) на котором делегаты избрали нового президента ЕФПА: Кристофа Штайнбаха (Christoph Steinebach) из Швейцарской и Немецкой федераций ассоциаций психологов

Значимым результатом конгресса стало избрание члена Президиума РПО, А.В. Лейбиной (кандидат психологических наук, сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова) в исполнительный комитет Европейской федерации психологических ассоциаций сроком с 2019 до 2023 года. Представитель от нашей страны избирается на такой высокий пост впервые, что открывает перед российской психологией ряд перспектив: более тесное взаимодействие с европейскими коллегами, и популяризация отечественной психологии и ее трендов, возможность участия членов РПО в закрытых мероприятиях, организованных ЕФПА, с частичным покрытием финансовых расходов.

Такой положительный результат оказался возможен исключительно благодаря слаженной работе отечественного профессионального сообщества, поддержке российских психологов со всех уголков нашей Родины и волонтеров – студентов российских вузов.



Для цитирования: Лейбина А.В. Итоги XVI Европейского психологического конгресса // Национальный психологический журнал. – 2019. – №3(35). – С. 3. doi: 10.11621/npj.2019.0301

For citation: Anna V. Leybina (2019) Results of the 16th European Psychological Congress. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal] 12(3), 3. doi: 10.11621/npj.2019.0301

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

Перспективы использования анализа социальных сетей для изучения этнокультурной идентичности подростков в интернет-сообществах

Л.А. Шайгерова, Р.С. Шилко, О.В. Ваханцева, Ю.П. Зинченко¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ Российская академия образования, Москва, Россия

Поступила 16 сентября 2019/ Принята к публикации: 21 сентября 2019

Outlook of using social network analysis to study ethnocultural identity in adolescents in online communities

Lyudmila A. Shaigerova, Roman S. Shilko*, Olga V. Vakhantseva, Yuriy P. Zinchenko¹

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ Russian Academy of Education, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: shilko_rs@psy.msu.ru

Received September 16, 2019 / Accepted for publication: September 21, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Жизнь современных подростков неотделима от интернет-сообществ, которые не только выступают средством общения и источником информации, но и опосредуют формирование межличностных и межгрупповых установок, процесс социализации и конструирование идентичности. Изучение процессов, происходящих в интернет-сообществах, способствует выявлению влияния цифрового общества на формирование этнокультурной идентичности и рисков ее негативных трансформаций, возникновения и распространения негативных установок, ксенофобии, межгрупповой неприязни и вражды. Анализ социальных сетей (Social Network Analysis), широко используемый в ряде дисциплин, но все еще недостаточно распространенный в психологических исследованиях, может предоставить новые возможности для исследования этих процессов в интернет-сообществах.

Цель. Исследование направлено на изучение возможностей применения анализа социальных сетей к изучению этнокультурной идентичности российских подростков.

Описание хода исследования. Посредством создания кода на языке R (R 3.6.1 + R Studio 1.2.1335) был выполнен анализ связей ряда сообществ социальной сети «ВКонтакте», контент которых имеет отношение к различным аспектам этнокультурной идентичности (этнический, культурный, религиозный, региональный, гражданский). Из данных сообществ были отобраны пользователи, проживающие в городах Москве (78784 пользователя) и Санкт-Петербурге (210815 пользователей) в возрасте от 14 до 18 лет. По результатам были построены социальные графы и проведен анализ связей между сообществами по двум субъектам федерации.

Результаты исследования. Выявлены общие тенденции и различия между связями интернет-сообществ, контент которых имеет отношение к различным аспектам этнокультурной идентичности в изучаемых субъектах федерации. Для целевой категории пользователей-подростков, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге в наибольшей степени связаны между собой сообщества с этническим контентом, тогда как различия касаются связей между крупным сообществом «Россия» с другими изучаемыми сообществами.

Выводы. Результаты продемонстрировали перспективы анализа социальных сетей (который охватывает широкие слои пользователей интернет-сообществ) для изучения этнокультурной идентичности подростков в цифровой среде. Полученные посредством анализа социальных сетей данные, извлеченные из деятельности пользователей в интернет-сообществах, отражают закономерности, выявленные в ходе проведенного ранее социально-психологического исследования с участием подростков-респондентов из тех же субъектов федерации. Социокультурный контекст, таким образом, опосредует онлайн- и офлайн-идентичность сходным образом, что подтверждается выявленными различиями в связях интернет-сообществ в разных субъектах федерации. Несмотря на длительное применение анализа социальных сетей в социологии и других науках, в психологии данный метод все еще носит поисковый характер. А применительно к изучению этнокультурной идентичности и связанных с ней феноменов требует дополнительной разработки с опорой на тесное междисциплинарное взаимодействие различных наук и направлений и необходимого сопоставления результатов с результатами, полученными другими методами.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, социальные графы, подростки, этнокультурная идентичность, субъекты Российской Федерации, social mining

Background. The life of modern adolescents is inseparable from online communities that are not only means of communication and source of information, but they also mediate the development of interpersonal and intergroup attitudes, the process of socialization and shape identity. The study of the processes in online communities helps to determine the influence of digital society on the formation of ethnocultural identity and the risks of its negative transformations, the emergence and spread of negative attitudes, xenophobia, and intergroup hostility. Social Network Analysis (SNA), widely used in a number of disciplines but still rarely used in psychological research, may provide new opportunities to explore these processes in online communities.

Objective. The research was aimed at examining the possibilities of applying social network analysis to the study of ethnocultural identity of Russian adolescents.

Design. By creating a code in the language R (R 3.6.1 + R Studio 1.2.1335), the analysis of the relations of a number of communities of the social network «Vkontakte», whose content is relevant to various aspects of ethnocultural (ethnic, cultural, religious, regional, national) identity was performed. In these communities Moscow and St. Petersburg dwellers aged 14 to 18 years were identified and sampled (78,784 Moscow-based users and 210,815 St. Petersburg-based users). Based on the results, social graphs were constructed and the analysis of relations between communities in the two cities of Russia was carried out.

Results. The general tendencies and differences between the links of online communities, the content of which is relevant to various aspects of ethnocultural identity in the cities of Russia under consideration, are revealed. For the target category, Moscow-based and St. Petersburg-based user-adolescents, the online communities were considered to be most relevant between those with ethnic content. The differences relate to connexions between large community called «Russia» and other studied online communities. There is no connexion between all other communities from Moscow with community «Russia» while adolescents-users from St. Petersburg actively participate in the community «Russia», especially those who are in communities whose content is devoted to ethnic and cultural issues.

Conclusion. The results show the existing outlooks for the social networks analysis, which allows to cover a wide range of users of online communities, for the study of ethnocultural identity of adolescents in the digital society. Obtained by analyzing social networking data derived from user activity in Internet communities, reflect the regularities, identified through an earlier social-psychological study involving adolescents who live in the same area. The socio-cultural context mediates online identity and offline identity in a similar way, which is confirmed by the revealed differences in the connections of online communities in different subjects of the Russian Federation. Despite the long-term social network analysis in sociology and other sciences, psychology is using this method as exploratory tool. In relation to the study of ethnocultural identity and related phenomena SNA requires additional development based on the interdisciplinary interaction of various sciences and areas and the necessary comparison of the results with the results obtained by other methods.

Keywords: social network analysis (SNA), social graphs, adolescents, ethnocultural identity, regions of Russian Federation, social mining

**Анализ социальных сетей
(Social Network Analysis)
в социальных исследованиях**

В последнее время социальные сети стали объектом интенсивных исследований с участием большого числа ученых из разных научных областей. Социальные сети задействованы во многих видах практической деятельности, например, в образовании, здравоохранении, коммерции, бизнесе, сфере услуг, сфере развлече-

ний и др. Изучение различных сетевых связей и отношений оформилось в область, получившую название «анализ социальных сетей» (Social Network Analysis). В русском языке понятие «социальные сети» употребляется в значении синонимичном «социальным медиа», «сайтам социальных сетей» или «интернет-сообществам», таким как Facebook, Instagram, ВКонтакте, что создает значительные трудности при описании исследований, проводимых в цифровой среде, и их результатов.

Однако метод анализа социальных сетей (Social Network Analysis) возник задолго до изобретения глобальной компьютерной сети Интернет. Общий принцип анализа социальных сетей, заключающийся в рассмотрении структуры отношений связанных в единую сеть социальных субъектов, основывается на идее о том, что эти отношения существенным образом влияют на субъектов и определяют важные свойства всей совокупности субъектов целого либо отдельных его частей. Так как отношения между субъектами понимаются, прежде всего, как социальные (по крайней мере, при их рассмотрении в социальных науках), то принято считать, что концептуальная основа анализа социальных отношений восходит к идеям социальной детерминации деятельности и сознания живущего в обществе субъекта, высказанным еще основателями и классиками социологии О. Контом, Э. Дюркгеймом, Г. Спенсером, Г. Зиммелем и др. (Freeman, 2004). В наиболее общем виде анализ социальных сетей определяется как отображение и измерение отношений и потоков информации между людьми, группами, организациями, компьютерами или другими объектами обработки информации (Mcguire et al., 2013). Анализ социальных сетей используется в таких областях, как изучение структуры поведения и отношений отдельных людей и социальных групп (выделение компонентов, кластеризация, определение отношений), электронная коммерция и онлайн-реклама (анализ профилей потребителей, тенденций, персонализированная реклама и подача предложений), анализ физических структур (транспорт, инфраструктура) и больших массивов данных (мониторинг СМИ, анализ научных публикаций, генетические исследования и др.). Область анализа социальных сетей продолжает расширяться, поэтому интенсивно разрабатываются новые методы и подходы к изучению этой новой, но уже прочно вошедшей в повседневную жизнь современного человека реальности (Butts, 2008). Среди методов извлечения данных (data mining techniques), используемых в анализе социальных сетей, можно назвать следующие: правила ассоциации (apriori), классификация, кластеризация и анализ связей. С помощью этих методов изучаются различные проблемы в социальных сетях.

**Людмила Анатольевна Шайгерова** –

кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/ShaignerovaLA/>

**Роман Сергеевич Шилко** –

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: shilko_rs@psy.msu.ru
<https://istina.msu.ru/profile/shilko/>

**Ольга Вадимовна Ваханцева** –

аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vakhanceva@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/VakhantsevaOV/>

**Юрий Петрович Зинченко** –

доктор психологических наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: adm.psy@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/ZinchenkoYP/>

Для цитирования: Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Ваханцева О.В., Зинченко Ю.П. Перспективы использования анализа социальных сетей для изучения этнокультурной идентичности подростков в интернет-сообществах // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 4–16. doi: 10.11621/npj.2019.0302

For citation: Shaigerova L.A., Shilko R.S., Vakhantseva O.V., Zinchenko Yu.P. (2019). Outlook of using social network analysis to study ethnocultural identity in adolescents in online communities. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], (12)3, 4–16. doi: 10.11621/npj.2019.0302

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

Проводятся исследования, посвященные описанному в литературе отдельным проблемам методов анализа социальных сетей. Однако некоторые авторы и сегодня отмечают недостаток комплексного изложения по всем актуальным и популярным проблемам в этой области (например, Can, Alatas, 2019).

Для изучения социальных сетей как интернет-сообществ существуют разнообразные определения. Наиболее общим представляется определение, в котором социальные сети понимаются как онлайн-сообщества, состоящие из людей с общими интересами, объединенных общей деятельностью и имеющие сходный опыт (Schneider et al., 2009). Миллионы людей используют сегодня социальные сети в качестве средств связи и источников данных в реальном времени, создают собственные профили и обмениваются данными с другими пользователями. К марту 2019 года только в Facebook число активных пользователей достигло 2,38 миллиарда в месяц (The Top 20 ..., 2019), а Twitter, который является сайтом социальных микроблогов, используют 330 миллионов активных подписчиков в месяц (Most Popular ..., 2019). Самой популярной российской сетью – ВКонтакте ежемесячно пользуются свыше 38 млн. жителей России, а ежедневно – более 23 млн. человек (Курносова, 2019).

В силу растущего распространения социальных сетей не вызывает удивления интерес к ним как к объекту социальных исследований. На основе результатов анализа социальных сетей предлагаются их разные классификации. Например, разделяют явные, эксплицитные социальные сети, имеющие прямые непосредственные связи между участниками, такие как Facebook, Twitter, MySpace, ВКонтакте, и неявные, имплицитные, где связи между участниками могут быть установлены только путем более глубокого анализа доступных данных, например, Amazon, Netflix (Encyclopedia ..., 2018).

Анализ социальных сетей объединяет множество возможных задач, которые могут быть выполнены в соответствии с целями того или иного исследования. Наиболее распространенными при извлечении данных (data mining) являются следующие задачи (Tang, Liu, 2010):

1. Установление «центров» – выявление «наиболее важных» участников

в социальной сети (в сообществе, в группе). Степень центральности служит мерой для определения важности и влияния определенного участника в рамках сети или сообщества.

лизи социальных сетей, могут показаться неспециалисту слишком сложными, основные используемые понятия и обозначения достаточно просты, а потому осваиваются без особых затруднений.

В силу растущего распространения социальных сетей не вызывает удивления интерес к ним как к объекту социальных исследований. На основе результатов анализа социальных сетей предлагаются их разные классификации. Например, разделяют явные, эксплицитные социальные сети, имеющие прямые непосредственные связи между участниками, такие как Facebook, Twitter, MySpace, ВКонтакте, и неявные, имплицитные, где связи между участниками могут быть установлены только путем более глубокого анализа доступных данных, например, Amazon, Netflix

2. Обнаружение сообщества, позволяющее констатировать появление внутри социальной сети некоторой группы пользователей. Сообщества выявляются путем изучения сетевой структуры и взаимного расположения участников.

3. Анализ положения, позволяющий определить роль каждого участника в сетевом взаимодействии.

4. Построение модели сети посредством создания симулятора реальной сети с помощью простых механизмов воссоздания крупных реальных сложных сетей на простых моделях.

5. Изучение способов распространения информации внутри сети для понимания сетевой динамики.

6. Классифицирование участников сетевого взаимодействия по различным интересующим параметрам.

Поскольку понятия, описывающие сетевые структуры, не очень хорошо представлены в естественном языке, исследователи социальных сетей выработали специализированную терминологию. Обычно результатом анализа социальной сети при выполнении одной из указанных задач является граф (graph). Понятие графа подробно раскрывается в теории графов – разделе математики, который касается дискретных структурных отношений (напр., Карпов, 2017). В то время как теории графов, используемые в области ана-

Традиционно в математике граф понимается следующим образом (Карпов, 2017):

$$G = (V(G), E(G)),$$

где G – граф, $V(G)$ – множество вершин графа G , $E(G)$ – множество ребер графа G . Выделяют различные виды графов. Если множество вершин и ребер графа конечно, то такой граф называется конечным. Именно с такими графами обычно имеют дело при анализе социальных сетей. То есть, конечный граф G имеет определенное количество вершин – $v(G)$, а также определенное количество ребер – $e(G)$. Граф считается неориентированным (ненаправленным), если каждое его ребро имеет два конца, порядок которых не имеет значения. Если же порядок концов имеет значение, то граф считается ориентированным (направленным). Запись означает, что вершины x и y – концы ребра e , при этом концы x и y соединены ребром e . Соединенные одним ребром вершины графа называются смежными, как и ребра, имеющие общий конец (Карпов, 2017).

Социальные графы

Анализ социальных сетей предоставляет возможности графической презентации количественных данных, которые часто включают изображение сети в виде

Впервые термин «социальный граф» был использован в 2007 году основателем социальной сети «Facebook» Марком Цукербергом для обозначения взаимодействия пользователей с другими пользователями, а также для представления их отношений и интересов. Важное различие между сетевым графом и обычной диаграммой, изображающей сравнение результатов, заключается в том, что сетевой граф отражает не результаты статистики, а все еще первичные необработанные данные

точек (вершин или узлов графа), соединенных линиями (ребрами графа или дугами). Такое визуальное представление называется сетевым или социальным графом (Yousefi Nooraie et al., 2018; Barbier, 2011). Впервые термин «социальный граф» был использован в 2007 году основателем социальной сети «Facebook» Марком Цукербергом для обозначения взаимодействия пользователей с другими пользователями, а также для представления их отношений и интересов. Важное различие между сетевым графом и обычной диаграммой, изображающей сравнение результатов, заключается в том, что сетевой граф отражает не результаты статистики, а все еще первичные необработанные данные. Таким образом, осмысление сетевого графа следует отождествлять с этапом анализа данных, а не с этапом интерпретации количественных результатов.

Единого общепринятого подхода к графическому изображению социальных сетей не существует. Исследователь выбирает наиболее удовлетворительное представление путем проведения повторяющихся попыток применения нескольких алгоритмов компоновки, относящихся к методам распределения узлов самостоятельно регулируя формы, цвета и размеры узлов для изображения наиболее информативных атрибутов. Так же регулируется толщина и длина ребер для представления силы отношений и расстояния между группами и выделяются социальные кластеры.

Разработано несколько алгоритмов, позволяющих распределить узлы наиболее значимыми способами. Эти алгоритмы полезны для обеспечения содержательной и визуально привлекательной картины сети. Например, силовые алгоритмы располагают узлы в двумерном пространстве, моделируя их в виде маленьких магнитов, которые отталкиваются и притягиваются (Jacomy et al., 2014). Иногда используются несколько методов в поисках того, который окажется обеспечивающим наиболее удовлетворительную презентацию данных. Поиск может включать в себя осмысленный процесс выбора различных алгоритмов, изменение спецификации одного из алгоритмов (например, силу отталкивания и притяжения в модели), изменение цветов, размеров и форм узлов и связей таким образом, чтобы граф наиболее живо визуализировал ситуацию.

Извлечение смысла из графа является результатом целого ряда процессов, действующих на различных уровнях: перцептивном (обнаружение связей и восприятие симметрии), поведенческом (удобство использования) и рефлексивном (сознательные усилия по извлечению смысла из графа) (Bennett et al., 2007).

Рассмотрение социальных графов самих по себе не дает исчерпывающего понимания лежащих в их основе социальных паттернов. Их интерпретация не только определяется структурой данных, но и зависит от знаний и представлений исследователей о социальной динамике и выявляемых социальных паттернах (McGrath, Blythe, Krackhardt, 2014). В связи с этим, при описании и анализе социальных графов для того, чтобы интерпретация была как можно более полной, необходимо предоставлять развернутую характеристику изучаемых социальных процессов, контекстов и возможных ограничений.

Для психологических исследований анализ социальных сетей представляет набор мощных инструментов описания и моделирования контекста отношений, сопровождающих то или иное поведение. Более того, методы анализа сетей могут быть применены к анализу на индивидуальном уровне, например, для описания связи понятий, структуры истории жизни отдельного субъекта и др. (Butts, Pixley, 2004).

Идентичность в цифровом обществе

Цифровое общество необратимо перестроило жизненный мир современного человека (Емелин, 2018). Среди основных направлений исследования влияния интернета и современных информационно-коммуникационных технологий на психику и деятельность человека выделяется изучение трансформаций его функционирования, личности и идентичности в результате взаимодействия с электронными средствами массовой информации (Молчанов и др., 2018; Kimayer et al., 2013). Особый интерес проявляется к всестороннему изучению воздействия новых технологий, интернета и социальных сетей на разные аспекты детского развития, поскольку интернет

и новые технологии кардинально трансформировали социальную ситуацию развития ребенка, начиная с первых дней его жизни, а к трехлетнему возрасту, благодаря родителям, большая часть современных детей уже оставила «цифровой след» (Дубровина, 2018). В обиход исследователей для обозначения идентичности, формирующейся посредством интернета и социальных сетей, вошли разнообразие термины: кибер-идентичность, цифровая идентичность, цифровое Я, идентичность онлайн, Я виртуальное, квантовое Я, цифровой субъект. Понятие «цифровой субъект» включает в себя множество показателей: данные профиля в Facebook или в другой социальной сети, историю просмотров и запросов в браузерах, записи геолокации мобильного телефона, банковские транзакции, данные датчиков, данные распознавания лиц, данные распознавания движений, содержимое электронных почтовых ящиков. Таким образом, цифровой субъект представляет собой сплетение физических, юридических, чувственных и культурных элементов (Goriunova, 2019).

Данные пользователей социальных сетей, находящиеся в открытом доступе, стали чрезвычайно ценным источником социальных исследований цифровой идентичности и реальной идентичности (офлайн), позволяющим изучать трансформации идентичности под влиянием виртуального пространства и формирование идентичности в детском и подростковом возрасте (Солдатова, Олькина, 2016; Солдатова, 2017; Barak, 2012; Barassi, 2017; Hogan, Strasburger, 2018; Van der Merwe, 2017; Van Kokswijk, 2008; Starkey et al., 2018; Valkenburg, Peter, 2008).

Как показал анализ, основные направления междисциплинарных исследований цифровой идентичности сконцентрировались вокруг нескольких тем (Bouvier, 2012; Зинченко и др., 2018; Montgomery, Chester, Milosevic, 2017):

1. Соотношение онлайн- и офлайн-идентичности, а также сходство между Я-реальным, Я-виртуальным и Я-идеальным – в какой степени представление себя в соцсетях отражает реальную идентичность, влияет ли виртуальная идентичность на идентичность офлайн, использование «украденной» или «фальшивой» идентичности, личностные проблемы, скрывающиеся

за демонстративностью, искаженной самопрезентацией, приписыванием себе несуществующих качеств и приукрашиванием себя, модели взаимосвязи онлайн- и офлайн-идентичности (Hogan, Strasburger, 2018; Vanman et al., 2018).

2. Позитивное влияние предоставляемых соцсетями возможностей конструирования идентичности для личностного развития в детском и подростковом возрасте – большая взвешенность и обдуманность онлайн-идентичности в связи с наличием большего времени для ее осмысления и конструирования, расширение круга значимых других, возможность приобщения к «глобальной культуре», обретение автономии и самостоятельности.

3. Негативное влияние онлайн идентичности на формирование личности в детском и подростковом возрасте – угроза радикализации в подростковой среде (Bhui, Ibrahim 2013), феномен кибербуллинга, в том числе в связи с расовой и этнической принадлежностью, что, наряду с другими тяжелыми последствиями для личности детей и подростков представляет угрозу формированию позитивной личностной идентичности.

4. Представленность различных аспектов или «режимов идентичности» в соцсетях и возможности для их изучения (Bouvier, 2012) – идентичность как стиль жизни или ее потребительский аспект, этнокультурные аспекты идентичности. Все более важное место в исследованиях идентичности в виртуальном пространстве отводится изучению культурной, гражданской, религиозной и этнической идентичности (Зинченко и др., 2018). В то же время, исследование трансформаций различных аспектов идентичности в цифровом обществе все еще представляет собой мало освоенную тему, в связи с чем возникают требующие решения проблемы на всех уровнях методологии – от определения понятий до разработки конкретных методов исследования (Зинченко, Шайгерова, Шилко, в печати).

Этнокультурная идентичность современного человека, как и другие аспекты идентичности, неизбежно испытывает

на себе влияние цифровой среды. Актуальность ее всестороннего исследования определяется существенными характеристиками современного общества такими, как глобализация, тесное взаимодействие культур, поликультурность. Изучение этнокультурных аспектов онлайн-идентичности подростков, принадлежащих к разным этническим группам, проживающих в различных социокультурных условиях и исповедующих разные религии, может способствовать всестороннему рассмотрению проблемы конструирования этнокультурной идентичности в цифровом обществе, сопоставлению Я-реального и Я-виртуального, выявлению влияния цифрового общества на формирование коллективной этнокультурной идентичности и определению рисков возникновения деформации различных ее аспектов, а также рисков распространения негативных установок, ксенофобии, межгрупповой неприязни и вражды (Зинченко, Шайгерова, Шилко, в печати).

Изучение этнокультурных аспектов онлайн-идентичности подростков, принадлежащих к разным этническим группам, проживающих в различных социокультурных условиях и исповедующих разные религии, может способствовать всестороннему рассмотрению проблемы конструирования этнокультурной идентичности в цифровом обществе, сопоставлению Я-реального и Я-виртуального, выявлению влияния цифрового общества на формирование коллективной этнокультурной идентичности и определению рисков возникновения деформации различных ее аспектов

Результаты сравнительных исследований свидетельствуют, что использование социальных сетей представителями молодого поколения и их поведение в интернете опосредовано социокультурной средой (Makri & Schlegelmilch, 2017). Например, выявлено, что представители коллективистских культур чаще используют социальные сети для общения с друзьями, а пользователи из индивидуалистических культур больше внимания уделяют развлекательной стороне социальных сетей (Kim et al., 2011). При этом американские студенты проводят больше времени в социальных сетях и имеют в них больше друзей, по сравнению с китайскими и корейскими студентами (Jackson, Wang, 2013; Park, Jun, Lee, 2013).

Не только поведение в интернете, но и влияние социальных сетей на психическое здоровье и психологическое благополучие опосредуется культурой. Так,

канадские подростки, которые тратят на социальные сети более двух часов в день, демонстрируют значительно более высокий уровень психологического стресса и более выраженные суицидальные идеи, по сравнению с теми подростками, которые проводят в социальных сетях менее двух часов ежедневно (Sampasa-Kanyinga, Lewis, 2015). Также исследование связи психологического благополучия и времени, ежедневно проводимого в интернете, у российских подростков из нескольких субъектов федерации, показало, что, чем больше времени подростки проводят в интернете, тем более несчастными, нервными и напряженными они себя чувствуют. Самый низкий уровень психологического благополучия выявлен у тех подростков, которые проводят в интернете более четырех часов в день, а самый высокий – у тех, кто проводит в интернете менее двух часов в день (Shilko et al., 2019). При этом, например, у южнокорейских студентов не выявлено связи между временем, проводи-

мым в социальных сетях, и психологическим благополучием, но те, у кого больше друзей в социальных сетях, демонстрируют более высокий уровень психологического благополучия (Lee, Lee, Kwon, 2011).

То, что Я-онлайн так же, как и Я-офлайн, носит культурно опосредованный характер, проявляется, в частности, в самопрезентации в сети и в раскрываемой подростками информации о себе (Собкин, Федотова, 2018). Так, было выявлено, что пользователи социальной сети «ВКонтакте», проживающие в разных субъектах Российской Федерации, предоставляют разные аспекты информации о себе и делают акцент на разных аспектах идентичности. Кроме того, подростки-пользователи из разных интернет-сообществ с разной готовностью раскрывают информацию о себе (Зинченко и др., 2018).

Использование социальных сетей включает в себя целый ряд показателей,

характеризующих цифрового субъекта такие, как время, проводимое ежедневно в социальных сетях, цели использования социальных сетей, количество друзей, виды активности, особенности предоставляемой пользователем информации о себе (Солдатова, Теславская, 2018). Существенным показателем, характеризующим личностную идентичность подростка, яв-

модифицировать и распространять программы. Язык R обладает важными достоинствами и широкими преимуществами такими, как гибкость, надежность повторного анализа и обширные возможности визуализации. Язык R поддерживает широкий спектр количественных методов обработки данных и проверки статистических гипотез, а также имеет большие

разных пользователей или в разных группах. Выбор сообщений за какой-то определенный промежуток времени не приводит к решению этой проблемы, поэтому для каждого сообщества были выбраны для анализа 300 последних постов. На основе анализа этих данных определялось среднее количество постов в день, медианное количество «лайков» (отметок «нравится») и комментариев для каждого сообщества. Для отображения реальной активности пользователей в сообществах в качестве меры центральной тенденции для «лайков» и постов была выбрана медиана. Это позволило предотвратить смещение оценки из-за выбросов, особенно в виде постов с виральным охватом (количество пользователей, увидевших пост в сообществе, например, в репосте у друга, но не состоящих в нем) и постов, на которые было чрезмерно большое либо, наоборот, чрезмерно малое количество откликов.

Существенным показателем, характеризующим личностную идентичность подростка, являются конкретные социальные сети, которые он использует, и совокупность сообществ, в которых он состоит, а связи между этими сообществами можно рассматривать как отражение коллективной идентичности

ляются конкретные социальные сети, которые он использует, и совокупность сообществ, в которых он состоит, а связи между этими сообществами можно рассматривать как отражение коллективной идентичности. Таким образом, изучение связей между сообществами, имеющими отношение к различным аспектам этнокультурной идентичности, и сравнение подобных связей в контексте социокультурного опосредования может предоставить ценный материал для анализа не только поведения подростков в интернете, но и в офлайн-реальности.

возможности расширения функционального потенциала за счет использования библиотек готовых функций для выполнения различных специальных задач (Cheung, Jak, 2016). Для сбора, обработки и визуализации данных использовались дополнительные библиотеки: tidyverse, httr, RCurl, rvkstat, vkR, lubridate, igraph, RColorBrewer, jsonlite, openxlsx.

В качестве исходных данных для каждого региона были использованы названия сообществ и их идентификационные номера (ID). Сообщества по каждому субъекту федерации были подобраны в соответствии с пятью аспектами этнокультурной идентичности: региональным, этническим, религиозным, культурным и общероссийским (от двух до шести групп по каждому аспекту). Некоторые сообщества (общероссийский, религиозный и культурный аспекты) совпадали в нескольких субъектах федерации, в таком случае они включались в анализ несколько раз посредством выбора пользователей, проживающих в конкретном субъекте федерации.

Данные пользователей. Изначально при извлечении данных в качестве основного элемента выступал не индивидуальный пользователь, а пользователь-группа, то есть данные одного и того же индивидуального пользователя могли извлекаться несколько раз, если он состоял в нескольких сообществах. После извлечения данных пользователей из сообществ была проведена систематизация таким образом, что список сообществ был составлен для каждого индивидуально-пользователя. Затем отбирались только те пользователи, у которых была указана дата рождения, и вычислялся возраст отобранных пользователей на 1 сентября 2019 года, после чего отбирались те пользователи, которым на эту дату исполнилось от 14 до 18 лет.

Проведение исследования

Целью данного исследования было изучение возможностей применения анализа социальных сетей к изучению этнокультурной идентичности российских подростков.

Методика. В соответствии с целью исследования был проведен анализ 47 сообществ из социальной сети «ВКонтакте» из восьми субъектов Российской Федерации: г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Республики Дагестан, Республики Крым, Краснодарского края, Ростовской области и Кемеровской области. В данной работе анализируются результаты, полученные по двум субъектам федерации – г. Москве и г. Санкт-Петербургу. Анализ был выполнен посредством создания кода на языке R (R 3.6.1 + R Studio 1.2.1335), распространяющимся по общей открытой лицензии (GNU General Public License) на программное обеспечение, позволяющее копировать,

Обработка данных

Данные сообществ. После извлечения данных всей выборки пользователей было подсчитано общее количество пользователей для каждого сообщества. Поскольку частота написания сообщений (постов) у разных пользователей существенно варьировалась, то использование всего массива сообщений было бы сопряжено с появлением неравномерности в объеме информации (количестве сообщений) от

Была собрана только та информация о каждом пользователе, которая доступна при просмотре профиля другим (незнакомым) пользователем. То есть, некоторые поля могли оказаться незаполненными, либо скрытыми настройками приватности.

Визуализация

Для наглядной демонстрации взаимосвязей между сообществами строился ненаправленный граф, в котором вершины репрезентировали сообщества, а ребра

(дуги) – количество общих членов сообществ, взвешенное для каждой пары групп относительно объема меньшей группы. Таким образом, сила связи между большими группами уравнивалась и зачастую даже превосходила силу связи между большими группами, где пересечения пользователей могли происходить статистически значительно чаще. Граф был построен с помощью библиотеки igraph для анализа социальных сетей. Настройка размеров вершин, их подписей, заливки и связей была произведена там же. Размер ребра (дуги) устанавливался пропорционально в зависимости от взвешенного числа общих членов группы.

Результаты исследования

Для исследования были отобраны наиболее многочисленные 12 сообществ в социальной сети «ВКонтакте», связанные с г. Москвой и г. Санкт-Петербургом по интересующим нас аспектам этнокультурной идентичности (табл. 1). Изучение возрастного состава пользователей показывает, что представленность в них пользователей в возрасте от 14 до 18 лет значительно ниже, по сравнению с пользователями других возрастных групп (4,3% от всех участников сообществ в Москве и 3,8% от всех участников сообществ в Санкт-Петербурге). В то же время, крупное всероссийское сообщество, связанное с гражданской идентичностью (Россия), пользуется популярностью у молодежи – в нем состоит 37,4% подростков от общего числа всех пользователей сообщества по всем субъектам федерации. В целом, процентное соотношение подростков во всех изучаемых сообществах относительно равномерное, с большей представленностью молодежи в тех сообществах, контент которых связан с региональной и религиозной темами.

Визуальный анализ графа (рис. 1) позволяет выделить три группы связей между сообществами, в которых состоят подростки из г. Москвы. Наиболее сильные связи выявлены между сообществами с этническим контентом («Я русский», «Я – русский»). Вторая группа представлена

Табл. 1. Тематическая характеристика выборки анализируемых сообществ

Основной контент сообществ (аспект этнокультурной идентичности)	Сообщества
Региональный	Моя Москва,
	Моя Москва. Люблю свой город,
	Санкт-Петербург — это мой город! Питер СПб
Религиозный	Ислам,
	Я люблю Ислам,
	Я – Христианин,
Культурный	Верую + Православие
	Москва: История Москвы,
	Санкт-Петербург История Питера
Этнический	Я русский,
	Я – русский
Гражданский	Россия

Table 1. Samples by thematic component

Main content of communities (aspect of ethnocultural identity)	Community
Regional	My Moscow,
	My Moscow. I love my city
	St. Petersburg is my city! Piter SPB
Religious	Islam,
	I love Islam
	I'm a Christian,
Cultural	I believe + Orthodoxy
	Moscow: History of Moscow,
	Saint Petersburg History of Pieter
Ethnic	I'm russian
	I am russian
Civilian	Russia

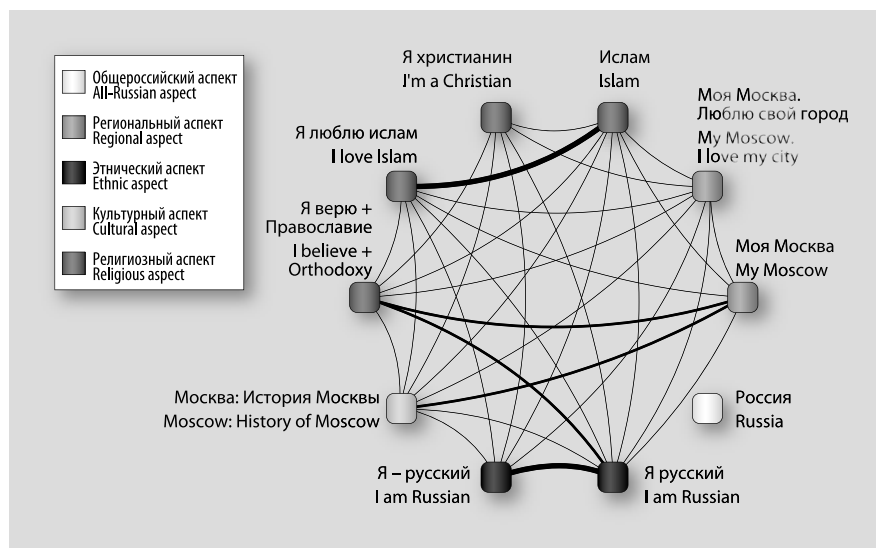


Рис. 1. Граф связей изучаемых сообществ сети ВКонтакте в г. Москве (относительный)

Fig 1. Relations between communities of the VKontakte network in Moscow (relative)

сильными связями между сообществами, контент которых относится к религиозным аспектам («Я люблю Ислам», «Ислам»). Третья группа включает свя-

зи между сообществом «Моя Москва» и сообществами, в которых представлен религиозный и культурный контент («Верую + Православие», «Москва: Исто-

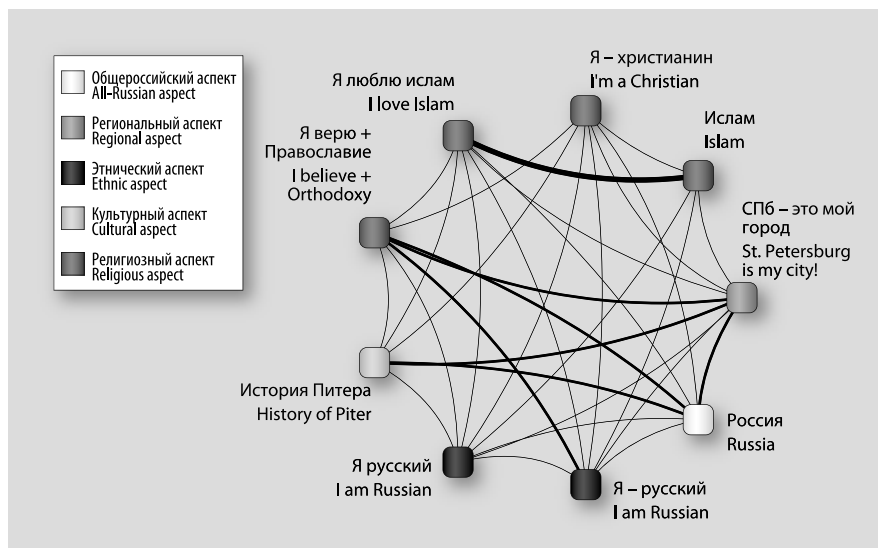


Рис. 2. Граф связей сообществ сети Вконтакте в г. Санкт-Петербурге (относительный)

Fig 2. Relations between communities of the VKontakte network in St.-Petersburg (relative)

рия Москвы»). Достаточно сильно выражена также связь сообществ «Верую + Православие» и «Я – русский». Общероссийское сообщество «Россия» у подростков-пользователей из Москвы не связано ни с одним из рассматриваемых сообществ по данному субъекту федерации.

Визуальный анализ графа сообществ в г. Санкт-Петербурге (рис. 2) позволяет выделить четыре группы связей между сообществами. В первой группе наиболее сильно выражена связь между сообществами с контентом этнической направленности («Я русский», «Я – русский») и сообществом с контентом гражданской направленности («Россия»). В представленном графе толщина ребра между этими сообществами имеет максимальную величину. Вторая группа представлена связями между сообществами, в центре

Табл. 2. Показатели активности сообществ в г. Москве и г. Санкт-Петербурге, рассчитанные на основе последних 300 постов

Сообщества	Показатели активности				
	Численность сообщества (общая), чел.	Численность сообщества (подростки), чел.	Количество постов в день, шт.	Медиана лайков, шт.	Медиана комментариев, шт.
Моя Москва	214612	4865	0,29	117	1
Моя Москва. Люблю свой город	268156	22802	0,43	2	0
СПб – это мой город!	575554	13107	0,07	1019	8
Ислам	438618	33747	2,78	321,5	3,5
Я – христианин	29898	2469	0,1	332	0
Я люблю Ислам	519514	28840	1,47	460,5	0
Верую + Православие	1782079	51426	14,29	1792,5	0
Москва: история Москвы	84902	3903	0,52	88	1
Санкт-Петербург: история Питера	113660	4877	0,52	91,5	3
Я русский	282367	11608	10	104	1
Я – русский	84264	868	0,68	46,5	2,5
Россия	761065	284889	5,26	1595,5	31

Table 2. Community activity in Moscow and St. Petersburg based on the recent 300 posts

Community	Activity Indicators				
	Community size (total), prns	Community size (adolescents), prns	Posts per day, N	Likes Median, N	Comments Median, N
My Moscow	214612	4865	0.29	117	1
My Moscow. I love my city	268156	22802	0.43	2	0
St. Petersburg is my city!	575554	13107	0.07	1019	8
Islam	438618	33747	2.78	321.5	3.5
I'm christian	29898	2469	0.1	332	0
I love Islam	519514	28840	1.47	460.5	0
I believe + Orthodoxy	1782079	51426	14.29	1792.5	0
Moscow: history of Moscow	84902	3903	0.52	88	1
Saint Petersburg: history of Piter	113660	4877	0.52	91.5	3
I'm russian	282367	11608	10	104	1
I am russian	84264	868	0.68	46.5	2.5
Russia	761065	284889	5.26	1595.5	31

которых религиозный контент («Я люблю Ислам», «Ислам»). В третьей группе связаны сообщества, репрезентирующие этнический («Я – русский»), религиозный («Верую + Православие») и общероссийский («Россия») аспекты. Четвертая группа связей объединяет сообщества, контент которых имеет отношение к региону («СПб – этой мой город»), культуре («История Питера») и религии («Верую + Православие»). Также имеется достаточно выраженная связь между сообществом «История Питера» и общероссийским сообществом «Россия».

Визуальный анализ графов сообществ показывает, что пользователи-подростки из г. Москвы из всех охваченных сообществ не состоят в сообществе общероссийского характера, в то время как пользователи из различных сообществ г. Санкт-Петербурга входят и в сообщество «Россия», особенно те, которые состоят в сообществах, контент которых посвящен этническим и культурным вопросам. В обоих субъектах федерации сообщества, контент которых посвящен культуре и региону, связаны между собой. Также наблюдаются сходные тенденции в связях сообществ, посвященных религиозному контенту.

Как видно в табл. 2, наибольшая активность пользователей по количеству постов в день наблюдается в сообществах, в центре обсуждения которых религиозный контент («Верую + Православие») и этнический контент («Я русский»), а также в сообществе «Россия». Наибольшая активность лайков отмечается в сообществах, посвященных теме религии («Верую + Православие»), в сообществах «Россия» и «СПб – это мой город!». Больше всего комментариев пользователи оставляют в сообществе «Россия». Наименьшей активностью по количеству постов, лайков и комментариев отличаются сообщества «Москва: история Москвы», «Моя Москва. Люблю свой город», и «Я – Русский».

Таким образом, среди пользователей-подростков из Москвы и Санкт-Петербурга из рассматриваемых сообществ наиболее сильно связаны между собой сообщества с этническим контентом. Кроме того, в этих сообществах, а также в сообществах, контент которых посвящен религиозной тематике, проявляется достаточно высокая активность пользователей-подростков.

Среди пользователей-подростков из Москвы и Санкт-Петербурга из рассматриваемых сообществ наиболее сильно связаны между собой сообщества с этническим контентом. Кроме того, в этих сообществах, а также в сообществах, контент которых посвящен религиозной тематике, проявляется достаточно высокая активность пользователей-подростков

При этом стоит отметить, что для подростков Москвы не выявлены связи гражданской идентичности с другими аспектами этнокультурной идентичности (то есть подростки-пользователи из Москвы, состоящие в сообществе «Россия», не состоят в других изучаемых сообществах), в отличие от подростков-пользователей из Санкт-Петербурга, для которых характерно состоять одновременно в сообществе «Россия» и в ряде других сообществ. Полученные результаты подтверждают результаты социально-психологического исследования этнокультурной идентичности, проведенного нами в соответствующих субъектах федерации в 2016 году – гражданская общероссийская идентичность более значима в системе этнокультурной идентичности подростков-респондентов из г. Санкт-Петербурга, по сравнению с подростками-респондентами из г. Москвы, где гражданская идентичность

хологического исследования свидетельствуют, что полученные посредством анализа социальных сетей данные, извлеченные из деятельности пользователей в интернет-сообществах, отражают закономерности, выявленные в ходе социально-психологического исследования, проведенного посредством опроса респондентов той же возрастной категории, что и охваченные анализом социальных сетей пользователи интернет-сообществ (российские подростки в возрасте от 14 до 18 лет). Социокультурный контекст, таким образом, опосредует онлайн-идентичность и офлайн-идентичность сходным образом, что подтверждается выявленными различиями в связях интернет-сообществ в разных субъектах федерации. Значит, изучение связей между совокупностью интернет-сообществ, в которые вступают подрост-

Изучение связей между совокупностью интернет-сообществ, в которые вступают подростки, может предоставить ценные данные для получения представления о коллективной идентичности (не только виртуальной, но и реальной) целого поколения, формирование которой опосредовано конкретной социокультурной средой

в системе этнокультурной идентичности отходит на второй план (Российская идентичность ..., 2017).

Выводы

1. Результаты проведенного исследования продемонстрировали актуальность и имеющиеся перспективы анализа социальных сетей, позволяющего охватить широкие слои пользователей интернет-сообществ, для изучения этнокультурной идентичности в цифровой среде.
2. Анализ связей между изучаемыми сообществами социальной сети «ВКонтакте» в двух субъектах федерации (в г. Москве и в г. Санкт-Петербурге) и сопоставление результатов с данными проведенного нами ранее в тех же субъектах федерации социально-пси-

ки, может предоставить ценные данные для получения представления о коллективной идентичности (не только виртуальной, но и реальной) целого поколения, формирование которой опосредовано конкретной социокультурной средой.

3. Несмотря на достаточно длительное применение анализа социальных сетей в социологии и других науках, в психологии этот метод все еще носит поисковый характер. Хотя большие данные предоставляют уникальные возможности для изучения человеческой деятельности и идентичности, особенно учитывая их «цифровое опосредование» в современном обществе, по сравнению с традиционными методами психологических исследований, подходы к их анализу и интерпретации требуют дополнительной разработки

с опорой на тесное междисциплинарное взаимодействие различных наук и направлений и необходимого сопоставления их результатов с результатами, полученными другими методами.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование выполнено при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 15-18-00109.

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No 15-18-00109).

Литература:

- Дубровина И.В. Психологические проблемы воспитания детей и школьников в условиях информационного общества // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 1(29). – С. 6–16. doi: 10.11621/npj.2018.0101
- Емелин В.А. Киберкультура и сетевое либертарианство // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 3(31). – С. 3–11. doi: 10.11621/npj.2018.0301
- Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Шилко Р.С. Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности детей и подростков в цифровом обществе (В печати).
- Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Долгих А.Г., Ваханцева О.В. Исследование идентичности подростков, воспитывающихся в современной российской семье: возможности глубинного анализа данных (data mining) // Психологические проблемы современной семьи : сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции 3–6 октября 2018 года / под редакцией Карабановой О.А., Васягиной Н.Н. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 14–25.
- Карпов Д.В. Теория графов – Санкт-Петербург, 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://logic.pdmi.ras.ru/~dvk/graphs_dk.pdf
- Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – Т. 33. – № 1. – С. 34–46.
- Курносова Е. Социальные сети в цифрах. 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf – (дата обращения: 02.09.2019).
- Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Когнитивные способы переработки социальной информации из интернет-сети в подростковом возрасте // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 3(31). – С. 57–68. doi: 10.11621/npj.2018.0306
- Российская идентичность. Психологическое благополучие. Социальная стабильность : научная монография / под ред. Зинченко Ю.П. – Москва : Издательство Московского университета, 2017. – 520 с.
- Собкин В.С., Федотова А.В. Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 3(31). – С. 23–30. doi: 10.11621/npj.2018.0303
- Солдатова Г.У. Цифровое поколение, или Главный гуманитарный вызов взрослым в XXI веке // Академический вестник. Научно-практический журнал Академии социального управления. – 2017. – Т. 3. – № 25. – С. 3–6.
- Солдатова Г.У., Олькина О. 100 друзей. Круг общения подростков в социальных сетях // Дети в информационном обществе. – 2016. – № 24. – С. 24–33.
- Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях // Национальный психологический журнал, 2018. – № 3(31). – С. 12–22. doi: 10.11621/npj.2018.0302.
- Alhaji R., & Rokne J. (Eds.) (2018). Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining. Second Edition. New York: Springer. doi: 10.1007/978-1-4939-7131-2
- Barbier, Geoffrey & Liu, Huan. (2011). Data Mining in Social Media. doi: 10.1007/978-1-4419-8462-3_12.
- Barak, A., & Suler, J. (2012). Reflections on the psychology and social science of cyberspace In A. Barak (Ed.) Psychological aspects of cyberspace. *Theory, research, applications*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1–12. doi: 10.1017/CBO9780511813740.002
- Barassi, V. (2017). Digital citizens? Data traces and family life. *Contemporary Social Science*, 12(1–2), 84–95. doi: 10.1080/21582041.2017.1338353
- Bennett, C., Ryall, J., Spalteholz, L., Gooch, A. (2007). The aesthetics of graph visualization. In S. N. Spencer (Ed.), *Proceedings of computational aesthetics in graphics, visualization, and imaging*. New York, NY: Association for Computing Machinery, 57–64.
- Bhui, K., & Ibrahim, Y. (2013). Marketing the “radical”: Symbolic communication and persuasive technologies in jihadist websites. *Transcultural Psychiatry*, 50(2), 216–234. doi: 10.1177/1363461513479329
- Bouvier G. (2012). How Facebook users select identity categories for self-presentation. *Journal of Multicultural Discourses*, 7(1), 37–57. doi: 10.1080/17447143.2011.652781
- Bouvier, G. (2015). What is a discourse approach to Twitter, Facebook, YouTube and other social media: connecting with other academic fields? *Journal of Multicultural Discourses*, 10(2), 149–162. doi: 10.1080/17447143.2015.1042381
- Butts, C.T. (2008). Social network analysis: A methodological introduction. *Asian Journal of Social Psychology*, 11, 13–41. doi: 10.1111/j.1467-839X.2007.00241.x
- Butts, C.T., & Pixley, J.E. (2004). A structural approach to the representation of life history data. *Journal of Mathematical Sociology*, 28(2), 81–124. doi: 10.1080/00222500490448208
- Can, U., & Alatas, B. (2019). A new direction in social network analysis: Online social network analysis problems and applications. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 535, 122372. doi: 10.1016/j.physa.2019.122372.
- Cheung, M.W.-L., & Jak S. (2016). Analyzing Big Data in Psychology: A Split/Analyze/Meta-Analyze Approach. *Frontiers in Psychology*, 8, 738. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00738
- Freeman, L.C. The Development of Social Network Analysis. Vancouver: Empirical Press, 2004.
- Goriunova, O. (2019). The Digital Subject: People as Data as Persons. *Theory, Culture & Society*. DOI: 10.1177/0263276419840409

- Hogan, M., & Strasburger, V.C. (2018). Social Media and New Technology: A Primer. *Clinical Pediatrics*, 57(10), 1204–1215. doi: 10.1177/0009922818769424
- Jackson, L.A., & Wang, J.-L. (2013). Cultural differences in social networking site use: A comparative study of China and the United States. *Computers in Human Behavior*, 29, 910–921. doi: 10.1016/j.chb.2012.11.024
- Jacomy, M., Venturini, T., & Heymann, S., Bastian, M. (2014). ForceAtlas2, a continuous graph layout algorithm for handy network visualization designed for the Gephi software. *PLoS One*, 9, e98679. doi: 10.1371/journal.pone.0098679
- Kim, J., Lee, J.-E.R. (2011). The Facebook paths to happiness: Effects of the number of Facebook friends and self-presentation on subjective well-being. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14, 359–364. doi: 10.1089/cyber.2010.0374
- Kirmayer, L.J., Raikhel, E., & Rahimi, S. (2013). Cultures of the Internet: Identity, community and mental health. *Transcultural Psychiatry*, 50(2), 165–191. doi: 10.1177/1363461513490626
- Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., & Teplova L.I. (2019). Internet activity and problem use of the Internet in youth. *National Psychological Journal*, 33(1), 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104
- Lee, G., Lee, J., & Kwon, S. (2011). Use of social-networking sites and subjective well-being: A study in South Korea. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 14, 151–155. doi: 10.1089/cyber.2009.0382
- Makri, K., & Schlegelmilch, B.B. (2017). Time orientation and engagement with social networking sites: A cross-cultural study in Austria, China and Uruguay. *Journal of Business Research*, 80, 155–163. doi: 10.1016/j.jbusres.2017.05.016
- McGrath, C., Blythe, J., & Krackhardt, D. (2014). Visualizing multiple levels and dimensions of social network properties. In: W. Huang (Ed.), *Handbook of human centric visualization*. New York, NY: Springer, 513–525. doi: 10.1007/978-1-4614-7485-2_20
- Mcguire H.A., Markus M.J., Kionga-Kamau P.M., & Smith B.N. (2013). Social network analysis. Google Patents.
- Montgomery, K.C., Chester, J., & Milosevic, T. (2017). Children's privacy in the big data era: Research opportunities. *Pediatrics*, 140(2), 117–121. doi: 10.1542/peds.2016-17580
- Most Popular Social Networks Worldwide as of 2019, ranked by number of active users (in millions). Retrieved from: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users>. (accessed: 02.09.2019).
- Park Y.J., Chung J.E., & Shin D.H. (2018). The Structuration of Digital Ecosystem, Privacy, and Big Data Intelligence. *American Behavioral Scientists*, 62(10), 1319–1337. doi: 10.1177/0002764218787863
- Sampasa-Kanyinga, H., & Lewis, R.F. (2015). Frequent use of social networking sites is associated with poor psychological functioning among children and adolescents. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 18, 380–385. doi: 10.1089/cyber.2015.0055
- Schneider F., Feldmann A., Krishnamurthy B., & Willinger W. (2009). Understanding online social network usage from a network perspective. Proceedings of the 9th ACM SIGCOMM Conference on Internet Measurement. Chicago, Illinois, USA. doi: 10.1145/1644893.1644899
- Shilko, R., Shaigerova, L., Dolgikh, A., Vakhantseva, O., Almazova, O., Zinchenko Yu. (2019). Connection between the amount of time spent by Russian teenagers on the Internet and their psychological well-being. *European Psychiatry*, 56(S1), 208–208.
- Starkey, L., Eppel, E.A., & Sylvester, A. (2018). How do 10-year-old New Zealanders participate in a digital world? *Information, Communication & Society*. doi:10.1080/1369118X.2018.1472795
- Tang L., & Liu H. (2010). Graph mining applications to social network analysis. *Managing and Mining Graph Data. Advances in Database Systems*, 40. doi: 10.1007/978-1-4419-6045-0_16.
- The Top 20 Valuable Facebook Statistics – Updated 2019. Retrieved from: <https://zephoria.com/top-15-valuable-facebook-statistics>. (accessed: 02.09.2019).
- Valkenburg, P.M., Peter, J. (2008). Adolescents' identity experiments on the internet: Consequences for social competence and self-concept unity. *Communication Research*, 35(2), 208–231. doi: 10.1177/0093650207313164
- van der Merwe, P. (2017). Adolescent identities in the cyberworld. *Journal of Psychology in Africa*, 27(2), 203–207. doi: 10.1080/14330237.2017.1303129
- van Kokswijk, J. (2008). Granting personality to a virtual identity. *International Journal of Humanities and Social Science*, 2(4), 207–215.
- Vanman, E.J., Baker, R., Tobin, S.J. (2018). The burden of online friends: the effects of giving up Facebook on stress and well-being. *The Journal of Social Psychology*, 158(4), 496–507. doi: 10.1080/00224545.2018.1453467
- Yousefi Nooraie, R., E.M. Sale, J., Marin, A., Ross, L.E. (2018). Social Network Analysis: An Example of Fusion Between Quantitative and Qualitative Methods. *Journal of Mixed Methods Research*. doi: 10.1177/1558689818804060.

References:

- Alhajj R., & Rokne J. (Eds.) (2018). *Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining*. Second Edition. New York: Springer. doi: 10.1007/978-1-4939-7131-2
- Barbier, Geoffrey & Liu, Huan. (2011). Data Mining in Social Media. doi: 10.1007/978-1-4419-8462-3_12.
- Barak, A., & Suler, J. (2012). Reflections on the psychology and social science of cyberspace In A. Barak (Ed.) *Psychological aspects of cyberspace. Theory, research, applications*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1–12. doi: 10.1017/CBO9780511813740.002
- Barassi, V. (2017). Digital citizens? Data traces and family life. *Contemporary Social Science*, 12(1–2), 84–95. doi: 10.1080/21582041.2017.1338353
- Bennett, C., Ryall, J., Spalteholz, L., Gooch, A. (2007). The aesthetics of graph visualization. In S. N. Spencer (Ed.), *Proceedings of computational aesthetics in graphics, visualization, and imaging*. New York, NY: Association for Computing Machinery, 57–64.
- Bhui, K., & Ibrahim, Y. (2013). Marketing the “radical”: Symbolic communication and persuasive technologies in jihadist websites. *Transcultural Psychiatry*, 50(2), 216–234. doi: 10.1177/1363461513479329
- Bouvier G. (2012). How Facebook users select identity categories for self-presentation. *Journal of Multicultural Discourses*, 7(1), 37–57. doi:

10.1080/17447143.2011.652781

Bouvier, G. (2015). What is a discourse approach to Twitter, Facebook, YouTube and other social media: connecting with other academic fields? *Journal of Multicultural Discourses*, 10(2), 149–162. doi: 10.1080/17447143.2015.1042381

Butts, C.T. (2008). Social network analysis: A methodological introduction. *Asian Journal of Sociol Psychology*, 11, 13–41. doi: 10.1111/j.1467-839X.2007.00241.x

Butts, C.T., & Pixley, J.E. (2004). A structural approach to the representation of life history data. *Journal of Mathematical Sociology*, 28(2), 81–124. doi: 10.1080/00222500490448208

Can, U., & Alatas, B. (2019). A new direction in social network analysis: Online social network analysis problems and applications. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 535, 122372. doi: 10.1016/j.physa.2019.122372.

Cheung, M.W.-L., & Jak S. (2016). Analyzing Big Data in Psychology: A Split/Analyze/Meta-Analyze Approach. *Frontiers in Psychology*, 8, 738. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00738

Dubrovina I.V. (2018). Psychological issues of education of kindergarten children and school children in the information society. *National Psychological Journal*, 11(1), 6–16. doi: 10.11621/npj.2018.0101

Emelin V.A. (2018). Cyberculture and network libertarianism. *National Psychological Journal*, 11(3), 3–11. doi: 10.11621/npj.2018.0301

Freeman, L.C. *The Development of Social Network Analysis*. Vancouver: Empirical Press, 2004.

Goriunova, O. (2019). The Digital Subject: People as Data as Persons. Theory, Culture & Society. DOI: 10.1177/0263276419840409

Hogan, M., & Strasburger, V.C. (2018). Social Media and New Technology: A Primer. *Clinical Pediatrics*, 57(10), 1204–1215. doi: 10.1177/0009922818769424

Jackson, L.A., & Wang, J.-L. (2013). Cultural differences in social networking site use: A comparative study of China and the United States. *Computers in Human Behavior*, 29, 910–921. doi: 10.1016/j.chb.2012.11.024

Jacomy, M., Venturini, T., & Heymann, S., Bastian, M. (2014). ForceAtlas2, a continuous graph layout algorithm for handy network visualization designed for the Gephi software. *PLoS One*, 9, e98679. doi: 10.1371/journal.pone.0098679

Karpov D.V. (2017). The Theory of Earls. St. Petersburg, Retrieved from: https://logic.pdmi.ras.ru/~dvk/graphs_dk.pdf. (accessed: 02.09.2019).

Kim, J., Lee, J.-E.R. (2011). The Facebook paths to happiness: Effects of the number of Facebook friends and self-presentation on subjective well-being. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14, 359–364. doi: 10.1089/cyber.2010.0374

Kirmayer, L.J., Raikhel, E., & Rahimi, S. (2013). Cultures of the Internet: Identity, community and mental health. *Transcultural Psychiatry*, 50(2), 165–191. doi: 10.1177/1363461513490626

Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., & Teplova L.I. (2019). Internet activity and problem use of the Internet in youth. *National Psychological Journal*, 33(1), 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104

Kurnosova, E. (2019). Social networks in numbers. Retrieved from https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf. (accessed: 02.09.2019).

Lee, G., Lee, J., & Kwon, S. (2011). Use of social-networking sites and subjective well-being: A study in South Korea. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 14, 151–155. doi: 10.1089/cyber.2009.0382

Makri, K., & Schlegelmilch, B.B. (2017). Time orientation and engagement with social networking sites: A cross-cultural study in Austria, China and Uruguay. *Journal of Business Research*, 80, 155–163. doi: 10.1016/j.jbusres.2017.05.016

McGrath, C., Blythe, J., & Krackhardt, D. (2014). Visualizing multiple levels and dimensions of social network properties. In: W. Huang (Ed.), *Handbook of human centric visualization*. New York, NY: Springer, 513–525. doi: 10.1007/978-1-4614-7485-2_20

Mcguire H.A., Markus M.J., Kionga-Kamau P.M., & Smith B.N. (2013). Social network analysis. Google Patents.

Molchanov S.V., Almazova O.V., & Poskrebisheva N.N. (2018). Cognitive methods of processing social information on the Internet in adolescence. *National Psychological Journal*, 11(3), 57–68. doi: 10.11621/npj.2018.0306

Montgomery, K.C., Chester, J., & Milosevic, T. (2017). Children's privacy in the big data era: Research opportunities. *Pediatrics*, 140(2), 117–121. doi: 10.1542/peds.2016-1758O

Most Popular Social Networks Worldwide as of 2019, ranked by number of active users (in millions). Retrieved from: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users>. (accessed: 02.09.2019).

Nestik, T.A. (2017). Development of digital technologies and the future of psychology (in Russian). [*Vestnik Moskovskogo Regional'nogo gosudarstvennogo universiteta*]. Series «Psychological science, 3, 6–15. doi: 10.18384/2310-7235-2017-3-6-15

Park Y.J., Chung J.E., & Shin D.H. (2018). The Structuration of Digital Ecosystem, Privacy, and Big Data Intelligence. *American Behavioral Scientists*, 62(10), 1319–1337. doi: 10.1177/0002764218787863

Sampasa-Kanyinga, H., & Lewis, R.F. (2015). Frequent use of social networking sites is associated with poor psychological functioning among children and adolescents. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 18, 380–385. doi: 10.1089/cyber.2015.0055

Schneider F., Feldmann A., Krishnamurthy B., & Willinger W. (2009). Understanding online social network usage from a network perspective. Proceedings of the 9th ACM SIGCOMM Conference on Internet Measurement. Chicago, Illinois, USA. doi: 10.1145/1644893.1644899

Shilko, R., Shaigerova, L., Dolgikh, A., Vakhantseva, O., Almazova, O., Zinchenko Yu. (2019). Connection between the amount of time spent by Russian teenagers on the Internet and their psychological well-being. *European Psychiatry*, 56(S1), 208–208.

Sobkin V.S., & Fedotova A.V. (2018). Adolescent in social networks: on the issue of social psychological well-being. *National Psychological Journal*, 11(3), 23–30. doi: 10.11621/npj.2018.0303

Soldatova G.U. (2017). Digital generation, or the Main humanitarian challenge for adults in the 21st century. [*Akademicheskij vestnik. Nauchno-prakticheskij zhurnal Akademii sotsial'no upravleniya*], 3(25), 3–6.

- Soldatova G.U., & Olkina O. (2016). 100 friends. Circle of communication of teenagers in social networks. *[Deti v informatsionom obschestve]*, 24, 24–33.
- Soldatova G.U., & Teslavskaya O.I. (2018). Interpersonal relations of Russian adolescents in social networks. *National Psychological Journal*, 11(3), 12–22. doi: 10.11621/npj.2018.0302
- Starkey, L., Eppel, E.A., & Sylvester, A. (2018). How do 10-yearold New Zealanders participate in a digital world? *Information, Communication & Society*. doi:10.1080/1369118X.2018.1472795
- Tang L., & Liu H. (2010). Graph mining applications to social network analysis. Managing and Mining Graph Data. *Advances in Database Systems*, 40. doi: 10.1007/978-1-4419-6045-0_16.
- The Top 20 Valuable Facebook Statistics – Updated 2019. Retrieved from: <https://zephoria.com/top-15-valuable-facebook-statistics>. (accessed: 02.09.2019).
- Valkenburg, P.M., Peter, J. (2008). Adolescents' identity experiments on the internet: Consequences for social competence and self-concept unity. *Communication Research*, 35(2), 208–231. doi: 10.1177/0093650207313164
- van der Merwe, P. (2017). Adolescent identities in the cyberworld. *Journal of Psychology in Africa*, 27(2), 203–207. doi: 10.1080/14330237.2017.1303129
- van Kokswijk, J. (2008). Granting personality to a virtual identity. *International Journal of Humanities and Social Science*, 2(4), 207–215.
- Vanman, E.J., Baker, R., Tobin, S.J. (2018). The burden of online friends: the effects of giving up Facebook on stress and well-being. *The Journal of Social Psychology*, 158(4), 496–507. doi: 10.1080/00224545.2018.1453467
- Yousefi Nooraie, R., E.M. Sale, J., Marin, A., Ross, L.E. (2018). Social Network Analysis: An Example of Fusion Between Quantitative and Qualitative Methods. *Journal of Mixed Methods Research*. doi: 10.1177/1558689818804060.
- Zinchenko Yu.P. (Ed.) (2017). Russian identity. Psychological well-being. Social stability. Monograph. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta. 520.
- Zinchenko Y.P., Shaigerova L.A., & Shilko R.S. Methodological problems of studying the ethno-cultural identity of children and teenagers in the digital society (In press).
- Zinchenko Yu.P., Shaigerova L.A., Shilko R.S., Dolgikh A.G., & Vakhantseva O.V. (2018). Study of the identity of adolescents brought up in a modern Russian family: the possibility of in-depth analysis of data (data mining). In Eds. O.A. Karabanova, & N.N. Vasyagina, *[Psikhologicheskie problemy sovremennoy sem'i: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 3-6 oktyabrya 2018 goda]*. Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 14–25.

Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания

Г.У. Солдатова¹, А.Н. Ярмина

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ Российская академия образования, Москва, Россия

Поступила 25 июля 2019/ Принята к публикации: 14 августа 2019

Cyberbullying: features, role structure, parent-child relationships and coping strategies

Galina U. Soldatova*¹, Alina N. Yarmina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: soldatova.galina@gmail.com

¹ Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Received July 25, 2019 / Accepted for publication: August 14, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Эмпирические данные, свидетельствующие о масштабе и значимости проблемы кибербуллинга, не должны игнорироваться, поскольку большое количество детей подвергается агрессивному онлайн-преследованию и существенному риску при сочетании школьного и кибербуллинга. Новизна исследования состоит в комплексном подходе к анализу особенностей кибербуллинга как одного из видов киберагрессии с учетом его отличий от буллинга в реальной жизни. Анализ проводился на основе масштабных зарубежных национальных и межкультурных исследований, которые возможно сопоставлять как на теоретико-методологическом, так и на эмпирическом уровне.

Целью исследования является анализ существующих теоретических и практических данных об особенностях и механизмах феномена «кибербуллинг» (КБ) в детско-подростковой среде, полученных в работах, проводившихся в рамках возрастной психологии, психологии развития и социальной психологии в течение двух последних десятилетий.

Описание хода исследования. В статье анализируются особенности и трансформации ролевой структуры кибербуллинга в сравнении с буллингом в реальной жизни, личностные характеристики и поведенческие стратегии его участников (агрессор, жертва, хамелеон, наблюдатель/свидетель), рассмотрены особенности детско-родительских отношений в ситуации кибербуллинга и стратегии совладания с кибербуллингом, как с трудной жизненной ситуацией.

Результаты исследования. Результаты, представленные в данном обзоре, могут быть использованы в качестве основы не только для дальнейших теоретических и эмпирических исследований, но и для разработки практических программ, направленных на поддержку жертв кибербуллинга, снижение вероятности возникновения таких ситуаций, а также для своевременной профилактики КБ, диагностики групп риска и для подготовки рекомендаций для психологов, педагогов и родителей.

Выводы. Изучение КБ является крайне актуальным в связи с непрерывным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и требует дальнейшего раскрытия в динамике и развитии. Для составления эффективных профилактических программ и программ противодействия КБ необходимо разрабатывать общие теоретико-методологические основания, которые станут опорой для достижения терминологического согласия между исследователями при организации международных исследований по данной теме. Это позволит проводить надежные сравнения и систематизацию эмпирических данных, а также осуществлять разработку методов совладания с онлайн-рисками и безопасного использования ИКТ.

Ключевые слова: киберагрессия, кибербуллинг, детско-родительские отношения, ролевая структура кибербуллинга, стратегии совладания.

Background. The research data indicate the magnitude and significance of the problem of cyberbullying (CB) that cannot be ignored, since a large enough number of children are aggressively targeted online and are often at significant risk if both school bullying and CB take place simultaneously. The novelty of the research consists in an integrated approach to the CB analysis, as one of the cyber aggression types, taking into account its differences from real-life bullying, based on large-scale foreign national and intercultural studies, which can be compared both at the theoretical and methodological level and on the basis of empirical data.

Objective. The analysis of the existing theoretical and practical studies of the CB features and mechanisms in the child-adolescent environment has been carried out within the framework of developmental psychology and social psychology over the recent two decades.

Design. The paper analyzes the features and transformations of the CB role structure in comparison with the bullying in real life, personal characteristics and behavioural strategies of participants (the aggressor, the victim, the chameleon, the observer/witness), considers child-parent relationship in the CB situation and coping strategy with CB.

Findings. The results presented in this review can be used as a basis for further theoretical and empirical research, and also for developing practical programs aimed at supporting victims of CB, reducing the probability of such situations, for timely prevention of CBs, for diagnosing risk groups, and to prepare recommendations for psychologists, teachers and parents in schools and other educational institutions.

Conclusion The CB research topic is acute in connection with the constant development of information and communication technologies (ICT) and requires further study in terms of process in terms of dynamics and development. In order to develop effective prevention and intervention programs it is necessary to develop a common theoretical and methodological framework that will support terminological consensus among researchers and international research. This will allow for reliable comparisons and systematization of empirical data, as well as the development of online risk management and safe use of ICTs.

Keywords: cyber aggression, cyberbullying, parent-child relationship, role pattern, coping strategies.

Стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и, в первую очередь, интернета влияет практически на все стороны нашей жизни. Возникают новые явления, которые требуют своего осмысления. К таким феноменам относятся и кибербуллинг.

Буллинг – повторяемое и агрессивное поведение, направленное против сверстников в школьной среде, и характеризующее дисбалансом власти между агрессором и жертвой (Olweus, 1991). В качестве синонимов буллинга нередко рассматри-

Школьный буллинг начали исследовать в 1970–80 гг. прошлого века в скандинавских странах.

В новом тысячелетии начался следующий этап изучения буллинга, который в онлайн-пространстве трансформировался в кибербуллинг. Статистика случаев кибербуллинга (КБ) показывает, что проблема школьной травли сегодня является повсеместной не только офлайн, но и онлайн. Современные исследования подтверждают, что КБ нередко сочетается с традиционным школьным буллингом. Имеются данные о том, что около трети

Статистика случаев кибербуллинга (КБ) показывает, что проблема школьной травли сегодня является повсеместной не только офлайн, но и онлайн. Современные исследования подтверждают, что КБ нередко сочетается с традиционным школьным буллингом. Имеются данные о том, что около трети подростков, подвергавшиеся издевательствам в школе, также сталкивались и с КБ (Li, 2007), а жертвы школьного буллинга более чем в 2,5 раза чаще подвергались КБ

ваются запугивание, унижения, травля, физический или психологический террор, нацеленные на то, чтобы вызвать у другого страх, сознательно доставить страдания и дискомфорт и тем самым подчинить его себе. В этом случае насилие носит длительный, систематический характер и осуществляется в отношении человека, неспособного защитить себя в сложившихся обстоятельствах (Кон, 2006; Wangetal., 2012; Olweus, 1993).

подростков, подвергавшиеся издевательствам в школе, также сталкивались и с КБ (Li, 2007), а жертвы школьного буллинга более чем в 2,5 раза чаще подвергались КБ (Hinduja, Patchin 2008). Это подтверждает тезис о том, что агрессоры выходят за пределы школьного двора (Patchin, Hinduja, 2006) и продолжают травлю в Сети.

В 2009–2010 г. в рамках исследовательского проекта EU KidsOnline II, в котором приняли участие 26 европейских стран,

включая Россию, было выявлено, что каждый пятый подросток в Европе (19%) и каждый четвертый в России (23%) были жертвами травли офлайн и онлайн (Солдатова и др., 2012). В среднем по Европе 6% подростков подвергались буллингу в интернете в течение последних 12 месяцев, в России этот показатель составил 10%. Доля подростков, столкнувшихся с онлайн-травлей в Европе, варьировала от страны к стране. Например, максимальный показатель был в Эстонии – 14%, а минимальный в Италии – 2% (Livingstone, etal., 2011).

В 2013–2014 гг. организацией HBSC (Health Behaviour In School-Aged Children) – «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» в сотрудничестве с Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) было проведено масштабное исследование (220000 школьников), в рамках которого осуществлялся сбор данных в 42 странах Европы, включая Россию и Северную Америку. Исследования проводилось среди 11-, 13- и 15-летних подростков. Результаты показали, что в среднем по Европе 3% детей каждого из опрошенных возрастов подвергались кибербуллингу в текстовых сообщениях 2–3 раза за последний месяц (World Health Organization, 2016). В масштабном обзоре 80 исследований, проведенных в начале второго тысячелетия, в которых анализировались случаи КБ среди учащихся 12–18 лет, было показано, что жертвами кибербуллинга были 15% респондентов (Modecki et al., 2014).

Согласно исследованиям Национального центра изучения образовательной статистики США (National Center for Educational Statistics), проведенным в 2013–14 учебном году в 2015 школах страны, 10,8% подростков в возрасте от 12 до 18 лет подвергались кибербуллингу в течение учебного года (Lessne, Yanez, 2017). Центром изучения кибербуллинга в США (Cyberbullying Research Center) было проведено 10 уникальных исследований на выборке свыше 20000 учеников средней и старшей школы в 2007–2016 гг. Было выявлено, что, в среднем, около 28% учащихся были жертвами КБ в какой-то момент своей жизни (Patchin, 2016).

По данным опроса, проведенного в Великобритании в 2017 г. благотворительной организацией по противодействию



Галина Уртанбековна Солдатова –

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заместитель заведующего кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: soldatova.galina@gmail.com
https://istina.msu.ru/profile/Soldatova_Galina/



Алина Николаевна Ярмина –

аспирант кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kpsl@yandex.ru
https://istina.cemi-ras.ru/profile/Yarmina_Alina/

буллингу (Ditchthe Label), 17% респондентов в возрасте 12–20 лет имели опыт КБ, из них 26% подвергались кибербуллингу часто, а 7% – постоянно, также 69% человек сообщили о совершении оскорбительных действий в интернете в отношении другого человека (The Annual Bullying Survey, 2017).

Как мы видим, данные о частоте столкновения школьников с кибербуллингом варьируют от исследования к исследованию, но все они, безусловно, свидетельствуют о масштабе и значимости этой проблемы и потому не должны быть игнорированы. Достаточно большое количество детей нередко подвергается смертельному риску в случае сочетания школьного буллинга и КБ. В первые годы возникновения внимания к феномену КБ публикации по данной теме были посвящены в основном травле в текстовых сообщениях и по электронной почте (Rivers, Noret, 2010). В последние годы параллельно с развитием социальных сетей происходило стремительное увеличение числа публикаций в них по КБ (Smith, 2016).

Для дальнейшего продвижения изучения этой социально значимой темы большое значение имеет подведение итогов посвященных ей многочисленных эмпирических исследований. Однако корректное сравнение результатов проведенных исследований не всегда представляется возможным ввиду использования разных рабочих определений КБ, несопоставимых по социально-демографическим показателям выборок, предлагаемому периоду времени для анализа (например, частота столкновения в последние два месяца или в течение учебного года), и другим различиям в методологии опросов. В связи с этим, при анализе данного феномена нами были выбраны масштабные национальные исследования, а также работы, охватывающие достаточно большое количество стран, выполненные по схожей схеме исследования. В данной статье мы остановимся на некоторых аспектах КБ, особенно важных для подросткового возраста и значимых для развития программ онлайн-саморегуляции и безопасного поведения в сети. Среди них: сходства и различия буллинга и КБ, специфические особенности КБ, его ролевая структура, личностные характеристики участников, особенности детско-

родительских отношений в ситуации КБ, а также особенности совладания с КБ как с трудной жизненной ситуацией.

Кибербуллинг и киберагрессия

И буллинг, и КБ представляют собой умышленное, регулярно совершаемое враждебное поведение, в которое вовлечен широкий круг участников. Онлайн- и офлайн-травля отличаются неравенством сил между участниками, не заканчиваются сами по себе и оказывают негативное психологическое воздействие на всех участников. Однако этим очевидное сходство буллинга и КБ ограничивается. Пока остается открытым вопрос максимально точного определения особенностей КБ. Здесь существует несколько трудностей.

Данные о частоте столкновении школьников с кибербуллингом варьируют от исследования к исследованию, но все они, безусловно, свидетельствуют о масштабе и значимости этой проблемы и потому не должны быть игнорированы. Достаточно большое количество детей нередко подвергается смертельному риску в случае сочетания школьного буллинга и КБ

Во-первых, КБ нередко исследуется в контексте киберагрессии, что обуславливает существование объективных сложностей в разграничении этих понятий. Многие исследователи КБ придерживаются позиции, что изучают особый тип агрессивного поведения – одну из форм киберагрессии (Zychetal., 2016). Существует также мнение, согласно которому в исследованиях, посвященных КБ, на самом деле изучается более широкий феномен киберагрессии (Bauman et al., 2013). Например, психологи из Великобритании термин «кибербуллинг» использовали для обозначения широкого спектра агрессивных действий, осуществляемых с использованием различных негативных способов коммуникации: травли, домогательств, оскорблений, жестокого обращения и преследования (Grigg, 2010).

Во-вторых, вследствие изменений и усложнения онлайн-коммуникации были обозначены новые виды осуществления неприятных, враждебных и оскорбительных действий в сети, например, флейминг, хейтинг, троллинг и киберсталкинг, которые некоторые исследователи описывают

в качестве основных форм КБ (Бочавер, Хломов, 2014; Willard, 2007; Bauman, 2015). Однако, на наш взгляд, перечисленные формы – это специфические феномены, существующие в сети наряду с феноменом КБ, которые должны рассматриваться как отдельные виды киберагрессии, различающиеся по охвату аудитории, продолжительности, механизмам и эмоциональной значимости последствий.

В-третьих, продолжает отсутствовать общепринятое определение КБ (Bauman et al., 2013; Menesini et al., 2012). В связи с этим, представляется необходимой выработка общих критериев оценки и киберагрессии, в целом, и КБ, в частности, с целью обобщения существующих данных и достижения возможности корректного сравнения результатов, полученных в разных регионах мира и в разное время (Zych et al., 2016). Важным также яв-

ляется достижение относительной согласованности общих критериев оценки феномена КБ в контексте культурных и лингвистических особенностей, что будет способствовать точности понимания КБ, как внутри научного сообщества, так и в межкультурном профессионально-практическом и бытовом дискурсах.

Исследователи уже ставят перед собой такие задачи. В масштабном кросс-культурном исследовании, проведенном в 6 европейских странах (Италия, Испания, Германия, Франция, Эстония, Швеция), авторами решался вопрос выделения межкультурных особенностей проявления феномена КБ. Подросткам 11–17 лет предлагалось оценить, являются ли предьявленные им кейсы ситуациями КБ или нет. В кейсах были представлены в разных комбинациях выделенные авторами критерии КБ: преднамеренность, неравенство сил, повторяемость, анонимность, используемое средство для осуществления КБ, размер охватываемой аудитории, а также четыре типа воздействия: письменное/словесное, визуальное, имитация кого-либо или подражание ему, исклю-

чение из группы. По результатам исследования главными признаками КБ стали: неравенство сил, преднамеренность и анонимность. Критерий повторяемости оказался незначимым, поскольку в ситуации травли в онлайн-пространстве агрессору нередко достаточно единожды совершить свой враждебный поступок, и его воздействие на жертву не будет ограничено временем и пространством.

По мере развития исследований феноменов буллинга и КБ в фокус внимания стали все чаще попадать «помощники агрессора», «защитники жертвы» и пассивные участники ситуации, выступающие в роли «наблюдателей». Однако при изучении ролевой структуры ситуации КБ возникают существенные объективные затруднения – ситуация часто скрыта от наблюдения. В то же время, КБ может охватывать очень большое количество участников за счет увеличивающегося количества «свидетелей» в сети

Также оказалось, что объем охватываемой аудитории при обозначении ситуации как КБ для представителей разных культур не имел значения. Для итальянских и немецких подростков критерии КБ «преднамеренность» и «анонимность» оказались менее значимыми, чем для подростков из других стран, участвовавших в исследовании (Menesini et al., 2012). Описанные результаты, во-первых, указывают на существование как сходства, так и кросс-культурных различий в восприятии и определении КБ, во-вторых, дают материалы для операционализации КБ в эмпирических исследованиях.

Отдельно следует подчеркнуть недостаточность разработки теоретико-методологических оснований изучения КБ. В одном из обобщающих обзоров по данной теме было указано на существование этой проблемы и подчеркивалась необходимость рассмотрения указанного феномена в контексте теоретических и эмпирических знаний об агрессии среди молодежи. На основе систематизации результатов большого количества эмпирических исследований авторами были обобщены существующие данные о предпосылках КБ и кибервиктимизации. С опорой на экологический подход У. Бронфенбреннера и заимствованный из криминологии подход к оценке рисков и затрат (см.: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Risk_assessment_table.pdf) были последовательно описаны статические и динамические предпосылки становления киберагрессора и кибержертвы на онтогенетическом

уровне и уровнях микросистемы (семья, друзья и сверстники), мезосистемы (школа и общество) и макросистемы (культура) (Baldry et al., 2015).

Возвращаясь к вопросу соотношения понятий КБ и киберагрессия, мы понимаем киберагрессию как более широкое явление и вслед за Григгом рассматриваем ее как «намеренный вред, причиняемый посредством использования элек-

тронных устройств одному человеку или группе людей, вне зависимости от возраста, и воспринимаемый как оскорбительный, уничижительный, приносящий ущерб или нежеланный» (Grigg, 2010, P. 152). Таким образом, КБ определяется нами как имеющий свою специфику один из видов киберагрессии наряду с троллингом, флеймингом, хейтингом, киберсталкингом и др.

Исходя из вышесказанного, в дальнейшем анализе мы будем придерживаться обобщающего определения КБ, сформулированного в свое время немного по-разному различными авторами (Солдатова, Зотова, 2011; Patchin, Hinduja, 2006; Smith et al., 2008; Tokunaga, 2010) – это агрессивные, умышленные действия, совершаемое группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм контакта, повторяющиеся неоднократно и продолжительные во времени, в отношении жертвы, которой трудно защитить себя.

Ролевая структура кибербуллинга

Ситуации буллинга и КБ исследователи обычно рассматривают как ситуации социального взаимодействия, в рамках которых агрессия, прежде всего, в школьной группе изучается как отношения между людьми, играющими разные, возможно, «назначенные» им роли (Lagerspetz et al., 1982), и значительно влияющие на поведение друг друга (Pikas, 1975).

Впервые Д. Олвеус описал два типа участников такой ситуации: «школьный хулиган» и «мальчик для битья» (Olweus, 1974), которые впоследствии стали классическими «агрессором» и «жертвой». Исследователи также выделили тех, кто поддерживает и поощряет преследователей (помощники агрессора), и тех, кто пытаются защитить жертву (защитники), а также еще одну группу, где большинство пассивны и выступают в роли наблюдателей (Salmivalli, 2005). Кроме того, исследования показали, что те, кто травит других, иногда сами являются жертвами травли (Parada, 2006; Roland, 1999; Roland, Idsoe, 2001). Поэтому был выделен еще один тип участников ситуации буллинга – это те, кому довелось выступать как в роли жертвы, так и в роли преследователя (т.е. жертва–агрессор). Они были названы, в соответствии с терминологией Д. Олвеуса, «хамелеонами» (Olweus, 1993).

По мере развития исследований феноменов буллинга и КБ в фокус внимания стали все чаще попадать «помощники агрессора», «защитники жертвы» и пассивные участники ситуации, выступающие в роли «наблюдателей». Однако при изучении ролевой структуры ситуации КБ возникают существенные объективные затруднения – ситуация часто скрыта от наблюдения. В то же время, КБ может охватывать очень большое количество участников за счет увеличивающегося количества «свидетелей» в сети. Тем не менее, именно роль наблюдателя наименее изучена, по сравнению с ролями жертв и агрессоров.

Важно отметить, что возраст и пол не являются предопределяющими факторами возникновения КБ и кибервиктимизации, отмечается противоречивость данных по гендерному распределению киберагрессоров и кибержертв (Makri-Botsari, Karagianni, 2014). Столкнуться с КБ могут дети и подростки любого пола примерно с одинаковой частотой (Tokunaga, 2010). Однако есть данные, что мальчики чаще выступают в роли агрессоров, в то время как девочки – в качестве жертв КБ (Baldry et al., 2015).

Агрессор

Киберагрессоров закономерно отличает высокий уровень интернет-активности и использования мессенджеров для

обмена сообщениями (Ybarra, Mitchell, 2004). Они придерживаются мнения, что обладают более высокими экспертными знаниями об интернете. Среди особенностей киберагрессоров также выделяют более проблемное поведение в офлайне: целенаправленная порча имущества, контакты с полицией, физическое нападение на членов семьи, кражи, употребление сигарет или алкоголя (Ybarra, Mitchell, 2004).

Если говорить о личностных особенностях, киберагрессоры имеют заниженные самооценку и чувство собственного достоинства, сниженную чувствительность по отношению к страданиям других, в целом более низкий уровень эмпатии, самоконтроля, высокий уровень импульсивности (Sari, 2016). Помимо этого, показано, что КБ со стороны подростков связан с тенденцией к обоснованию и оправданию жестокого поведения, а также с проактивной агрессией, направленной на достижение определенной цели (Calvete, 2010). Киберагрессоры также с меньшей вероятностью оценивают внешнюю ситуацию негативно и реже определяют ее как ситуацию КБ, по сравнению с другими респондентами. В исследовании Серкан Сэри (Serkan Sari) выявлена положительная связь между КБ и наличием у пользователя неадаптивного, агрессивного и самоуничижительного (self-defeating) стиля юмора и отсутствие связи с адаптивными стилями юмора. Также было показано, что агрессивный юмор является предиктором проявлений КБ и может быть использован агрессором для унижения, слухов, снижения популярности человека или группы людей ради ощущения собственного превосходства и получения удовольствия. Самоуничижительный стиль юмора у киберагрессора может быть способом совладания с трудностями и сниженной самооценкой (Sari, 2016). Неадаптивные стили юмора киберагрессоры используют для увеличения популярности, получения удовольствия и повышения социального статуса.

Жертва

Согласно данным ряда исследований, жертвы КБ скрывают от окружающих свои трудности и переживания (Ybarra, Mitchell, 2004). У них наблюдаются заниженная самооценка, чувство одиночест-

ва и отсутствия социальной поддержки, более высокий уровень выраженности депрессивных симптомов, пережива-

чаще испытывали ситуации онлайн-издевательств со стороны других пользователей (Patchin, Hinduja, 2006).

Агрессивный юмор является предиктором проявлений КБ и может быть использован агрессором для унижения, слухов, снижения популярности человека или группы людей ради ощущения собственного превосходства и получения удовольствия. Самоуничижительный стиль юмора у киберагрессора может быть способом совладания с трудностями и сниженной самооценкой

ния гнева и печали, аффективные расстройства, психосоциальные проблемы, проблемы в отношениях в семье, отчужденность, внешняя враждебность, делинквентность (Tokunaga, 2010). Помимо этого, для кибержертв характерны более высокий уровень тревоги, симптомы фобий, дистресса и фрустрации. Обнаружена положительная связь между уровнем социальной тревожности и количеством переживаемых ситуаций издевательств

Хамелеон

Хамелеоны могут чаще встречаться в ситуации КБ, чем в традиционном школьном буллинге, поскольку особенности интернет-среды создают благоприятную почву для инверсии ролей – нередко те, кто травят других онлайн, сами становятся жертвами травли или – наоборот. Таким образом, возможности киберпространства могут не только спровоцировать вовлечение в КБ, но и увеличить

Закономерными выглядят данные, показывающие связь между интернет-активностью и частотой возникновения ситуаций КБ. Так, молодые пользователи, которые более активны в интернете, с большей вероятностью чаще испытывали ситуации онлайн-издевательств со стороны других пользователей

в интернете (Juvonen, Gross, 2008). Жертвы КБ демонстрируют большую склонность к суицидальному поведению. Эти результаты очень похожи на результаты, полученные в исследованиях жертв традиционного буллинга (Tokunaga, 2010).

Кроме того, данные исследования Сэри и Камадан (Sari и Camadan) показали положительную связь между тенденцией к жестокости и виктимизацией в КБ. Было показано, что тенденция к жестокости является предиктором КБ (Sari, Camadan, 2015). Причем, эта тенденция может быть как следствием, так и одной из причин кибервиктимизации. Закономерными выглядят данные, показывающие связь меж-

проницаемость границ между ролями киберагрессоров и кибержертв, тем самым трансформируя их. Существует гипотеза, что некоторые жертвы школьной травли используют интернет и новые технологии для мести тем, кто издевался над ними в школе (Ybarra, Mitchell, 2004). Также было показано, что треть агрессоров в школе в интернете заняла позицию жертв (Li, 2007).

В этом контексте особое внимание привлекает феномен цифрового самоповреждения, которое является одним из недавно выявленных видов неадаптивного онлайн-поведения. Цифровое самоповреждение – это «анонимное размещение

Возможности киберпространства могут не только спровоцировать вовлечение в КБ, но и увеличить проницаемость границ между ролями киберагрессоров и кибержертв, тем самым трансформируя их. Существует гипотеза, что некоторые жертвы школьной травли используют интернет и новые технологии для мести тем, кто издевался над ними в школе

ду интернет-активностью и частотой возникновения ситуаций КБ. Так, молодые пользователи, которые более активны в интернете, с большей вероятностью

в интернете, отправка или иное распространение причиняющего себе вред контента» (Patchin, Hinduja, 2017, P. 762). Оно состоит в создании пользователем акка-

унта, от имени которого он отправляет себе болезненные, уничижительные сообщения или угрозы посредством SMS, электронной почты, социальных сетей, игровых консолей, веб-форумов и других

А. Бандуры (Bandura, 1985). Само явление отчуждения моральной ответственности он определяет как механизм, при помощи которого на разных этапах процесса саморегуляции моральные запреты

Поведение наблюдателей в ситуациях КБ иногда можно описать эффектом свидетеля или, как его еще называют, – синдромом Дженевезе (Latane, Darley, 1968). Это психологический эффект, проявляющийся в том, что люди, ставшие свидетелями какого-либо негативного происшествия, не пытаются помочь пострадавшему. Причем, чем больше наблюдателей становятся невольными свидетелями такой ситуации, тем меньше шансов, что кто-то из них вмешается и попытается помочь

онлайн-платформ. В этом случае жертва начинает сама себя травить, осуществляя таким образом «самокибербуллинг». При осуществлении цифрового самоповреждения один и тот же субъект может одновременно исполнять роли и жертвы, и агрессора. Так как этот вид поведения лишь недавно вошел в поле внимания исследователей, пока нет достаточных подтверждений того, что данное поведение характерно для сколько-нибудь значительного числа молодых людей (Patchin, Hinduja, 2017).

Наблюдатель (свидетель)

Поведение наблюдателей в ситуациях КБ иногда можно описать эффектом свидетеля или, как его еще называют, – синдромом Дженевезе (Latane, Darley, 1968). Это психологический эффект, проявляющийся в том, что люди, ставшие свидетелями какого-либо негатив-

ты индивида активируются избирательно и не применяются им к себе (то есть отчуждаются) в ответ на его вредоносное по отношению к окружающим поведение (Bandura, 1985). Восемь механизмов отчуждения Бандура относит к четырем (группам) локусам: непосредственно поведение, личностный локус актора, локус переформулирования последствий поведения и локус искажения образа жертвы жестокого поведения. Локус актора задействует смещение и умышенное размывание вины за деструктивное поведение. Он включает в себя два механизма: смещение ответственности и рассеивание ответственности. Рассеивание или размывание ответственности это – распространенный прием разделения вины. В контексте интернета – безграничного многомиллионного пространства расширяются возможности размывания или рассеивания ответственности. Во-пер-

Был обнаружен (De Smet et al., 2012) более высокий уровень самоэффективности свидетеля в тех случаях, когда он утешает или предлагает советы жертве, чем, когда пытается защищать и напрямую противостоять агрессору. Причем, такая тенденция усиливается, когда кто-то ожидает получить социальную поддержку, что может произойти из-за явно несправедливых обстоятельств, из-за того, что сторонний наблюдатель популярен или потому, что он активно ищет эту поддержку у других

ного происшествия, не пытаются помочь пострадавшему. Причем, чем больше наблюдателей становятся невольными свидетелями такой ситуации, тем меньше шансов, что кто-то из них вмешается и попытается помочь. Одними из главных механизмов эффекта свидетеля называют групповую сплоченность, а также смещение и диффузию ответственности, которые хорошо описаны в концепции отчуждения моральной ответственности

вых, у наблюдателей в интернете нет невербальных сигналов, что затрудняет оценку происходящего (Macháčková et al., 2013). Во-вторых, анонимность в Интернете может вдохновить потенциальных виновников КБ и посторонних лиц на игнорирование собственной совести.

Несмотря на трудности с воспроизведением эффекта свидетеля в онлайн-контекстах, особенно в связи с такими их особенностями, как асинхронность,

сложность однозначной оценки ситуации и большое количество участников, в определенных онлайн-сообществах (Allison, Bussey, 2016), все же было проведено несколько исследований, подтверждающих наличие этого эффекта в ситуациях КБ (Macháčková et al., 2015; Olenik-Shemesh et al., 2015). Кроме того, было выявлено, что связь между числом свидетелей и предложением помощи не линейна, и что важным становится субъективное восприятие числа присутствующих свидетелей (Macháčková et al., 2015). В то же время, оспаривается наличие «эффекта свидетеля» в онлайн, аналогичного имеющемуся в офлайне, поскольку, когда начинают учитываться различные личные и контекстуальные факторы, возможность определить полученные результаты в качестве «эффекта свидетеля» ставится под сомнение.

Желание помочь пострадавшему положительно связано с самоэффективностью (De Smet et al., 2016) – восприятию людьми своей способности достигать поставленных целей и контролировать события своей жизни в ее социальных и эмоциональных аспектах (Olenik-Shemesh et al., 2015). В частности, был обнаружен (De Smet et al., 2012) более высокий уровень самоэффективности свидетеля в тех случаях, когда он утешает или предлагает советы жертве, чем, когда пытается защищать и напрямую противостоять агрессору. Причем, такая тенденция усиливается, когда кто-то ожидает получить социальную поддержку, что может произойти из-за явно несправедливых обстоятельств, из-за того, что сторонний наблюдатель популярен или потому, что он активно ищет эту поддержку у других. С другой стороны, Оленик-Шемеш с коллегами (Olenik-Shemesh et al., 2015) не обнаружили различий в уровнях самоэффективности между теми активными свидетелями, которые защищают жертву, и теми, кто остается пассивным. Ряд исследователей (Thomas et al., 2012; Macháčková et al., 2015) утверждают, что, в соответствии с их данными социальная самоэффективность опосредует поведение свидетеля, когда он пытается защитить жертву.

Часть исследований (Barlinska et al., 2013; De Smet et al., 2016; Van Cleemput et al., 2014) была посвящена прошло-

му опыту свидетелей в качестве агрессора или жертвы в онлайн и/или офлайн травле. Выяснилось, что те респонденты, которые признались, что в прошлом были жертвами КБ, демонстрируют более сильное намерение помочь жертвам (De Smet et al., 2016; Van Cleemput et al., 2014). С другой стороны, прошлый опыт в роли агрессора в онлайн-контексте может быть тем фактором, который усиливает негативное поведение свидетелей (Barlinska et al., 2013).

Таким образом, данные эмпирических исследований показывают, что традиционная ролевая структура буллинга претерпевает значительные изменения в связи с опосредствованием травли информационно-коммуникационными технологиями, трансформирующими социальное взаимодействие. Ролевая структура в условиях интернет-пространства становится более пластичной и динамичной, чем в офлайне, допускает инверсии и совмещение нескольких ролей, дает больше возможностей воздействия. В таких условиях агрессор, словно дирижер, получает возможность управлять аудиторией свидетелей.

Знание особенностей каждой роли и сопутствующих ее исполнению психологических характеристик в каждой конкретной онлайн-ситуации позволит максимально эффективно справляться с КБ. Результаты анализа ролевых профилей могут быть использованы для диагностики групп риска, разработки методических программ своевременной профилактики КБ, рекомендаций для психологов, педагогов и родителей в школах и других образовательных учреждениях, а также лечь в основу дальнейших теоретических и эмпирических исследований проблемы КБ.

Детско-родительские отношения и кибербуллинг

Исследователи считают, что характер детско-родительских отношений, а также знание и понимание родителями КБ как явления играют значительную роль в его возникновении, профилактике и предотвращении (Makri-Botsari, Karagianni, 2014). В связи с этим растет число исследований, посвященных изучению кибер-

буллинга в контексте детско-родительских отношений.

В отличие от ситуации традиционно буллинга, в случае КБ взрослые, в частности, родители, имеют меньше шансов

Эмпирических исследований показывают, что традиционная ролевая структура буллинга претерпевает значительные изменения в связи с опосредствованием травли информационно-коммуникационными технологиями, трансформирующими социальное взаимодействие. Ролевая структура в условиях интернет-пространства становится более пластичной и динамичной, чем в офлайне, допускает инверсии и совмещение нескольких ролей, дает больше возможностей воздействия

быть включенными в ситуацию и ее регулирование. Это происходит, кроме всего прочего, еще и потому, что жертвы КБ нередко скрывают от родителей факт переживания онлайн-травли (Tokunaga, 2010). Одна из важных причин этого – стремление к самостоятельности и подтверждение желаемого статуса взрослого человека. Так, подростки склонны считать, что умение самостоятельно справ-

сари (Makri-Botsari) и Караджианни (Karagianni) показали, что риск проявления у подростка киберагрессивного поведения связан с типом родительского стиля воспитания. Так, в семьях кибер-

агрессоров наблюдался авторитарный или пренебрегающий стиль воспитания. Было выдвинуто предположение, что, участвуя в КБ, подростки стремятся получить власть, признание, свободу и внимание, которых им недостает в отношениях с родителями. При этом связи между стилем воспитания и уровнем виктимизации не было обнаружено. Исследователи также отметили, что подростки, воспи-

Некоторые подростки не привлекают родителей к решению проблем, включая связанные с ситуацией КБ, считая, что просить помощь в таких ситуациях свойственно исключительно маленьким детям. Кроме того, жертвы нередко считают, что признание в том, что они оказались в ситуации КБ, повлечет за собой ограничение родителями их свободы, в том числе в интернете, вплоть до полного отключения их от виртуального пространства

ляться с проблемами при использовании средств коммуникации – это навык, которым важно обладать (Juvonen, Gross, 2008). Некоторые подростки не привлекают родителей к решению проблем, включая связанные с ситуацией КБ, считая, что просить помощь в таких ситуациях свойственно исключительно маленьким детям. Кроме того, жертвы нередко считают, что признание в том, что они оказались в ситуации КБ, повлечет за собой ограничение родителями их свободы, в том числе в интернете, вплоть до полного отключения их от виртуального пространства (Tokunaga, 2010). Страх потерять доступ к интернету нередко перевешивает предполагаемый позитивный эффект от обращения за помощью к взрослым. Кроме того, интернет-пространство для подростков – важная часть их жизни, в которую они не хотят впускать взрослых (Солдатова, Рассказова, 2014).

Изучая проблему кибербуллинга у греческих подростков, Макри-Бот-

тывающиеся в семьях с так называемым демократическим стилем воспитания, чаще склонны рассказывать родителям о ситуации КБ, в отличие от подростков, воспитывающихся в семьях с авторитарным стилем воспитания (Makri-Botsari, Karagianni, 2014). В целом ряде других исследований подтверждается значимость стилей воспитания для понимания генезиса ситуаций КБ. Например, агрессоры часто описывают свою семью как авторитарную и менее организованную, в то время как жертвы скорее считают своих родителей позволяющими слишком много (Baldry, Farrington, 2000). Например, выявлено, что для семей киберагрессоров, в отличие от семей, имеющих опыта участия в кибертравле, характерны ограничивающий родительский контроль, более строгая дисциплина и более слабая эмоциональная связь со своими родителями (Wang et al., 2009).

В качестве факторов, которые могут повлиять на появление КБ или кибер-

виктимизацию, исследователи выделяют трудности в семейных отношениях, сложности в общении родителей и подростков, низкую вовлеченность родителей в отношения с ребенком, низкий уровень родительской привязанности, низкий уровень родительского управления отношениями в семье, введения и соблюдения жестких правил и контроля за детьми (Makri-Botsari, Karagianni, 2014; Baldry et al., 2015).

В качестве факторов, которые могут повлиять на появление КБ или кибервиктимизацию, исследователи выделяют трудности в семейных отношениях, сложности в общении родителей и подростков, низкую вовлеченность родителей в отношения с ребенком, низкий уровень родительской привязанности, низкий уровень родительского управления отношениями в семье, введения и соблюдения жестких правил и контроля за детьми

Исследователи также выявили различия между поддержкой родителей и поддержкой сверстников в ситуации КБ. Именно родительская поддержка определяет меньший уровень виктимизации при попадании ребенка в ситуацию КБ (Elsaesser et al., 2017). В то же время, налаженная онлайн-коммуникация между подростками и их родителями способствует снижению вербальной агрессии в онлайн-коммуникации подростков со сверстниками (Appel, 2014). В свою очередь, низкий уровень привязанности к родителям связан с большей вероятностью попадания подростка в ситуацию КБ (Elsaesser et al., 2017). Показана и косвенная связь между воспринимаемой подростком родительской поддержкой его автономии и отсутствием КБ. Поддержка родителем автономии подростка положительно связана с удовлетворенностью потребности подростков в автономии. При удовлетворении данной потребности подростки сообщали о более высоких возможностях реагирования на эмоции другого человека, это, в свою очередь, связано с их способностью распознавать людей, обладающих моральными ценностями, что делегитимизирует агрессоров (Fousiani et al., 2016).

Совладание с кибербуллингом

Повсеместное распространение КБ и уязвимость любого человека позволяют утверждать, что КБ занимает особое место

среди коммуникационных онлайн-рисков и представляет трудную жизненную ситуацию, особенно для детей и подростков. Негативное воздействие ситуации КБ нередко превышает их адаптационный потенциал, в связи с чем последствия могут быть трагичными, вплоть до совершения самоубийства. По данным британского опроса, проведенного в 2017 г. благотворительной организацией по противодействию буллингу Ditchthe Label,

среди тех, кто подвергался буллингу, 26% думали о самоубийстве, 25% – наносили самоповреждения, 14% – имели расстройств пищевого поведения, 37% – были в депрессивном состоянии, 9% – употребляли алкоголь или наркотики (The Annual Bullying Survey, 2017). Такие результаты подтверждают настоятельную необходимость разработки программ, направленных как на предупреждение столкновения подростков и молодежи с неприятными, враждебными и агрессивными ситуациями в онлайн-пространстве, а также программ, ориентированных на совладание с ситуациями КБ.

В исследовании «Дети России онлайн», проведенном в рамках международного исследовательского проекта Еврокомиссии «EU Kids Online II» (2010–2011), было показано, что треть подростков, подвергавшихся КБ, достаточно сильно переживали эту ситуацию. Они пытались с ней справиться разными способами. Были выделены и описаны четыре типа совладания с КБ: активные стратегии, направленные на решение проблемы; пассивные стратегии, ориентированные на уход или отрицание проблемы; поиск социальной поддержки; «иные» стратегии совладания, представляющие собой индивидуальные способы совладания, преимущественно направленные на самоактуализацию и самореализацию (Soldatova, Zotova, 2012).

В исследовании стратегий совладания с шестью видами онлайн-рисков (он-

лайн-буллинг, сексуальные изображения, шокирующие изображения, общение с незнакомцами, обмен сообщениями сексуального характера, нарушение конфиденциальности) показано, что подростки в возрасте от 10 до 16 лет преимущественно используют проактивные проблемно-ориентированные стратегии совладания, коммуникативные стратегии или выражают безразличие. При столкновении с онлайн-буллингом, сексуальными и шокирующими изображениями подростки используют стратегии избегания, а в ситуации общения с незнакомцами обращаются за социальной поддержкой к друзьям и сверстникам. Качественный анализ данных показал эффективность поиска социальной поддержки и совершения упреждающих действий (например, блокировка потенциальных агрессоров) для совладания с КБ и стратегий избегания применительно к контентным рискам (Vandoninck, Haenens, 2015).

В 2012 г. международная команда исследователей проанализировала около 40 наиболее заметных на то время работ, посвященных кибербуллингу. Одним из результатов стало описание репертуара эффективных и неэффективных копинг-стратегий по преодолению КБ, среди которых были выделены поведенческие, эмоциональные и когнитивные действия. Авторами обзора были обозначены ограничения в выделении критериев оценки успешности совладания с КБ: фрагментарность соответствующих исследований и их методологические недостатки, злоупотребление практическими рекомендациями, не подкрепленными эмпирическими данными, недостаточная дифференциация способов совладания с КБ от традиционных способов совладания с буллингом в реальной жизни, недостаточный учет контекста и ситуативной составляющей в формировании эффективных стратегий совладания с КБ (Perren et al., 2012).

В контексте рассматриваемой темы важно еще раз остановиться на уже упомянутом выше феномене «цифровое самоповреждение», который можно рассматривать как неадаптивную форму совладания с онлайн-угрозами (Patchin, Hinduja, 2017). Причины самоповреждающего поведения могут быть различны: попытка привлечения внимания к своим

переживаниям, призыв о помощи, способ регуляции своего состояния и облегчения переживаний, самонаказание, стимуляция ощущений, предотвращение попытки самоубийства, а также способ повлиять на другого. Результаты исследований показывают, что примерно каждый двадцатый среди опрошенных 12–17-летних подростков совершали цифровые самоповреждения (Patchin, Hinduja, 2017). С учетом того, что исследования показали существование связи между самоповреждающим поведением, депрессией (Whitlock et al., 2013; Cooper et al., 2005) и повышенным риском самоубийства (Haw et al., 2001; Owens et al., 2002), можно предположить, что цифровое самоповреждение также может предшествовать попытке самоубийства, и что подростки, афишируя таким образом свои проблемы, рассчитывают на позитивное вмешательство и помощь извне в ситуациях КБ (Patchin, Hinduja, 2017). Результаты одного из последних исследований (Iranzo et al., 2019) подтверждают, что кибервиктимизация имеет прямое влияние на мысли о самоубийстве.

В ряде исследований показано существование возрастно-половых различий в совладающем поведении, описана динамика частоты использования различных по эффективности стратегий совладания с КБ и другими видами онлайн-рисков и изменения в совладающем репертуаре в зависимости от цифровой активности, а также накопления опыта взаимодействия и противостояния КБ (Soldatova, Zotova, 2012; Vandoninck, Haenens, 2015). Младшие подростки еще слабо вовлечены в онлайн-коммуникацию в социальных сетях, поэтому стратегия отвлечения или дистанцирования для них является более эффективной, чем для старших подростков. Для последних возрастает актуальность применения проактивных стратегий совладания и обращения за социальной поддержкой, кроме того, у них с возрастом совершенствуются навыки использования ИКТ, что способствует применению проблемно-ориентированных стратегий совладания (Soldatova, Zotova, 2012; Vandoninck, Haenens, 2015). Мальчики реже, чем девочки обращаются к использованию проактивных стратегий совладания и чаще демонстрируют безразличие при столкновении с КБ и кон-

тентными рисками сексуального характера. Помимо возрастно-половых различий, предпочтения в выборе копинг-стратегий связаны с прошлым опытом, личностными особенностями и социальной ситуацией развития (Vandoninck, Haenens, 2015).

Молодые люди обладают значительным репертуаром копинг-стратегий и наиболее часто используют блокировку или дистанцирование от ресурса, где произошла враждебная ситуация, а также обращение к друзьям за помощью. Описаны различия между студентами, имеющими опыт виктимизации и не имеющими такого опыта, в использовании стратегии блокировки

Проблема совладания с онлайн-угрозами актуальна и для молодежи (студентов) в силу того, что опыт кибервиктимизации в школьном возрасте выступает значимым фактором риска для последующей кибервиктимизации в студенчестве (Kraft, Wang, 2010). Молодые люди обладают значительным репертуаром копинг-стратегий и наиболее часто используют блокировку или дистанцирование от ресурса, где произошла враждебная ситуация, а также обращение к друзьям за помощью. Описаны различия между студентами, имеющими опыт виктимизации и не имеющими такого опыта, в использовании стратегии блокировки. Студенты-жертвы оценили данную стратегию как неэффективную, в силу того, что агрессор может продолжить травлю, используя другие доступные ему способы и механизмы. Также студенты-жертвы склонны обращаться за помощью к преподавателям, если считают их обладающими необходимыми знаниями о виртуальном преследовании и способными помочь. Это может объяснить тот факт, что студенты предпочитают искать помощь у преподавателей в противовес использованию блокировки в качестве стратегии совладания с КБ. Заслуживает внимания и возможное обращение студентов-жертв КБ к третьим лицам с просьбой осуществления онлайн-травли своего обидчика, что указывает на использование мести в качестве стратегии противодействия КБ (Orel, Campbell, 2015).

Представленные данные с уверенностью позволяют говорить о том, что КБ как трудная жизненная ситуация представляет серьезную опасность для психологического благополучия всех, кто в него

вовлечен. В связи с этим, изучение совладания с КБ можно выделить в качестве отдельного направления исследований, актуальность которых не вызывает сомнений, а практическая значимость состоит в формировании достаточного репертуара

эффективных стратегий совладания с онлайн-рисками, в целом, и с КБ, в частности, прежде всего, у подростков.

Выводы

Своеобразие онлайн-пространства и применение электронных форм контакта в качестве инструментов осуществления агрессивных действий позволяют выделить ряд специфических особенностей, отличающих КБ от буллинга (Soldatova, Львова, Пермякова, 2018; Soldatova, Zotova, 2012; Kowalski, Guimetti et al., 2014; Baldry, 2015; Caravita et al., 2016; Runions et al., 2016). В качестве основных можно выделить следующие: иллюзия анонимности для агрессора и его помощников, а также для активных свидетелей; непредсказуемость и неожиданность совершаемых агрессивных действий в связи с неограниченным и повсеместным доступом в онлайн и одновременным использованием широкого спектра электронных форм контакта; дистантность и «круглосуточность – 24/7» кибербуллинга в силу отсутствия временных и пространственных ограничений; достаточность совершения всего лишь одного агрессивного акта для достижения эффекта систематической травли; значительное увеличение аудитории свидетелей, которой агрессор может произвольно управлять; изолированность свидетелей друг от друга и от жертвы, что частично воспроизводит и придает свою специфику известному в психологии «эффекту свидетеля», определяющему одиночное противостояние жертвы агрессивным действиям со стороны обидчика; стимулирование механизма инверсии в ролевой структуре –

Распространенность феномена КБ и его возможные трансформации в связи с непрерывной модернизацией ИКТ определяют актуальность разработки общих теоретико-методологических оснований, способных стать опорой для достижения терминологического согласия между исследователями и для организации международных исследований по данной теме

агрессор становится жертвой, а жертва – искусным агрессором, свидетели могут стать как жертвами, так и агрессорами; неравенство сил в онлайн-пространстве, определяющееся различиями в уровне развития цифровой компетентности участников ситуации.

дания с онлайн-рисками и безопасного использования ИКТ.

Важным аспектом в этом контексте является необходимость изучения процессуальной стороны КБ в ее динамике и развитии – какие изменения происходят с участниками ситуации КБ, как меня-

Принимая во внимание возможности, предоставляемые онлайн-пространством и специфические особенности КБ, выглядит очевидной необходимость исследований ролевой структуры КБ, где особое внимание будет уделено не только «агрессору» и «жертве», но и «хамелеонам», «наблюдателям», «помощникам агрессоров», «защитникам жертв» и возможным трансформациям ролей и вариантам их сочетания (в ситуации цифрового самоповреждения, например).

Распространенность феномена КБ и его возможные трансформации в связи с непрерывной модернизацией ИКТ определяют актуальность разработки общих теоретико-методологических оснований, способных стать опорой для достижения терминологического согласия между исследователями и для организации международных исследований по данной теме. Это позволит проводить надежные сравнения и систематизацию эмпирических данных, а также на этой базе осуществлять разработку эффективных программ противодействия и профилактики КБ, совла-

ется продолжительность и используемые для осуществления травли средства, как меняются представления и способы реагирования всех участников ситуации КБ с накоплением опыта. Принимая во внимание возможности, предоставляемые онлайн-пространством и специфические особенности КБ, выглядит очевидной необходимостью исследований ролевой структуры КБ, где особое внимание будет уделено не только «агрессору» и «жертве», но и «хамелеонам», «наблюдателям», «помощникам агрессоров», «защитникам жертв» и возможным

трансформациям ролей и вариантам их сочетания (в ситуации цифрового самоповреждения, например).

Обсуждение ситуации КБ взрослыми пользователями ИКТ (родители и другие значимые взрослые) и самими подростками должно способствовать преодолению недостатка внимания к самому существованию проблемы КБ и пониманию ее значимости. Необходимо интенсивное просвещение всех потенциальных участников ситуации КБ о рисках использования ИКТ, совладания с ними и возможностях их предотвращения.

Информация о грантах и благодарностях

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00365 «Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: внутр поколенческий и межпоколенческий анализ»

Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке и участие в обсуждении данной статьи И.Д. Пермяковой и Е.Н. Львовой

Acknowledgements

This work was supported by the RSF grant No. 18-18-00365 "Digital Socialization in the Cultural-Historical Paradigm: Intra- and Intergenerational Analysis"
The authors are grateful to I.D. Permyakova and E.N. Lvova for preparing and participating in the discussion of this paper

Литература:

Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177–191.

Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться // Семья и школа. – 2006. – № 11. – С. 15–18.

Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Гир М., Роггендорф П. Дети России Онлайн. Результаты международного проекта. – Москва : Фонд Развития Интернет, 2012 – 213 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_05-29-11.pdf – (дата обращения 02.06.2018).

Солдатова Г.У., Зотова Е.Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн ситуация и способы совладания // Образовательная политика. – 2011. – № 5 (55). – С. 11–22.

Солдатова Г.У., Львова Е.Н., Пермякова И.Д. Феномены традиционного буллинга и кибербуллинга: сходства и различия // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сборник научных статей и материалов международной конференции, 14–17 февраля 2018, Коломна / под общ. ред. Р.В. Ершовой. – Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет Коломна, 2018. – С. 380–384.

Солдатова Г.У., Рассказова Е. И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3 (15). – С. 39–51. doi: 10.11621/npj.2014.0305

Allison, K.R., & Bussey, K. (2016). Cyber-bystanding in context: A review of the literature on witnesses' responses to cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 65, 183–194. 10.1016/j.childyouth.2016.03.026

Appel M., Stiglbauer B., Batinic B., & Holtz P. (2014). Internet use and verbal aggression: The moderating role of parents and peers. *Computers in Human Behavior*, 33, 235–241. doi: 10.1016/j.chb.2014.01.007.

- Baldry A.C., Farrington D.F., Sorrentino A. (2015). «Am I at risk of cyberbullying»? A narrative review and conceptual framework for research on risk of cyberbullying and cybervictimization: The risk and needs assessment approach. *Aggression and Violent Behavior*, 23, 36–51. doi: 10.1016/j.avb.2015.05.014
- Baldry, A. C., & Farrington, D. P. (2000). Bullies and delinquents: Personal characteristics and parental styles. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 10, 17–31. doi:10.1002/(SICI)1099-1298(200001/02)10:1\17:AID-CASP526[3.0. CO;2-M.
- Bandura A. (1985). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc, 544.
- Barlinska, J., Szuster, A., & Winiewski, M. (2013). Cyberbullying among adolescent bystanders: Role of the communication medium, form of violence, and empathy. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 23, 37–Retrieved from: <https://doi.org/10.1002/casp.2137>. (accessed 02.06.2019).
- Bauman S. (2015). Types of Cyberbullying. *Cyberbullying: What Counselors Need to Know*, 53–58. 10.1002/9781119221685.ch4
- Bauman S., Underwood M. K., Card, N. (2013). Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression. In S. Bauman, J. Walker & D. Cross (Eds.), *Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology*. New York, NY: Routledge, 41–46. 10.4324/9780203084601
- Calvete E., Orue I., Estévez A., Villardón L., & Padilla P. (2010). Cyberbullying in adolescents: Modalities and aggressors' profile. *Computers in Human Behavior*, 26, 1128–1135. doi: 10.1016/j.chb.2010.03.017
- Caravita S., Colombo B., Stefanelli S., & Zigliani R. (2016). Emotional, psychophysiological and behavioral responses elicited by the exposition to cyberbullying situations: Two experimental studies. *Psicología Educativa*, 22(1), 49–59. doi: 10.1016/j.pse.2016.02.003
- Cooper, J., Kapur, N., Webb, R., Lawlor, M., Guthrie, E., Mackway-Jones, K., & Appleby, L. (2005). Suicide After Deliberate Self-Harm: A 4-Year Cohort Study. *American Journal of Psychiatry*, 162(2), 297–303. doi:10.1176/appi.ajp.162.2.297
- Coping with Cyberbullying: Final Report. S. Perren & COSTWG5 group, 05.09.2012. Retrieved from: https://www.researchgate.net/profile/David_Smahel/publication/264238744_Coping_with_Cyberbullying_A_Systematic_Literature_Review_Final_Report_of_the_COST_IS_0801_Working_Group_5/links/53e9c03e0cf28f342f4142d2/Coping-with-Cyberbullying-A-Systematic-Literature-Review-Final-Report-of-the-COST-IS-0801-Working-Group-5.pdf (accessed 02.06.2019).
- CyberbullyingResearchCenter, Report 2007-2016 Retrieved from: <https://cyberbullying.org/summary-of-our-cyberbullying-research> (accessed: 03.04.2019).
- DeSmet, A., Bastiaensens, S., Van Cleemput, K., Poels, K., Vandebosch, H., Cardon, G., & De Bourdeaudhuij, I. (2016). Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: A multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 57, 398–415. doi: 10.1016/j.chb.2015.12.051.
- DeSmet, A., Bastiaensens, S., Van Cleemput, K., Poels, K., Vandebosch, H., & De Bourdeaudhuij, I. (2012). Mobilizing bystanders of cyberbullying: An exploratory study into behavioural determinants of defending the victim. In B. K. Wiederhold & G. Riva (Eds.), *Annual review of cybertherapy and telemedicine 2012: Advanced technologies in the behavioral, social and neurosciences*, 58–63. Amsterdam: IOS Press BV. doi: 10.3233/978-1-61499-121-2-58.
- Elsaesser, C., Russell, B., Ohannessian, C. M., & Patton, D. (2017). Parenting in a digital age: A review of parents' role in preventing adolescent cyberbullying. *Aggression and Violent Behavior*, 35, 62–72. doi:10.1016/j.avb.2017.06.004
- Fousiani, K., Dimitropoulou, P., Michaelides, M. P., & Van Petegem, S. (2016). Perceived Parenting and Adolescent Cyber-Bullying: Examining the Intervening Role of Autonomy and Relatedness Need Satisfaction, Empathic Concern and Recognition of Humanness. *Journal of Child and Family Studies*, 25(7), 2120–2129. doi:10.1007/s10826-016-0401-1.
- Grigg D.W. (2010) Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying. *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 20(2), 143–156.
- Haw, C., Hawton, K., Houston, K., & Townsend, E. (2001). Psychiatric and personality disorders in deliberate self-harm patients. *British Journal of Psychiatry*, 178(01), 48–54. doi:10.1192/bjp.178.1.48.
- Hinduja, S., & Patchin, J. W. (2008). Cyberbullying: An exploratory analysis of factors related to offending and victimization. *Deviant behavior*, 29(2), 129–156. 10.1080/01639620701457816
- Iranzo, B., Buelga, S., Cava, M.J., & Ortega-Barón, J. (2019). Cyberbullying, psychosocial adjustment, and suicidal ideation in adolescence. *Psychosocial Intervention*, 28, 75–81. doi:10.5093/pi2019a5.
- Juvonen, J., & Gross, E.F. (2008). Extending the school grounds?—Bullying experiences in cyberspace. *Journal of School health*, 78(9), 496–505. doi: 10.1111/j.1746-1561.2008.00335.x
- Kowalski, R.M., Giumetti, G.W., Schroeder, A.N., & Lattanner, M.R. (2014). Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological bulletin*, 140(4), 1073. doi:10.1037/a0035618.
- Kraft, E., & Wang, J. (2010). An exploratory study of the cyberbullying and cyberstalking experiences and factors related to victimization of students at a public liberal arts college. *International Journal of Technoethics (IJT)*, 1(4), 74–91. doi: 10.4018/jte.2010100106
- Lagerspetz, K.M., Björkqvist, K., Berts, M., & King, E. (1982). Group aggression among school children in three schools. *Scandinavian Journal of Psychology*, 23(1), 45–52. 10.1111/j.1467-9450.1982.tb00412.x
- Latane, B., & Darley, J.M. (1968). Group inhibition of bystander intervention in emergencies. *Journal of personality and social psychology*, 10(3), 215. 10.1037/h0026570
- Lessne, D., & Yanez, C. (2017). Student Reports of Bullying: Results from the 2015 School Crime Supplement to the National Crime Victimization Survey (NCES 2017-015). National Center for Education Statistics, Institute of Education Sciences, US Department of Education. Washington, DC. Retrieved January. Retrieved from: <https://nces.ed.gov/pubs2017/2017015.pdf> (accessed: 03.04.2019).
- Li, Q. (2007). New bottle but old wine: A research of cyberbullying in schools. *Computers in human behavior*, 23(4), 1777–1791. 10.1016/j.chb.2005.10.005
- Livingstone, S., Haddon, L., Görzig, A., & Ólafsson, K. (2011). EU kids online II: final report 2011. Retrieved from: http://eprints.lse.ac.uk/39351/1/EU_kids_online_final_report_%5BLSERO%5D.pdf (accessed: 02.06.2019).

- Machackova, H., Dedkova, L., & Mezulanikova, K. (2015). Brief report: The bystander effect in cyberbullying incidents. *Journal of adolescence*, 43, 96–99. 10.1016/j.adolescence.2015.05.010
- Macháčková, H., Dedkova, L., Sevcikova, A., & Cerna, A. (2013). Bystanders' support of cyberbullied schoolmates. *Journal of community & applied social psychology*, 23(1), 25–36. 10.1002/casp.2135
- Makri-Botsari, E., & Karagianni, G. (2014). Cyberbullying in Greek adolescents: The role of parents. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 116, 3241–3253. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.01.742
- Menesini E., Nocentini A., Palladino B. E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumbholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J. and Smith P. (2012). Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 15(9), 455–463. 10.1089/cyber.2012.0040
- Modecki, K. L., Minchin, J., Harbaugh, A. G., Guerra, N. G., & Runions, K. C. (2014). Bullying prevalence across contexts: A meta-analysis measuring cyber and traditional bullying. *Journal of Adolescent Health*, 55(5), 602–611. 10.1016/j.jadohealth.2014.06.007
- Olenik-Shemesh, D., Heiman, T., & Eden, S. (2015). Bystanders' behavior in cyberbullying episodes: Active and passive patterns in the context of personal-socio-emotional factors. *Journal of Interpersonal Violence*, 32, 23–48. doi: 10.1177/0886260515585531.
- Olweus, D. (1974). *Hakkekylingerogskoleboller. Forskingomskolemobbing*, Oslo: Cappelen.
- Olweus, D. (1991). *Bully/Victim Problems Among Schoolchildren: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention Program (From Development and Treatment of Childhood Aggression, 411–448, DJ Pepler and KH Rubin, eds.)*.
- Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know and what we can do*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 140.
- Olweus, D., & Limber, S. P. (2018). Some problems with cyberbullying research. *Current opinion in psychology*, 19, 139–143. doi: 10.1016/j.copsyc.2017.04.012
- Orel, A., Campbell, M., Wozencroft, K., Leong, E., & Kimpton, M. (2017). Exploring university students' coping strategy intentions for cyberbullying. *Journal of interpersonal violence*, 32(3), 446–462. doi: 10.1177/0886260515586363.
- Owens, D., Horrocks, J., & House, A. (2002). Fatal and non-fatal repetition of self-harm: systematic review. *The British Journal of Psychiatry*, 181(3), 193–199. 10.1192/bjp.181.3.193
- Patchin J. W. (2016). Retrieved from: <https://cyberbullying.org/2016-cyberbullying-data>. (accessed: 02.06.2019).
- Patchin, J.W., & Hinduja, S. (2006). Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying. *Youth violence and juvenile justice*, 4(2), 148–169. 10.1177/1541204006286288
- Patchin, J.W., & Hinduja, S. (2017). Digital self-harm among adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 61(6), 761–766. doi: 10.1016/j.jadohealth.2017.06.012.
- Pikas, A. (1975). *Sa stopparvimobbnig [So do we stop bullying]*. Stockholm: Prisma.
- Pikas, A. (1975). Treatment of Mobbing in School: Principles for and the Results of the Work of an Anti-Mobbing Group. *Scandinavian Journal of Educational Research*, 19(1), 1–12. 10.1080/0031383750190101
- Rivers, I., & Noret, N. (2010). 'I h8 u': findings from a five-year study of text and email bullying. *British Educational Research Journal*, 36, 643–671. 10.1080/01411920903071918
- Runions, K.C., Bak, M., & Cross, D. (2016). Cyber aggression. *Encyclopedia of adolescence*, 1–10. doi: 10.1007/978-3-319-32132-5_780-1.
- Sari, S.V. (2016). Was it just joke? Cyberbullying perpetrations and their styles of humor. *Computers in Human Behavior*, 54, 555–559. doi: 10.1016/j.chb.2015.08.053
- Sari, S. V., & Camadan, F. (2016). The new face of violence tendency: Cyber bullying perpetrators and their victims. *Computers in human behavior*, 59, 317–326. doi: 10.1016/j.chb.2016.02.027
- Slonje, R., & Smith, P. K. (2008). Cyberbullying: Another main type of bullying? *Scandinavian journal of psychology*, 49(2), 147–154.
- Smith, P. K. (2016). Bullying: Definition, types, causes, consequences and intervention. *Social and Personality Psychology Compass*, 10(9), 519–532. 10.1111/spc3.12266
- Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., & Tippett, N. (2008). Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of child psychology and psychiatry*, 49(4), 376–385. 10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x
- Soldatova, G., & Zotova, E. (2013). Coping with online risks: The experience of Russian schoolchildren. *Journal of Children and Media*, 7(1), 44–59. 10.1080/17482798.2012.739766
- The Annual Bullying Survey (2017). *DitchTheLabel*, United Kingdom. Retrieved from: <https://www.ditchthelabel.org/wp-content/uploads/2017/07/The-Annual-Bullying-Survey-2017-1.pdf> (accessed: 26.06.2019).
- Thomas, L., Falconer, S., Cross, D., Monks, H., & Brown, D. (2012). *Cyberbullying and the Bystander (Report prepared for the Australian Human Rights Commission)*. Perth, Australia: Child Health Promotion Research Centre, Edith Cowan University. Retrieved from: https://bullying.humanrights.gov.au/sites/default/files/content/bullying/bystanders/bystanders_results_insights_report.pdf. (accessed 02.06.2019).
- Tokunaga, R. S. (2010). Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization. *Computers in human behavior*, 26(3), 277–287. doi: 10.1016/j.chb.2009.11.014
- UNESCO, U. (2017). *School violence and bullying: Global status report*.
- Van Cleemput, K., Vandebosch, H., & Pabian, S. (2014). Personal characteristics and contextual factors that determine “Helping,” “Joining In,” and “Doing Nothing” when witnessing cyberbullying. *Aggressive Behavior*, 40, 383–396. doi: 10.1002/ab.21534
- Vandoninck, S., & d'Haenens, L. (2015). Children's online coping strategies: Rethinking coping typologies in a risk-specific approach. *Journal of adolescence*, 45, 225–236. doi: 10.1016/j.adolescence.2015.10.007.
- Wang, J., Iannotti, R. J., & Luk, J. W. (2012). Patterns of adolescent bullying behaviors: Physical, verbal, exclusion, rumor, and cyber. *Journal of school*

psychology, 50(4), 521–534. 10.1016/j.jsp.2012.03.004

Whitlock, J., Muehlenkamp, J., Eckenrode, J., Purington, A., Abrams, G. B., Barreira, P., & Kress, V. (2013). Nonsuicidal self-injury as a gateway to suicide in young adults. *Journal of Adolescent Health*, 52(4), 486–492. 10.1016/j.jadohealth.2012.09.010

Willard, N.E. (2007). Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress. Research press.

World Health Organization (2016). Health behaviour in school-aged children (HBSC) study: international report from the 2013/2014 survey, Copenhagen, Denmark. Retrieved from: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/303438/HSBC-No.7-Growing-up-unequal-Full-Report.pdf?ua=1 (accessed: 02.06.2019).

Wright, M.F. (2017). Adolescents' emotional distress and attributions for face-to-face and cyber victimization: Longitudinal linkages to later aggression. *Journal of applied developmental psychology*, 48, 1–13. doi: 10.1016/j.appdev.2016.11.002.

Ybarra, M.L., & Mitchell, K.J. (2004). Online aggressor/targets, aggressors, and targets: A comparison of associated youth characteristics. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 45(7), 1308–1316. doi:10.1111/j.1469-7610.2004.00328.x

Zych, I., Ortega-Ruiz, R., & Marín-López, I. (2016). Cyberbullying: a systematic review of research, its prevalence and assessment issues in Spanish studies. *Psicología Educativa*, 22(1), 5–18. doi: 10.1016/j.pse.2016.03.002.

References:

Allison, K.R., & Bussey, K. (2016). Cyber-bystanding in context: A review of the literature on witnesses' responses to cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 65, 183–194. 10.1016/j.childyouth.2016.03.026

Appel M., Stiglbauer B., Batinic B., & Holtz P. (2014). Internet use and verbal aggression: The moderating role of parents and peers. *Computers in Human Behavior*, 33, 235–241. doi: 10.1016/j.chb.2014.01.007.

Baldry A.C., Farrington D.F., Sorrentino A. (2015). «Am I at risk of cyberbullying»? A narrative review and conceptual framework for research on risk of cyberbullying and cybervictimization: The risk and needs assessment approach. *Aggression and Violent Behavior*, 23, 36–51. doi: 10.1016/j.avb.2015.05.014

Baldry, A. C., & Farrington, D. P. (2000). Bullies and delinquents: Personal characteristics and parental styles. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 10, 17–31. doi:10.1002/(SICI)1099-1298(200001/02)10:1<17:AID-CASP526>3.0.CO;2-M.

Bandura A. (1985). Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliff s, NJ: Prentice-Hall, Inc, 544.

Barlinska, J., Szuster, A., & Winiewski, M. (2013). Cyberbullying among adolescent bystanders: Role of the communication medium, form of violence, and empathy. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 23, 37–Retrieved from: <https://doi.org/10.1002/casp.2137>. (accessed 02.06.2019).

Bauman S. (2015). Types of Cyberbullying. Cyberbullying: What Counselors Need to Know, 53–58. 10.1002/9781119221685.ch4

Bauman S., Underwood M. K., Card, N. (2013). Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression. In S. Bauman, J. Walker & D. Cross (Eds.), *Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology*. New York, NY: Routledge, 41–46. 10.4324/9780203084601

Bochaver A.A., & Khlomov K.D. (2014). Cyberbullying: bullying in the space of modern technology. [*Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*], 11(3), 177–191.

Calvete E., Orue I., Estévez A., Villardón L., & Padilla P. (2010). Cyberbullying in adolescents: Modalities and aggressors' profile. *Computers in Human Behavior*, 26, 1128–1135. doi: 10.1016/j.chb.2010.03.017

Caravita S., Colombo B., Stefanelli S., & Zigliani R. (2016). Emotional, psychophysiological and behavioral responses elicited by the exposition to cyberbullying situations: Two experimental studies. *Psicología Educativa*, 22(1), 49–59. doi: 10.1016/j.pse.2016.02.003

Cooper, J., Kapur, N., Webb, R., Lawlor, M., Guthrie, E., Mackway-Jones, K., & Appleby, L. (2005). Suicide After Deliberate Self-Harm: A 4-Year Cohort Study. *American Journal of Psychiatry*, 162(2), 297–303. doi:10.1176/appi.ajp.162.2.297

Coping with Cyberbullying: Final Report. S. Perren & COSTWG5 group, 05.09.2012. Retrieved from: https://www.researchgate.net/profile/David_Smahel/publication/264238744_Coping_with_Cyberbullying_A_Systematic_Literature_Review_Final_Report_of_the_COST_IS_0801_Working_Group_5/links/53e9c03e0cf28f342f4142d2/Coping-with-Cyberbullying-A-Systematic-Literature-Review-Final-Report-of-the-COST-IS-0801-Working-Group-5.pdf (accessed 02.06.2019).

CyberbullyingResearchCenter, Report 2007-2016 Retrieved from: <https://cyberbullying.org/summary-of-our-cyberbullying-research> (accessed: 03.04.2019).

DeSmet, A., Bastiaensens, S., Van Cleemput, K., Poels, K., Vandebosch, H., Cardon, G., & De Bourdeaudhuij, I. (2016). Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: A multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 57, 398–415. doi: 10.1016/j.chb.2015.12.051.

DeSmet, A., Bastiaensens, S., Van Cleemput, K., Poels, K., Vandebosch, H., & De Bourdeaudhuij, I. (2012). Mobilizing bystanders of cyberbullying: An exploratory study into behavioural determinants of defending the victim. In B. K. Wiederhold & G. Riva (Eds.), *Annual review of cybertherapy and telemedicine 2012: Advanced technologies in the behavioral, social and neurosciences*, 58–63. Amsterdam: IOS Press BV. doi: 10.3233/978-1-61499-121-2-58.

Elsaesser, C., Russell, B., Ohannessian, C. M., & Patton, D. (2017). Parenting in a digital age: A review of parents' role in preventing adolescent cyberbullying. *Aggression and Violent Behavior*, 35, 62–72. doi:10.1016/j.avb.2017.06.004

Fousiani, K., Dimitropoulou, P., Michaelides, M. P., & Van Petegem, S. (2016). Perceived Parenting and Adolescent Cyber-Bullying: Examining the Intervening Role of Autonomy and Relatedness Need Satisfaction, Empathic Concern and Recognition of Humanness. *Journal of Child and Family Studies*, 25(7), 2120–2129. doi:10.1007/s10826-016-0401-1.

Grigg D.W. (2010) Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying. *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 20(2), 143–156.

Haw, C., Hawton, K., Houston, K., & Townsend, E. (2001). Psychiatric and personality disorders in deliberate self-harm patients. *British Journal of Psychiatry*, 178(01), 48–54. doi:10.1192/bjp.178.1.48.

- Hinduja, S., & Patchin, J. W. (2008). Cyberbullying: An exploratory analysis of factors related to offending and victimization. *Deviant behavior*, 29(2), 129–156. 10.1080/01639620701457816
- Iranzo, B., Buelga, S., Cava, M.J., & Ortega-Barón, J. (2019). Cyberbullying, psychosocial adjustment, and suicidal ideation in adolescence. *Psychosocial Intervention*, 28, 75–81. doi:10.5093/pi2019a5.
- Juvonen, J., & Gross, E.F. (2008). Extending the school grounds?—Bullying experiences in cyberspace. *Journal of School health*, 78(9), 496–505. doi: 10.1111/j.1746-1561.2008.00335.x
- Kon I.S. (2006). What is bullying and how to deal with it. [*Sem'ya i shkola*]. 11, 15–18.
- Kowalski, R.M., Giumetti, G.W., Schroeder, A.N., & Lattanner, M.R. (2014). Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological bulletin*, 140(4), 1073. doi:10.1037/a0035618.
- Kraft, E., & Wang, J. (2010). An exploratory study of the cyberbullying and cyberstalking experiences and factors related to victimization of students at a public liberal arts college. *International Journal of Technoethics (IJT)*, 1(4), 74–91. doi: 10.4018/jte.2010100106
- Lagerspetz, K.M., Björkqvist, K., Berts, M., & King, E. (1982). Group aggression among school children in three schools. *Scandinavian Journal of Psychology*, 23(1), 45–52. 10.1111/j.1467-9450.1982.tb00412.x
- Latane, B., & Darley, J.M. (1968). Group inhibition of bystander intervention in emergencies. *Journal of personality and social psychology*, 10(3), 215. 10.1037/h0026570
- Lessne, D., & Yanez, C. (2017). Student Reports of Bullying: Results from the 2015 School Crime Supplement to the National Crime Victimization Survey (NCES 2017-015). National Center for Education Statistics, Institute of Education Sciences, US Department of Education. Washington, DC. Retrieved January. Retrieved from: <https://nces.ed.gov/pubs2017/2017015.pdf> (accessed: 03.04.2019).
- Li, Q. (2007). New bottle but old wine: A research of cyberbullying in schools. *Computers in human behavior*, 23(4), 1777–1791. 10.1016/j.chb.2005.10.005
- Livingstone, S., Haddon, L., Görzig, A., & Ólafsson, K. (2011). EU kids online II: final report 2011. Retrieved from: http://eprints.lse.ac.uk/39351/1/EU_kids_online_final_report_%5BLSERO%5D.pdf (accessed: 02.06.2019).
- Machackova, H., Dedkova, L., & Mezulanikova, K. (2015). Brief report: The bystander effect in cyberbullying incidents. *Journal of adolescence*, 43, 96–99. 10.1016/j.adolescence.2015.05.010
- Machácková, H., Dedkova, L., Sevcikova, A., & Cerna, A. (2013). Bystanders' support of cyberbullied schoolmates. *Journal of community & applied social psychology*, 23(1), 25–36. 10.1002/casp.2135
- Makri-Botsari, E., & Karagianni, G. (2014). Cyberbullying in Greek adolescents: The role of parents. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 116, 3241–3253. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.01.742
- Menesini E., Nocentini A., Palladino B. E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J. and Smith P. (2012). Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 15(9), 455–463. 10.1089/cyber.2012.0040
- Modecki, K. L., Minchin, J., Harbaugh, A. G., Guerra, N. G., & Runions, K. C. (2014). Bullying prevalence across contexts: A meta-analysis measuring cyber and traditional bullying. *Journal of Adolescent Health*, 55(5), 602–611. 10.1016/j.jadohealth.2014.06.007
- Olenik-Shemesh, D., Heiman, T., & Eden, S. (2015). Bystanders' behavior in cyberbullying episodes: Active and passive patterns in the context of personal-socio-emotional factors. *Journal of Interpersonal Violence*, 32, 23–48. doi: 10.1177/0886260515585531.
- Olweus, D. (1974). *Hakkekyllingerogskoleboller. Forskingomskolemobbing*, Oslo: Cappelen.
- Olweus, D. (1991). Bully/Victim Problems Among Schoolchildren: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention Program (From Development and Treatment of Childhood Aggression, 411–448, DJ Pepler and KH Rubin, eds.).
- Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know and what we can do*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 140.
- Olweus, D., & Limber, S. P. (2018). Some problems with cyberbullying research. *Current opinion in psychology*, 19, 139–143. doi: 10.1016/j.copsy.2017.04.012
- Orel, A., Campbell, M., Wozencroft, K., Leong, E., & Kimpton, M. (2017). Exploring university students' coping strategy intentions for cyberbullying. *Journal of interpersonal violence*, 32(3), 446–462. doi: 10.1177/0886260515586363.
- Owens, D., Horrocks, J., & House, A. (2002). Fatal and non-fatal repetition of self-harm: systematic review. *The British Journal of Psychiatry*, 181(3), 193–199. 10.1192/bjp.181.3.193
- Patchin J. W. (2016). Retrieved from: <https://cyberbullying.org/2016-cyberbullying-data>. (accessed: 02.06.2019).
- Patchin, J.W., & Hinduja, S. (2006). Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying. *Youth violence and juvenile justice*, 4(2), 148–169. 10.1177/1541204006286288
- Patchin, J.W., & Hinduja, S. (2017). Digital self-harm among adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 61(6), 761–766. doi: 10.1016/j.jadohealth.2017.06.012.
- Pikas, A. (1975). *Sa stopparvimobbning [So do we stop bullying]*. Stockholm: Prisma.
- Pikas, A. (1975). Treatment of Mobbing in School: Principles for and the Results of the Work of an Anti-Mobbing Group. *Scandinavian Journal of Educational Research*, 19(1), 1–12. 10.1080/0031383750190101
- Rivers, I., & Noret, N. (2010). 'I h8 u': findings from a five-year study of text and email bullying. *British Educational Research Journal*, 36, 643–671. 10.1080/01411920903071918
- Runions, K.C., Bak, M., & Cross, D. (2016). Cyber aggression. *Encyclopedia of adolescence*, 1–10. doi: 10.1007/978-3-319-32132-5_780-1.
- Sari, S.V. (2016). Was it just joke? Cyberbullying perpetrations and their styles of humor. *Computers in Human Behavior*, 54, 555–559. doi: 10.1016/j.chb.2015.08.053

- Sari, S. V., & Camadan, F. (2016). The new face of violence tendency: Cyber bullying perpetrators and their victims. *Computers in human behavior*, 59, 317–326. doi: 10.1016/j.chb.2016.02.027
- Slonje, R., & Smith, P. K. (2008). Cyberbullying: Another main type of bullying? *Scandinavian journal of psychology*, 49(2), 147–154.
- Smith, P. K. (2016). Bullying: Definition, types, causes, consequences and intervention. *Social and Personality Psychology Compass*, 10(9), 519–532. 10.1111/spc3.12266
- Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., & Tippett, N. (2008). Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of child psychology and psychiatry*, 49(4), 376–385. 10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x
- Soldatova G., Zotova E., Lebesheva M., Gir M., & Roggendorf P. (2012). Children of Russia Online. Results of an international project. Moscow, Fond Razvitiya Internet, 213. Retrieved from: http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_05-29-11.pdf (accessed 02.06.2019).
- Soldatova G.U., & Zotova E.Yu. (2011). Cyberbullying in the school environment: a difficult online situation and coping methods. *[Obrazovatel'naya politika]*, 5(55), 11–22.
- Soldatova G.U., Lvova E.N., & Permyakova I.D. (2018). The phenomena of traditional bullying and cyberbullying: similarities and differences. In ed. R.V. Ershova *[Tsifrovoye obshchestvo kak kul'turno-istoricheskiy kontekst razvitiya cheloveka : sbornik nauchnykh statey i materialov mezhdunarodnoy konferentsii, 14–17 fevralya 2018, Kolomna]*. Kolomna, Gosudarstvennyy sotsial'no-gumanitarnyy universitet Kolomna, 380–384.
- Soldatova G.U., & Rasskazova E.I. (2014). The safety of adolescents on the Internet: risks, coping and parental mediation. *National Psychological Journal*, 3(15), 39–51. doi: 10.11621/npj.2014.0305
- Soldatova, G., & Zotova, E. (2013). Coping with online risks: The experience of Russian schoolchildren. *Journal of Children and Media*, 7(1), 44–59. 10.1080/17482798.2012.739766
- The Annual Bullying Survey (2017). DitchTheLabel, United Kingdom. Retrieved from: <https://www.ditchthelabel.org/wp-content/uploads/2017/07/The-Annual-Bullying-Survey-2017-1.pdf> (accessed: 26.06.2019).
- Thomas, L., Falconer, S., Cross, D., Monks, H., & Brown, D. (2012). Cyberbullying and the Bystander (Report prepared for the Australian Human Rights Commission). Perth, Australia: Child Health Promotion Research Centre, Edith Cowan University. Retrieved from: https://bullying.humanrights.gov.au/sites/default/files/content/bullying/bystanders/bystanders_results_insights_report.pdf. (accessed 02.06.2019).
- Tokunaga, R. S. (2010). Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization. *Computers in human behavior*, 26(3), 277–287. doi: 10.1016/j.chb.2009.11.014
- UNESCO, U. (2017). School violence and bullying: Global status report.
- Van Cleemput, K., Vandebosch, H., & Pabian, S. (2014). Personal characteristics and contextual factors that determine “Helping,” “Joining In,” and “Doing Nothing” when witnessing cyberbullying. *Aggressive Behavior*, 40, 383–396. doi:10.1002/ab.21534
- Vandoninck, S., & d'Haenens, L. (2015). Children's online coping strategies: Rethinking coping typologies in a risk-specific approach. *Journal of adolescence*, 45, 225–236. doi: 10.1016/j.adolescence.2015.10.007.
- Wang, J., Iannotti, R. J., & Luk, J. W. (2012). Patterns of adolescent bullying behaviors: Physical, verbal, exclusion, rumor, and cyber. *Journal of school psychology*, 50(4), 521–534. 10.1016/j.jsp.2012.03.004
- Whitlock, J., Muehlenkamp, J., Eckenrode, J., Purington, A., Abrams, G. B., Barreira, P., & Kress, V. (2013). Nonsuicidal self-injury as a gateway to suicide in young adults. *Journal of Adolescent Health*, 52(4), 486–492. 10.1016/j.jadohealth.2012.09.010
- Willard, N.E. (2007). Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress. Research press.
- World Health Organization (2016). Health behaviour in school-aged children (HBSC) study: international report from the 2013/2014 survey, Copenhagen, Denmark. Retrieved from: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/303438/HSBC-No.7-Growing-up-unequal-Full-Report.pdf?ua=1 (accessed: 02.06.2019).
- Wright, M.F. (2017). Adolescents' emotional distress and attributions for face-to-face and cyber victimization: Longitudinal linkages to later aggression. *Journal of applied developmental psychology*, 48, 1–13. doi: 10.1016/j.appdev.2016.11.002.
- Ybarra, M.L., & Mitchell, K.J. (2004). Online aggressor/targets, aggressors, and targets: A comparison of associated youth characteristics. *Journal of child Psychology and Psychiatry*, 45(7), 1308–1316. doi:10.1111/j.1469-7610.2004.00328.x
- Zych, I., Ortega-Ruiz, R., & Marín-López, I. (2016). Cyberbullying: a systematic review of research, its prevalence and assessment issues in Spanish studies. *Psicologia Educativa*, 22(1), 5–18. doi: 10.1016/j.pse.2016.03.002.

Психометрические свойства модифицированной батареи Интернационального Ресурса Когнитивных Способностей (ICAR)

Т.В. Корнилова

МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

С.А. Корнилов

Институт системной биологии Сизтл, США

М.С. Зиренко

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

М.А. Чумакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Москва, Россия

Поступила 7 сентября 2019/ Принята к публикации: 15 сентября 2019

Psychometric properties of the modified International Cognitive Ability Resource (ICAR) test battery

Tatiana V. Kornilova*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey A. Kornilov

Institute for Systems Biology, Seattle, USA

Maria S. Zirenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Maria A. Chumakova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: tvkornilova@mail.ru

Received September 7, 2019 / Accepted for publication: September 15, 2019

Актуальность работы. Возрождение в России практики интеллектуального тестирования выявляет необходимость освоения сложившихся и новых интерпретационных направлений в теоретическом понимании структур интеллекта, а также разработки некоммерческих тестов для проведения фундаментальных исследований.

Целью исследования стала апробация модифицированного теста ICAR на русскоязычных выборках, для чего апробировались два невербальных субтеста из батареи ICAR (трехмерное Вращение и матрицы) в сочетании с двумя вербальными субтестами из батареи ROADS (заменившими в модификации ICAR англоязычные шкалы).

Описание хода исследования. Построение апробируемой тестовой батареи включило перевод инструкций для предъявления двух субтестов ICAR, предназначенных для диагностики флюидного интеллекта. Для диагностики вербального интеллекта в батарею включены разработанные ранее для русскоязычной популяции две субшкалы теста ROADS. Всего в интеллектуальный тест вошли 4 субтеста, как и в исходном варианте ICAR.

Участниками стали 681 чел. (из них 377 женщин) в возрасте от 17 до 59 лет ($Med=23$, $M=25.83$, $SD=7.58$ лет), студенты и взрослые лица с высшим образованием г. Москвы, тестировавшиеся на основе добровольного сотрудничества.

Тестирование проводилось в виде предъявления как без ограничения времени ($n=284$), так и с ограничением времени ($n=397$).

Результаты. Исследование установило приемлемые психометрические свойства модифицированной батареи ICAR и выявило бифакторную структуру батареи на российской выборке, свидетельствующую о том, что в выполнение каждого типа заданий – вербальных и невербальных – вносит вклад как общий фактор g , так и частные факторы флюидного и кристаллизованного интеллектов, выделение которых правомерно, поскольку они манифестируются в соответствующих типах заданий. Выявлено также влияние фактора ограничения времени на результативность выполнения тестовой батареи. Показано, что введение ограничения по времени приводит к размытию « g -насыщенности» невербальных субтестов и имеет последствия в контексте невозможности прямого сравнения (или даже шкалирования) получаемых баллов.

Выводы. Модифицированный русскоязычный вариант интеллектуальной батареи ICAR обладает достаточными психометрическими характеристиками, что позволяет рекомендовать его для дальнейшего применения.

Ключевые слова: когнитивные способности, интеллект, флюидный интеллект, модель Кеттэлла-Хорна-Кэрролла, Интернациональный ресурс когнитивных способностей – ICAR.

Background. The emergence of the psychometric tradition in Russian psychology necessitates a thorough exploration and adoption of the international experience in the development of appropriate measurement instruments and methodologies. The goal of the present study was thus to perform a comprehensive evaluation of the International Cognitive Ability Resource (ICAR) instrument in a Russian sample. The modified ICAR instrument consisted of visuo-spatial subtests Three-dimensional Rotation, Mental Reasoning (original ICAR subtests), as well as the previously developed verbal subtests Mill-Hill verbal scale and Analogies (from the ROADS test battery).

Design. The ICAR battery was administered to $n=681$ individuals (377 females) in the age from 17 to 59 years ($Med=23$, $M=25.83$, $SD=7.58$ лет) who were either college students or adults with a college degree from the city of Moscow who volunteered for the study. The test battery was administered without ($n=284$) as well as with ($n=397$) a time limit.

Results. The study demonstrated adequate psychometric properties of the modified ICAR battery, and revealed a fundamentally bifactor structure of the battery both at the level of individual items as well as at the level of subtests. Thus, individual's performance on each item or subtest can be conceptualized as being driven by specific (e.g., fluid or verbal) as well as general (g) intelligence factors. We also show that introducing the time limit distorts the psychometric structure of the battery, lowers internal consistency, and reduces the g -saturation of the resulting scores, a finding that has important implications for the theory and practice of testing.

Keywords: cognitive ability, intelligence, g , Cattell-Horn-Carroll theory, International Cognitive Ability Resource

Введение

Разработка общедоступного инструмента – Интернационального ресурса когнитивных способностей (International Cognitive Ability Resource, ICAR) была направлена на способствование фундаментальным исследованиям интеллекта и преодоления ограничения использования коммерческих методик (Condon, Revelle, 2014). В этом международном проекте, охватившем к моменту обобщающей

его результаты статьи около 97000 испытуемых из 199 стран, тестирование проводилось онлайн. Были получены данные относительно профилей личностных черт испытуемых, которые заполнялись ими на SAPA-project.org (ранее названный test.personality-project.org). Для психометрической валидации проводилось и специальное исследование данных в офф-лайн режиме (с целью контроля возможной помощи испытуемым). Интерес к этому исследовательскому проекту обусловлен

его соответствием как теоретическим, так и практическим тенденциям развития современного интеллектуального тестирования. Назовем лишь некоторые особенности данного проекта:

- 1) различие коммерческих тестов и исследовательских батарей с точки зрения необходимых больших теоретических и временных затрат для фундаментальных исследований и акцентировании на обратной связи для коммерческих;
- 2) необходимость разработки общедоступного инструментария, чтобы фундаментальные исследования не ограничивались проблемами, связанными с интеллектуальной собственностью. Наряду с этим нас интересовало соотношение теоретических позиций, закладываемых в интеллектуальные тесты, а также возможность интеграции российских исследований в мировую психологическую исследовательскую практику.

Понимание интеллекта как когнитивной способности (интеллектуального потенциала или ментального ресурса) по измерениям которой можно выявлять межиндивидуальные различия, пришло в отечественную психологию вместе с тестами интеллекта. Разделение на вербальный и невербальный интеллект зафиксировало различия в типах задач и соответствующих формах протекания когнитивных процессов. Частично это соотносилось с разной степенью их культурной обусловленности (культурно-исторической – в одних, средовой – в других интерпретациях). После выделения Р. Кеттеллом кристаллизованного и флюидного интеллектов (Cattell, 1987) первый стал вполне соответствовать «вербальному», в то время как для «флюидного» можно было предполагать две формы проявления – и вербальной, и не вербальной. Так, в исходном интеллектуальном тесте ICAR оба вида интеллекта представлены в субтесте «Словесного Рассуждения» (Verbal Reasoning, $k=16$ заданий), включающего разнообразие задач на логику, словарный запас и общую осведомленность.

Флюидный интеллект проявляется в логике рассуждений, в гибкости и скорости мышления, в успешности приспособления к новым ситуациям, овладении новыми знаниями и структурировании

**Татьяна Васильевна Корнилова** –

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tvkornilova@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/tvkornilova@mail.ru/>

**Сергей Александрович Корнилов** –

Ph.D., старший научный сотрудник Института системной биологии (Сиэтл, США)
E-mail: tvkornilova@mail.ru
https://www.researchgate.net/profile/Sergey_Kornilov

**Мария Сергеевна Зиренко** –

аспирант кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: mzirenko@inbox.ru
<https://istina.msu.ru/profile/mszirenko/>

**Мария Алексеевна Чумакова** –

кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: mchumakova@hse.ru
https://www.hse.ru/gold/cm/progress_lecturer/2018/chumakova

Для цитирования: Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Зиренко М.С., Чумакова М.А. Психометрические свойства модифицированной батареи Интернационального Ресурса Когнитивных Способностей (ICAR) // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 32–45. doi: 10.11621/npj.2019.0304

For citation: Kornilova T.V., Kornilov S.A., Zirenko M.S., Chumakova M. A. (2019). Psychometric properties of the modified International Cognitive Ability Resource (ICAR) test battery. National Psychological Journal, *Internationalny psikhologicheskii zhurnal*, (12)3, 32–45. doi: 10.11621/npj.2019.0304

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

индивидуального опыта. В тесте ICAR с ним можно связывать успешность выполнения субтеста «Трехмерного Вращения» (Three-dimensional Rotation, $k=24$), в котором участникам даются кубические изображения и просят определить, какой из вариантов ответа является возможным результатом вращения эталонных стимулов. Наряду с этим в батарее представлен и субтест, аналогичный прогрессивным матрицам Равена («Матрицы», Matrix Reasoning, $k=11$), а также субтест с последовательностями чисел и букв (Letter and Number Series, $k=11$).

Вопросом остается представленность в разных типах задач единой способности, поскольку исходный анализ данных ICAR проводился в эксплораторном ключе, хоть и показал предварительную возможность выделения как частных факторов субтестов, так и стоящего за ними фактора второго порядка. Исследования также показали, что ICAR предсказывает около 20% дисперсии в самоотчетных данных успешности обучения.

Новые проблемы интеллектуального тестирования

Апробация на русском языке тестов «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена, WAIS Д. Векслера, ROADS Р. Стернберга, AST Р. Амтхауэра и ряда других позволила возродить в 1990-е гг. в России практику интеллектуального тестирования. Но нельзя сказать, что это привело к существенному продвижению в его методологии. При разработке в отечественной психологии новых теоретических интерпретаций – структурно-динамической теории (Ушаков, 2003), ментальных репрезентаций (Холодная, 1997) – в исследовательских работах продолжают сосуществовать разные подходы, диктуемые выбором конкретного теста. При этом, с одной стороны, принимаются заложенные в инструментарии классификации видов интеллекта: единого фактора g и групповых факторов $С$. Спирмена; дихотомии кристаллизованного и флюидного интеллекта в подходе Р. Кеттэлла; триархического интеллекта – аналитического (академического), практического интеллекта и креативности в подходе

Р. Стернберга и т.д. При этом российские исследователи оставляют без должного внимания изменения в интерпретационном поле применительно к используемым тестам.

Авторы статьи, обосновывающие введение дихотомии «холодных» и «горячих» видов интеллекта, считают необходимым «осторожное обновление» систематизации способностей (Schneider et al., 2016). Это обусловлено не только развитием конструкторов эмоционального и личностного интеллекта, представленных сегодня моделями когнитивных способностей и смешанными, включающими личностные черты (Salovey, Mayer, 1990; Mayer, 2014; Mayer et al., 2016; и др.), что расширяет представления о множественных видах интеллекта (Гарднер, 2007), однако не как «первичных» – специальных способностей, предполагавшихся Л. Терстоуном (Thurstone, 1938). Факторно-аналитические исследования Вернона, Гилфорда, Френча и Экстрема, Кеттэлла и Хорна и многих других продемонстрировали, что первичные способности Терстоу-

ня обоснованно оспаривается (Низбетт, 2013). Продолжают изменяться представления об интеллекте как общей способности и так называемых широких способностях, выступающих в качестве дискретных функций разума с широким полем применения. Хотя оценка генерального фактора g появляется практически в каждом наборе данных о когнитивных способностях (Carroll, 1993; Jensen, 1998), групповые факторы стали появляться сразу. И Спирмен даже обсудил их в своей основополагающей работе «Способности человека: их природа и измерение» (Spearman, 1927).

За рубежом к 90-м гг. XX века наиболее обсуждаемой стала теория, получившая название модель Кеттэлла-Хорна-Кэрролла. В ней было представлено уже 70 узких и 16 широких способностей. Эта модель, ставшая необычайно популярной, соединила идеи подразделения интеллекта на кристаллизованный и флюидный – Gf-Gc (Cattell, 1987; Horn, Blankson, 2005; Horn, Cattell, 1966) – с теорией трехуровневых когнитивных способностей – Three Stratum Theory of Cognitive Abilities (Carroll,

Понимание интеллекта как когнитивной способности (интеллектуального потенциала или ментального ресурса) по измерениям которой можно выявлять межиндивидуальные различия, пришло в отечественную психологию вместе с тестами интеллекта. Разделение на вербальный и невербальный интеллект зафиксировало различия в типах задач и соответствующих формах протекания когнитивных процессов

на вовсе не были первичными. Каждая из них могла быть разбита на еще более узкие способности. Дело в другом – во введении иных представлений о системных связях разных видов интеллекта с другими когнициями. Так, флюидное рассуждение оказывается в значимых связях с процессами рабочей памяти, эмоционального интеллекта (ЭИ) и понимания. Сам же ЭИ связан с разными процессами зрительной и слуховой переработки информации, скоростью обработки и т.д. (Schneider et al., 2016) и выступает в связях как с академическим интеллектом, так и с личностными свойствами регуляции когнитивных стратегий (Красавцева, Корнилова, 2018; Корнилова, 2016).

Следует отметить и изменения в понимании самих когнитивных способностей. Так, невербальный характер заданий в матрицах Равена создал впечатление его культурной независимости, что сегод-

ня она подвергается необычайно яркой критике, которой, в частности, посвящен специальный выпуск «The Evolution of Cognitive Ability Tests and Score Interpretation» в 3-м выпуске (2019) журнала «Applied Measurement in Education». Кэрролл полагал, что имеются существенные доказательства для психологического выделения g , а Хорн и Кеттэлл были в равной степени убеждены, что психометрический g не представляет собой истинную психологическую конструкцию. Именно теоретические разногласия в исходных методологиях и двух соединенных в одну модель теорий интеллекта препятствуют практическому использованию этой теории и, как образно выразились Кэнивез и Юнгстром (Canivez, Youngstrom, 2019), «обрекают на неудачу этот брак».

В последние годы большое внимание в зарубежной литературе получила разработка понимания генерального фактора

g в теории перекрывающихся процессов (process overlap theory), согласно которой когнитивные тесты позволяют диагностировать доменно-неспецифичные управляющие процессы, выявленные в основном в исследованиях рабочей памяти, а также более доменно-специфические процессы (Kovacs, Conway, 2016). Управляющие процессы, согласно этому подходу, за-

ловного мозга (Takagi, Hirayama, Tanaka, 2018; Dubois, Galdi, Paul, Adolphs, 2018). А недавний структурный мета-анализ данных, полученных при использовании 31 тестовой батареи на материале общей выборки в более чем 1,5 миллиона человек показал, что в 90% случаев оптимальные уровни пригодности данных показывают т.н. бифакторная модель (Reise, 2012),

генеральному фактору. Это принципиально отличает этот подход от «ресурсных» подходов (Холодная, 1997 и др.).

Не продолжая обзор современных изменений в соотнесении моделей интеллекта, представим интеллектуальную батарею ICAR, которая позволяет выделять как общий фактор, так и доменно-специфические (связанные с типом заданий), хотя сами авторы не указывают, какой именно теоретической позиции они следуют.

В последние годы большое внимание в зарубежной литературе получила разработка понимания генерального фактора g в теории перекрывающихся процессов (process overlap theory), согласно которой когнитивные тесты позволяют диагностировать доменно-неспецифичные управляющие процессы, выявленные в основном в исследованиях рабочей памяти, а также более доменно-специфические

ICAR

При разработке интеллектуального теста ICAR в него была заложена модель, предполагающая возможность иерархического выделения как единого фактора g, так и первичных факторов, соответствующих типам заданий, которые, в свою очередь, представляли два варианта невербальных и два варианта вербальных субтестов. Соответствующие невербальные субтесты традиционно рассматриваются как предоставляющие показатель флюидного интеллекта. Разработчики рассматривают субтесты, не суммируя показатели по вербальным и невербальным шкалам, но приводят среднее для удельного веса правильно решенных задач по двум невербальным тестам.

Время в их основном «Исследовании 1» не ограничивалось, и испытуемые получали от 12 до 16 пунктов из 60 (поровну для всех субтестов). Авторы (Condon, Revelle, 2014) показали соответствие факторной структуры тестовой батареи из 60 пунктов, с одной стороны, предполагавшимся четырем сильно коррелирующим факторам, соответствующим каждому из четырех типов тестовых заданий, а с другой, возможности выделения единого фактора g на основе процедур вторичной факторизации Шмида-Леймана. Внутренняя согласованность оказалась высокой для заданий на Трехмерное Вращение и «едва адекватной» для пунктов Матриц Рассуждения. Это, по их мнению, свидетельствует о том, что пункты Трехмерного Вращения измеряют единый латентный конструкт, что спорно для заданий по Матрицам. Таким образом, для двух типов невербальных заданий можно говорить о правомерности использования разного методического инструментария. Далее они продемонстрировали

действованы в разных когнитивных тестах таким образом, что они затребованы более часто, чем доменно-специфичные процессы. Согласно этой теории, g не является единой константой, стоящей за выполнением различных тестовых батарей различными выборками испытуемых и в различных условиях. По замечанию МакГрея и Шнейдера (Schneider, McGrew, 2019), теория перекрывающихся процессов как бы выступает в роли вышестоящей категории, так же, как «христианство» описывает группу очень похожих религиозных традиций, которые местами могут иметь резкие теологические различия.

в которой индивидуальные субтесты имеют нагрузки как на соответствующие частные факторы способностей, так и на общий фактор g (Cucina, Byle, 2017), который концептуализируется как ортогональный по отношению к частным факторам. А Божан (Beaujean, 2016) отмечает, что бифакторная модель соответствует исходным представлениям Кэрролла об общем интеллекте в не меньшей степени, чем иерархические модели.

Отметим, что в отечественной психологии Д.В. Ушаковым в его структурно-динамическом подходе обосновано иное понимание общего фактора g. «Он

При разработке интеллектуального теста ICAR в него была заложена модель, предполагающая возможность иерархического выделения как единого фактора g, так и первичных факторов, соответствующих типам заданий, которые в свою очередь представляли два варианта невербальных и два варианта вербальных субтестов

Л. Готтфредсон (Gottfredson, 2016) отмечает, что, несмотря на критику g как неконстантного и неуловимого конструкта, исходные посылки теории перекрывающихся процессов и современные данные, на которых она основана (в контексте рассмотрения экспериментальных и нейробиологических исследований), поддерживают, но не противоречат теоретическим позициям защитников g как одного не только из самых широко подкрепленных, но и практически значимых конструктов в психологии.

Так, в нейроиридгинговых исследованиях g выступает как значимый коррелят неспецифических функциональных состояний (паттернов коннективности) го-

стоит за корреляциями, которые связывают между собой решение задач, использующих совершенно различные наборы когнитивных процессов» (Валуева и др., 2017, С. 495). Другая важная идея – интеллектуального потенциала – заложена в обосновании того, что генеральный фактор имеет иное происхождение, чем широкие или узкие способности. Он свидетельствует о культурной обусловленности интеллекта в том смысле, что в разных обществах к человеку предъявляются разные требования, и повышение ценности какой-либо интеллектуальной функции вызывает встречную активность по ее развитию, а тем самым увеличение ее нагрузки по

схожесть результатов IRT-анализа для 16-пунктного образца теста ICAR (с выбором по 4 пункта на каждый фактор).

В «Исследовании 2» оценивались корреляции между баллами ICAR и баллами по аттестационным тестам и опубликованными рейтингами средних баллов по специальностям в университете. Скорректированные корреляции между баллами аттестационных тестов и 16- и 60-пунктными вариантами теста ICAR получены в диапазоне от 0,52 до 0,59 ($p \leq 0,016$).

Целью «Исследования 3» была оценка конструктивной валидности заданий ICAR в сравнении с коммерческими измерениями когнитивных способностей. В этом случае тест в офлайн-режиме проходили 137 студентов университета. Корреляции, в частности, с Тестом для Вандерлика (Wonderlic) составили 0,60 и 0,64 для разных версий ICAR, 0,77 и 0,72 – с баллами IQ для Сокращенной Шкалы Интеллекта Векслера (WASI) у взрослой выборки и 0,86 и 0,85 для Полной Шкалы Интеллекта Взрослых Векслера.

В заключение делается общий вывод о том, что общедоступные методы измерения когнитивных способностей обладают весомым потенциалом, а также являются достойным фундаментом для сотрудничества с теми, кого интересует обогащение существующих или новые разработки общедоступных инструментов.

Целью нашего исследования стала апробация модифицированной батареи ICAR на русскоязычных выборках. При этом для диагностики вербального интеллекта вместо исходных англоязычных были включены два субтеста, разработанные ранее для русскоязычной популяции в рамках адаптации интеллектуальной батареи ROADS и показавшие значимую предсказательную способность в отношении академических достижений студентов (Корнилов, Григоренко, 2010; Sternberg, 2006). Субтесты Трехмерное Вращение и Матрицы были взяты в исходном для ICAR варианте.

Основными задачами исследования выступили:

- а) апробация этих невербальных субтестов и установление их психометрических свойств;
- б) построение факторной модели, репрезентирующей структуру модифицированного варианта интеллектуальной

тестовой батареи в единстве вербальных и невербальных субтестов;

в) установление эффекта ограничения времени при выполнении тестовой батареи на ее психометрические свойства и структуру.

Ход исследования

Участники исследования

После удаления результатов испытуемых, не справившихся ни с одним заданием и выявленных с помощью оценки многомерных расстояний Махаланобиса многомерных аутляеров (multivariate outliers), величина выборки составила $n=681$ чел. (из них 377 жен. и 304 муж.) в возрасте от 17 до 59 лет, $Med=23$ и средним по возрасту 25,83 лет ($SD=7,58$). Это были студенты и взрослые лица с высшим образованием из г. Москвы, тестировавшиеся на основе добровольного сотрудничества.

Методики исследования

1. Невербальный интеллект тестировался с помощью двух субтестов из методики ICAR (International Cognitive Ability Resource) (Condon, Revelle, 2014). Первый субтест содержит 24 трехмерные фигуры на Вращение (субтест Вращение), второй – 11 матриц (субтест Матрицы). Трехмерные фигуры на Вращение представляют собой кубы. Участникам исследования предлагают определить, какой из 6 предложенных вариантов ответа является возможным Вращением представленного куба, также есть варианты ответа «Ни один из кубиков не подходит» и «Я не знаю ответ». Субтест Матрицы является аналогичным прогрессивным матрицам Равена (Raven, 1989; Равен и др., 2012). Стимулы представлены в виде геометрических фигур 3×3 элементов с одним из девяти отсутствующих элементов. Респонденты должны идентифицировать, какой из шести предложенных элементов наилучшим образом завершит фигуру. Тестовый балл, интерпретируемый далее как показатель зрительно-пространственного и, в данном случае, флюидного интеллекта, получается в результате усреднения равно-взвешенных данных поэтим двум субтестам.

2. Вербальный интеллект диагностировался с помощью двух субтестов, разработанных ранее в рамках апробации теста ROADS (Корнилов, Григоренко, 2010). Первый субтест является аналогом теста Милл-Хилл (далее шкала MX) и включает 34 задачи на определение среди шести предложенных слов наиболее близкого по значению к заданному слову. Второй субтест – Аналогии – включает 30 задач на установление отношений синонимы/антонимы между парами слов (там же). Балл по вербальному интеллекту получается в результате суммирования равно-взвешенных баллов по этим субтестам.

Обработка результатов.

Сырые баллы по субтестам были стандартизированы, усреднены и трансформированы в IQ-шкалу. Для групповых данных, как и в исходном варианте ICAR, нами подсчитывались средние значения доли тех участников, которые правильно ответили на определенное задание, относительно общего количества участников, которым предъявлялся тот же пункт.

Для установления надежности использовался как классический коэффициент внутренней согласованности заданий α Кронбаха, так и набирающий в современной психометрической литературе популярность коэффициент ω_h МакДональда, отражающий «насыщенность» изучаемых блоков заданий общим фактором (Zinbarg et al., 2005) при точном учете иерархической структуры теста через вторичную факторизацию матрицы корреляций между выделенными в эксплораторном факторном анализе значениями облических факторов (McDonald, 1999). Использование этого коэффициента в современных исследованиях отражает переход к основанным на моделях (model-based) показателям надежности тестов, и аналитические исследования убедительно показывают более высокую точность (как числовую, так и интерпретационную) коэффициента МакДональда (Zinbarg et al., 2005). Анализ проводился в программном пакете psych для R.

Анализ факторной структуры проводился в двух контекстах. Во-первых, адаптированные зрительно-пространственные субтесты анализировались на уровне отдельных заданий при помо-

Таблица 1. Психометрические свойства зрительно-пространственных шкал ICAR и вербальных шкал ROADS

Субтест	Временное ограничение-			Временное ограничение+		
	α	wh	ECV	α	wh	ECV
Вращение	0.94	0.80	74%	0.90	0.67	58%
Матрицы	0.68	0.44	37%	0.55	0.44	34%
Шкала МХ	0.79	0.51	45%	0.79	0.55	49%
Аналогии	0.65	0.32	29%	0.56	0.20	16%
Вращение+Матрицы (gf)	0.92	0.74	66%	0.86	0.54	47%
Шкала МХ + Аналогии (gc)	0.84	0.48	37%	0.80	0.53	39%
Все 4 субтеста (g)	0.91	0.45	26%	0.80	0.41	18%

Примечание: α – коэффициент внутренней согласованности альфа Кронбаха. wh – коэффициент надежности омега Макдональда. ECV – % общей дисперсии, объясняемый генеральным фактором.

Table 1. Psychometric properties of ICAR visual spatial scales and ROADS verbal scales.

Subtest	Temporary restriction -			Temporary restriction +		
	α	wh	ECV	α	wh	ECV
Rotation	0.94	0.80	74%	0.90	0.67	58%
Matrices	0.68	0.44	37%	0.55	0.44	34%
MX Scale	0.79	0.51	45%	0.79	0.55	49%
Analogies	0.65	0.32	29%	0.56	0.20	16%
Rotation + Matrices (gf)	0.92	0.74	66%	0.86	0.54	47%
Scale MX + Analogies (gc)	0.84	0.48	37%	0.80	0.53	39%
All subtests (g)	0.91	0.45	26%	0.80	0.41	18%

NB: α – Cronbach alpha coefficient of internal consistency. wh is the reliability coefficient of MacDonald omega. ECV is the percentage of the total variance due to the general factor.

Таблица 2. Психометрические свойства отдельных заданий зрительно-пространственных субтестов ICAR

Субтест	Задание	Временное Ограничение -		Временное Ограничение +		Временное Ограничение -			Временное Ограничение +		
		M	pBis	M	pBis	Gf	GS1	GS2	Gf	GS1	GS2
Вращение	R3D.01	0.25	0.57	0.16	0.40	0.75	0.25	-	0.57	-0.39	-
	R3D.02	0.11	-0.25	0.15	-0.24	-0.45	-0.24	-	-0.46	0.24	-
	R3D.03	0.06	-0.24	0.07	-0.24	-0.54	-0.32	-	-0.66	0.40	-
	R3D.04	0.46	0.71	0.45	0.45	0.84	0.23	-	0.63	-0.36	-
	R3D.05	0.48	0.65	0.41	0.53	0.68	0.49	-	0.52	-0.55	-
	R3D.06	0.56	0.65	0.54	0.53	0.65	0.56	-	0.48	-0.58	-
	R3D.07	0.44	0.66	0.37	0.53	0.93	-0.08	-	0.78	-0.40	-
	R3D.08	0.50	0.73	0.38	0.51	0.81	0.40	-	0.56	-0.48	-
	R3D.09	0.56	0.65	0.50	0.56	0.72	0.47	-	0.59	-0.56	-
	R3D.10	0.41	0.68	0.31	0.57	0.73	0.43	-	0.50	-0.59	-
	R3D.11	0.35	0.67	0.24	0.54	0.74	0.48	-	0.61	-0.52	-
	R3D.12	0.41	0.69	0.35	0.60	0.81	0.29	-	0.50	-0.63	-
	R3D.13	0.33	0.68	0.23	0.54	0.82	0.25	-	0.58	-0.53	-
	R3D.14	0.48	0.67	0.40	0.52	0.93	-0.06	-	0.52	-0.53	-
	R3D.15	0.49	0.70	0.40	0.61	0.85	0.20	-	0.40	-0.71	-
	R3D.16	0.57	0.60	0.48	0.56	0.65	0.45	-	0.23	-0.76	-
	R3D.17	0.48	0.74	0.39	0.59	0.83	0.31	-	0.33	-0.74	-
	R3D.18	0.06	-0.29	0.07	-0.22	-0.87	0.07	-	-0.44	0.39	-
	R3D.19	0.52	0.64	0.39	0.57	0.89	-0.05	-	0.26	-0.76	-
	R3D.20	0.62	0.63	0.47	0.49	0.68	0.53	-	-0.10	-0.87	-
	R3D.21	0.32	0.66	0.18	0.47	0.81	0.30	-	0.14	-0.72	-
	R3D.22	0.60	0.62	0.37	0.46	0.64	0.57	-	-0.19	-0.85	-
	R3D.23	0.43	0.47	0.29	0.40	0.46	0.50	-	-0.18	-0.75	-
	R3D.24	0.45	0.64	0.31	0.60	0.67	0.42	-	0.01	-0.90	-
Матрицы	MR.43	0.86	0.37	0.85	0.16	0.28	-	0.60	0.05	-	0.29

Для цитирования: Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Зиренко М.С., Чумакова М.А. Психометрические свойства модифицированной батареи Интернационального Ресурса Когнитивных Способностей (ICAR) // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 32–45. doi: 10.11621/npsj.2019.0304

For citation: Kornilova T.V., Kornilov S.A., Zirenko M.S., Chumakova M. A. (2019). Psychometric properties of the modified International Cognitive Ability Resource (ICAR) test battery. National Psychological Journal, *International Psychological Journal*, (12)3, 32–45. doi: 10.11621/npsj.2019.0304

щи многомерной теории тестовых заданий (multidimensional item response theory, MIRT) (Chalmers, 2012) в рамках т.н. 2PL (двухпараметрической модели), предполагающей одновременное моделирование вероятности правильного ответа на задание через сложность задания и его дискриминативность, а также через параметры способностей индивидов, прошедших тестирование. Анализ проводился в программном пакете mirt для R (Chalmers, 2012).

Во-вторых, анализ структуры расширенной батареи проводился на уровне субтестов в рамках конфирматорного факторного анализа. Так, для получения наблюдаемых переменных, были суммированы значения правильности выполнения отдельно четных и нечетных заданий, формируя 8 индикаторов. Такой подход представляет собой пример т.н. парцелляции (parcellation) индикаторов для конфирматорного факторного анализа при необходимости снижения размерности моделируемых данных, в сравнении с анализом на уровне отдельных пунктов. Конфирматорный факторный анализ проводился в программных пакетах lavaan и semTools для R (Rosseel, 2012).

Анализ влияния демографических показателей и фактора ограничения времени на результативность выполнения заданий ICAR проводился с применением т.н. устойчивой (robust) регрессии в пакете robustbase для R. Устойчивые методы позволяют получать более точные оценки моделируемых параметров, в сравнении с методами OLS регрессии, через учет индивидуальных «весов» испытуемых в контексте нарушения одно- или многомерной нормальности данных, что является частым случаем в психологии (Koller, Stahel, 2011).

Результаты исследования

Психометрические показатели заданий и субтестов

В таблице 1 представлены коэффициенты внутренней согласованности и надежности данных по всем 4-м субтестам и при варьировании ограничения времени выполнения заданий. Нами были выявлены приемлемые показатели внутренней согласованности заданий

как зрительно-пространственных субтестов, так и вербальных субтестов расширенной батареи ICAR. Отметим, что введение ограничения по времени привело к небольшому снижению показателей надежности получаемых баллов, что можно связывать со снижением g-насыщенности субтестов в соответствии с интерпретацией показателей ECV – процента дисперсии, объясняемой общим фактором.

Анализ вклада демографических показателей в успешность выполнения заданий ICAR показывают, что возраст ($B=0.14$, $SE=0.11$, $p=0.199$), пол ($B=-0.10$, $SE=1.19$, $p=0.935$), и их взаимодействие ($B=-0.21$, $SE=0.16$, $p=0.173$) объясняют 0% дисперсии в получаемых показателях флюидного интеллекта, тогда как введение ограничения времени связано со снижением баллов на -7.35 ($SE = 1.58$, $p < 0.0001$) баллов в шкале IQ, объясняя 3,39% дисперсии в выборке. Нами было установлено, что кристаллизованный вербальный интеллект показывает другие закономерности в отношении демографических показателей: возраст положительно связан с кристаллизованным интеллектом ($B=0.91$, $SE=0.20$, $p<0.0001$), а мужчины демонстрируют более низкие показатели, чем женщины ($B=-10.55$, $SE=1.77$, $p<0.0001$). В то же время, введение ограничения времени связано с общим снижением баллов ($B=-13.56$, $SE=1.52$, $p<0.0001$) для женщин, и статистически значимо меньшим снижением (на 8.55 баллов) для мужчин (что отражено в значимом взаимодействии между фактором пола и времени, $B=8.55$, $SE=2.31$, $p<0.0001$). Демографические показатели объясняют 14,5% дисперсии в показателях кристаллизованного интеллекта и до 24,3% – в сочетании с фактором ограничения времени.

В таблице 2 приведены показатели сложности отдельных заданий и факторные нагрузки заданий на выделенный общий фактор (Gf) и два специфичных фактора (GS1, GS2 для вербального и невербального интеллекта) при использовании подхода MIRT. Отметим, что три зрительно-пространственных задания ICAR показали отрицательные коэффициенты корреляции с общим баллом по субтесту Вращение, что говорит о возможности до-

	MR.44	0.73	0.29	0.75	0.18	0.08	-	0.50	0.36	-	0.21
	MR.45	0.74	0.32	0.70	0.21	0.25	-	0.47	0.36	-	0.20
	MR.46	0.70	0.37	0.66	0.22	0.24	-	0.56	0.24	-	0.26
	MR.47	0.76	0.28	0.73	0.22	0.40	-	0.35	0.32	-	0.34
	MR.48	0.69	0.37	0.72	0.18	0.08	-	0.61	0.06	-	0.32
	MR.50	0.43	0.23	0.39	0.27	0.31	-	0.26	0.07	-	0.40
	MR.53	0.75	0.36	0.66	0.35	0.34	-	0.46	0.10	-	0.62
	MR.54	0.43	0.16	0.42	0.21	-0.02	-	0.29	-0.08	-	0.42
	MR.55	0.54	0.42	0.35	0.31	0.31	-	0.59	-0.06	-	0.69
	MR.56	0.55	0.38	0.40	0.24	0.13	-	0.58	-0.23	-	0.62

Примечание: Идентификаторы заданий приведены в соответствии с исходной номенклатурой ICAR. M – сложность задания (% правильных ответов). pBis – точно-бисериальный коэффициент корреляции между заданием и общим баллом шкалы. Gf – стандартизованная факторная нагрузка задания (общий фактор). GS1, GS2 – стандартизованная факторная нагрузка задания (субтест-специфичные факторы).

Table 2. Psychometric properties of individual tasks of visual and ICAR spatial subtests.

Subtest	Task	Temporary restriction -		Temporary restriction +		Temporary restriction -			Temporary restriction +		
		M	pBis	M	pBis	Gf	GS1	GS2	Gf	GS1	GS2
Rotation	R3D.01	0.25	0.57	0.16	0.40	0.75	0.25	-	0.57	-0.39	-
	R3D.02	0.11	-0.25	0.15	-0.24	-0.45	-0.24	-	-0.46	0.24	-
	R3D.03	0.06	-0.24	0.07	-0.24	-0.54	-0.32	-	-0.66	0.40	-
	R3D.04	0.46	0.71	0.45	0.45	0.84	0.23	-	0.63	-0.36	-
	R3D.05	0.48	0.65	0.41	0.53	0.68	0.49	-	0.52	-0.55	-
	R3D.06	0.56	0.65	0.54	0.53	0.65	0.56	-	0.48	-0.58	-
	R3D.07	0.44	0.66	0.37	0.53	0.93	-0.08	-	0.78	-0.40	-
	R3D.08	0.50	0.73	0.38	0.51	0.81	0.40	-	0.56	-0.48	-
	R3D.09	0.56	0.65	0.50	0.56	0.72	0.47	-	0.59	-0.56	-
	R3D.10	0.41	0.68	0.31	0.57	0.73	0.43	-	0.50	-0.59	-
	R3D.11	0.35	0.67	0.24	0.54	0.74	0.48	-	0.61	-0.52	-
	R3D.12	0.41	0.69	0.35	0.60	0.81	0.29	-	0.50	-0.63	-
	R3D.13	0.33	0.68	0.23	0.54	0.82	0.25	-	0.58	-0.53	-
	R3D.14	0.48	0.67	0.40	0.52	0.93	-0.06	-	0.52	-0.53	-
	R3D.15	0.49	0.70	0.40	0.61	0.85	0.20	-	0.40	-0.71	-
	R3D.16	0.57	0.60	0.48	0.56	0.65	0.45	-	0.23	-0.76	-
	R3D.17	0.48	0.74	0.39	0.59	0.83	0.31	-	0.33	-0.74	-
	R3D.18	0.06	-0.29	0.07	-0.22	-0.87	0.07	-	-0.44	0.39	-
	R3D.19	0.52	0.64	0.39	0.57	0.89	-0.05	-	0.26	-0.76	-
	R3D.20	0.62	0.63	0.47	0.49	0.68	0.53	-	-0.10	-0.87	-
	R3D.21	0.32	0.66	0.18	0.47	0.81	0.30	-	0.14	-0.72	-
	R3D.22	0.60	0.62	0.37	0.46	0.64	0.57	-	-0.19	-0.85	-
	R3D.23	0.43	0.47	0.29	0.40	0.46	0.50	-	-0.18	-0.75	-
	R3D.24	0.45	0.64	0.31	0.60	0.67	0.42	-	0.01	-0.90	-
Matrices	MR.43	0.86	0.37	0.85	0.16	0.28	-	0.60	0.05	-	0.29
	MR.44	0.73	0.29	0.75	0.18	0.08	-	0.50	0.36	-	0.21
	MR.45	0.74	0.32	0.70	0.21	0.25	-	0.47	0.36	-	0.20
	MR.46	0.70	0.37	0.66	0.22	0.24	-	0.56	0.24	-	0.26
	MR.47	0.76	0.28	0.73	0.22	0.40	-	0.35	0.32	-	0.34
	MR.48	0.69	0.37	0.72	0.18	0.08	-	0.61	0.06	-	0.32
	MR.50	0.43	0.23	0.39	0.27	0.31	-	0.26	0.07	-	0.40
	MR.53	0.75	0.36	0.66	0.35	0.34	-	0.46	0.10	-	0.62
	MR.54	0.43	0.16	0.42	0.21	-0.02	-	0.29	-0.08	-	0.42
	MR.55	0.54	0.42	0.35	0.31	0.31	-	0.59	-0.06	-	0.69
	MR.56	0.55	0.38	0.40	0.24	0.13	-	0.58	-0.23	-	0.62

NB: Task IDs are in accordance with the original ICAR nomenclature. M is task complexity (% of correct answers). pBis is the point-biserial correlation coefficient between the task and the total scale score. Gf is standardized factor load of the task (common factor). GS1, GS2 are standardized factor load indicators (subtest-specific factors).

полнительных модификаций субтестов в дальнейших исследованиях.

Факторная структура батареи ICAR на российской выборке

Факторная структура батареи ICAR была проанализирована как на уровне отдельных заданий зрительно-пространственного блока, так и на материале парцелированных значений по субтестам для всей батареи в целом. Графически модели для расширенной батареи представлены на рисунке 1. В обоих случаях сравнивались следующие модели. Модель М1 предполагала наличие одного фактора за выполнением всех заданий или субтестов. М2 предполагала наличие двух ортогональных факторов (на уровне отдельных заданий – факторы субтестов Матрицы и Вращение, на уровне субтестов – факторов флюидного и кристаллизованного интеллекта). М3 включила оценку параметра ковариации между заданными факторами. М4 представляла собой бифакторную модель, где все задания или субтесты имели нагрузки на общий фактор, ор-

тогональный по отношению к частным факторам.

На уровне отдельных заданий мы также оценивали пригодность бифакторной модели М6 с отдельным фактором скорости, на который имели нагрузки те пункты, которые по результатам анализа сложности и пропущенных данных показали отличия между двумя условиями предъявления (рисунок 2), а на уровне субтестов – пригодность модели М5, которая постулировала g как фактор второго порядка (для идентификации модели были уравнены нагрузки флюидного и кристаллизованного факторов на фактор второго порядка).

В таблице 3 приведены показатели пригодности моделей в многомерных измерительных моделях MIRT на уровне отдельных заданий зрительно-пространственных субтестов ICAR и в конфирматорном факторном анализе (CFA) на основе блоков четырех субтестов расширенной батареи ICAR. В обоих случаях наилучшие показатели пригодности были получены для бифакторных моделей, согласно анализу дельты индексов CFI и RMSEA для вложенных моделей, а также

при формальном сопоставлении пригодности моделей через сравнение тестовых функций М2 и Y-B. Анализ факторных нагрузок заданий зрительно-пространственного блока, полученных для бифакторной модели (таблица 2) также показывает, что несмотря на общее соответствие модели данным, ряд отдельных заданий демонстрирует отрицательные нагрузки на общий фактор интеллекта, что может быть использовано для дальнейшей модификации методики.

Отметим, что вычислительная параметризация моделей второго порядка идентична модели с двумя облическими факторами в контексте CFA при наличии двух латентных факторов первого порядка, и потому прямое их сопоставление невозможно.

Влияние условий ограничения времени тестирования на результат

Дополнительно к установлению эффектов ограничения времени на общие получаемые баллы мы проанализировали влияние ограничения времени на выполнение отдельных заданий батареи ICAR:

Таблица 3. Показатели пригодности моделей способностей

Модель	Зрительно-пространственные субтесты ICAR (MIRT)					Все 4 субтеста расширенной батареи ICAR (CFA)				
	M2	df	p	CFI	RMSEA	Y-B	df	p	CFI	RMSEA
M1 – 1 фактор	1141.05	560	<0.001	0.960	0.061	368.69	20	<0.001	0.627	0.245
M2 – 2 орт. фактора	915.16	560	<0.001	0.975	0.047	165.94	20	<0.001	0.838	0.158
M3 – 2 облич. фактора	888.33	559	<0.001	0.977	0.046	127.87	19	<0.001	0.879	0.140
M4 – бифактор*	679.80	525	<0.001	0.989	0.032	22.63	12	0.031	0.988	0.053
M5 – фактор 2-го порядка	-	-	-	-	-	127.87	19	<0.001	0.879	0.140
M6 – бифакторная модель с фактором Скорость**	949.25	539	<0.001	0.958	0.044	-	-	-	-	-

Примечание: Приведены показатели для условия «Временное Ограничение –» М2 – тест-функция модели; df – количество степеней свободы. p – уровень значимости при проверке гипотезы абсолютной пригодности модели. CFI – сравнительный индекс пригодности. Y-B – хи-квадрат с поправкой на ненормальность данных. RMSEA – корень из среднего квадрата ошибки аппроксимации.

* – Модель, показавшая лучшие индексы пригодности.

** Приведены показатели для условия «Временное Ограничение +».

Table 3. Indicators of suitability models of abilities

Model	Visual spatial subtests ICAR (MIRT)					All subtests, expanded battery (CFA)				
	M2	df	p	CFI	RMSEA	Y-B	df	p	CFI	RMSEA
M1 – 1 factoe	1141.05	560	<0.001	0.960	0.061	368.69	20	<0.001	0.627	0.245
M2 – 2 orthogonal factor	915.16	560	<0.001	0.975	0.047	165.94	20	<0.001	0.838	0.158
M3 – 2 oblique factor	888.33	559	<0.001	0.977	0.046	127.87	19	<0.001	0.879	0.140
M4 – bi-factor*	679.80	525	<0.001	0.989	0.032	22.63	12	0.031	0.988	0.053
M5 – factor of the 2nd order	-	-	-	-	-	127.87	19	<0.001	0.879	0.140
M6 – bi-factor model with Speed**factor	949.25	539	<0.001	0.958	0.044	-	-	-	-	-

NB: *Temporary Limitation - M2 – test function of the model; df is the number of degrees of freedom. p is the significance level when testing the hypothesis of the absolute suitability of the model. CFI is a comparative fitness index. Y-B – chi-square corrected for data abnormality. RMSEA is the root of the mean square of the approximation error.

* – The model that showed the best suitability indices.

** The indicators for the condition «Temporary Limit +» are given.

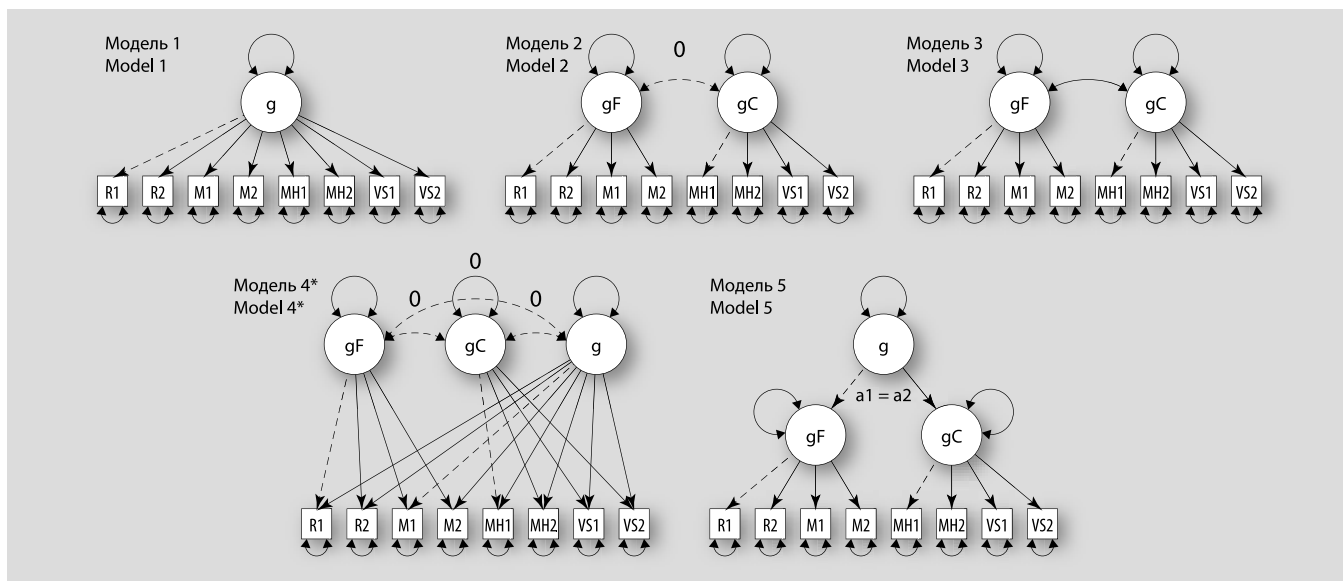


Рис. 1. Альтернативные конфирматорные факторные модели (CFA) структуры расширенной тестовой батареи ICAR. Нумерация моделей приведена в соответствии с таблицей 3.

Fig 1. Alternative Confirmation Factor Models (CFA) structures of the extended ICAR test battery. The numbering of the models is given in accordance with Table 3.

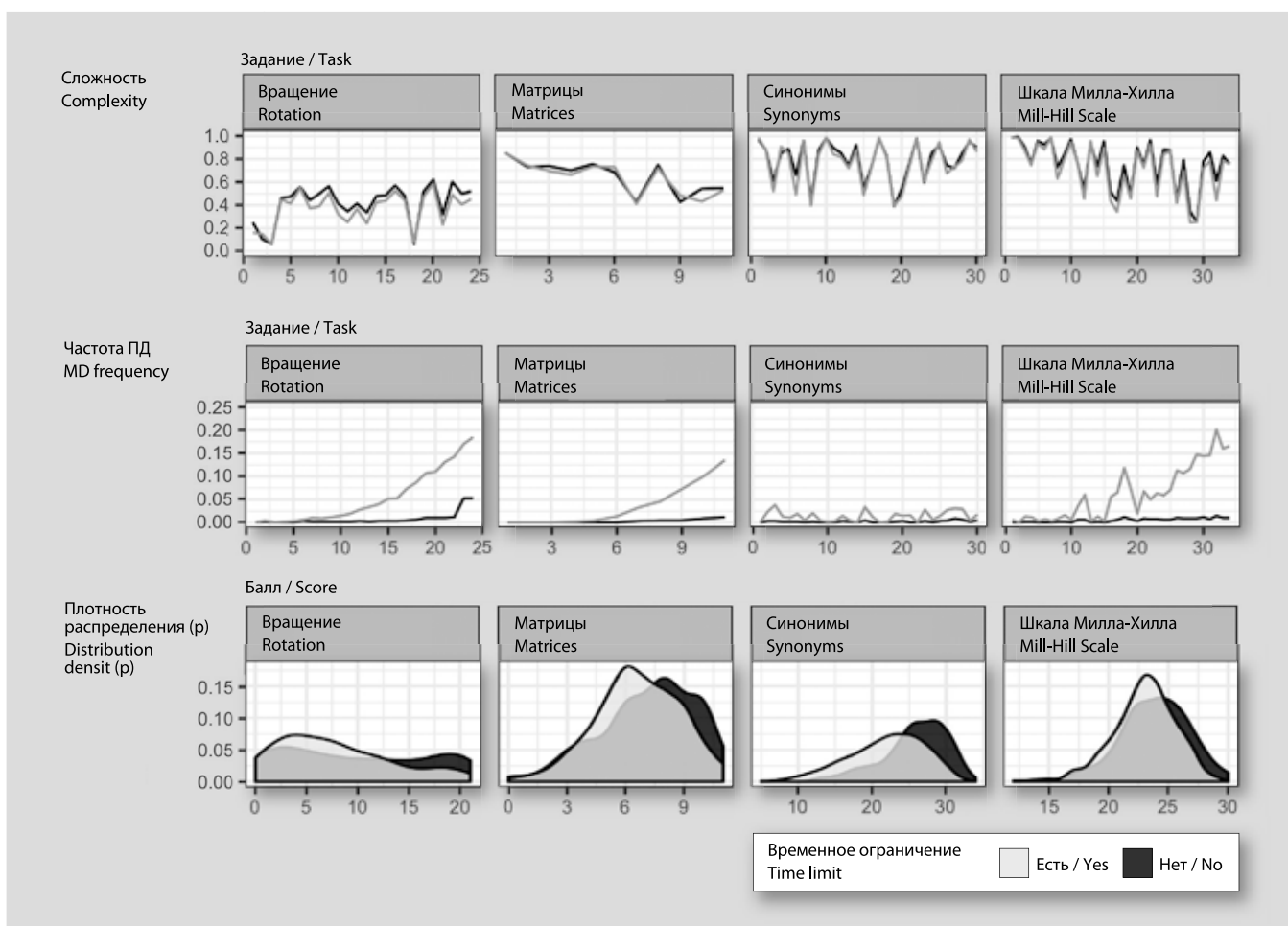


Рис. 2. Психометрические свойства заданий и распределения баллов зрительно-пространственных шкал ICAR и расширенной тестовой батареи. Сложность – % правильных ответов. ПД – пропущенные данные.

Fig 2. Psychometric properties of tasks and the distribution of scores in the ICAR visually-spatial scales and the extended test battery. Difficulty is percentage of correct answers. MD – missing data.

часть испытуемых проходила тестирование по ICAR в условиях ограничения времени, а другая часть – в условиях без ограничения времени. Сравнительный анализ показателей в этих подгруппах дан в графическом представлении на рисунке 2, где верхние два ряда графиков демонстрируют рост пропущенных данных (ПД) как показатель невыполнения задания – в зависимости от возрастания сложности заданий при отсутствии ограничения по времени. Анализ коэффициентов ранговой корреляции между сложностью

данных показал существенно более высокую внутреннюю согласованность, чем субтест Матрицы. Авторы исходной версии рассматривали последнее с точки зрения возможности использования Матриц для диагностики совокупности общих способностей, в то время как за результатами теста Вращение можно идентифицировать единую латентную переменную (Condon, Revelle, 2014).

Критиками соединения теорий Кеттэлла-Хорна с моделью Кэрролла отмечается «непоследовательная» зависи-

мых субтестов, двухфакторная модель также показала удовлетворительные уровни пригодности данных, и может быть использована в случаях, где предполагается фокус на индивидуальных различиях во флюидном или кристаллизованном интеллекте.

Полученная нами факторная структура соотносится с методическим разведением собственно вербальных и невербальных форм процессов, которые можно считать проявлениями кристаллизованного и флюидного интеллектов, возможность выделения при этом общего фактора g возвращает к бифакторным моделям когнитивных способностей. В отличие от модели Кеттэлла-Хорна-Кэрролла, выделенный на материале отдельных заданий зрительно-пространственных субтестов общий фактор (G_f) не является иерархически надстраиваемым над двумя специфичными факторами (GS_1 и GS_2), соответствующими вербальным и невербальным заданиям, а является скорее рядоположенным и вносящим вклады в выполнение всех типов заданий.

В нашем исследовании показано, что дополнительное время дает значительное преимущество в успешности прохождения интеллектуального тестирования. Это иной результат, чем представленный в цитированной работе по результатам разработки полного ICAR, где указывалось, что заочное и неограниченное по времени проведение тестирования когнитивных способностей онлайн не приводит к более высоким баллам (Condon, Revelle, 2014). На российских выборках также устанавливалось, что при выполнении матриц Равена испытуемые, тратившие больше времени на выполнение задания, не показывают более высоких результатов, а «режим ограничения времени обеспечивает более высокую дискриминативность, достоверность и защиту от влияния мотивации» (Давыдов, Чмыхова, 2016, С. 137).

Как анализ значений ECV, так и проведенный нами дополнительный анализ метрической инвариантности шкал ICAR в контексте сопоставления моделей показал, что введение ограничения по времени приводит к размытию g -насыщенности отдельных заданий и субтестов расширенной батареи ICAR и нарушению метрической инвариантности (коэффициентов факторных нагрузок, средних,

В настоящем исследовании были установлены базовые психометрические свойства расширенной батареи ICAR, состоящей из четырех субтестов. Как это было и в исходной версии ICAR, блок пунктов субтеста Трехмерное Вращение в наших данных показал существенно более высокую внутреннюю согласованность, чем субтест Матрицы

заданий без ограничения времени и частотой ПД в условиях ограничения времени показало, что для трех из четырех субтестов (Матрицы, $r = -.64$, $p < 0.05$; MX, $r = -.65$, $p < 0.05$; Аналогии $r = -.72$, $p < 0.05$) частота ПД возрастает как функция сложности заданий, тогда как для Вращения такая закономерность не была обнаружена ($r = .43$, $p > 0.05$). Для всех четырех субтестов показано, что введение ограничения времени приводит к снижению успешности решения заданий во второй половине субтеста, что приводит к систематическому смещению плотностей распределений баллов в сторону более низких значений.

Обсуждение результатов

В настоящем исследовании были установлены базовые психометрические свой-

мая репликация факторной структуры (Wasserman, 2019). Как видно из представляемой авторами ICAR результирующей модели, она прямо соотносится с типами заданий, а не с обсуждением представленных в них общих, широких или узких способностей. В полном согласии с результатами недавних мета-аналитических исследований (Cucina, Byle, 2017) мы показали, что паттерны выполнения заданий ICAR могут быть смоделированы с помощью применения бифакторной компенсаторной структуры, где вклад в успешность выполнения отдельных заданий и субтестов ICAR вносят частные факторы (субтест-специфические в рассмотрении зрительно-пространственных заданий, флюидный и вербальный в контексте рассмотрения всей расширенной батареи целиком), а также общий фактор g . Важно отметить, что выбор итоговой измери-

На материале русскоязычного варианта теста было показано, что модифицированная батарея ICAR представляет собой потенциально ценный ресурс для российских исследователей в области индивидуальных различий. Приведенные в статье данные могут быть использованы для направления дальнейших модификаций тестовой батареи (например, создания короткой версии ICAR из 16 заданий, аналогичной представленной в исходном исследовании) и принятия диагностических и измерительных решений, которые имеют важные последствия для интерпретации получаемых баллов и их распределений

ства расширенной батареи ICAR, состоящей из четырех субтестов. Как это было и в исходной версии ICAR, блок пунктов субтеста Трехмерное Вращение в наших

тельной модели в конкретном исследовании должен соотноситься с его целями: так, несмотря на возможность выделения g в бифакторной CFA модели всех четы-

и остатков) батареи, прямо указывая на невозможность прямой сопоставимости баллов, полученных при использовании батареи с и без ограничения по времени. Эти результаты частично соотносятся с недавними работами Ш. Рен и коллег (Ren et al., 2018), которые показали, что введение ограничения времени приводит к появлению вторичного фактора скорости выполнения заданий, коррелирующего в большей степени со скоростью обработки информации, чем с показателями общего интеллекта. Хотя мы эмпирически не подтвердили гипотезу о наличии дополнительного фактора в контексте CFA анализа, как отмечает Ф. Голдхаммер (Goldhammer, 2017), его изучение предполагает, в частности, фиксацию времени решения заданий испытуемыми, что выходит за рамки проведенного нами исследования.

Итак, на материале русскоязычного варианта теста было показано, что модифицированная батарея ICAR представ-

ет собой потенциально ценный ресурс для российских исследователей в области индивидуальных различий. Приведенные в статье данные могут быть использованы для направления дальнейших модификаций тестовой батареи (например, создания короткой версии ICAR из 16 заданий, аналогичной представленной в исходном исследовании) и принятия диагностических и измерительных решений, которые имеют важные последствия для интерпретации получаемых баллов и их распределений.

Выводы

1. Модифицированный тест ICAR, включивший невербальные субтесты исходной интеллектуальной батареи и вербальные субтесты, разработанные при апробации батареи ROADS, обладает достаточно хорошими психометрическими характеристиками для дальней-

шего применения на российских выборах.

2. Анализ факторной структуры свидетельствует о применимости к результатам бифакторных представлений, включающих в выполнение заданий как вклад общего фактора g, так и вербального и невербального интеллектов (при выполнении соответствующих типов заданий).
3. Введение фактора ограничения времени приводит к искажению психометрических свойств батареи ICAR, что имеет важные последствия для диагностических решений при проведении фундаментальных исследований.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность Ю.В. Красавцевой за участие в тестировании части выборки участников

Приложение 1.

Примеры заданий субтеста Трехмерное Вращение

Задание 1. R3D.01

«У всех кубиков, расположенных внизу, на каждой стороне находятся разные картинки. Среди кубиков (A, B, C), расположенных справа, выберите тот, который является повернутой версией кубика слева (X), и обведите свой ответ в бланке»:

Приложение 2.

Пример бланка ответов субтеста Трехмерное Вращение.

ICAR – Бланк / ICAR – Form

Пожалуйста, отмечайте все свои ответы на этом бланке
Please mark all your answers on this form

Субтест 1 / Subtest 1

Задание 1 / Task 1	A	B	C	D
	E	F	G	H

Задание 13 / Task 13	A	B	C	D
	E	F	G	H

Литература

- Валуева Е.А., Белова С.С., Морозова О.А. Культурная востребованность способностей и психометрические свойства когнитивных тестов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 491–500.
- Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта. – Москва : Вильямс, 2007.
- Давыдов Д.Г., Чмыхова Е.В. Применение теста Стандартные прогрессивные матрицы Равена в режиме ограничения времени // Вопросы психологии. – 2016. – № 4. – С. 129–139.
- Корнилов С.А., Григоренко Е.Л. Методический комплекс диагностики академических, творческих и практических способностей // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 2. – С. 90–103.
- Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. – Москва : Нестор–История, 2016.
- Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Эмоциональный и академический интеллект как предикторы стратегий в игровой задаче Айова (IGT) // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39. – № 3. – С. 29–43.
- Низбетт Р. Что такое интеллект и как его развивать. – Москва : Альпина нонфикшн, 2013.
- Равен Дж., Равен Дж.К., Корт Дж.Х. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. – Москва : Когито-Центр, 2012.
- Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. – Москва : Институт психологии РАН, 2003.
- Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Москва : Барс, 1997.
- Beaujean, A.A. (2015). John Carroll's view of intelligence: Bi-factor vs higher-order models. *Journal of Intelligence*, 3(4), 121–136. doi: 10.3390/jintelligence3040121
- Becker, N., Koch, M., Schult, J., & Spinath, F.M. (2017). Setting Doesn't Matter Much. A Meta-Analytic Comparison of the Results of Intelligence Tests Obtained in Group and Individual Settings. *European Journal of Psychological Assessment*, 33, 1–8.
- Canivez, G.L., & Youngstrom, E.A. (2019). Challenges to the Cattell-Horn-Carroll Theory: Empirical, Clinical, and Policy Implications. *Applied Measurement in Education*, (32)3, 232–248. doi:10.1080/08957347.2019.1619562
- Carroll, J. B. (1993). *Human cognitive abilities: A survey of factor-analytic studies*. New York: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511571312
- Cattell, R.B. (1987). *Intelligence: Its structure, growth and action*. New York: Elsevier.
- Chalmers, R.P. (2012). Mirt: a Multidimensional Item Response Theory Package for the R. Environment. *Journal of Statistical Software*, 48(6), 1–19. doi: 10.18637/jss.v048.i06
- Condon, D.M., & Revelle, W. (2014). The International Cognitive Ability Resource: Development and initial validation of a public-domain measure. *Intelligence*, 43, 52–64. doi: 10.1016/j.intell.2014.01.004
- Cucina, J., & Byle, K. (2017). The bifactor model fits better than the higher-order model in more than 90% of comparisons for mental abilities test batteries. *Journal of Intelligence*, 5(27), 1–21. doi: 10.3390/jintelligence5030027
- Dubois, J., Galdi, P., Paul, L.K., & Adolphs, R. (2018). A distributed brain network predicts general intelligence from resting-state human neuroimaging data. *Philosophical Transaction of the Royal Society B: Biological Sciences*, 373 (1756).
- Gottfredson, L.S. (2016). A g theorist on why Kovacs and Conway's Process Overlap Theory Amplifies, Not Opposes, g theory. *Psychological Inquiry*, 27(3), 210–217. doi: 10.1080/1047840X.2016.1203232
- Hamel, R., & Schmittmann, V.D. (2006). The 20-Minute Version as a Predictor of the Raven Advanced Progressive Matrices Test. *Educational and Psychological Measurement*, 66(6), 1039–1046. doi: 10.1177/0013164406288169
- Horn, J.L., & Blankson, N. (2005). Foundations for better understanding of cognitive abilities. In: D.P. Flanagan & P.L. Harrison (Eds.), *Contemporary intellectual assessment. Theories, tests, and issues* (2nd ed.). New York: Guilford Press, 41–68.
- Horn, J.L., & Cattell, R.B. (1966). Refinement and test of the theory of fluid and crystallized general intelligences. *Journal of Educational Psychology*, 57(56) 253–270. doi: 10.1037/h0023816
- Horn, J.L., & Noll, J. (1997). Human cognitive capabilities: Gf-Gc theory. In: Flanagan, D.P., Genshaft, J.L., & Harrison, P.L., Eds. *Contemporary Intellectual Assessment: Theories, Tests and Issues*. New York: Guilford Press, 53–91.
- Jensen, A.R. (1998). *The g factor: The science of mental ability*. Westport, CT: Praeger.
- Kirkegaard, E.O.W., & Nordbjerg, O. (2015). Validating a Danish translation of the International Cognitive Ability Resource sample test and Cognitive Reflection Test in a student sample Group, 4(5). 10.26775/ODP.2015.07.31
- Koller, M., & Stahel, W.A. (2011). Sharpening wald-type inference in robust regression for small samples. *Computational Statistics & Data Analysis*, 55(8), 2504–2515. doi: 10.1016/j.csda.2011.02.014
- Kovacs, K., & Conway, A.R.A. (2016). Process overlap theory: A unified account of the general factor of intelligence. *Psychological Inquiry*, 27(3), 151–177. doi: 10.1080/1047840X.2016.1153946
- Kyllonen, P., Hartman, R., Sprenger, A., Weeks, J., Bertling, M., McGrew, K., Kriz, S., Bertling, J., Fife, J., & Stankov, L. (2019). General fluid/inductive reasoning battery for a high-ability population. *Behavior Research Methods*, 51(2), 507–522. doi: 10.3758/s13428-018-1098-4
- Mayer, J.D. (2014). *Personal Intelligence: The power of personality and how it shapes our lives*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux.
- Mayer, J.D., Caruso, D.R., & Salovey, P. (2016). The ability model of emotional intelligence: principles and updates. *Emotion review*, 8(4), 290–300. doi: 10.1177/1754073916639667
- McDonald, R.P. (1999). *Test theory: A unified treatment*. L. Erlbaum Associates, Mahwah.
- Raven, J. (1989). The Raven Progressive Matrices: A Review of National Norming Studies and Ethnic and Socioeconomic Variation Within the United States. *Journal of Educational Measurement*, 26(1), 1–16. doi: 10.1111/j.1745-3984.1989.tb00314.x

- Raven, J.C., Court J.H., & Raven J. (1992). Manual for Raven's Progressive Matrices and Mill Hill Vocabulary Scales. Oxford: Oxford Psychologists Press. doi: 10.1080/00273171.2012.715555
- Reise, S.P. (2012). The rediscovery of bifactor measurement models. *Multivariate Behavioral Research*, 47(5), 667–696.
- Ren, X., Wang, T., Sun, S., Deng, M., & Schweizer, K. (2018). Speeded testing in the assessment of intelligence gives rise to a speed factor. *Intelligence*, 64–71. doi: 10.1016/j.intell.2017.11.004
- Rosseel, Y. (2012). Lavaan: An R package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 48(2), 1–36. doi: 10.18637/jss.v048.i02
- Salovey, P., & Mayer, J.D. (1990). Emotional intelligence. *Imagin. Cogn. Personal*, 9, 185–211. doi: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG
- Schneider, W.J., & McGrew, K.S. (2019). Process Overlap Theory is a milestone achievement among intelligence theories. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 32(3). doi: 10.1016/j.jarmac.2019.06.006
- Schneider, W.J., Mayer, J.D., & Newman, D.A. (2016). Integrating Hot and Cool Intelligences: Thinking Broadly about Broad Abilities. *Journal of Intelligence*, 4(1), Art.1. doi: 10.3390/jintelligence4010001
- Spearman, C.E. (1927). The abilities of man: Their nature and measurement. London: MacMillan.
- Sternberg, R.J. (1999). The theory of successful intelligence. *Review of General Psychology*, 3(4), 292–316. doi: 10.1037/1089-2680.3.4.292
- Sternberg R.J., & The Rainbow Project Collaborators (2006). The Rainbow Project: Enhancing the SAT through assessments of analytical, practical and creative skills. *Intelligence*. 34(4), 321–350. doi: 10.1016/j.intell.2006.01.002
- Takagi, Y., Hirayama, J., & Tanaka, S.C. (2018) State-Unspecific Modes of Whole-Brain Functional Connectivity Predict intelligence and life outcomes. bioRxiv, preprint first posted.
- Thurstone, L.L. (1938). Primary Mental Abilities. University of Chicago Press: Chicago, IL, USA.
- Wasserman, J.D. (2019). Deconstructing CHC. *Applied Measurement in Education*, 32(3), 249–268. doi: 10.1080/08957347.2019.1619563
- Zinbarg, R.E., Revelle, W., Yovel, I., & Li, W. (2005). Cronbach's α , Revelle's β , and McDonald's ω H: Their relations with each other and two alternative conceptualizations of reliability. *Psychometrika*, 70(1), 123–133. doi: 10.1007/s11336-003-0974-7

References:

- Beaujean, A.A. (2015). John Carroll's view of intelligence: Bi-factor vs higher-order models. *Journal of Intelligence*, 3(4), 121–136. doi: 10.3390/jintelligence3040121
- Becker, N., Koch, M., Schult, J., & Spinath, F.M. (2017). Setting Doesn't Matter Much. A Meta-Analytic Comparison of the Results of Intelligence Tests Obtained in Group and Individual Settings. *European Journal of Psychological Assessment*, 33, 1–8.
- Canivez, G.L., & Youngstrom, E.A. (2019). Challenges to the Cattell-Horn-Carroll Theory: Empirical, Clinical, and Policy Implications. *Applied Measurement in Education*, (32)3, 232–248. doi:10.1080/08957347.2019.1619562
- Carroll, J. B. (1993). Human cognitive abilities: A survey of factor-analytic studies. New York: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511571312
- Cattell, R.B. (1987). Intelligence: Its structure, growth and action. New York: Elsevier.
- Chalmers, R.P. (2012). Mirt: a Multidimensional Item Response Theory Package for the R. Environment. *Journal of Statistical Software*, 48(6), 1–19. doi: 10.18637/jss.v048.i06
- Condon, D.M., & Revelle, W. (2014). The International Cognitive Ability Resource: Development and initial validation of a public-domain measure. *Intelligence*, 43, 52–64. doi: 10.1016/j.intell.2014.01.004
- Cucina, J., & Byle, K. (2017). The bifactor model fits better than the higher-order model in more than 90% of comparisons for mental abilities test batteries. *Journal of Intelligence*, 5(27), 1–21. doi: 10.3390/jintelligence5030027
- Davydov D.G., & Chmykhova E.V. (2016). Application of the test Standard Progressive Raven matrices in the time limit mode. [*Voprosy psikhologii*], 4, 129–139. doi: 10.1098/rstb.2017.0284
- Dubois, J., Galdi, P., Paul, L.K., & Adolphs, R. (2018). A distributed brain network predicts general intelligence from resting-state human neuroimaging data. *Philosophical Transaction of the Royal Society B: Biological Sciences*, 373 (1756).
- Gardner G. (2007). The structure of the mind. Theory of multiple intelligence. Moscow, OOO I.D. Williams.
- Gottfredson, L.S. (2016). A g theorist on why Kovacs and Conway's Process Overlap Theory Amplifies, Not Opposes, g theory. *Psychological Inquiry*, 27(3), 210–217. doi: 10.1080/1047840X.2016.1203232
- Hamel, R., & Schmittmann, V.D. (2006). The 20-Minute Version as a Predictor of the Raven Advanced Progressive Matrices Test. *Educational and Psychological Measurement*, 66(6), 1039–1046. doi: 10.1177/0013164406288169
- Horn, J.L., & Blankson, N. (2005). Foundations for better understanding of cognitive abilities. In: D.P. Flanagan & P.L. Harrison (Eds.), Contemporary intellectual assessment. Theories, tests, and issues (2nd ed.). New York: Guilford Press, 41–68.
- Horn, J.L., & Cattell, R.B. (1966). Refinement and test of the theory of fluid and crystallized general intelligences. *Journal of Educational Psychology*, 57(56) 253–270. doi: 10.1037/h0023816
- Horn, J.L., & Noll, J. (1997). Human cognitive capabilities: Gf-Gc theory. In: Flanagan, D.P., Genshaft, J.L., & Harrison, P.L., Eds. *Contemporary Intellectual Assessment: Theories, Tests and Issues*. New York: Guilford Press, 53–91.
- Jensen, A.R. (1998). The g factor: The science of mental ability. Westport, CT: Praeger.
- Kholodnaya M.A. (1997). Psychology of intelligence: the paradoxes of research. Moscow, Izdatel'stvo «Bars».
- Kirkegaard, E.O.W., & Nordbjerg, O. (2015). Validating a Danish translation of the International Cognitive Ability Resource sample test and Cognitive Reflection Test in a student sample Group, 4(5). 10.26775/ODP.2015.07.31
- Koller, M., & Stahel, W.A. (2011). Sharpening wald-type inference in robust regression for small samples. *Computational Statistics & Data Analysis*, 55(8),

2504-2515. doi: 10.1016/j.csda.2011.02.014

Kornilov S.A., & Grigorenko E.L. (2010). Methodological complex for the diagnosis of academic, creative and practical abilities. [Psikhologicheskij zhurnal], 31(2), 90–103.

Kornilova T.V. (2016). Intellectual and personal potential of a person in conditions of uncertainty and risk. Moscow, Nestor – Istoriya.

Kovacs, K., & Conway, A.R.A. (2016). Process overlap theory: A unified account of the general factor of intelligence. *Psychological Inquiry*, 27(3), 151–177. doi: 10.1080/1047840X.2016.1153946

Krasavtseva Yu.V., & Kornilova T.V. (2018). Emotional and academic intelligence as predictors of strategies in the Iowa Game Problem (IGT). [Psikhologicheskij zhurnal], 39(3), 29–43.

Kyllonen, P., Hartman, R., Sprenger, A., Weeks, J., Bertling, M., McGrew, K., Kriz, S., Bertling, J., Fife, J., & Stankov, L. (2019). General fluid/inductive reasoning battery for a high-ability population. *Behavior Research Methods*, 51(2), 507–522. doi: 10.3758/s13428-018-1098-4

Mayer, J.D. (2014). Personal Intelligence: The power of personality and how it shapes our lives. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux.

Mayer, J.D., Caruso, D.R., & Salovey, P. (2016). The ability model of emotional intelligence: principles and updates. *Emotion review*, 8(4), 290–300. doi: 10.1177/1754073916639667

McDonald, R.P. (1999). Test theory: A unified treatment. L. Erlbaum Associates, Mahwah.

Nizbett R. (2013). What is intelligence and how to develop it. Moscow, Alpina nonfikshn.

Raven J., Raven J.K., & Cort J.H. (2012). A Guide to Raven's Progressive Matrices and Vocabulary Scales. Moscow, "Kogito-Tsentr". doi: 10.1037/t10910-000

Raven, J. (1989). The Raven Progressive Matrices: A Review of National Norming Studies and Ethnic and Socioeconomic Variation Within the United States. *Journal of Educational Measurement*, 26(1), 1–16. doi: 10.1111/j.1745-3984.1989.tb00314.x

Raven, J.C., Court J.H., & Raven J. (1992). Manual for Raven's Progressive Matrices and Mill Hill Vocabulary Scales. Oxford: Oxford Psychologists Press. doi: 10.1080/00273171.2012.715555

Reise, S.P. (2012). The rediscovery of bifactor measurement models. *Multivariate Behavioral Research*, 47(5), 667–696.

Ren, X., Wang, T., Sun, S., Deng, M., & Schweizer, K. (2018). Speeded testing in the assessment of intelligence gives rise to a speed factor. *Intelligence*, 64–71. doi: 10.1016/j.intell.2017.11.004

Rossee, Y. (2012). Lavaan: An R package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 48(2), 1–36. doi: 10.18637/jss.v048.i02

Salovey, P., & Mayer, J.D. (1990). *Emotional intelligence. Imagin. Cogn. Personal*, 9, 185–211. doi: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG

Schneider, W.J., & McGrew, K.S. (2019). Process Overlap Theory is a milestone achievement among intelligence theories. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 32(3). doi: 10.1016/j.jarmac.2019.06.006

Schneider, W.J., Mayer, J.D., & Newman, D.A. (2016). Integrating Hot and Cool Intelligences: Thinking Broadly about Broad Abilities. *Journal of Intelligence*, 4(1), Art.1. doi: 10.3390/jintelligence4010001

Spearman, C.E. (1927). The abilities of man: Their nature and measurement. London: MacMillan.

Sternberg, R.J. (1999). The theory of successful intelligence. *Review of General Psychology*, 3(4), 292–316. doi: 10.1037/1089-2680.3.4.292

Sternberg R.J., & The Rainbow Project Collaborators (2006). The Rainbow Project: Enhancing the SAT through assessments of analytical, practical and creative skills. *Intelligence*. 34(4), 321–350. doi: 10.1016/j.intell.2006.01.002

Takagi, Y., Hirayama, J., & Tanaka, S.C. (2018) State-Unspecific Modes of Whole-Brain Functional Connectivity Predict intelligence and life outcomes. bioRxiv, preprint first posted.

Thurstone, L.L. (1938). Primary Mental Abilities. University of Chicago Press: Chicago, IL, USA.

Ushakov D.V. (2003). Intelligence: structural-dynamic theory. Moscow, Institut Psikhologii RAN.

Valueva E.A., Belova S.S., & Morozova O.A. (2017). The cultural demand for abilities and the psychometric properties of cognitive tests. [Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki], 14(3), 491–500.

Wasserman, J.D. (2019). Deconstructing CHC. *Applied Measurement in Education*, 32(3), 249–268. doi: 10.1080/08957347.2019.1619563

Zinbarg, R.E., Revelle, W., Yovel, I., & Li, W. (2005). Cronbach's α , Revelle's β , and McDonald's ω H: Their relations with each other and two alternative conceptualizations of reliability. *Psychometrika*, 70(1), 123–133. doi: 10.1007/s11336-003-0974-7

Юбилей А.И. Донцова

Поступила 20 октября 2019/ Принята к публикации 20 октября 2019

Birthday Anniversary of A. Dontsov

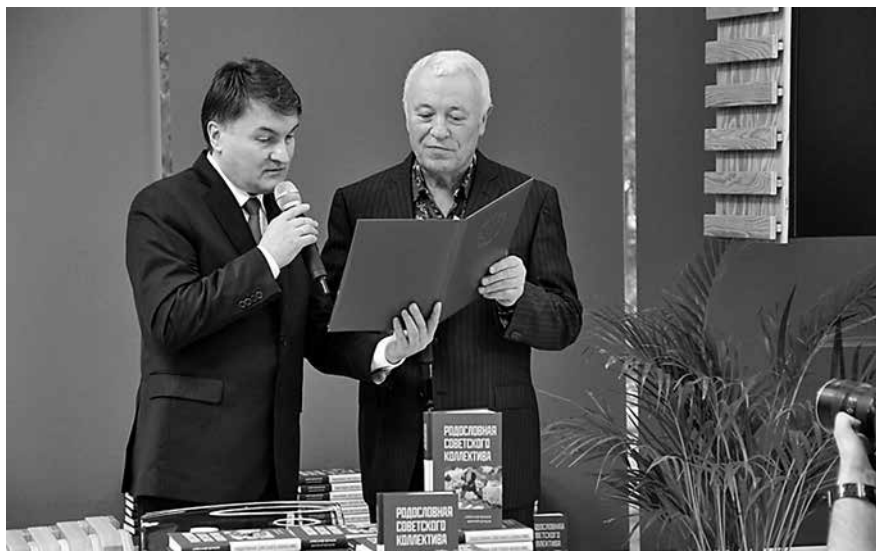
Received October 20, 2019 / Accepted for publication: October 20, 2019

15 октября – день рождения Александра Ивановича Донцова – видного российского психолога, доктора психологических наук, профессора кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, академика РАО.

October 15 is the birthday of Alexander Ivanovich Dontsov, a prominent Russian psychologist, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow Lomonosov State University, Academician of the Russian Academy of Education.

Общий стаж научно-педагогической работы А.И. Донцова на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова составляет 45 лет. Педагогическую работу он успешно сочетает с научной, являясь автором и соавтором более 100 научных публикаций, среди которых монографии, учебники и учебные пособия.

Александр Иванович Донцов известен в нашей стране и за рубежом своими трудами по психологии малых групп, межличностных отношений, массового сознания, социальной психологии личности, этнопсихологии. Александром Ивановичем разработана концепция интеграции малой функциональ-



ной группы, предложен оригинальный подход к анализу межличностного конфликта, сформулированы новые взгляды на проблемы социального влияния меньшинства и закономерности массового сознания. А.И. Донцов является создателем научно-экспериментальной концепции мотивационно-ценностно-единства коллектива.

20 октября в Российской академии образования прошла презентация новой книги А.И. и Д.А. Дон-

цовых «Родословная советского коллектива». На презентации президент РАО Ю.П. Зинченко наградил А.И. Донцова золотой медалью «За достижения в науке» Российской академии образования и вручил Почетную грамоту президиума Российского психологического общества, а также передал медаль Л.С. Выготского от Министерства просвещения Российской Федерации и Благодарность ректора МГУ имени М.В. Ломоносова.

Согласие в зависимости. Экзистенциально-аналитический подход¹

Альфريد Лэнгле

Международное общество логотерапии и экзистенциального анализа, Вена, Австрия
Факультет психологии НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила 11 августа 2019/ Принята к публикации: 26 августа 2019

Consent to addiction. Existential Analytical Approach

Alfried Längle

International Society for Logotherapy and Existential Analysis, Vienna, Austria
Department of Psychology, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Received August 11, 2019 / Accepted for publication: August 26, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Проблема зависимости сегодня является весьма актуальной. При наличии зависимости человек действует против себя самого, нередко даже становясь врагом самому себе. Поэтому очень важна разработка эффективных психотерапевтических методов работы с зависимостью. И хотя существуют разные модели работы с аддикцией, эта проблема до сих пор не решена.

Цель статьи – представить экзистенциально-аналитический подход при терапевтической работе с зависимостью.

Описание хода исследования. Зависимость рассматривается как препятствие для бытия Person. Эта чрезвычайно сильная психическая потребность регулярно заставляет свободную волю подчиняться ей. Воля покоряется и подыгрывает. Это приносит человеку облегчение. Проблема состоит в следующем: воля действует против собственного Бытия Person, другими словами, человек действует против себя самого и попадает в состояние саморазрушения. Для того чтобы выбраться из этого аутодеструктивного состояния предлагается систематическое обращение к собственной Person, что позволит гармонизировать отношения с ней и постепенно начать жить наполненной жизнью.

В отличие от поведенческой модели, где стимул сразу приводит к реакции, с помощью метода, разработанного в рамках экзистенциально-аналитического подхода, устанавливается другая модель – производится попытка интерпонировать Я как Person между стимулом и реакцией, за счет чего оно активизируется. Это и приводит к психотерапевтическому результату.

Результаты исследования. Рассмотрены основные этапы осуществления данной модели в психотерапевтической работе с зависимостью. Описаны упражнения и методы укрепления персональных сил зависимого человека, начинающиеся с принятия зависимости. Это дает возможность попытаться предоставить Person больше свободы действий и преодолеть зависимость изнутри.

Выводы. Данная статья может способствовать развитию персонального и экзистенциального взгляда на человека, страдающего зависимостью.

Ключевые слова: зависимость, воля, свобода, самопринятие, экзистенциально-аналитический подход, аддикция.

Background. Today, the problem of addiction is very relevant. Addicted persons may act against themselves, often becoming an enemy to themselves. Therefore, it is very important to develop effective psychotherapeutic methods of working with addiction. There are different models of working with addiction, but this problem has not yet been resolved.

The Objective is to present an existential-analytical approach to the therapeutic work with addiction.

Design. Addiction is deemed as an obstacle to Person-Being. This extremely strong mental need regularly makes free will obey it. The Will submits and plays along. It brings a person relief. The problem is in the fact that the Will acts against its own Person-Being, i.e. the person acts against himself. A person falls into a state of self-destruction. In order to get out of this self-destructive state, a systematic correlation with one's own Person is proposed, in order to strengthen relations with it and gradually begin to live a fulfilled life.

In contrast to the behavioural model, where the stimulus immediately causes a reaction within the method developed in the framework of the existential-analytical approach, another model is established, that implies that an attempt is made to interpose the Self as Person between the stimulus and the reaction, due to which it is activated, which leads to a psychotherapeutic result.

Results. The main stages of the implementation of this model in psychotherapeutic work with addiction are considered. The exercises and methods for outlining the personal strengths of an addicted person are described, starting with the adoption of addiction, so as to try to provide the Person with more freedom of action and overcome the addiction.

Conclusion. This paper can contribute to the development of a personal and existential view of an addicted person.

Keywords: addiction, will, freedom, self-acceptance, existential-analytical approach, addiction.

¹ Перевод с немецкого Екатерины Евстигнеевой

Несвобода и страдания

Аддикция – это зависимость. Вследствие аддикции душа чахнет (в немецком языке² слово «аддикция» – «sucht» происходит от слова «чахнуть» – «siechen»). В любом случае зависимость – это несвобода. А с точки зрения человеческого бытия, это значит – поражение воли. Следовательно, аддикция – это «чахнущая воля»? Далее мы будем это исследовать.

Нам стоит расширить понимание проблематики зависимости. Раз за разом становиться более «слабым» – вероятно именно это становится частью человеческого существования при возникновении зависимости. Это типичное переживание, особенно у пациентов, когда им повторно не удается следовать тому, что человек считает разумным, делать то, чего он «на самом деле хочет» и «признает» как правильное, что он считает чем-то важным, своим долгом, и с чем он чувствует внутреннее согласие

Возникает вопрос, является ли это «увядание воли» специфическим для зависимости? Разве поражение воли не является универсальной темой психопатологии? Разве психопатология не определяется как ограничение свободы, когда поступки больше не подчиняются воле? Это экзистенциальное отчуждение является основой для

психопатологический аспект аддикции указывает на то, что при зависимости страдание особенно сильно связано с бессилием воли. И гораздо меньше с такими аспектами, как небезопасность бытия у тревожных, отсутствие ценности жизни у депрессивных, самоотчуждение у истериков или потеря реальности у психотиков. Поэтому в аддикции на первый план выходит переживание зависимости. А зависимость подразумевает именно несвободу. Человек не может делать то, что он хочет – он не может освободиться от наркотика или от игры

определения психических расстройств и заболеваний в экзистенциальном анализе (ЭА). С экзистенциальной точки зрения, психическое расстройство/заболевание означает, что человек вновь и вновь одинаковым образом не может осуществить что-то, что он сам воспринимает

как ценное, важное и правильное (Längle, 1992). Подобно определяет болезнь Хайнц (Heinz, 2014), но в более широком смысле – как угрозу «человеческим» функциям, к которым принадлежит также и воля.

Нам стоит расширить понимание проблематики зависимости. Раз за разом становиться более «слабым» – вероятно именно это становится частью человеческого существования при возникновении зависимости. Это типичное

переживание, особенно у пациентов, когда им повторно не удается следовать тому, что человек считает разумным, делать то, чего он «на самом деле хочет» и «признает» как правильное, что он считает чем-то важным, своим долгом, и с чем он чувствует внутреннее согласие. Например, пациентка с депрессивным

и при тех видах душевного страдания, которые не представлены в Международной классификации болезней (МКБ) и вопрос о самоотчуждении и «истинном Я», когда мы имеем дело с мощными внутренними влечениями или нас что-то сильно притягивает извне, может вызывать страдание. А это далеко еще не патология. Например, пациент, который хочет сохранить свой брак, переживает привлекательность своей любовницы для себя как нечто подобное зависимости. Неделями и месяцами ему просто не удастся прервать с ней контакт и не отправлять ей смс, не читать ее сообщений. Ни ему, ни ей не удастся «переступить через себя» и не узнавать, как у другого обстоят дела. Зависимость? Истинная любовь? Физическое влечение?

В связи с этим возникают фундаментальные вопросы человечества: что человек знает о том, кто он такой, и что является истинным? Что мы знаем о том, что является свободой – разве это не разумное, то есть не возможность следовать тому, что для нас понятно? Или свобода состоит в том, чтобы делать то, что причиняет меньше страданий? Должна ли тогда свобода быть бесстрастной? Или свобода – это способность следовать внутреннему чутью, собственной сущности?

Мы можем универсально использовать понимание аддикции и обращаться к проблеме зависимости при лечении психопатологических феноменов а, возможно, и для понимания нашей собственной жизни.

Психопатологический аспект аддикции указывает на то, что при зависимости страдание особенно сильно связано с бессилием воли. И гораздо меньше с такими аспектами, как небезопасность бытия у тревожных, отсутствие ценности жизни у депрессивных, самоотчуждение у истериков или потеря реальности у психотиков. Поэтому в аддикции на первый план выходит переживание зависимости. А зависимость подразумевает именно несвободу. Человек не может делать то, что он хочет – он не может освободиться от наркотика или от игры. Этот феномен мы сейчас углубленно изучим.

² Прим. переводчика



Альфред Антон Лэнгле –

доктор медицины и философии, профессор кафедры психологии личности факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Председатель Международного общества логотерапии и экзистенциального анализа (GLE) (Австрия).
E-mail: Alfried.laengle@existenzanalyse.org
<http://laengle.info/>

Для цитирования: Лэнгле Альфред. Согласие в зависимости. Экзистенциально-аналитический подход // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 47–59. doi: 10.11621/npj.2019.0306

For citation: Alfred Längle (2019). Consent to addiction. Existential Analytical Approach. National Psychological Journal, [Nationalnyy psikhologicheskii zhurnal], (12)3, 47–59. doi: 10.11621/npj.2019.0306

Воля в зависимости

Терапия зависимости, следовательно, является, прежде всего, терапией несвободы. Терапия аддикции, которая фокусируется на наполненном страданием переживании, должна, в первую очередь, заниматься вопросами мотивации, свободы, ответственности, экзистенции и, особенно, воли.

Здесь необходимо прояснить два распространенных недоразумения, которые связаны с волей: кому подчиняется воля, и что с ней происходит при зависимости?

Кому подчиняется воля?

Воля – это практическая способность человека, благодаря которой он становится способным действовать. Действовать – значит осуществлять акт воли. Поэтому воля – это поручение действий со стороны Я себе самому.

Однако в контексте наших рассуждений интересно не только влияние воли, но и то, как возникает воля. Кому подчиняется воля? Она подчиняется Я? Если переформулировать вопрос, получится: я могу определить чего я хочу? На этот вопрос мы можем ответить утвердительно. Именно этим и является воля – что я определяю, что мне делать. Я принимаю решение и решаюсь, привожу, таким образом, волю к действию. Но на основании чего?

При проявлении воли человек испытывает ограничение. Он переживает, что его свобода ограничена. Ведь я не могу хотеть чего-то захотеть. Я не могу как угодно распоряжаться собой. Например, я сейчас хочу продолжить читать эту статью. Но я не могу просто за себя решить больше этого не хотеть, если я на самом деле этого хочу. Здесь должны присутствовать весомые причины (ценности), чтобы убедить меня прекратить чтение сейчас.

Необходимы весомые ценности и для того, чтобы избавиться от зависимости. Ведь, если мы чего-то хотим, то мы хотим этого на основании чего-то. Изменение волевого процесса связано с осознанием и чувствованием других, еще более значимых ценностей.

Распространенное когнитивистское заблуждение – считать, что основная причина желания заключается в здоровом

смысле. Воля не следует здоровому смыслу. Воля всегда следует субъективно переживаемой, большей на данный момент ценности. Это, конечно же, может быть и здоровый смысл, но не обязательно. Поэтому терапия зависимости не имеет ни малейшего шанса, пока у воли не будет в распоряжении никаких других близких для переживания ценностей, и не будут выстроены новые связи с другими ценностями, не связанными с зависимостью, а также не будет уменьшен или прекращен контакт с соблазнительными веществами. Воля не может действовать никак ина-

Терапия зависимости, следовательно, является, прежде всего, терапией несвободы. Терапия аддикции, которая фокусируется на наполненном страданием переживании, должна, в первую очередь, заниматься вопросами мотивации, свободы, ответственности, экзистенции и, особенно, воли

че, кроме как дать свое одобрение самой наивысшей ценности на данный момент. Это задача воли. Таким образом, она находится на службе фундаментальных измерений экзистенции: безопасности, жизни, бытия собой и смысла, и должна собрать все это воедино (Längle, 2013).

Распространенное когнитивистское заблуждение – считать, что основная причина желания заключается в здоровом смысле. Воля не следует здоровому смыслу. Воля всегда следует субъективно переживаемой, большей на данный момент ценности. Это, конечно же, может быть и здоровый смысл, но не обязательно. Поэтому терапия зависимости не имеет ни малейшего шанса, пока у воли не будет в распоряжении никаких других близких для переживания ценностей, и не будут выстроены новые связи с другими ценностями, не связанными с зависимостью

Однако, когда ценности не приносят ни экзистенциального, ни витального насыщения, когда жизнь остается пустой и ее содержимое человека не трогает, когда не хватает пищи для жизненных сил и радости в жизни, поскольку человек чувствует себя (по каким-либо внутренним или внешним причинам) оторванным от этого, тогда воля прибегает к эрзацу. Как говорят в народе: «На безрыбье и рак рыба»³. Так же и воля довольствуется эрзацем. Бывает, что вследствие дефицита, привычки, натренированности или по причине искажений в восприятии, некоторые содержания обретают настолько высокую ценность (такую сильную привлекательность), что, несмотря на их

вред (для себя или для других), человек к ним прибегает. Тогда воля выходит из-под контроля, так как ее первоначальная программа состоит в стремлении к благоприятным для жизни ценностям. И тогда необходимо новое восприятие ценностей, исправление сдвигов, новое и расширенное чувствование, проработка блокад и препятствий.

Воля – это «направленность на какую-то ценность» (Längle, 2012). Здоровая воля, конечно, никогда не теряет из вида фундаментальные структуры экзистенции (фундаментальные мотивации) и, особенно,

содержащую в них ценность своей собственной жизни и самооценности.

Но все более мощное притяжение какого-то объекта может затмить внутренние ценности. Тогда направленность воли все больше и больше управляется объектом. В конце концов, если по причине де-

фицита ценностей, у человека больше нет других, сравнимых значимых ценностей, воля может в этом зафиксироваться. Тогда утрачивается свобода выбора, а способность свободно принимать решения скывается или подавляется этим мощным, внутренне сконцентрированным притяжением. Субъективно может возникнуть чувство быть вынужденным, ввиду этой мощной, привлекательной взаимосвязи с объектом. Если при этом теряется соотнесенность с собственным, с сущностью, с совестью, и это состояние сохраняется, образуется «зависимость», «аддикция». В принципе, это чувство – быть вынужденным не является изначально зависимостью. Если это выражение свободы,

³ Дословный перевод немецкой пословицы: «В беде дьявол пожирает мух!» (прим. переводчика).

потому что соответствует сущности, тогда нет никакой чужеродной зависимости, а только «зависимость от себя самого» и «зависимость от реальности или зависимости от условий» – именно это мы называем свободой (Längle, 2012). Это, например, опыт того, что человек больше не может молчать в какой-то ситуации, а «должен» что-то сказать, иначе он стал бы неверен себе. Однако, в зависимости это «должен» навязано сильной воле привлекательностью чего-то извне. Воля не находится в соответствии с Person, не связана с собственной сущностью.

Для понимания зависимости важно не иметь неверные представления о воле. Волю часто отождествляют с разумом. Следовательно, воля была бы только тогда волей, если бы она делала то, что считается разумным, или, если бы она следовала совести. Однако воля структурирована иначе. Она интегрирует все устремления и силы в человеке, как внутренние, так и внешние

Эти рассуждения формируют психологический фон для понимания Craving⁴, этой сильной, безудержной, жадной тяги к веществу.

Что делает воля при зависимости?

а) Фаза нарастающего ограничения: еще задолго до того, как можно было бы говорить о зависимости, запускается процесс, при котором внимание все больше поглощается одним содержанием или одной темой (например, действием алкоголя или заманчивостью игры). Оно фокусируется и выстраивается за счет повторного и все более частого взгляда в этом направлении. Возникает все больший интерес, запускаются все более частые мысли об этом: Какой у него запах? Как бы это было? Вместо твердости в установке: «Я этого не хочу, ни в коем случае», человек все больше фантазирует, представляет, мечтает, желает и постепенно полностью наполняется этой темой. Возникает открытость по отношению к привлекательности объекта, который ощущается ценным и желанным. Существовавшее ранее сопротивление воли постепенно становится хрупким. Ввиду растущей ценности привлекательного объекта, воля отступает от своей естественной соотношенности с тем, что

благоприятно для жизни, и с совестью (и с фундаментальными измерениями экзистенции). Теперь и рациональность переходит на сторону мнимой ценности (рационализация). Воля все более ослабевает, перестает сопротивляться (установка), позволяет этому происходить. Возможно, человек вступает в игру, тестируя себя в ситуации, которая является соблазном. Если ситуация его захватит, тогда он не будет виноват... Благодаря этому процессу воля теряет свою жизнеспособность к первоначальному сопротивлению, потому

что психодинамика вводит в игру витальные потребности. А воля должна их учитывать. Ибо воля также отвечает за интеграцию психодинамики, будучи в ответе за все влечения. К тому же, воля, которая не согласована с психикой, – пустая, бессильная, это лишь оболочка воли.

Возможно, человек еще говорит себе, рационализируя: «Вообще-то, я не хочу, но при этих обстоятельствах это является исключением! ... Не бывает правил без исключений. Ведь обычно я этого не делаю ...». При этом человек уступает в соотношенности с самим собой и предается соотношенной с жизнью и соотношенной с объектом стороне.

б) Чары притяжения: если влияние одной «ценности» ощущается настолько сильно, то все другие ценности рядом с ней блекнут. За счет сужения внимания человек все больше теряет их из вида. Воля переходит на сторону извлечения удовольствия, потому что это самая интенсивная ценность. Воля ничего не может поделать, кроме как обратиться к тем ценностям, которые ощущаются сильнее всего. Так человек приходит к согласию. Внутренне оно сопровождается чувством: «Если я этого не сделаю, что я тогда буду иметь от жизни?». Следование самой интенсивной ценно-

сти обещает своего рода «спавание» с жизнью, это как заправка жизнью. При наркомании это ощущается особенно остро. Здесь разыгрывается драма несбывшейся жадности жизни.

Для понимания зависимости важно не иметь неверные представления о воле. Волю часто отождествляют с разумом. Следовательно, воля была бы только тогда волей, если бы она делала то, что считается разумным, или, если бы она следовала совести. Однако воля структурирована иначе. Она интегрирует все устремления и силы в человеке, как внутренние, так и внешние (Längle, 2012, 2015). Ее задачей является сохранить нас хорошо функционирующими в мире. Так отображается не сбывшаяся жадность жизни в воле: «Я бы поступил против себя и своей жизни, если бы этого не сделал!».

Расщепленная воля при зависимости

Считается, что у зависимого человека слабая воля. Он все время подвергается соблазну и не может делать то, что хочет. Однако сам зависимый только в начале переживает это так, что аддикция берет верх над его собственной волей. Скоро он уже ощущает все более усиливающееся давление, которое, пожалуй, выстраивается против представлений, планов, совести и т.д., но, которое, тем не менее, является его Хотеть («мне это сейчас нравится – мне это сейчас нужно – я сейчас этого хочу!»).

Зависимость не достигает человека как изнашивание в бессознательном состоянии, опустошая его. Она также не является галлюцинацией или лунатизмом. Зависимый человек полностью вовлечен в процесс и желает развития аддиктивных событий со всей силой. Правда, с туннельным видением, но он приветствует зависимость даже тогда, когда ее воздействие является обременительным, требует энергии, времени, денег или, даже, преступных действий и вызывает чувство вины. Поступок совершается осознанно, то есть с согласием, даже если человек чувствует на себе давление. Человек говорит свое ОК,

⁴ Англ.: тяга, жажда (прим. переводчика)

свое Да зависимости. Иначе он не был бы в состоянии планировать действия и прикладывать усилия, ведь и это происходит намеренно.

При развитии аддитивных событий воля подлежит типичному изменению, которое ее как будто «расщепляет»:

С одной стороны, в зависимости воля стала слабой, хрупкой. Она не следует «правильному», тому, за что человек, в качестве Person, может стоять. Поэтому, до тех пор, пока он в состоянии поступить иначе, он испытывает чувство вины.

Одновременно с этим, воля в зависимости сильна. Даже очень сильна и витальна в своей фиксации на завышенной, мнимой ценности. Она делает все и планирует наперед, чтобы достигнуть своей цели.

Как можно понять этот процесс с антропологической точки зрения? Основой для этого сдвига воли является то, что она больше не привязана к Person, а усиленно от нее отрывается. Происходит отщепление Я (воли) от Person. Естественной исходной точкой для воли является ее связанность с Person. И пока она медленно отделяется и соскальзывает в зависимость, за этой переменной в воле все еще стоит (и тихо говорит) совесть. Совесть говорит о том, что это неправильно – то, к чему постепенно склоняется воля. Однако переживание, например, следующей рюмки с ромом заглушает ее – это переживание настолько лучше и интенсивней, что оно затмевает совесть. Тем самым «Person сбрасывается с пьедестала». Воля отсоединяется от Person – Person теряет свое присутствие в поступке (хоть совершающимся под давлением, но тем не менее) на данный момент желаемом.

Это проясняет кажущееся противоречивым поведение зависимого человека, который с одной стороны делает что-то «сознательно», а с другой – «против своей воли». На самом деле при зависимости он действует не против своей воли, а вместе с ней. Зависимый человек не является безвольным! Но он не персонален. Он действует против своей совести, против себя как Person вместо того, чтобы следовать за собой. Его воля следует за психодинамически переживаемыми дефицитами: нуждой, вождением, тягой или тоской (они отражают экзистенциальные соотношения с миром) (ср. Längle, 2016). Воля (то есть, потенциал готовности) переходит

на сторону удовольствия и обещания большей жизни и закрепляется там за счет (повторного) опыта. Эта сильная привязанность, прямо-таки фиксация воли, и является проблемой. Сначала, во время искушения, человек хочет этого искушения, но после – уже нет. Это и является тем «большим» в воле – то, что она больше не стоит на стороне Person. Согласно Spaemann (Spaemann, 1996, P. 210), это является «не подлинным Хотеть». Поэтому впоследствии так разочаровывает то, что человек сам хотел и согласился на это искушение. До и во время искушения возникает чувство, что жизнь будет пустая, не полная, если

Естественной исходной точкой для воли является ее связанность с Person. И пока она медленно отделяется и соскальзывает в зависимость, за этой переменной в воле все еще стоит (и тихо говорит) совесть. Совесть говорит о том, что это неправильно – то, к чему постепенно склоняется воля. Однако переживание, например, следующей рюмки с ромом заглушает ее – это переживание настолько лучше и интенсивней, что оно затмевает совесть. Тем самым «Person сбрасывается с пьедестала». Воля отсоединяется от Person – Person теряет свое присутствие в поступке (хоть совершающимся под давлением, но тем не менее) на данный момент желаемом

этого не сделать, и человек не принимает последствия всерьез. Зато он «хотя бы раз пожил», даже, если после этого ему придется страдать ...

Отсюда вытекает следующий важный и, возможно, основополагающий для экзистенциального понимания вывод:

Зависимость не развивается против воли!

Если бы зависимый человек действительно больше не хотел оставаться в своей зависимости, он бы от нее избавился. Этот ход мыслей может удивить многих, он, так сказать, парадоксален по отношению к общепринятому пониманию зависимости. Но мы будем просто иметь в виду, что, если бы воля не участвовала в аддикции, то тогда мы не могли бы проводить психотерапию!

Это, можно сказать, есть то «дьявольское» в аддикции, что воля стоит за этим. Человек действует против себя самого, в то время как со стороны чувств ему кажется, что он получает больше жизни.

Трагичным в зависимости является то, что, хотя человек сам чего-то интенсивно хочет, в конечном счете он все же не стоит за этим! Задачей при лечении зависимости является сдвиг воли, чтобы она снова перешла на сторону Person. Поэтому, работа с волей является центральной при профилактике и терапии аддикции.

Мы обнаруживаем здесь следующее: зависимый человек хочет проживать свою зависимость. Но большой проблемой здесь является то, что он себе часто в этом не признается, этого не осознает, стыдится этого перед своей совестью и другими людьми. Если бы зависимый человек действительно больше не хотел оставаться в своей зависимости, он бы от нее избавился. Этот ход мыслей может удивить многих, он, так сказать, парадоксален по отношению к общепринятому пониманию зависимости. Но мы будем просто иметь в виду, что, если бы воля не участвовала в аддикции, то тогда мы не могли

бы проводить психотерапию! Ведь к полностью детерминированным процессам (как, например, физиологическим, типа звуков, которые издает кишечник) нет психотерапевтического подхода.

Поэтому было бы заблуждением не признавать роль воли в зависимости, это могло бы свестись к самообману, способствуя образованию фальшивой

морали, при которой человек когнитивно отвергает зависимость, но беспрепятственно продолжает ее проживать. Здесь уже может укорениться то, что при аддикции часто имеет место – ложь. А в поддержке этой лжи может также участвовать общество. Подлинной проблемой зависимости и ее терапии является то, что зависимый человек на самом деле не хочет расставаться с зависимостью ... Он просто не может это оставить. Но без Мочь-Оставить, Хотеть не сможет укрепиться в Person (Längle, 2012). Без Оставить взгляд

Проблемой является не слабость силы воли и не отсутствующая функциональность воли, а искаженное восприятие объектов соотносительности воли. Выбор переживаемых, прочувствованных ценностей при зависимости ограничен. Этому сопутствуют соответствующие установки (например, установка желая, стремление избегать страдания) и психодинамика (например, поведение избегания, аутоагрессия), из-за чего нарушаются отношения с самим собой

не станет свободным для целостного, для того, что человек ощущает как «должное». Уже Mattias Claudius отметил: «Свободным является тот, кто может хотеть то, что он должен» (Claudius, 1829).

Неперсональность зависимости

Несколько слов о соотношении воли и Person. Мы увидели: в зависимости человек не безволен, однако он неперсонален. Если взглянуть более внимательно, то зависимость не является проблемой воли, проблема состоит в том, что человека больше не трогают реальные ценности. Воля функционирует нормально, но ею движет не эмоциональность, которая является открытой для более широкого спектра реальных ценностей. При этом сужении горизонта воля больше не может в достаточной степени соотноситься со своей Person. На самом деле, проблемой является не слабость силы воли и не отсутствующая функциональность воли, а искаженное восприятие объектов соотносительности воли. Выбор переживаемых, прочувствованных ценностей при зависимости ограничен. Этому сопутствуют соответствующие установки (например, установка желая, стремление избегать страдания) и психодинамика (например, поведение избегания, аутоагрессия), из-за чего нарушаются отношения с самим собой. Как бы это ни происходило, но в зависимости присутствует феномен отчужденной воли, при этом, хотя и есть воля, но активизация Person и открытое, осязаемое соотношение с миром в значительной степени отсутствуют. В то время как доминирует потребность, поэтому при аддикции всегда есть напряжение. Следовательно, зависимость, по сути, редукционистская, она не соотносена с реальностью, в ней отсутствуют отношения, и она слепа к ценностям. При наркомании человек редуцирует внутреннюю ценность дру-

гого человека или объекта до его практической ценности. Жизнь при зависимости больше не является «существенной», не имеет истинного внутреннего или внешнего визави. Больше не происходит Встреча, потому что человек не укоренен в себе и на самом деле не открыт для реальности.

Этот феномен можно также рассмотреть с другой стороны: в трезвом состоянии наркоман не хочет быть зависимым. Но по причине отсутствия близости к подлинному Я (Person), воля к этому не имеет прочности. Человеку не удается придерживаться хороших намерений, потому что он меньше ощущает их воздействие и их ценность блекнет. Поэтому можно сказать, что при наркомании не воля на самом деле больна или слаба, а наркоман стал больным при осуществлении своего бытия Person.

Как воля ведет себя по отношению к Person после удовлетворения тяги? Где воля теперь? Типичное переживание «после» – это чувство отчуждения. Человек спрашивает себя: «Куда ты пошел? Ты не должен там быть!». Освобожденная от мощного воздействия жажды, воля снова находит путь обратно к своему старому, обычному месту и снова соотносится с привычными ценностями и с собственной Person. Зависимый человек опять способен увидеть весь спектр ценностей – до следующего сужения взгляда.

Человек весьма гибкое существо – он может чего-то хотеть, а затем снова не хотеть (даже желать, чтобы ему этого не хотелось и он этого не сделал). Но человек является и тем, и другим – тем, кто этого хотел, кто испытывал нужду, дефицит, страдание, и тем подлинным, который этого не хотел.

Экзистенциальные симптомы зависимости

Экзистенциальными симптомами зависимости являются:

1. Потеря свободы: присутствует некоторая загнанность при избегании неприятного/проблем/страдания и поисках удовольствия и снятия напряжения.
2. Развитие неперсонального поведения из-за отсутствия свободы и того, что Хотеть отворачивается от Person. Это имеет дальнейшие последствия: сокращается диалог, предотвращается Встреча, не удается достигнуть Person, человек все чаще прибегает к лжи. «Зависимому чужд визави» (Gabriel, 1962, P. 38). Он теряет сам себя в своей сущности и, одновременно с этим, он теряет свои ценности.
3. Потеря мира: ограниченная соотносительность с миром (он мечется по миру преимущественно в поисках «вещества»), потеря внутренней ценности вещей и соотносительности с правдой. Путь в зависимость связан с ложью: самообман, умаления, успокоения («все не так уж плохо»), которые не совсем являются правдой. Эта размытая установка становится установкой жизни. Зависимость – это поведение избегания реальности невероятных масштабов!

В этом порочном кругу усиливается эгоцентрическая соотносительность с самим собой. Это происходит:

- за счет напряжения, с одной стороны, а с другой, – за счет постоянной тренировки в
- наблюдении за своим самочувствием, человек на самом деле больше не занят миром, он занят своим психическим состоянием, удовлетворением.

Этот экзистенциальный базис способствует выявлению основополагающих для понимания аддикции элементов. Как можно побороть зависимость, если человек лишен эмоциональной основы и у него есть чувство, что без объекта зависимости он теряет качество жизни? С какой точки в таком случае нужно начать бороться с аддикцией? Как зависимый человек может чего-то хотеть, если он больше не может переживать экзистенциальные ценности? Как его можно мотивировать к переменам, если он при отсутствии ценностей не может увидеть смысл? Из-за мощной силы внутри, которая выводит из строя структуру человеческого бытия, у зависимого человека возникает чувство бессилия в отноше-

нии того, что он сам управляет своей жизнью, ответственно формируя ее.

Подобного рода понимание аддикции в последние годы привело к новым способам работы с зависимостью – больше не требуется полная абстиненция, но необходимо развенчание демонического образа наркомании и внедрение программ, которые будут ориентированы на переживание (как, например, упражнение в получении наслаждения), чтобы получить возможность выработать ответственное отношение к наркотическим веществам. Наркотик является частью жизни – это реалистичный взгляд. Даже ВОЗ отошла от политики мира без наркотиков и пропагандировала «уменьшение вреда» и «декриминализацию» (Lenton & Single, 1998).

Зависимость углубляется в процессе чередования интенсивного контакта с жизнью (переживание удовольствия) и высвобождения от неприятного, вызывающего отвращение ощущения от своего поведения. Поскольку объект зависимости имеет ярко выраженное свойство понуждать, приводить в движение, аддикция обладает силой притяжения, носящей императивный характер, против которой все разумные доводы оказываются бессильными.

Экзистенциально-аналитическая установка

В рамках феноменологического направления при работе с зависимостью важно не прийти к осознанию, но попытаться достичь персонализации происходящего. Речь идет о том, чтобы силой собственной Person прикоснуться к ситуации, которая приносит страдание, оказаться внутри нее и на основании реальности, решительно и ответственно занимая позицию, начать конфронтировать. Условие для этого – видение и принятие данности (соотнесенность с бытием в его реальности!), а также ощущаемая соотнесенность с жизнью (с ее ценностями).

На основании сказанного выше можно сформулировать основные тезисы, задающие структуру терапии зависимости. Далее мы кратко остановимся на них.

1. Прояснение воли (мотивации)

При аддикции у человека нет ясности в его Хотеть. Глубоко внутри он хо-

чет, чтобы его «жизнь была привязана» к наркотическому веществу, и не может без этого обойтись. Поэтому кажется, что у зависимого слабая мотивация. Для того, чтобы обратиться к терапии, необходима конфронтация с собственным Хотеть, поскольку невозможно помочь пациенту

Зависимость углубляется в процессе чередования интенсивного контакта с жизнью (переживание удовольствия) и высвобождения от неприятного, вызывающего отвращение ощущения от своего поведения. Поскольку объект зависимости имеет ярко выраженное свойство понуждать, приводить в движение, аддикция обладает силой притяжения, носящей императивный характер, против которой все разумные доводы оказываются бессильными

избавиться от чего-то, чего он на самом деле (тайно) все же хочет. Поэтому, сначала необходимо принять зависимость как еще не до конца понятое или интегрированное поведение Я и жить с ним (работа с само-принятием). В этом и заключается первый этап прояснения воли – прояснить готовность пациента пока пожить «с этим зависимым» и действительно захотеть избавиться от зависимости.

Зависимые чаще всего живут со следующей установкой: вместо того, чтобы изменить что-то в реальности, лучше изменить восприятие или представление о реальности, чтобы было приятней. Они не вступают в контакт с реальностью, избегают соприкосновения с ней, потому что это может причинить слишком много боли, может требовать слишком многого. Следует противопоставить подобную установку безусловному реализму по отношению к аддикции и поддерживать эту конфронтацию в процессе терапии

Посредством этой самоконфронтации пациент все больше приходит к осознанию своей собственной ответственности. Речь идет о его жизни, которую только он может проживать, и в которой он на данный момент должен жить. Здесь не должно быть манипуляции.

2. Мир желаний и задача избегания страданий

Необходимо установить отношения с терпящим нужду Я (2 ФМ) и принять это Я через самого себя (картина себя – 3 ФМ) для того, чтобы потребности и дефициты стали ощутимыми. Также необходимо встать напротив себя и начать работу с психопатологией, которая причиняет страдания и удерживает Я от Person, поскольку из-за нужды связь воли с собственной Person оказывается утраченной.

Поэтому важно принять нужду, которая является основой зависимости (вместо того, чтобы мечтая и пытаясь избежать страданий, отвернуться от мира).

Зависимые чаще всего живут со следующей установкой: вместо того, чтобы изменить что-то в реальности, лучше из-

менить восприятие или представление о реальности, чтобы было приятней. Они не вступают в контакт с реальностью, избегают соприкосновения с ней, потому что это может причинить слишком много боли, может требовать слишком многого.

Следует противопоставить подобную установку безусловному реализму по отношению к аддикции и поддерживать эту конфронтацию в процессе терапии.

3. Открыться переживанию и упражняться в наслаждении

Необходимо установить ощутимую соотнесенность с ценностями. Для этого подходит все, что может усилить переживание ценностей, как, например арт-терапия, спорт и движение, телесно ориентированная терапия, музыкотерапия и т.д. Современную и интересную сводку всего этого можно найти в программе «Орфей» (Musalek, 2011; Musalek & Poltrum, 2011). В этой программе пациенты учатся испытывать хорошее настроение и удовлетворение от самих себя без внешних стимулов таких, как алкоголь, наркотики, азартные игры, компьютер и т.д.

Эффективность этой программы подтверждается эмпирическим исследованием (Scheibenbogen & Musalek 2010). Scheibenbogen и Musalek, с помощью

опросника по переживанию ценностей (Eckhart, 1992) исследуя случайную выборку из 100 пациентов и 100 людей из контрольной группы (в возрасте 18–65 лет), выявили, что переживание ценностей в ТАУ-группе («Treatment as usual» – обычное лечение) немного снизилось, в то время как у пациентов с алкогольной, медикаментозной и игровой зависимостью (после полного выведения из организма), которые проходили программу «Орфей», значительно увеличилось. При этом отмечается особое увеличение переживания творческих ценностей (13,3 %). Программа состояла в том, что пациенты экспериментальной группы, помимо стандартной терапевтической программы в течение двух часов в неделю, на протяжении восьми недель принимали участие также в ориентированной на ресурсы терапии с элементами переживания наслаждения и наблюдательности. Контрольная группа, напротив, прослушала только часовой, чисто информационный доклад о программе «Орфей».

Экзистенциальный фокус в терапии

Фокус экзистенциально-аналитического лечения зависимости направлен, главным образом, на Person и при этом постоянно сконцентрирован на внутреннем согласии, которое мы стимулируем и запрашиваем на основании переживания. Базисом для такого вида работы является метод персонального экзистенциального анализа (ПЭА) (Längle, 2000), в соответствии со структурой которого осуществляется терапия. Далее мы рассмотрим последовательность шагов данного метода на примере работы с алкогольной зависимостью.

ПЭА-1: воспринять чувствование себя и связать поведение с собственным переживанием: «Как обстоят дела с выпивкой? Что Вы испытываете, когда пьете, и что при этом улучшается? Что становится хуже?» – Фокус на: «Вы переживаете выпивку как что-то хорошее?» Часто необходимо задержаться на этой теме, чтобы человек ответил не из головы, а соотнося с собственным переживанием. Таким образом, речь идет не о суждении, а о феноменологической открытости по отно-

шению к чувству. Пожалуй, можно усилить контраст посредством сравнения переживания под воздействием алкоголя с переживаниями, вызываемыми другими видами деятельности без алкоголя (например спорт, рисование и т.д.).

ПЭА-2: занятие позиции и осознание персональных сил: «Вы понимаете, что Вы пьете? Вы на самом деле хотите пить, или это скорее с Вами случается?» – Фокус на: «Вы согласны со своим пьянством? С самим этим фактом, количеством, способом и т.д. Возможно, втайне Вам все же хочется пить, хотя разум говорит «нет»? Для чего? Что тогда становится лучше? Какому поведению Вы можете дать согласие? Что Вы при этом должны конкретно сделать?»

В этом шаге внимание направляется на переживание согласия и производится попытка узнать, на что человек может дать согласие, и какова его реальная воля. Если удастся найти согласие – к чему бы то ни было – его нужно проживать. А терапевты поддерживают пациентов в этом. Особенно, когда речь идет о создании трезвой жизни. Но также тогда, когда согласие склоняется не в этом направлении. В это мы углубимся ниже.

Относительное противопоказание к этому существует тогда, когда зависимость требует выведения из организма вещества. Однако, когда пациенты не согласны со своим поведением, у них возникает вопрос, почему они это тогда делают? Если ответ, например, состоит в том, что в тот конкретный момент они не могут иначе, тогда можно также запросить их позицию, спросить, что они об этом думают. Это приводит к следующему шагу.

ПЭА-3: Действовать с согласием (распутье). Если в переживании выявляется Не-Мочь, хотя у человека имеется отрицательная установка к употреблению алкоголя (неконгруэнтное переживание), тогда это приводит его на распутье. Стоя перед реальностью, это поведение можно поднять на экзистенциальный уровень, для которого критерием является внутреннее согласие. Либо имеется согласие в отношении борьбы с зависимым поведением (применение самодистанцирования). Либо, если это не удастся сделать, зависимый человек должен принять свою реальность и найти согласие в отношении своей неспособности (согласие с Не-Мочь).

Практическим вопросом в шаге ПЭА-3, который приведет к экзистенциально решающему поступку, является: «Что из этого Вы готовы, начиная с настоящего момента, реализовать?» – Фокус лежит на: «Как конкретно Вы можете это воплотить в жизнь, что вам нужно для этого сейчас сделать?»

Если пациент хочет работать над тем, чтобы избавиться от зависимости, тогда развивается самодистанцирование. Тогда, например, человек упражняется в методе интерпозиции, подключаются близкие, производится профилактическая работа, разрабатываются обучающие программы, реализуются программы по восприятию ценностей и т.д. Речь также идет об экспериментировании в отношении того, что могло бы помочь (сауна, пробежка, фильмы, навещать мать и т.п.) То есть, производится поиск и внедрение тех средств, которые пациент считает способными ему помочь предотвратить рецидив.

Если этот способ действий не приводит к успеху или мотивация человека все же не выдерживает, надо попробовать альтернативу, описанную ниже.

Правдивость и самопринятие

Если чувство зависимости доминирует, и пациенту кажется, что он не может иначе, ему не удастся этому противостоять и дистанцироваться, то тогда он вскоре опять испытает, как зависимость им завладеет. Он станет ее жертвой и будет рецидив.

В терапии конфронтация, основанная на реальности, должна происходить под лозунгом 1 ФМ: «Вы не должны делать больше, чем вы можете».

Это означает принять свою слабость и быть правдивым: «Сам я с этим не справлюсь, и с помощью терапии я на данный момент тоже, вероятно, пока не справлюсь! Я не справлюсь, потому что пока что я этого, на самом деле, еще хочу! Так как в этом есть что-то для меня, от чего я не хочу отказываться». Эту реальность необходимо принять и персонально с ней конфронтировать. Это актуальная, субъективная правда, которой невозможно избежать. На этом этапе пациенты с зависимостью теряют много сил, так как они постоянно борются «против зависимости»

и при этом все время настроены против себя, а именно, против того, чего они на самом деле все же хотят, потому что оно обладает для них неустойчивой привлекательностью. Эта потеря сил и постоянная фрустрация из-за срывов, можно сказать, прокладывают дорожку для рецидивов. Но в терапии необходимо серьезно относиться к субъективной реальности: «Если он не может, значит он не может!»

Самопринятие, однако, означает не требование от себя невозможного, а настрой на себя и принятие, того факта, что ты не можешь отказаться от этого вещества, хотя оно приносит тебе вред. От чего невозможно отказаться, то нужно обязательно проживать и при этом открыто смотреть в глаза последствиям. Если человек действительно больше не может, если он устал от попыток установить дистанцию с объектом зависимости, тогда последовательно и честно, если он будет стоять на своем и даст себе согласие пить: «Ладно, теперь я сделал все, что мог, и я должен жить с этой реальностью, имея чистую совесть!». Это означает принятие роковой составляющей болезни – она не может сейчас просто исчезнуть, придется сперва с ней пожить. Это включает преодоление шлейфа лжи, видимости, которая должна скрыть изъян. Такая открытость налагает на пациента ответственность. Возможно, при таких последствиях ему удастся обеспечить себе больше защиты и помощи и продолжить работать над самодистанцией. Но возможно, ему нужно еще больше претерпеть и пострадать, чтобы действительно созреть для этого шага.

Воля – это «Да ценности». Если зависимый человек так сильно хочет объект своей зависимости, то в последнем должна заключаться ценность, иначе воля не могла бы пробудиться. Ценность, которая находится под Хотеть зависимого, в итоге почти всегда заключается в том, чтобы получить согласие к жизни. В сущности, зависимый человек хочет в некотором смысле обладать жизнью, когда его Хотеть настраивается на аддикцию. Это фундаментальное стремление можно также поддерживать в терапии. В этом содержится что-то, за что можно стоять, что является персональным. В принципе, психодинамику можно рассматривать как попытку защитить, сохранить, укрыть что-то драгоценное.

Если зависимый человек так сильно хочет объект своей зависимости, то в последнем должна заключаться ценность, иначе воля не могла бы пробудиться. Ценность, которая находится под Хотеть зависимого, в итоге почти всегда заключается в том, чтобы получить согласие к жизни. В сущности, зависимый человек хочет в некотором смысле обладать жизнью, когда его Хотеть настраивается на аддикцию. Это фундаментальное стремление можно также поддерживать в терапии

Поэтому лучше иметь достижимую (пусть даже дефицитную) ценность, чем следовать за недостижимой, идеальной. Это реалистичная оценка воли, которая отвечает за действие. Посредством внедрения воли в терапии стимулируется одновременно многое:

- честность – согласие в отношении того факта, что ты не справляешься;
- тренировка в принятии решений;
- человек остается в действии и не попадает так легко в беспокойное состояние;
- человек меньше обесценивает себя, потому что он себя не бросает;
- прекращается пассивное состояние и состояние бытия жертвой за счет реалистичного образа жизни;
- человек не переживает это поражение в зависимости, которое легко приводит к ухудшению мотивации и покорности.

С экзистенциальной точки зрения важнее не бросать себя, бороться (Стоять) за себя, чем не употреблять алкоголь! В соответствии со структурами четырех персонально-экзистенциальных фундаментальных мотиваций (ФМ) это означает:

1. ФМ: видеть себя в своей слабости и соотноситься с реальностью;
2. ФМ: отношения с собой;
3. ФМ: достоинство, сохранение свободы и переживание силы при принятии решений;
4. ФМ: видеть смысл в своих действиях, иметь ориентацию.

Истинное Стоять-за-себя постепенно подталкивает пациента к изменению, которое может развиваться из него самого. Терапевт при этом вплотную сопровождает пациента. Они никогда не являются «врагами», они – доброжелательные союзники в борьбе с зависимостью.

Этот способ действия имеет некоторую схожесть с превентивной программой Mindfulness-Based Relapse Prevention (MBRP) (Bowen et al., 2012; Beigelböck et al., 2013). В этой программе речь идет о «раз-

витии внимательности и принятия в отношении мыслей, чувств и телесных ощущений» (Beigelböck et al., 2013, P. 300). Они начинают с одного упражнения, которое включает волю и принятие решений, а «автопилота» выключает. Под автопилотом подразумевается тенденция «реагировать автоматически на чувственные впечатления, чувства и мысли, не осознавая их. ... следовательно, зависимый уступает тяге, не осознавая на самом деле того, что происходит, и какие последствия это за собой понесет» (там же, P. 301). Основываясь на этом, выстраивается упражнение «Скольжение на гребне позыва», при котором пациенты «представляют себе тягу как волну, а самих себя как серферов, которые едут по волне, пока она не пойдет на убывание, следовательно выдерживают тягу, пока она не прекратится». (там же, P. 301).

Этот принцип обхождения с желанным, как мы назвали бы в экзистенциальном анализе персональное Оставаться-в-настоящем, а также замещение автопилота, чтобы даже при «сильном давлении зависимости оставаться в настоящем и не быть вынужденным поддаваться ему автоматически» (там же, P. 301), укрепляется последующими упражнениями и тренировкой в принятии.

Эффективность этой программы (которая, однако, была значимо выражена только у групп пациентов проходивших стационарное лечение при отсутствии в начале периода воздержания) (Beigelböck et al., 2013, P. 302) вероятно можно было бы усилить посредством целенаправленной работы с волей (в этой программе волю все еще считают подчиненной разуму).

Парадоксальный подход: «аварийный комплект»

На основании правдивости и самопринятия можно методически продолжить работать. Это показано в том случае, когда

зависимый человек переживает опыт того, что он неоднократно не может противостоять зависимости, и у него возникают рецидивы. Тогда речь идет о предупреждении посредством добровольного опережения в зависимости, чтобы не попасть в принуждение. Это как терапия замещения изнутри. Установка заключается в том, что зависимый человек должен признать себя, что на данный момент он отдает дань прошлому своей зависимостью. Подобная соотнесенность с волей и принятием решений является характерной для экзистенциальной работы (Miller, 1983).

Предпосылкой для реализации данного парадоксального метода является наличие чувствительности к собственной внутренней действительности и возникновения давления со стороны зависимости. Применяя этот метод, человек также упражняется в чувствительности и развивает ее.

Парадоксальной метод реализуется в соответствии со следующими шагами:

1-й шаг: самоконфронтация и согласие.

Когда пациент замечает, что вскоре он уже не сможет противостоять зависимости, он должен (учитывая предыдущий неудачный опыт), принять решение на этот раз добровольно прожить зависимость, прежде чем он почувствует принуждение.

Если возникнет чувство: «Скоро я уже не смогу противостоять зависимости ...», он должен сам себя конфронтировать (внутренний диалог): «Действительно? Уже пришло время? Я замечаю, что уже скоро не смогу противостоять?». Эта краткая самоконфронтация дает понять: либо ему самому удастся отойти на дистанцию от тяги после этого (также, если он, например, обратится за чьей-то помощью), либо он «не может иначе». При этом он мог бы себе, например, сказать: «Скорее всего, я мог бы поступить иначе, если бы это было совершенно необходимо. Но меня так сильно туда тянет ... на самом деле я этого не хочу, ведь я хочу что-то иметь от жизни ...». Если таков его ответ, тогда необходимо принять всерьез экзистенциальную действительность, которая состоит в том, что сейчас он не может избежать зависимости. Это упражнение в самопринятии. Не противиться своему переживанию, делать это добровольно, следова-

тельно. Хотеть это сделать. Обоснованием и оправданием такого поведения является следующая истина: «Я не могу иначе, мне это сейчас нужно».

С экзистенциальной точки зрения это означает, что человек берет на себя свободу и ответственность, сопровождать себя и не бросать в беде, сохранять самопринятие и достоинство. В этих условиях это является персональной жизнью.

Сопровождение себя не заканчивается на этапе согласия с воспринимаемой действительностью, его необходимо продолжить посредством феноменологической открытости во время того, когда человек испытывает зависимость. При этом пациенты должны постоянно спрашивать себя: «У меня для этого на самом деле есть согласие? Что происходит у меня внутри? Этим я делаю себе что-то хорошее? И я также ощущаю это как что-то хорошее?». Это порабощение зависимостью стоит испытать вплоть до болезненности, пока оно не станет отвратительным и, в конце концов, неинтересным.

2-й шаг: сопротивление.

При следующем возникновении тяги производится попытка сделать обратное, а именно, – не уступать зависимости так долго, как только можно. И на этом шаге нужно сопровождать себя, чтобы усилить свою внимательность. Во время того, как пациент будет выдерживать, он должен наблюдать за собой и задавать себе вопрос: «Что происходит у меня внутри?». Здесь снова практикуется самопринятие с интересом к себе, но на этот раз – в совокупности с самодистанцией и экспериментальной установкой в отношении себя.

В экзистенциальном анализе при этом речь идет не столько о стремлении к какой-то цели, о возможности противостоять зависимости как можно дольше, а скорее о том, чтобы тренироваться выдерживать (1. ФМ) и наблюдать за необходимыми для этого силой и переживанием. Этот шаг представляет собой проявление рациональности, которая сочетается с тренировкой дисциплины и укреплением воли.

При конкретной реализации человек каждый раз должен обращать внимание на то, как долго он может противостоять зависимости, и что ему при этом может

помочь. С того момента как он заметит, что вскоре он больше не сможет сопротивляться, он должен снова добровольно осуществить зависимое поведение, как описано в первом шаге. Потому что он чувствует и, даже, уже знает, что он вскоре поддастся/захочет поддаться/будет вынужден поддаться. «Когда придет время, тогда сделай это. Но, вместе тем, обращай внимание на то, как ты себя при этом чувствуешь, что ты испытываешь и спроси себя, так ли это на самом деле хорошо, и комфортно ли тебе при этом?»

Целью здесь также является прожить максимальное согласие. Основа для этого – принимающая установка ко все еще ограниченной на данный момент реальности. Экзистенциальный принцип при этом следующий – отказаться от негативной установки и прийти к реальности, т.к. при патологии попытка жить против реальности является изнурительной.

Одновременно с этим, человек тренируется использовать активную установку по отношению к зависимости. Это важно – выйти из пассивного состояния, освободиться от чувства принуждения и укрепить позицию Person. Человек тренируется и укрепляет присутствие Person в решительной борьбе с зависимостью. Благодаря этому, могут развиваться отношения с собой и возникнуть отвращение к зависимому поведению, которое человек все больше ощущает как болезненное и неуместное (можно было бы говорить о «внутренней программе Орфея», потому что человек упражняется в чувственном восприятии себя). За счет того, что становится меньше давления и слабее чувство принуждения, внутреннее, аверсивное чувство (включая чувство отвращения) может переживаться более явно. У добровольности наблюдались также другие эффекты: снижалось расслабляющее воздействие зависимости, потому что человек переживал все больший диссонанс. По мере проведения работы над сужением сознания в зависимости человек сильнее ощущает то, что он «на самом деле» делает. Рецидив больше не является катастрофой, а рассматривается как упражнение, которое не имеет вредоносного воздействия на человека, потому что он больше не бросает себя в зависимости. Это скорее является профилактикой рецидива, при которой человек из-

бавляет себя от дальнейшего унижения и нанесения вреда своей самооценности.

Но такой подход, как правило, не работает без терапевтического подключения и открытого разговора. Здесь велика опасность того, что человек, оставшись наедине с собой, будет себя обманывать.

Этот метод является «эндогенно-аверсивной программой» (не «экзогенно-аверсивной», как Ангабус), потому что здесь изнутри выстраивается чувство отвращения и неприятия за счет открытого и больше не являющегося запрещенным переживания.

Если у пациента случился рецидив, и он перестал следовать методу, следовательно, он не достиг принимающего отношения к себе. Тогда важно поработать над раскаянием, чтобы предотвратить упреки в отношении себя и самоотвержение. Упреки представляют собой неприятные фидбэк-циклы, которые способствуют поддержанию зависимости. На самом деле, речь идет о неверной оценке ситуации зависимости. Рецидив указывает на то, что пришло время ее распознать и научиться адекватно с ней обращаться. Если рецидив воспринимается как обычное событие, которое не является драмой и не несет за собой последствий, вплоть до помещения в стационар, тогда удастся достигнуть лучших результатов при терапии зависимости (устное выступление Johannes Rauch, 2014).

При таком способе действий происходит работа над самопринятием и восприятием реальности, наводится фокус на волю, мотивацию, тему добровольности при работе с рецидивом.

3-й шаг: снижение напряжения.

Между приступами тяги необходимо обратить внимание на прояснение того, чего пациенты на самом деле ищут и в чем нуждаются. Вообще, зависимый человек ищет лучшей жизни и уменьшения проблем.

Такие вопросы как: «Чего Вы ищете? Что может дать Вам больше жизни? Где Вы потеряли связь с жизнью?» приводят к обычному терапевтическому процессу. Речь идет о создании альтернатив зависимого поведения, о проработке потерь и дефицитов и о лечении психических заболеваний, которые часто лежат в основе развития зависимости.

Помимо активизации Person в качестве элемента терапии существуют, конечно, и другие значимые факторы в работе с зависимостью такие, как обучение, тренировка, кондиционирование, познание, переносы, катарсические элементы и пр. Эти факторы более развернуто представлены в других направлениях терапии и чаще применяются там, чем в экзистенциальном анализе

Опасность для терапии зависимости представляет собой чрезмерная настойчивость со стороны как терапевта, так и пациента. Требования результатов в терапии являются контрпродуктивными. Они не терапевтичны, потому что не поддерживают, не направляют процессы, не сопровождают и укрепляют, а обращены на цель и устанавливают планку.

В отличие от поведенческой модели, где стимул сразу приводит к реакции, с помощью этого метода устанавливается другая модель:

Вместо руководимой импульсами мо-

блемой и снижении напряжения, тренировочные программы типа программы Орфей, работа с близкими и др. Помимо активизации Person в качестве элемента терапии существуют, конечно, и другие значимые факторы в работе с зависимостью такие, как обучение, тренировка, кондиционирование, познание, переносы, катарсические элементы и пр. Эти факторы более развернуто представлены в других направлениях терапии и чаще применяются там, чем в экзистенциальном анализе. В заключение мы кратко обозначим рамки для персонально-экзистенциаль-

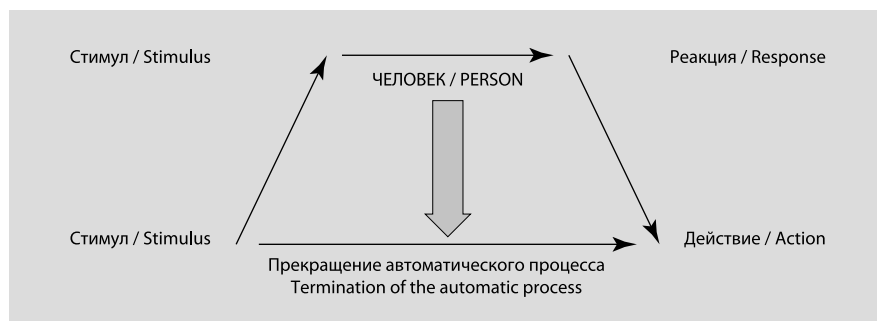


Рис. 1. Модель экзистенциально-аналитической работы с зависимостью

Fig. 1. Model of existential-analytical work with addiction

дели «стимул-реакция» при зависимом поведении в экзистенциально-аналитической работе производится попытка интерпонировать Я как Person между стимулом и реакцией, за счет чего оно становится действием.

Лозунг экзистенциально-аналитической работы: Person не должна отсутствовать в жизни. Даже, если то, что делает Я, не идеально!

Дальнейшие терапевтические действия

В этой статье мы не рассматриваем многие другие аспекты лечения зависимости. Такие как, например, разработка альтернатив зависимого поведения посредством создания наполненной удовольствием и исполненной жизни, обхождение с про-

ной работы, а также рассмотрим некоторые аспекты, которые имеют специфическое значение для лечения зависимости.

1. Работа над мотивацией: пациент должен сам участвовать и хотеть лечения.
2. Договор о лечении + договор о рецидиве, включая обещание, они делают лечение персональным.
3. Понимание проблемы и болезни (вместо отрицания).
4. Решимость в превентивном поведении, и когда речь идет о внешней структуре.
5. Оценка себя (заявление позиции в отношении себя) – что человек может сам сделать, и на что он решается? Проявление ресурсов + обнаружение границ. В чем ему нужна помощь?
6. Принятие себя – стоять за себя: «В настоящее время зависимость принадлежит мне», включая экзистенциальное укрепление и парадоксальный подход.

7. Вопрос о смысле и укреплении воли: «Зачем становиться трезвым?»

Во многих точках мы осуществляем конфронтацию с избеганием страданий и установкой желания иметь приятную жизнь, суженным восприятием реальности и проживанием жизни в представлениях. Недавно, в одном основательном феноменологическом исследовании

было выявлено, как сильно эти факторы определяют зависимое поведение (Längle, Götz, 2015).

Данная статья может способствовать развитию персонального и экзистенциального взгляда на человека, страдающего зависимостью. Как справедливо отметил Дрю еще тридцать лет назад: за последнее время было сделано мно-

го абстрактных, научных разработок, построены детальные биопсихосоциальные модели зависимости, однако в этих моделях не хватало сущности человеческой экзистенции: делать фокус на возможностях, обращаться к свободе выбора и предоставлять переживанию ценностей центральное значение (Drew, 1986).

Литература:

- Лэнгле А., Уколова Е.М., Шумский В.Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования – Москва : Логос, 2014. – 556 с.
- Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 4(24). – С. 23–33. doi: 10.11621/npj.2016.0403
- Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическое понимание эмоциональности: теория и практика // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 26–38. doi: 10.11621/npj.2015.0104.
- Beigelböck W., Mayr M., & Waigmann-Pözl S. (2013). Achtsamkeitsbasierte Verfahren in der Suchtbehandlung. In: Rausch – Wiener Zeitschrift für Suchtbehandlung, 2(4), 298–305.
- Bowen S., Chawla N., & Marlatt G.A. (2012). Achtsamkeitsbasierte Rückfallprävention bei Substanzabhängigkeit. Weinheim: Beltz
- Claudius M. (1829). *Asmus omnia sua secum portans, oder Sämtliche Werke des Wandsbecker Bothen*. Hamberg: Perthes, Bd. 7, Brief an Sohn Johannes 1799.
- Drew LRH (1986). Beyond the disease concept of addiction. Drug use as a way of life leading to predicaments. *Journal of Drug Issues*, 16, 263–274. doi: 10.1177/002204268601600212
- Eckhardt P. (1992). Selbstwert und Werterleben aus existenzanalytischer Sicht. *Die Konstruktion des Selbstbeurteilungsfragebogens*. Wien: Unveröff. Dipl.-Arbeit der Univ., Psychologische Fakultät.
- Frankl, V.E. (1963). *Man's Search for Meaning*. New York, Simon & Schuster.
- Gabriel E (1962). *Die Süchtigkeit: Psychopathologie der Süchte*. Hamburg: Neuland
- Heinz A (2014). *Der Begriff der psychischen Krankheit*. Berlin: Suhrkamp
- Längle, A. (1990). Existential Analysis Psychotherapy. *The International Forum of Logotherapy*, 13, 17–19.
- Längle, A. (1992/1999). Die existentielle Motivation der Person, *Existenzanalyse*, 16(3), 18–29.
- Längle A. (1992). Der Krankheitsbegriff in Existenzanalyse und Logotherapie. In: Pritz A, Petzold H (Hrsg) *Der Krankheitsbegriff in der modernen Psychotherapie*. Paderborn: Junfermann-Verlag, 355–370
- Längle, A. (1994a). Sinn-Glaube oder Sinn-Gespür? Zur Differenzierung von ontologischem und existentiellem Sinn in der Logotherapie. *Bulletin der GLE*, 11(2), 15–20.
- Längle, A. (1994b). Lebenskultur-Kulturerleben. Die Kunst, Bewegendem zu begegnen. *Bulletin der GLE*, 11(1), 3–8.
- Längle A (2000). (Hrsg.) *Praxis der Personalen Existenzanalyse*. Wien: Facultas. doi: 10.1007/978-3-211-99131-2_495
- Längle A (2012). Vom gelassenen Wollen zum erzwungenen Lassen. Zur Praxis der realen Freiheit. In: *Existenzanalyse*, 29(2), 15–30.
- Längle A (2013). *Lehrbuch zur Existenzanalyse – Grundlagen*. Wien: Facultas.wuv.
- Längle S., & Görtz A. (2015). Lebensqualität vor und nach stationärer Suchttherapie – quantitative und qualitative Forschungsergebnisse im Vergleich. In: *Existenzanalyse*, 32(2), 51–63
- Längle A. (2016). *Existenzanalyse – Existentielle Zugänge der Psychotherapie*. Wien: Facultas.wuv.
- May R. (1979). *Psychology and the Human Dilemma*. New York: Norton.
- Nindl A. (2001). Zwischen existentieller Sinnerfüllung und Burnout. *Existenzanalyse*, 18, 15–23.
- Orlinsky D.E., Ronnestad M.H. & Willutzki U. (2003). Fifty years of psychotherapy process-outcome research: continuity and change. In M.J. Lambert & D.R. Dupper (Eds.) *Bergin and Garfield's handbook of psychotherapy and behaviour change*. New York: Wiley, 307–390.
- Lenton S., & Single E. (1998). The definition of harm reduction. In: *Drug and Alcohol Review*, 17(2), 213–219. doi: 10.1080/09595239800187011
- Miller W.R. (1983). Motivational Interviewing with Problem Drinkers. In: *Behavioural Psychotherapy*, 11(2), 147–172. doi: 10.1017/S0141347300006583
- Musalek M. (2011). *Musen, Sirenen, Orpheus und Co – Paradigmenwechsel in der Suchtbehandlung*. Stuttgart: Thieme. doi: 10.1055/s-0031-1284515
- Musalek M., & Poltrum M. (2011). *Ars Medica. Zu einer neuen Ästhetik in der Medizin*. Berlin: Parodos Verlag.
- Scheibenbogen O., Musalek M (2010). The Orpheus Programme – first results of an evaluation survey. *Vortrag am 20th IFP World Congress of Psychotherapy and Annual Congress of the Swiss FMPP*.
- Spaemann R. (1996). *Personen. Versuche über den Unterschied zwischen ‚etwas‘ und ‚jemand‘*. Stuttgart: Klett-Cotta.

References:

- Beigelböck W., Mayr M., & Waigmann-Pözl S. (2013). Achtsamkeitsbasierte Verfahren in der Suchtbehandlung. In: *Rausch – Wiener Zeitschrift für Suchtbehandlung*, 2(4), 298–305.

- Bowen S., Chawla N., & Marlatt G.A. (2012). Achtsamkeitsbasierte Rückfallprävention bei Substanzabhängigkeit. Weinheim: Beltz
- Claudius M. (1829). *Asmus omnia sua secum portans, oder Sämtliche Werke des Wandsbecker Bothen*. Hamberg: Perthes, Bd. 7, Brief an Sohn Johannes 1799.
- Drew LRH (1986). Beyond the disease concept of addiction. Drug use as a way of life leading to predicaments. *Journal of Drug Issues*, 16, 263–274. doi: 10.1177/002204268601600212
- Eckhardt P. (1992). Selbstwert und Werterleben aus existenzanalytischer Sicht. *Die Konstruktion des Selbstbeurteilungsfragebogens*. Wien: Unveröff. Dipl.-Arbeit der Univ., Psychologische Fakultät.
- Frankl, V.E. (1963). *Man's Search for Meaning*. New York, Simon & Schuster.
- Gabriel E (1962). *Die Süchtigkeit: Psychopathologie der Süchte*. Hamburg: Neuland
- Heinz A (2014). *Der Begriff der psychischen Krankheit*. Berlin: Suhrkamp
- Längle A., Ukolova E.M., & Shumsky V.B. (2014). *Modern existential analysis: history, theory, practice, research*. Moscow, Logos, 556.
- Längle A. (2016). Why do we suffer? Understanding, circumventing, and treating suffering in terms of existential analysis. *National Psychological Journal*, 4(24), 23–33. doi: 10.11621 / npj.2016.0403
- Längle A. (2015). Existential-analytical understanding of emotionality: theory and practice. *National Psychological Journal*, 1(17), 26–38. doi: 10.11621 / npj.2015.0104
- Längle, A. (1990). Existential Analysis Psychotherapy. *The International Forum of Logotherapy*, 13, 17–19.
- Längle, A. (1992/1999). Die existentielle Motivation der Person, *Existenzanalyse*, 16(3), 18–29.
- Längle A. (1992). Der Krankheitsbegriff in Existenzanalyse und Logotherapie. In: Pritz A, Petzold H (Hrsg) *Der Krankheitsbegriff in der modernen Psychotherapie*. Paderborn: Junfermann-Verlag, 355–370
- Längle, A. (1994a). Sinn-Glaube oder Sinn-Gespür? Zur Differenzierung von ontologischem und existentiellm Sinn in der Logotherapie. *Bulletin der GLE*, 11(2), 15–20.
- Längle, A. (1994b). Lebenskultur-Kulturerleben. Die Kunst, Bewegendem zu begegnen. *Bulletin der GLE*, 11(1), 3–8.
- Längle A (2000). (Hrsg.) *Praxis der Personalen Existenzanalyse*. Wien: Facultas. doi: 10.1007/978-3-211-99131-2_495
- Längle A (2012). Vom gelassenen Wollen zum erzwungenen Lassen. Zur Praxis der realen Freiheit. In: *Existenzanalyse*, 29(2), 15–30.
- Längle A (2013). *Lehrbuch zur Existenzanalyse – Grundlagen*. Wien: Facultas.wuv.
- Längle S., & Görtz A. (2015). Lebensqualität vor und nach stationärer Suchttherapie – quantitative und qualitative Forschungsergebnisse im Vergleich. In: *Existenzanalyse*, 32(2), 51–63
- Längle A. (2016). *Existenzanalyse – Existentielle Zugänge der Psychotherapie*. Wien: Facultas.wuv.
- May R. (1979). *Psychology and the Human Dilemma*. New York: Norton.
- Nindl A. (2001). Zwischen existentieller Sinnerfüllung und Burnout. *Existenzanalyse*, 18, 15–23.
- Orlinsky D.E., Ronnestad M.H. & Willutzki U. (2003). Fifty years of psychotherapy process-outcome research: continuity and change. In M.J. Lambert & D.R. Dupper (Eds.) *Bergin and Garfield's handbook of psychotherapy and behaviour change*. New York: Wiley, 307–390.
- Lenton S., & Single E. (1998). The definition of harm reduction. In: *Drug and Alcohol Review*, 17(2), 213–219. doi: 10.1080/09595239800187011
- Miller W.R. (1983). Motivational Interviewing with Problem Drinkers. In: *Behavioural Psychotherapy*, 11(2), 147–172. doi: 10.1017/S0141347300006583
- Musalek M. (2011). *Musen, Sirenen, Orpheus und Co – Paradigmenwechsel in der Suchtbehandlung*. Stuttgart: Thieme. doi: 10.1055/s-0031-1284515
- Musalek M., & Poltrum M. (2011). *Ars Medica. Zu einer neuen Ästhetik in der Medizin*. Berlin: Parodos Verlag.
- Scheibenbogen O., Musalek M (2010). The Orpheus Programme – first results of an evaluation survey. *Vortrag am 20th IFP World Congress of Psychotherapy and Annual Congress of the Swiss FMPP*.
- Spaemann R. (1996). *Personen. Versuche über den Unterschied zwischen ‚etwas‘ und ‚jemand‘*. Stuttgart: Klett-Cotta.

Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности

С.В. Молчанов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Поступила 14 сентября 2019/ Принята к публикации: 26 сентября 2019

Moral Disengagement as myth of "moral freedom" in personality

Sergey V. Molchanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Received September 14, 2019 / Accepted for publication: September 26, 2019

Актуальность. Актуальность темы исследования механизмов морального самооправдания обусловлено увеличением частоты встречаемости девиантного поведения в российском обществе, в том числе в социальных группах, обладающих когнитивными и личностными качествами, необходимыми для адекватной оценки ситуации морального выбора. Анализ способов обеспечения моральной свободы позволит уточнить условия и факторы реализации модели поведения в условиях морального выбора.

Цель. Анализ особенностей использования механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте и выделение основных направлений эмпирического исследования способов обеспечения «моральной свободы»

Описание хода исследования В статье анализируется концепция морального развития, предложенная в работах А. Бандуры, в том числе модель механизмов морального самооправдания, обеспечивающая моральную свободу человека. Рассматриваются основные направления эмпирических исследований механизмов моральной свободы, определяется взаимосвязь механизмов морального самооправдания и моральной свободы личности.

Результаты исследования. Были выделены основные направления эмпирических исследований механизмов морального самооправдания, определена возрастная-психологическая специфика использования механизмов морального самооправдания, возможности использования механизмов морального самооправдания в средне- и долгосрочной временной перспективе, взаимосвязь с компонентами морального развития. Определено место механизмов морального самооправдания в реализации «моральной свободы» личности.

Выводы. Проведенный анализ показал, что выделенные А. Бандурой механизмы морального самооправдания могут использоваться как способ обретения моральной свободы в условиях совершения аморального поведения с учетом ряда условий. Были выделены гендерные различия в характере предпочтений использования механизмов морального самооправдания. В подростковом и юношеском возрасте интенсивность использования механизмов морального самооправдания более высокая, чем в период молодости. Было показано, что существует взаимосвязь между интенсивностью в использовании механизмов морального самооправдания и когнитивными и личностными особенностями, обеспечивающими моральное поведение личности.

Ключевые слова: А. Бандура, мораль, моральное самооправдание, моральное поведение, аморальное поведение, моральная свобода, подростковый возраст.

Background. The study of moral disengagement is due to exacerbating deviant behaviour in Russian society, including social groups with cognitive and personal qualities required for adequately assessing the situation of moral choice. An analysis of the ways to ensure moral freedom will help to clarify the conditions and factors for implementing a model of behaviour within moral choice.

Objective. Analysis of moral disengagement in adolescence and identifying main areas of empirical research to ensure «moral freedom» are highlighted.

Design. The paper analyses the concept of moral development proposed in the works of A. Bandura including the model of moral disengagement that ensures personal moral freedom; the main directions of empirical research are considered, the relationship of the mechanisms of moral disengagement and moral freedom of the individual are identified.

Results. The main insights into mechanisms of moral disengagement are identified, the age-based mechanisms of moral disengagement, the possibility of using the mechanisms of moral disengagement in the medium and long time perspective are highlighted, the relationship with the components of moral development are determined. The role of moral disengagement in implementing the «moral freedom» of the personality is determined.

Conclusion. The analysis showed that the mechanisms of moral disengagement identified by A. Bandura can be used as a way of gaining moral freedom within immoral behaviour, taking into account certain conditions. In adolescence, the intensity of using moral disengagement mechanisms is higher than in youth. Gender differences in preferences for using mechanisms of moral disengagement were highlighted. There is a relationship between the intensity of using mechanisms of moral disengagement and cognitive and personal characteristics that ensure the moral behaviour of the individual.

Keywords: A. Bandura, morality, moral disengagement, moral behaviour, immoral conduct, moral freedom, adolescence.

Моральное развитие как фактор профилактики девиантного поведения.

Проблема моральной свободы личности как вершины нравственного развития человека является предметом философских и психологических исследований. Введение термина «моральная свобода» осуществил И. Кант (Кант, 1965). Для Канта свобода является условием и, одновременно, высшим проявлением морали. Кант определял моральность как отношение поступков к автономии воли.

Кант определял моральность как отношение поступков к автономии воли. Именно личность устанавливает моральные законы, после чего подчиняется им. Парадокс моральной свободы заключается в том, что человек должен подчиняться только тем моральным нормам, которые он сам себе установил

Именно личность устанавливает моральные законы, после чего подчиняется им. Парадокс моральной свободы заключается в том, что человек должен подчиняться только тем моральным нормам, которые он сам себе установил. Однако моральная свобода не исчерпывается осознанием объективной моральной необходимости и субъективным моральным выбором (свободой воли), как это трак-

туется в рациональной модели классической этики (Кочеров, 2015). Ключевым условием понимания моральной свободы является самоопределение личности в системе моральных ценностей, идеалов и норм. Моральное самоопределение личности может быть реализовано в форме следования принятому спосо-

бу морального поведения по обычаю и культурной традиции, из уважения к принятым в обществе моральным нормам и, наконец, посредством выработки собственного морального закона, основанного на осознании принятых личностью моральных норм и ценностях. Моральная свобода выступает как «сознательный выбор формы поведения, соответствующей адекватно понятой моральной необходимости» (Анисимов, 1985, С. 132), самосозидание личности, основанное на свободном выборе и принятии ответственности за этот выбор. Од-

нако моральная свобода может привести и к нарушению принятых в обществе моральных норм, и к действиям вопреки нравственным идеалам, поскольку трагедия свободы, по словам Н. Бердяева, есть свобода в выборе добра и зла (Бердяев, 2001). Однако даже в случае выбора зла человек стремится согласовать свой поступок с принятыми в обществе моральными идеалами и нормами, чтобы

поддержать самоуважение и самооценку. При этом актуальной задачей становится самооправдание нарушения вышеназванных норм. Проблема морального самооправдания возникает в ходе морального развития, когда человек уже принимает моральные стандарты как должное, но в силу разных причин еще не готов следо-

вать им в своем поведении. Традиционно нарушение моральных норм, порождающее девиантное поведение, в психологии морали связывается с низкой стадией морального развития субъекта, с особенностями морального мышления, моральной идентичности, ценностей, моральных эмоций и других условий, определяющих уровень морального развития личности

В работах А. Бандуры был предложен иной подход к пониманию оснований девиантного поведения, нарушающего моральные и социальные нормы взаимодействия между людьми. В 1980-е гг. А. Бандура, исходя из концепции социального научения, предложил новую модель морального развития. В фокусе его внимания оказались механизмы «моральной свободы» – способы морального самооправдания в условиях нарушения моральных норм. Цикл работ автора, начатый в 1986 г. и увенчавшийся трудом «Моральное самооправдание: как люди причиняют вред и живут с этим», вышедшем в 2015 году, был посвящен проблеме морального развития и условиям проявления моральной свободы как права пойти в своем поведении наперекор общепринятым нормам морали (Bandura, 2015).

Целью нашей статьи является анализ основных направлений исследования механизмов морального самооправдания как стремления личности обрести «моральную свободу» в условиях нарушения принятых моральных стандартов в рамках теории социального научения А. Бандуры.

Целью нашей статьи является анализ основных направлений исследования механизмов морального самооправдания как стремления личности обрести «моральную свободу» в условиях нарушения принятых моральных стандартов в рамках теории социального научения А. Бандуры.

Подход А. Бандуры к моральному развитию личности

В работах А. Бандуры, посвященных проблеме морального развития, можно выделить три направления исследования: анализ закономерностей морального развития личности в русле общих идей теории социального научения, выделение системы саморегуляции и ее ком-



Сергей Владимирович Молчанов –

кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: s-molch2001@mail.ru

<https://istina.msu.ru/profile/Molchanov/>

Для цитирования: Молчанов С.В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 60–70. doi: 10.11621/npj.2019.0307

For citation: Molchanov S.V. (2019). Moral Disengagement as myth of «moral freedom» in personality. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], (12)3, 60–70. doi: 10.11621/npj.2019.0307

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

понентов, обеспечивающих реализацию морального поведения и объяснение ситуаций нарушения моральных норм через определение механизмов моральной свободы.

Признавая вслед за Ж. Пиаже и Л. Кольбергом роль мышления в регуляции поведения в ситуации морального выбора, А. Бандура полагает, что необходимо выявить механизмы поведения, заставляющие людей жить в соответствии с моральными стандартами (Bandura, 2000). «Теория социального научения адаптирует когнитивную интеракционистскую модель к феномену морального поведения. Через призму этого подхода такие личностные факторы, как моральное мышление и аффективные реакции, моральное поведение, факторы среды, взаимодействуют между собой и влияют друг на друга» (Bandura 1991, P. 45).

В теории социального научения следование моральным нормам рассматривается как результат научения. Механизмом морального развития, позволяющим регулировать и направлять поведение ребенка, признается научение через подражание образцам и эталонам, отвечающим социо-культурным моральным нормам (Bandura, 2002). Процесс научения нередко объединяет элементы различных моделей поведения. В фокусе внимания – не содержание ценностей и моральных стандартов, а процесс их развития, который понимается как постепенный, длительный процесс выделения моральных стандартов и способов поведения. Моральное развитие носит плавный эволюционный характер, здесь нет скачкообразных изменений (Thomas, 1997).

А. Бандура указывает, что на ранних этапах развития поведение преимущественно регулируется внешними предписаниями и социальными санкциями. Моральные стандарты и правила конструируются через прямое обучение, через оценку поведения окружающих и оценку стандартов, определяющих их поведение. Критерием такой оценки является анализ последствий как системы положительных и отрицательных подкреплений. Дети стремятся совершать действия, за которые хвалят, вознаграждают, дарят подарки и избегают нарушать стандарты морального поведения, поскольку это повлечет за собой осуждение, неодобрение,

наказание. В процессе социализации происходит усвоение моральных стандартов как ориентиров поведения, как базы для оценки собственного поведения, формируется основа внутренней саморегуляции. Поступки, оцениваемые как «хорошие», «правильные», позволяют ощутить собственную значимость и приносят чувство удовлетворения. Напротив, нарушение принятых моральных стандартов приводит к самоосуждению и недовольству собой.

Моральное развитие зависит от жизненного опыта взаимодействия с други-

го поведения: самонаблюдение, оценка на основе соотнесения своего поведения с моральными стандартами и саморегулирование, позволяющее изменить поведение в случае необходимости. (Bandura et al., 1996). Соотнесение своего поведения с моральными стандартами и последующее положительное или негативное самоподкрепление обозначаются как структура самосанкций, которая может действовать как во время, так и после совершения поступка (Bandura, 1990, 1991, 1999). Самосанкции позволяют осуществлять действия в соответствии с личными

Общими условиями, определяющими моральное развитие, являются развитие интеллектуальных способностей, расширение круга социального общения, требующее учета обобщенных моральных норм, социальные ожидания и санкции в отношении следования и нарушения моральных норм, развитие способности к интернализации моральных стандартов, регулирующих поведение

ми людьми и наблюдения за их поведением. Общими условиями, определяющими моральное развитие, являются развитие интеллектуальных способностей, расширение круга социального общения, требующее учета обобщенных моральных норм, социальные ожидания и санкции в отношении следования и нарушения моральных норм, развитие способности к интернализации моральных стандартов, регулирующих поведение. С другой стороны, опыт взаимодействия с людьми индивидуален, что определяет вариативность формирования моральных ценностей и стандартов. Если моральные ценности обеспечивают максимальное благополучие для максимального числа членов сообщества и разделяются ими, то они могут стать неформальными правилами поведения или даже быть формализованы, вплоть до законов. Подчеркивая значимость общих моральных ценностей, А. Бандура утверждал, что разделенная мораль необходима для функционирования общества. Вместе с тем, ценности не являются абсолютно универсальными в силу существования различий между ценностями различных социальных групп. Это позволяет рассматривать концепцию А. Бандуры как индивидуально-релятивистский подход (Thomas, 1997).

А. Бандура выделяет три составляющих системы саморегуляции морально-

стандартами. Положительное самоподкрепление в ситуации морального поступка, например, переживание собственной значимости и высокая моральная самооценка, может компенсировать затраты и потери, возникающие в силу стремления соответствовать принятым моральным стандартам, когда роль социальных обязательств и норм будет значима для структуры самосанкций человека (Bandura, 1999). Вместе с тем, система саморегуляции не создает постоянно функционирующую систему внутреннего контроля, подобно системе Супер-Эго в психоанализе или когнитивным структурам морального сознания в теории Л. Кольберга. Активизация системы саморегуляции всегда происходит в рамках конкретной ситуации (Bandur et al., 1996).

Моральное поведение может проявляться в прогрессивной проактивной форме, когда человек ведет себя гуманно, помогая другим, и в форме подавления, блокирования своего негуманного, асоциального поведения (Bandura, 1999). Можно предположить, что развитие проактивной либо подавляющей формы морального поведения будет зависеть от социальных образцов и характера взаимодействия с окружающими людьми. Если у ребенка в семье нет образца просоциального одобряемого поведения, а главным методом воспитания является наказание, то наиболее вероятен вариант

Если у ребенка в семье нет образца просоциального одобряемого поведения, а главным методом воспитания является наказание, то наиболее вероятен вариант подавления и блокирования. Наличие же модели «хорошего» поведения, практика такого поведения, положительная обратная связь и подкрепление в семье обеспечат развитие просоциальной формы морального поведения

подавления и блокирования. Наличие же модели «хорошего» поведения, практика такого поведения, положительная обратная связь и подкрепление в семье обеспечат развитие просоциальной формы морального поведения. Оценка поведения со стороны значимого социального окружения играет большую роль в формировании моральных стандартов и структуры самосанкций. Переживание ребенком при наказании негативного аффекта, страха или волнения в силу физического воздействия или под влиянием таких невербальных средств общения, как мимика, жестов, интонации и т.д., способствует принятию моральных стандартов как основания действия (Burton & Kuncze, 1995).

В онтогенезе при научении через подражание развивается система саморегуляции, включающая моральные стандарты и самосанкции, обеспечивающие самоконтроль поведения. Однако даже в случае сформированности этой системы мы наблюдаем и нарушение человеком моральных норм, и проявления агрессии и насилия по отношению друг к другу

Моральное поведение как основная форма подражания, включает когнитивные и эмоциональные составляющие. Было показано, что дети более склонны подражать поведению родителя, чем действовать по заданному вербальному образцу (Bandura & McDonald, 1963). Для успешного научения через подражание необходимо, во-первых, наблюдение и выделение ключевых аспектов поведения, во-вторых, визуальное или семантическое кодирование информации в памяти с ее последующим запечатлением, хранением и воспроизведением, в-третьих, воспроизведение модели в реальном поведении. Для успеха научения также значима роль мотивации. Когнитивные процессы играют большую роль в разви-

тии морального поведения. Уровень когнитивного развития ребенка определяет эффективные тактики объяснения ему причин и способов поведения, их понимание и выделение общих правил поведения в широком спектре ситуаций, что оказывается эффективным дополнением к простому ограничению поведения ребенка (Burton, 1976; Aronfreed, 1976). Эмоциональная составляющая морального поведения: совместное переживание положительных и отрицательных эмоций в межличностном взаимодействии, эмпатическая установка в восприятии другого человека и принятие значимости его чувств и переживаний является существенным условием принятия мо-

ральных стандартов и следования им (Bandura, 1986). Оценка поведения со стороны этих людей играет большую роль в формировании моральных стандартов и структуры самосанкций.

В онтогенезе при научении через подражание развивается система саморегуляции, включающая моральные стандарты и самосанкции, обеспечивающие самоконтроль поведения. Однако даже в случае сформированности этой системы мы наблюдаем и нарушение человеком моральных норм, и проявления агрессии и насилия по отношению друг к другу. Каковы психологические механизмы, актуализирующие такое поведение? Почему в этих случаях бездействует система саморегуляции морального поведения?

Был выделен ряд психологических механизмов, позволяющих обходить активизацию системы саморегуляции и обеспечивающих так называемую «моральную свободу» человека. Они связаны с тремя процессами саморегуляции: восприятием ситуации морального выбора, оценкой последствий поступка для людей и оценкой фигуры жертвы и отношения к ней

Механизмы морального самооправдания в работах А. Бандуры.

А. Бандура рассматривает механизмы морального самооправдания как социо-когнитивные процессы, позволяющие человеку оправдать свое аморальное поведение с целью сохранения позитивной самооценки и самоуважения (Бандура, 1986). Механизмы морального самооправдания понимаются как тенденция к оправданию действий, приносящих вред другому с целью сохранения самооценки, минимизации индивидуальной ответственности за причинение вреда другому (Carprara et al., 2006). Автором был выделен ряд психологических механизмов, позволяющих обходить активизацию системы саморегуляции и обеспечивающих так называемую «моральную свободу» человека. Они связаны с тремя процессами саморегуляции: восприятием ситуации морального выбора, оценкой последствий поступка для людей и оценкой фигуры жертвы и отношения к ней. Можно выделить следующие механизмы моральной свободы: моральное оправдание, речевой эвфемизм, сравнение как оправдание, распределение ответственности, дегуманизация жертвы, атрибуция вины. В большинстве случаев их совместное согласованное действие создает основу самооправдания нарушения моральных норм.

Моральное оправдание (нет другого выхода!) реализуется через общее правило – люди не совершают аморальных поступков, если нет подтверждения на личном и социальном уровне правомерности и необходимости их действий и признания обоснованности причин нарушения моральных норм (Kelman & Hamilton, 1989; Kramer, 1990; Sanford & Comstock, 1971). В истории разных стран и сообществ можно найти примеры того, как политические, религиозные, идеологические идеи способствовали формированию образа врага и чувства угрозы у социальных групп, следствием чего становилось оправдание собственного насилия как формы защиты себя и своих граждан, их чести и достоинства (Kramer, 1990; Rapoport & Alexander, 1982; Reich, 1990; Cohen & Nisbett, 1994). На уровне государства примером может служить специфическое отношение к насилию,

которое может рассматриваться как нарушение общечеловеческих норм морали, если оно исходит от индивида или социальных групп, однако «война и другие формы официального насилия уникальны тем, что они легитимизируются государством» (Арчер, Гартнер, 2003, С. 44) Как результат, насилие и агрессия и даже убийства со стороны государства, применяемые к отдельным гражданам, не рассматриваются как нарушение моральных стандартов. Согласно А. Бандуре, моральное оправдание – наиболее эффективный механизм снятия внутренних санкций, поскольку в этом случае происходит реконструкция вредоносного поступка в необходимое позитивное действие (Bandura et al., 1996). Моральное обоснование в ряде ситуаций может использовать интерпретационный конструкт постконвенционального уровня морального развития (Л. Кольберг), может приводить даже к повышению самооценки, вопреки нарушению моральных стандартов (Levine & Schweitzer, 2014).

Речевой эвфемизм (назвем зло добром) рассматривается как замена слова или выражения неудобного для употребления или грубого (Ожегов, 1988). Одно и то же событие и действие могут быть по-разному названы, что влечет за собой изменение самого восприятия и поведения. Эмпирические исследования подтверждают: люди ведут себя гораздо более агрессивно и жестоко, если их действия обозначаются более мягко, чем агрессия (Diener et al., 1975). Например, замена слова «избить» на «проучить» резко меняет эмоциональную окраску поведения, а, следовательно, и оценку происходящего. Обозначение агрессивных действий предупредительными мерами также повышает вероятность совершения агрессивного акта. На уровне государственной политики происходит замена слов в официальных сообщениях, в том числе в средствах массовой информации – слово «убийство» может быть заменено на «наказание», «самооборона» и т.п. Как результат – наличие насилия со стороны государства не рассматривается как нарушение моральных норм (Арчер, Гартнер, 2003, С. 44).

Сравнение как оправдание (по сравнению с другими, я ...): этическая оценка поступка и его соответствие моральным

стандартам часто происходит через сравнение себя с другими. Принципиальное значение имеет выбор объекта для сравнения. Можно сравнивать свой поступок с собственным поведением в похожей ситуации, с поведением другого человека или целой группы. Соответственно, для оправдания нарушения моральной нормы можно выбрать вопиюще пренебрежительное по отношению к моральным стандартам поведение, на фоне которого собственный поступок будет выглядеть вполне благопристойным или, по крайней мере, оправданным (Bandura, 1991). Так, например, насилие может быть морально оправдано, если ненасильственные действия рассматриваются как неэффективные, и есть уверенность в том, что осуществляемая агрессия позволит предотвратить еще большее насилие.

Распределение ответственности. Структура самосанкций актуализирует переживание ответственности за собственный поступок. Анализ асоциального и аморального поведения обнаруживает возможность отрицания или минимизации собственной ответственности. Существуют два варианта распределения ответственности для оправдания нарушения моральных норм: перекалывание ответственности и диффузия ответственности. При перекалывании ответственности свое поведение рассматривается как следствие социального давления или воздействия других людей, но не как результат собственного выбора (Andrus, 1969). Наличие авторитетной/авторитарной фигуры, берущей на себя ответственность, может изменять поведение и переживания людей по принципу – «поскольку я не отвечаю за свое поведение – я себя не оцениваю». Так, в исследовании С. Милгрма было изучено, в каких ситуациях человек готов проявить агрессию по отношению к другому. Обнаружено, что прямые указания авторитетного лица в сочетании с давлением сверстников приводят практически всегда к проявлению агрессии и причинению вреда другому (Milgram, 1974). Лучшими исполнителями актов насилия оказываются люди, готовые подчиниться авторитету и при этом не испытывающие чувства личной ответственности за свои поступки (Bandura, 1999). В реальной жизни перекалывание ответственности реали-

зуется более сложным путем. Поскольку авторитетный лидер зачастую сам не хочет отдавать команды, направленные на причинение вреда другим людям и, тем самым, негативно влиять на самоотношение, используется сочетание речевого эвфемизма и морального оправдания действий и лишь потом отдаются прямые приказы.

Другой вариант перекалывания ответственности – диффузия ответственности. Можно выделить несколько вариантов диффузии ответственности (Kelman, 1973). Первый – ситуация распределенного действия. Каждое конкретное действие само по себе не порождает причинение вреда людям, но, складываясь в совместную деятельность, приводит к серьезному урону для окружающих людей и общества в целом. Например, взятые изолированно операции изготовления и транспортировки наркотиков не оказывают прямого губительного воздействия на человека, но в целом, на конечном этапе наркотрафик приводит к гибели людей. Здесь внимание переключается с моральной оценки ситуации в целом на оценку выполнения своей части работы. Второй вариант диффузии ответственности – ситуация принятия группового решения. Когда ответственность возлагается на всех, никто персонально не несет ответственности. Групповое решение позволяет снизить моральный контроль, поскольку всегда есть возможность переложить ответственность на другого. Третий вариант – совместное нарушение моральных стандартов, ослабляющее или снимающее контроль (Zimbardo, 1995). Люди ведут себя более агрессивно, когда ответственность носит групповой характер, по сравнению с ситуациями, где каждый лично несет индивидуальную ответственность за свое поведение (Bandura et al., 1975; Diener, 1977; Zimbardo, 1995).

При оценке последствий нарушения моральной нормы актуализируются такие механизмы морального самооправдания как искажение/игнорирование/отрицание последствий поступка. Оценка последствий поступка является важным условием оценки морального поведения. Совершая действия, причиняющие вред, нарушители моральных стандартов минимизируют или отрицают негативные последствия для пострадавших. Они

Нарушители моральных норм часто видят себя беззащитными жертвами обстоятельств и злонамеренного поведения окружающих, а свое поведение расценивают как вынужденную ответную реакцию. Это может принимать форму обвинения жертвы агрессии в том, что она сама спровоцировала насилие

более склонны думать о выгодах поступка, чем о его негативных последствиях (Brock & Buss, 1962, 1964). В дополнение к избирательности внимания и когнитивному искажению ситуации, могут быть задействованы активные попытки дискредитации свидетельств причиненного вреда.

В исследовании С. Милграма было показано, что, если испытуемые могли наблюдать, как их агрессия отражается на людях, количество агрессивных действий снижалось, а команды авторитетного лидера, связанные с причинением боли жертвам, не выполнялись. В то же время, если последствия агрессивных действий были недоступны для наблюдения или отсрочены во времени, вероятность нарушения моральных норм возрастала (Milgram, 1974).

При оценке фигуры жертвы и отношения к ней включаются такие механизмы морального самооправдания, как дегуманизация жертвы и атрибуция вины. Дегуманизация жертвы предполагает ее примитивизацию, отказ в праве на чувства, мысли, переживания (Bandura, 1986). Восприятие другого как похожего на тебя, переживания препятствуют нарушению моральных обязательств по отношению к этому человеку. Соответственно, если другому отказывают в его человеческих качествах и природном сходстве с собой, это позволяет рассматривать его лишь как объект воздействия. Исследования агрессивных детей показали, что дети проявляют агрессию по отношению к сверстникам, к которым не испытывают симпатию (Perry et al., 1990). Этот процесс может иметь как индивидуальный, так и групповой характер. Например, проявление установок этнофанатизма в межнациональных отношениях подчеркивает вторичность и низкий статус представителей других этнических групп (Солдатова, 1998). Сочетание дегуманизации и перекалывания (диффузии) ответственности создает условия для яркого проявления аморального поведения (Bandura, 1999). Так, например, в Древней Греции людей,

подвергаемых пыткам, называли червями, приравнивая их к низшим формам животного мира и отказывая в удовлетворении элементарных потребностей (Gibson & Haritos-Fatouros, 1986). Атрибуция вины предполагает, что приписывание вины сочетается с ярко выраженным внешним локусом контроля. Нарушители моральных норм часто видят себя беззащитными жертвами обстоятельств и злонамеренного поведения окружающих, а свое поведение расценивают как вынужденную ответную реакцию. Это может принимать форму обвинения жертвы агрессии в том, что она сама спровоцировала насилие (Ferguson & Rule, 1983), утверждения своей неспособности противостоять внешнему давлению или ссылки на внешние обстоятельства.

Таким образом, когнитивная трансформация «плохого» поведения в «хорошее» посредством описанных механизмов «моральной свободы» позволяет оправдать нарушение моральных стандартов. На этапе восприятия ситуации морального выбора – это моральное оправдание, речевая эвфемизация и выбор объекта для сравнения. На этапе оценки морального выбора и последствий поведения происходит перераспределение ответственности и игнорирование или минимизация последствий поступка. На этапе оценки фигуры жертвы – ее дегуманизация и приписывание вины за причиненный вред. Структура самосанкций в этих случаях не актуализируется, и нарушение моральных норм, «оправданное» социальными и моральными мотивами, парадоксально может стать источником повышения моральной самооценки и одобрения своих действий.

Основные направления исследования механизмов морального самооправдания.

Описанная А. Бандурой классификация механизмов морального самооправдания стимулировала исследователей

к всестороннему изучению данного феномена. Основные направления исследования включают: изучение возрастнопсихологической специфики предпочтений в использовании механизмов морального самооправдания и возможностей их использования для трансляции вовне, изучение эффекта использования механизмов морального самооправдания в среднели и долгосрочной перспективе после нарушения моральных стандартов и исследование взаимосвязи механизмов морального самооправдания и различных компонентов морального развития.

Изучение возрастной психологической динамики механизмов морального самооправдания охватывает период от предпубертального возраста до периода молодости. Анализ особенностей морального самооправдания у детей в возрасте от 10 до 15 лет показал, что проявление «моральной свободы» характерно для детей, склонных к проявлению агрессии и к деликвентному поведению. В то же время, тенденция к просоциальному поведению и развитое чувство вины исключает обращение к моральному самооправданию при нарушении моральных норм и отрицательно коррелирует с агрессивным и деликвентным поведением (Bandura et al., 1996). Для морального самооправдания чаще всего используются моральное оправдание, перекалывание ответственности и дегуманизация жертвы. Были найдены гендерные различия – мальчики чаще используют моральное самооправдание, речевую эвфемизацию, минимизацию вредных последствий, дегуманизацию, атрибуцию чувства вины. Однако не была выявлена связь между механизмами «моральной свободы» и возрастом детей, их социоэкономическим положением и социометрическим статусом в группе сверстников (Cairns et al., 1988; Dishion, 1990; Bandura et al., 1996).

В исследовании на итальянской выборке испытуемых в возрасте от 11 до 34 лет было обнаружено, что интенсивность использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрастах одинакова, но значительно снижается в молодости. Была обнаружена возрастная специфика предпочтений механизмов морального самооправдания. В подростковом возрасте чаще используются распределение/

отрицание ответственности, обесценивание последствий нарушения нормы для жертвы, а в молодости – дегуманизация жертвы.

Отдельное направление исследований связано с возможностью использования морального самооправдания для обоснования как собственного поведения, так и поведения других людей (жертв, участников и наблюдателей ситуации нарушения моральной нормы) (Dang et al., 2017; Reynolds et al., 2014). Интересными представляются результаты исследования использования механизмов морального самооправдания (морального оправдания, диффузии ответственности, минимизации последствий поступка для жертвы) для восстановления дружеских отношений молодыми людьми после столкновения с предательством, обманом, конфронтацией в отношениях с друзьями. Наиболее эффективными оказались моральное оправдание и диффузия ответственности. Эффективность использования стратегий морального самооправдания поступков других людей зависит от индивидуально-личностных особенностей реципиента общения, которые могут оказывать влияние на аргументированность доводов для восстановления дружеских отношений (Iwai et al., 2019).

Механизмы морального самооправдания сегодня рассматриваются не только как когнитивные регуляторы снижения сиюминутного внутреннего психологического давления, но и как мультифункциональная регуляторная система, включающая управление негативными эмоциями (чувством вины и стыда) при анализе последствий нарушения моральных стандартов в средне- и долгосрочной временной перспективе. Тилман с коллегами обратили внимание на то, что большинство исследований эмоциональной компоненты моральных выборов сфокусировано на изучении эмоций в процессе принятия решения о моральном выборе и сразу же после нарушения моральной нормы, в то время как исследования эмоциональных реакций, связанных с последствиями нарушения моральных норм в средне- и долгосрочной перспективе достаточно редки. Была выделена ситуация пост-моральной невовлеченности (post-moral disengagement), связанная с переживанием нарушения моральной

Механизмы морального самооправдания сегодня рассматриваются не только как когнитивные регуляторы снижения сиюминутного внутреннего психологического давления, но и как мультифункциональная регуляторная система, включающая управление негативными эмоциями (чувством вины и стыда) при анализе последствий нарушения моральных стандартов в средне- и долгосрочной временной перспективе

нормы спустя значительное время, когда последствия поступка становятся очевидными. В ходе исследования на студенческой выборке было обнаружено, что эффективное использование механизмов морального самооправдания в момент нарушения моральной нормы вовсе не гарантирует переживания негативных эмоций в средне- и долгосрочной временной перспективе. Использование механизмов морального самооправдания позволяет эффективно снижать чувство стыда, но не оказывает такое же влияние на чувство вины. Более того, если чувство стыда актуализирует механизмы морального самооправдания, то выраженное чувство вины их тормозит. Интересно, что выраженность негативных последствий поведения, нарушающего моральные стандарты, не влияет на интенсивность переживания своих действий как «неправильных» (Tilman et al., 2017). Знание о последствиях нарушения моральной нормы для «жертвы» повышает вероятность переживания нарушителем своего проступка даже в ситуации высокой эффективности морального самооправдания в момент нарушения моральной нормы и сразу после совершения проступка (Tilman et al., 2017; Kubany, Watson, 2003). Таким образом, было показано, что работа механизмов морального самооправдания позволяет избежать внутренней самокритики в период морального выбора и сразу же после нарушения моральной нормы, но в средне- и долгосрочной временной перспективе оказывается неоднозначной – чувство стыда может быть притуплено, а чувство вины блокирует актуализацию психологической самозащиты.

Изучение механизмов морального самооправдания и особенностей морального развития личности позволило обнаружить взаимосвязь механизмов морального самооправдания с просоциальным поведением и просоциальным моральным мышлением (Carlo & Randall, 2002), агрессией (Bandura et al., 2001), антисоциальным поведением в спорте (Boardley &

Kavussani, 2009), буллингом и кибербуллингом (Hymel et al., 2005), насилием над животными (Vollum et al., 2004). Вовлеченность в просоциальное поведение в подростковом возрасте приводит к меньшей актуализации морального самооправдания (Carlo & Randall, 2002). Анализ личностных особенностей людей, активно использующих моральное самооправдание, показал, что такие качества, как низкий уровень эмпатии, несформированность моральной идентичности, цинизм, внешний локус контроля, связаны с более активным использованием морального самооправдания (Detert et al., 2008). Актуализация чувства стыда может стимулировать человека к участию в просоциальном поведении для защиты, восстановления и усиления собственной идентичности (Hooge et al., 2008). Были обнаружены гендерные различия – молодые люди более склонны использовать механизмы морального самооправдания, чем девушки. Это согласуется с данными о том, что в просоциальном поведении девушки более ориентированы на альтруистическое, анонимное, эмоционально-фокусированное оказание помощи, в то время как юноши ориентированы на публичное помогающее поведение (Caroli, Sagone, 2013; Sagone & Caroli, 2013).

Заключение

Моральное самооправдание как феномен морального развития личности возникает при сочетании двух условий. Первым условием является принятие человеком необходимости следовать в своем поведении моральным нормам и ориентировка на их выполнение как основание моральной самооценки. Второе условие – недостаточная готовность личности осуществить моральный выбор, руководствуясь только моральными стандартами. Право выбора – пренебречь социальными требованиями и моральными предписаниями в ситуации моральной

Моральное самооправдание возникает в ответ на противоречие между должным и значимым, с одной стороны, и значимым, но противоположным должному поведением, с другой. Осознание человеком этого противоречия может стать как точкой роста для прогрессивной перестройки морального сознания, так и началом регресса морального развития в направлении поиска аргументов, позволяющих отказаться от приоритета моральных норм, сохранив позитивную моральную самооценку

дилеммы или следовать им в своем поведении – и определяет «моральную свободу» личности. Моральное самооправдание возникает в ответ на противоречие между должным и значимым, с одной стороны, и значимым, но противоположным должному поведением, с другой. Осознание человеком этого противоречия может стать как точкой роста для прогрессивной перестройки морального сознания, так и началом регресса морального развития в направлении поиска аргументов, позволяющих отказаться от приоритета моральных норм, сохранив позитивную моральную самооценку. Исследование возрастных и гендерных особенностей морального самооправдания, возможности их переноса на различ-

ные сферы межличностного общения и кооперации, роли осознания последствий нарушения нормы в среднесрочной и долгосрочной перспективе для обращения к моральному самооправданию позволяет заключить, что моральное самооправдание является индикатором перехода личности от простого воспроизведения заученного «ритуального» морального поведения к собственно моральному выбору. Обретение моральной свободы лежит в русле свободного нравственного законотворения и принятия ответственности за свои убеждения, ценности и моральный выбор. Моральная свобода – это не свобода от моральных стандартов, а лишь свобода выбора между добром и злом. Моральное самооправ-

дание – только миф моральной свободы, поскольку его основная функция – согласовать поступок с социально заданной системой норм и правил, принятых человеком, но не ставших реальной основой его поведения.

Информация о грантах и благодарностях

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проекта «Личностные и когнитивные факторы использования подростками механизмов морального самооправдания девиантного поведения (буллинга и кибербуллинга) в условиях информационной социализации» № 19-013-00823.

Acknowledgments

This work has been supported by RFBR project «Personal and cognitive factors of using moral disengagement mechanisms of deviant behaviour (bullying and cyber bullying) in adolescents amid informational socialization» No 19-013-00823.

Литература

Анисимов С.Ф. Мораль и поведение. – Москва, 1985.

Арчер Д., Гартнер Р. Жертвы мирного времени: влияние войны на стремление населения к насилию в мирное время // Общественное животное. Исследования / под ред. Э. Аронсон. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 44–61.

Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского [Электронный ресурс] // Библиотека русской и религиозно- философской и художественной литературы «ВЕХИ»: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/index.html> – (дата обращения 20.08.2019).

Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения. В 6 тт. Т. 4 (2). – Москва, 1965.

Кочеров С.Н. Парадоксы моральной свободы // Этическая мысль. – 2015. – Т. 15. – С. 5–26.

Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 4. – С. 23–39. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.402

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – Москва : Русский язык, 1986.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – Москва : Смысл, 1998. – 389 с.

Aronfreed, J., (1976). Moral development from the standpoint of a general psychology theory. In T.Lickona (Ed.) *Moral development and behavior*. NY: Holt.

Bandura, A., & McDonald, F.J. (1963). The influence of social reinforcement and the behavior of models in shaping children's moral judgments. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67, 274–281. doi: 10.1037/h0044714

Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M.E. (1975). Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9, 253–269. 10.1016/0092-6566(75)90001-X

Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bandura, A. (1990). Selective activation and disengagement of moral control. *Journal of Social Issues*, 46, 27–46. doi: 10.1111/j.1540-4560.1990.tb00270.x

Bandura, A. (1991). Social cognitive theory of moral thought and action. In W. M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.), *Handbook of moral behavior and development*, 1, 45–103. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V. & Pastorelli, C. (1996). Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 67(3), 1206–1222. doi: 10.2307/1131888

Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3, 193–209. doi: 10.1207/s15327957pspr0303_3

Bandura, A., Caprara, G.V., Barbaranelli, C., Pastorelli, C., & Regalia, C. (2001). Sociocognitive self-regulatory mechanisms governing transgressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 80, 125–135. doi: 10.1037/0022-3514.80.1.125

Bandura, A. (2002). Selective moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Moral Education*, 31, 101–119. doi: 10.1080/0305724022014322

Bandura, A. (2015). *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. New York, NY: Worth

- Boardley, I.D., & Kavussanu, M. (2009). The influence of social variables and moral disengagement on prosocial and antisocial behaviours in field hockey and netball. *Journal of Sports Sciences*, 27, 843–854. doi: 10.1080/02640410902887283
- Brock T.C., & Buss A.H. (1962). Dissonance, aggression, and evaluation of pain. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 65(3), 197–202. doi: 10.1037/h0048948
- Burton R.V. (1976) Honesty and dishonesty. Moral development and behavior. New York: Holt, Rinehart & Winston, 173–197.
- Burton, R.V. & Kuncle L. (1995) Behavioral models of moral development: A brief history and integration. In W.M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.) *Moral development: An introduction Boston, MA: Allyn & Bacon*, 141–171.
- Cairns, R. B., Cairns, B. D., Neckerman, H. J., Gest, S. D., & Gariépy, J.-L. (1988). Social networks and aggressive behavior: Peer support or peer rejection? *Developmental Psychology*, 24(6), 815–823. doi: 10.1037//0012-1649.24.6.815
- Carlo, G., & Randall, B.A. (2002). The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents, *Journal of Youth and Adolescence*, 31, 31–44. doi: 10.1023/A:1014033032440
- Caroli M.E., Sagone E. (2013). Mechanisms of moral disengagement: an analysis from early adolescence to youth. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 140, 312–317. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.04.426
- Caprara G.V., Dodge K.A., Pastorelli C., & Zelli A. (2006) The Effects of Marginal Deviations on Behavioral Development. *European Psychology*, 11(2), 79–89. doi: 10.1027/1016-9040.11.2.79
- Cohen & Nisbett, (1994) Self-Protection and the Culture of Honor 20(5), 551–567. doi: 10.1177/0146167294205012
- Dang, C. T., Umphress, E. E., & Mitchell, M. S. (2017). Leader social accounts of subordinates' unethical behavior: Examining observer reactions to leader social accounts with moral disengagement language. *Journal of Applied Psychology*, 102(10), 1448–1461. doi: 10.1037/apl0000233
- Diener, E., Dineen, J., Endresen, K., Beaman, A. L., & Fraser, S. C. (1975). Effects of altered responsibility, cognitive set, and modeling on physical aggression and deindividuation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 31(2), 328–337. doi: 10.1037/h0076279
- Diener E. (1977). Deindividuation: Causes and consequences. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 5(1), 143–155. doi: 10.2224/sbp.1977.5.1.143
- Dishion, E. (1990) The Family Ecology of Boys' Peer Relations in Middle Childhood. *Child development*, 61(3), 874–892. doi: 10.2307/1130971
- Detert J.R., Trevino L.K., & Sweitzer V.L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93, 374–391. doi: 10.1037/0021-9010.93.2.374
- Iwai T., Vinicius J. & Lalli V.M. (2019). Explaining transgressions with moral disengagement strategies and their effects on trust repair. *Brazilian Administration Review*, 15(4). doi: 10.1590/1807-7692bar2018180016
- Gibson J. & Haritos-Fatouros M. (1986). The education of torturer. *Social influence*, 246–251. doi: 10.1037/e400772009-004
- Hooge E.I., Breugelmanns S.M., & Zeelenberg M. (2008). Not so ugly after all: when shame acts as a commitment device. *Journal Personal Social Psychology*, 95(4), 933–943. doi: 10.1037/a0011991
- Hymel S., Roche-Henderson N., & Bonnano R.A. (2005). Moral Disengagement: A Framework for Understanding Bullying Among Adolescents. *Journal of the Social Sciences*, 8, 45–60.
- Kelman, H.C. (1973) Violence without moral restraint: reflections on the dehumanization of victims and victimizers. *Journal of social issues*, 29(4), 25–61. doi: 10.1111/j.1540-4560.1973.tb00102.x
- Kelman, H. C., & Hamilton, V. L. (1989). *Crimes of obedience: Toward a social psychology of authority and responsibility*. New Haven, CT, US: Yale University Press.
- Kubany, Edward S. & Watson, Susan B. (2003). «Guilt: Elaboration of a Multidimensional Model», *The Psychological Record*, 53(1), Article 4.
- Levine, E.E., & Schweitzer, M.E. (2014). Are liars ethical? On the tension between benevolence and honesty. *Journal of Experimental Social Psychology*, 53, 107–117. doi: 10.1016/j.jesp.2014.03.005
- Milgram S. (1974). Obedience to Authority.
- Perry, D.G., Williard, J.C., & Perry, L.C. (1990). Peers' perceptions of the consequences that victimized children provide aggressors. *Child Development*, 61(5), 1310–1325. doi: 10.2307/1130744
- Reynolds, S.J., Dang, C.T., Yam, K.C., & Leavitt, K. (2014). The role of moral knowledge in everyday immorality: What does it matter if I know what is right? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 123(2), 124–137. doi: 10.1016/j.obhdp.2013.10.008
- Sagone, E., & De Caroli, M.E. (2013). Personality factors and civic moral disengagement in law and psychology university students. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 93, 158–163. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.09.170
- Sanford & Comstock (1971). *Sanctions for Evil: Sources of Social Destructiveness Hardcover*. Publisher: Jossey-Bass, 287.
- Tilman C.J., Gonzalez K., Whitman M.V., Crawford W.S., & Hood A.C. (2017). A Multi-Functional View of Moral Disengagement: Exploring the Effects of Learning the Consequences. *Front Psychology*, 8, 22–86. doi: 10.3389/fpsyg.2017.02286
- David C. Rapoport & Yonah Alexander (Eds.) (1982). *The Morality of Terrorism: Religious and Secular Justifications*. New York: Pergamon Press, 337.
- Vollum, S., Longmire, D.R. & Buffington-Vollum, J. (2004). Confidence in the Death Penalty and Support for Its Use: Exploring the Value-Expressive Dimension of Death Penalty Attitudes. *Justice Quarterly*, 21, 521–546. doi: 10.1080/07418820400095891
- Zimbardo, P. G. (1995). The psychology of evil: A situationist perspective on recruiting good people to engage in anti-social acts. *The Japanese Journal of Social Psychology*, 11(2), 125–133.

References

- Anisimov S.F. (1985). Moral and behaviour. Moscow, 132.
- Archer D., & Gartner R. (2003). Peacetime victims: the impact of war on people's desire for peacetime violence. In Aronson E. [Obshchestvennoe

zhivotnoe. *Issledovaniya*. SPb, 44–61.

- Aronfreed, J. (1976). Moral development from the standpoint of a general psychology theory. In T. Lickona (Ed.) *Moral development and behavior*. NY: Holt.
- Bandura, A., & McDonald, F.J. (1963). The influence of social reinforcement and the behavior of models in shaping children's moral judgments. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67, 274–281. doi: 10.1037/h0044714
- Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M.E. (1975). Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9, 253–269. doi: 10.1016/0092-6566(75)90001-X
- Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bandura, A. (1990). Selective activation and disengagement of moral control. *Journal of Social Issues*, 46, 27–46. doi: 10.1111/j.1540-4560.1990.tb00270.x
- Bandura, A. (1991). Social cognitive theory of moral thought and action. In W. M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.), *Handbook of moral behavior and development*, 1, 45–103. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V. & Pastorelli, C. (1996). Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 67(3), 1206–1222. doi: 10.2307/1131888
- Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3, 193–209. doi: 10.1207/s15327957pspr0303_3
- Bandura, A., Caprara, G.V., Barbaranelli, C., Pastorelli, C., & Regalia, C. (2001). Sociocognitive self-regulatory mechanisms governing transgressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 80, 125–135. doi: 10.1037/0022-3514.80.1.125
- Bandura, A. (2002). Selective moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Moral Education*, 31, 101–119. doi: 10.1080/0305724022014322
- Bandura, A. (2015). *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. New York, NY: Worth
- Berdyayev N.A. (2001). Dostoevskiy's worldview. [*Biblioteka russkoi i religiozno-filosofskoi i khudozhestvennoi literatury*]. «VEKhI», Praga. Retrieved from: <http://www.vehi.net/berdyayev/dostoevsky/index.html> (accessed 20.08. 2019)
- Boardley, I.D., & Kavussanu, M. (2009). The influence of social variables and moral disengagement on prosocial and antisocial behaviours in field hockey and netball. *Journal of Sports Sciences*, 27, 843–854. doi: 10.1080/02640410902887283
- Brock T.C., & Buss A.H. (1962). Dissonance, aggression, and evaluation of pain. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 65(3), 197–202. doi: 10.1037/h0048948
- Burton R.V. (1976) *Honesty and dishonesty. Moral development and behavior*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 173–197.
- Burton, R.V. & Kuncle L. (1995) Behavioral models of moral development: A brief history and integration. In W.M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.) *Moral development: An introduction* Boston, MA: Allyn & Bacon, 141–171.
- Cairns, R. B., Cairns, B. D., Neckerman, H. J., Gest, S. D., & Gariépy, J.-L. (1988). Social networks and aggressive behavior: Peer support or peer rejection? *Developmental Psychology*, 24(6), 815–823. doi: 10.1037//0012-1649.24.6.815
- Carlo, G., & Randall, B.A. (2002). The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents, *Journal of Youth and Adolescence*, 31, 31–44. doi: 10.1023/A:1014033032440
- Caroli M.E., Sagone E. (2013). Mechanisms of moral disengagement: an analysis from early adolescence to youth. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 140, 312–317. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.04.426
- Caprara G.V., Dodge K.A., Pastorelli C., & Zelli A. (2006) The Effects of Marginal Deviations on Behavioral Development. *European Psychology*, 11(2), 79–89. doi: 10.1027/1016-9040.11.2.79
- Cohen & Nisbett, (1994) Self-Protection and the Culture of Honor 20(5), 551–567. doi: 10.1177/0146167294205012
- Dang, C. T., Umphress, E. E., & Mitchell, M. S. (2017). Leader social accounts of subordinates' unethical behavior: Examining observer reactions to leader social accounts with moral disengagement language. *Journal of Applied Psychology*, 102(10), 1448–1461. doi: 10.1037/apl0000233
- Diener, E., Dineen, J., Endresen, K., Beaman, A. L., & Fraser, S. C. (1975). Effects of altered responsibility, cognitive set, and modeling on physical aggression and deindividuation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 31(2), 328–337. doi: 10.1037/h0076279
- Diener E. (1977). Deindividuation: Causes and consequences. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 5(1), 143–155. doi: 10.2224/sbp.1977.5.1.143
- Dishion, E. (1990) The Family Ecology of Boys' Peer Relations in Middle Childhood. *Child development*, 61(3), 874–892. doi: 10.2307/1130971
- Detert J.R., Trevino L.K., & Sweitzer V.L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93, 374–391. doi: 10.1037/0021-9010.93.2.374
- Iwai T., Vinicius J. & Lalli V.M. (2019). Explaining transgressions with moral disengagement strategies and their effects on trust repair. *Brazilian Administration Review*, 15(4). doi: 10.1590/1807-7692bar2018180016
- Gibson J. & Haritos-Fatouros M. (1986). The education of torturer. Social influence, 246–251. doi: 10.1037/e400772009-004
- Hooge E.I., Breugelmans S.M., & Zeelenberg M. (2008). Not so ugly after all: when shame acts as a commitment device. *Journal Personal Social Psychology*, 95(4), 933–943. doi: 10.1037/a0011991
- Hymel S., Rocke-Henderson N., & Bonnano R.A. (2005). Moral Disengagement: A Framework for Understanding Bullying Among Adolescents. *Journal of the Social Sciences*, 8, 45–60.
- Kant I. (1965). *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In 6 Vols, Vol.4 (2). Moscow.
- Kelman, H.C. (1973) Violence without moral restraint: reflections on the dehumanization of victims and victimizers. *Journal of social issues*, 29(4), 25–61. doi: 10.1111/j.1540-4560.1973.tb00102.x
- Kelman, H. C., & Hamilton, V. L. (1989). *Crimes of obedience: Toward a social psychology of authority and responsibility*. New Haven, CT, US: Yale University Press.

- Kubany, Edward S. & Watson, Susan B. (2003). «Guilt: Elaboration of a Multidimensional Model», *The Psychological Record*, 53(1), Article 4.
- Kocherov S.N. (2015). Paradoxes of moral freedom. [*Eticheskaya mys'l'*], 15, 5–26.
- Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., & Sorokina Yu.L. (2016). Alienation of moral responsibility: a psychological construct and methods for measuring it. [*Vestnik SPbGU*]. Series 16. Psychology. *Pedagogy*, 4, 23–39. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.402
- Levine, E.E., & Schweitzer, M.E. (2014). Are liars ethical? On the tension between benevolence and honesty. *Journal of Experimental Social Psychology*, 53, 107–117. doi: 10.1016/j.jesp.2014.03.005
- Milgram S. (1974). Obedience to Authority.
- Ozhegov S.I. (1986). Dictionary of the Russian Language.
- Perry, D.G., Williard, J.C., & Perry, L.C. (1990). Peers' perceptions of the consequences that victimized children provide aggressors. *Child Development*, 61(5), 1310–1325. doi: 10.2307/1130744
- Reynolds, S.J., Dang, C.T., Yam, K.C., & Leavitt, K. (2014). The role of moral knowledge in everyday immorality: What does it matter if I know what is right? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 123(2), 124–137. doi: 10.1016/j.obhdp.2013.10.008
- Sagone, E., & De Caroli, M.E. (2013). Personality factors and civic moral disengagement in law and psychology university students. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 93, 158–163. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.09.170
- Sanford & Comstock (1971). *Sanctions for Evil: Sources of Social Destructiveness* Hardcover. Publisher: Jossey-Bass, 287.
- Soldatova G.U. (1998). Psychology of interethnic tension. Moscow, Smysl, 389.
- Tilman C.J., Gonzalez K., Whitman M.V., Crawford W.S., & Hood A.C. (2017). A Multi-Functional View of Moral Disengagement: Exploring the Effects of Learning the Consequences. *Front Psychology*, 8, 22–86. doi: 10.3389/fpsyg.2017.02286
- David C. Rapoport & Yonah Alexander (Eds.) (1982). *The Morality of Terrorism: Religious and Secular Justifications*. New York: Pergamon Press, 337.
- Vollum, S., Longmire, D.R. & Buffington-Vollum, J. (2004). Confidence in the Death Penalty and Support for Its Use: Exploring the Value-Expressive Dimension of Death Penalty Attitudes. *Justice Quarterly*, 21, 521–546. doi: 10.1080/07418820400095891
- Zimbardo, P. G. (1995). The psychology of evil: A situationist perspective on recruiting good people to engage in anti-social acts. *The Japanese Journal of Social Psychology*, 11(2), 125–133.

В поисках оптимального стиля родительского воспитания

О.А. Карабанова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Российская академия образования, Москва, Россия

Поступила 8 сентября 2019/ Принята к публикации: 16 сентября 2019

In search of an optimal parenting style

Olga A. Karabanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Received September 8, 2019 / Accepted for publication: September 16, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. В современной психологии все чаще звучит вопрос: существует ли «оптимальный» – гармоничный тип воспитания или скорее это миф, не отвечающий реальности практик семейного воспитания. Поэтому исследование разных типов семейного воспитания и особенностей родительско-детских отношений является весьма актуальной задачей.

Цель статьи – анализ подходов к пониманию природы оптимального стиля родительского воспитания, обеспечивающего психологические условия для развития и позитивной социализации ребенка.

Описание хода исследования. Установлено, что детско-родительские отношения представляют собой двунаправленный процесс, где оба партнера занимают активную позицию. Обосновано положение об опосредованном характере связи между стилем родительского воспитания и особенностями развития ребенка. Обсуждается культурная специфика целей воспитания ребенка. Доказано, что в подростковом возрасте задачей развития и целью воспитания становится формирование автономии личности в сочетании с взаимозависимостью и связанностью подростка с родителями.

Результаты исследования. Исследования влияния стиля родительского воспитания на формирование личности ребенка показало сложный нелинейный характер такого воздействия, опосредованный характером переживания ребенком своих отношений с родителем. Выделены основные параметры гармоничного типа воспитания, обеспечивающего формирование автономии ребенка: особенности эмоциональных отношений, общения и взаимодействия, требований и запретов, контроля.

Выводы. Моделью оптимального стиля воспитания и детско-родительских отношений является поликомпонентная система эмоциональных отношений, коммуникации, контроля и требований, создающая зону ближайшего развития автономии ребенка при сохранении стабильной эмоциональной близости и взаимозависимости.

Ключевые слова: родительско-детские отношения, стиль родительского поведения, тип воспитания, автономия, взаимозависимость

Background. In modern psychology, the question is increasingly being raised if there is a fine type of upbringing or it is rather a myth that does not correspond to the reality of family education practices. Parenting and child relationships are rather acute issues of discussion today.

The Objective of the paper is to analyze the approaches to the nature of the finely tuned type of parental education that provides psychological conditions for child development and positive socialization.

Design. Child-parent relationship is a bilateral process where both partners are active. The provision on the indirect nature of the relationship between the style of parental education and the child development is extended on. The cultural goals of raising a child are discussed. It is proved that in adolescence, the task of development and the goal of upbringing is based on developing personal autonomy in coincidence with the interdependence with the parents.

Results. Studies of the parenting style influence on the child personality showed the complex non-linear nature of such an effect, mediated by the nature of the child's experience of his relationship with the parent. The main parameters of the harmonious type of upbringing that ensure further child autonomy are highlighted: features of emotional relations, communication and interaction, requirements and prohibitions, and control.

Findings. The model of the fine-drawn style of upbringing and parent-child relationships is a multi-lateral system of emotional relations, communication, control and requirements, creating a zone of the nearest development maintaining stable emotional closeness and interdependence.

Keywords: parent-child relationships, parental behaviour, type of education, autonomy, interdependence.

Родительство находилось в центре внимания психологических исследований с момента, когда в 60-е годы XX века в работах Д. Баумринда (Baumrind) была установлена связь между стилем родительского поведения, определяемого по критериям принятия/отвержения и контроль, и особенностями развития ребенка (Baumrind, 1966, 1967, 1991). Были показаны различия детей, родители которых различались по стилю воспитания, по следующим параметрам: враждебный/доброжелательный, оказывающий сопротивление/сотрудничающий; властный/попкорный; доминирующий/покорный; целеустремленный/бесцельный; ориентированный на достижения/не ориентированный на достижения; независимый/внушаемый. Полученные результаты обусловили стремление исследователей и практиков выявить такой тип воспитания и родительского поведения, который обеспечил бы формирование позитивных личностных характеристик ребенка – «гармоничный» тип воспитания.

Обе трактовки миссии родительства при внешнем различии объединяет общее – поведение родителя должно создавать благоприятную и безопасную среду для личностного и когнитивного развития ребенка, содействовать становлению его автономии и самостоятельности

Исследование миссии и целей родительства, типов воспитания, характеристик «эффективного» родителя, факторов, определяющих успешность реализации родительской роли, получило широкое распространение и стало эмпирической основой создания теоретических моделей эффективного родительства, дающих разное определение целей воспитания. Одна из позиций – признание абсолютной ценности развития автономии как цели воспитания (Jones, 2001). Согласно другой позиции, цели определены как содействие

психическому развитию ребенка в психологически комфортной и безопасной среде (Reger et al., 2003). Обе трактовки миссии родительства при внешнем различии объединяет общее – поведение родителя должно создавать благоприятную и безопасную среду для личностного и когнитивного развития ребенка, содействовать становлению его автономии и самостоятельности. Для достижения указанной цели родитель должен обеспечить ребенку заботу (удовлетворение его витальных, эмоциональных, социальных потребностей, физическую и психологическую безопасность, защиту здоровья от болезней, от нанесения ущерба и насилия); контроль (структурирование границ поведения посредством системы требований и запретов и контроля их выполнения); создать необходимые условия для развития ребенка и содействовать реализации его потенциала (Jones, 2001). Соответственно, родителю необходимо обладать необходимой для реализации перечисленных задач системой знаний (о возрастных и индивидуально-личностных

особенностях ребенка, эмоциональном и психологическом благополучии, проблемах и трудностях, методах воспитания). Он должен руководствоваться в своих действиях адекватной мотивацией, признавая самоценность ребенка, иметь необходимые ресурсы (материальные и личностные) и возможности (время, контакты, пространство совместных занятий).

Бельский и Вондра (Belsky and Vondra) (Belsky, Vondra, 1989) суммировали факторы, определяющие оптимальное удов-

летворение потребностей ребенка родителем. К таким факторам относятся, во-первых, психологические особенности родителя: чувствительность (чувствительность), включая чувствительность к возможностям ребенка, задачам развития и трудностям; способность к эмпатии, ориентацию в целях и методах воспитания; реалистичные ожидания и адекватная поддержка намерений ребенка; психологическая зрелость родителя (позитивный образ Я и высокая самооценка, внутренний локус контроля, эмпатия и адекватная экспрессия чувств, готовность и умение передавать свой опыт другим, конструктивные стратегии совладания с трудностями, рефлексия результатов того или иного поведения); психологическое здоровье (теплота и инициативность в детско-родительском взаимодействии, организация стабильного образа жизни); история собственных семейных отношений (переживания, связанные с родительством, семейные отношения, включая супружеские и отношения с собственными родителями). Во-вторых, – психологические особенности ребенка: уровень его психического развития, темперамент, «легкость» воспитания. В-третьих, – средовые ресурсы: поддержка со стороны партнера, социальные сети, возможность успешно совмещать свои профессиональные обязанности с родительскими функциями.

Целью нашей статьи является анализ различных подходов к пониманию природы оптимального стиля родительского воспитания, обеспечивающего психологические условия для развития и позитивной социализации ребенка.

При этом задачей становится поиск ответов на три основных вопроса:

1. Что такое эффективное родительство? Носит ли оно универсальный характер или зависит от исторической эпохи, культуры, возрастных и индивидуально-личностных особенностей ребенка? Существует ли специфика целей и методов воспитания, характеристик родительско-детских отношений, признаваемых в культурной группе оптимальными?
2. Родительско-детские отношения, по определению, представляют собой две стороны. Являются ли отношения в детско-родительской диаде одноили двунаправленными? Какой вклад



Ольга Александровна Карабанова –

доктор психологических наук, член-корр. РАО, профессор, зав. кафедрой возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: okarabanova@mail.ru

<https://istina.msu.ru/profile/Okarabanova/>

в развитие этих отношений вноситребенку? Какова мера и содержание его активности, которая должна быть признана оптимальной для развития родителско-детских отношений?

3. Следует ли считать развитие автономии в родителско-детских отношениях целью и ценностью воспитания? Или автономия далеко не всегда является социально желаемой характеристикой?

Д. Баумринд (Baumrind) предложила двухмерную классификацию стилей родительского поведения, где в качестве измерений выступали:

а) эмоциональное принятие/отвержение;
б) контроль, требования/отсутствие контроля и требований.

На основании предложенной схемы было выделено 3 базовых варианта родительского поведения:

- авторитетное с высокой реципрокностью в двунаправленной коммуникации;
- авторитарное, основанное на власти родителя и безоговорочном подчинении ребенка;
- разрешающее с низким уровнем требований и контроля.

Сегодня, наряду с этими выделенными в классической работе Д. Баумринд тремя типами стиля родительского воспитания (авторитарным, авторитетным и разрешающим), выделяют еще тип «невовлеченного родительства» (Maccoby, 1992). Для последнего типа воспитания характерна низкая эмоциональная вовлеченность родителя, что приводит к тому, что этот тип нередко отождествляют с отвергающим. Другими характеристиками «невовлеченного» родительства признают низкий уровень удовлетворения потребностей ребенка, включая витальные потребности, отсутствие требований и запретов, недостаточность контроля, низкая информированность родителя о жизни ребенка, его проблемах и трудностях. Причинами возникновения подобной родительской позиции является опыт собственных детско-родительских отношений, в которых на передний план выступает индифферентность и отвержение со стороны собственных родителей, нарушения эмоционального статуса, состояние депрессии, фрустрации, стресса.

В современной психологии все чаще звучит вопрос: существует ли «оптималь-

ный» – гармоничный тип воспитания или скорее это миф, не отвечающий реальности практик семейного воспитания. Авторитетный стиль родительского поведения, сочетающий эмоциональное принятие, разумность и обоснованность требований и запретов и родительский контроль был признан оптимальным/гармоничным стилем воспитания, по сравнению с авторитарным типом и вседозволенностью (Baumrind, 1966, 1991). В работе Э. Маккоби (Maccoby, 1992), представившей исторический обзор изменения теоретических представлений о влиянии родительства и детско-родительских отношений на развитие ребенка, были выделены три основных тенденции. Во-первых, введение ограничений в теоретическую модель влияния типа семейного воспитания и родительской позиции на психическое развитие ребенка. От теорий широкого обобщения исследователи перешли к умеренным по широте обобщения теориям, в которых роль такого влияния ограничивается возрастом ребенка и специфи-

ческой психологии признается, что тип воспитания может оказывать различное воздействие на развитие ребенка в зависимости от того, как сам ребенок воспринимает и переживает свое взаимодействие с родителями.

Говоря о воздействии типа семейного воспитания, нельзя забывать о том, что развитие ребенка, прежде всего, происходит в семье как целостной системе (Cox, Paley, 2003). Для адекватного понимания родителско-детских отношений необходимо исходить из положения, разработанного системной семейной терапией, согласно которому семья представляет собой целостный единый организм. Любое взаимодействие в семье оказывает влияние на жизнедеятельность семьи в целом, равно как изолированное рассмотрение родителско-детских отношений не позволяет адекватно понять эти отношения. Существенное влияние на детско-родительские отношения оказывает взаимодействие в семейных подсистемах: «мать-ребенок», «отец-ребенок», «отец-мать», а также соотношение диадического взаимодействия

Поведение родителей различается в зависимости от того, взаимодействуют ли они с ребенком с участием всех членов семьи или один на один. Так, например, рождение ребенка делает отношения супругов отношениями со-родительства, в котором возникает задача сотрудничества в интересах совместного воспитания и заботы о ребенке

ческим доменом (сферой развития: личностного, эмоционального, когнитивного, поведения). Второе изменение заключается в переходе от трактовки детско-родительских отношений как однонаправленных по типу «сверху-вниз», где родитель выступает как учитель, ментор, контролер, к пониманию отношений как двунаправленных и взаимообуславливающих процессов взаимодействия родителя с ребенком (Grusec, 2002; Grusec, Goodnow, 1994; Bell, 1979; Lerner, Busch-Rosnagel, 1981). И, наконец, произошел отказ от попыток установления прямой связи детско-родительских отношений и особенностей ребенка, когда те или иные качества личности ребенка интерпретировались как прямой результат родительского влияния, к поиску опосредствованных непрямых отношений. Если ранее исследователями усматривалась прямая связь между воспитательной практикой родителей и результатами развития ребенка, то в совре-

«мать-отец» и диады «мать-ребенок», диады «мать-ребенок» и «мать-отец». Результаты эмпирического исследования показали, что поведение родителей различается в зависимости от того, взаимодействуют ли они с ребенком с участием всех членов семьи или один на один. Так, например, рождение ребенка делает отношения супругов отношениями со-родительства, в котором возникает задача сотрудничества в интересах совместного воспитания и заботы о ребенке. Будет ли совместное воспитание осуществляться в форме взаимной поддержки, кооперации и взаимопомощи друг другу или в форме конкуренции, взаимных обвинений и претензий, определяется рядом условий. В случае конфронтации включается механизм триангуляции, приводящий к вовлечению ребенка в конкурентную борьбу родителей за власть и влияние (Cumplings, Davies, 1994).

В исследованиях детско-родительских отношений первоначально фокус вни-

мания центрировался на вопросе о типе семейного воспитания, установках родителей, их воспитательных ценностях и методах воспитания при скрытом предположении, что поведение родителей является главной и единственной причиной наблюдаемых результатов развития ребенка. Позже, по мере накопления фактов, свидетельствующих о том, что воспитание не определяет однозначно развитие ребенка, и что при одном и том же типе воспитания можно получить прямо противоположные результаты, взаимодействие родитель – ребенок все чаще стало

как результат двунаправленного процесса взаимодействия, является теория привязанности Д. Боулби (Bowlby, 1969). Согласно теории привязанности, «внутренняя рабочая модель», как интернализированный образ близкого взрослого и связанные с ним ожидания ребенка в отношении удовлетворения базовой потребности в безопасности и защите, формируется на основе опыта взаимодействия со взрослым. При этом решающее значение приобретают такие характеристики поведения последнего, как чувствительность к состоянию ребенка и понимание

По мере накопления фактов, свидетельствующих о том, что воспитание не определяет однозначно развитие ребенка, и что при одном и том же типе воспитания можно получить прямо противоположные результаты, взаимодействие родитель – ребенок все чаще стало рассматриваться как результат не только влияния родителей, но и деятельности самого ребенка

рассматриваться как результат не только влияния родителей, но и деятельности самого ребенка. Произошло изменение парадигмы исследования родительско-детских отношений – от изучения поведения и установок родителя к изучению взаимодействия двух активных партнеров. В теории социального научения А. Бандуры активная роль ребенка связывается с выбором поведения родителей как модели для социального подражания, с когнитивными особенностями восприятия этой модели ребенком и его мотивацией (Bandura, 1986). Попытка интегрировать основные положения теории социального научения и результаты исследования роли когнитивных, аффективных факторов и мотивации в развитии ребенка была сделана в теории социализации Грузек и Гудноу (Grusec, Goodnow, 1994). Авторы полагают, что в основе подражания с последующей интериоризацией социальных образцов поведения лежат особенности детско-родительских отношений, а именно, ясность и точность коммуникации на полюсе родителя и адекватность понимания сообщения ребенком. Именно коммуникация в детско-родительских отношениях, где каждый из ее участников занимает активную, хотя не симметричную позицию, оказывается ключевым моментом, определяющим результаты процесса социализации ребенка. Наиболее последовательной теоретической моделью, рассматривающей развитие ребенка

его причин, респонсивность как способность адекватно отвечать на нужды и потребности ребенка, последовательность и устойчивость. Еще одно достоинство теории привязанности в том, что ею был поставлен вопрос о влиянии типа привязанности на развитие ребенка и его межличностных отношений в онтогенезе на различных возрастных стадиях.

Модель детско-родительских отношений должна также учитывать изменения в системе отношений, ее предпосылках и функциях, характере влияния на развитие и социализацию личности. В этом отношении говорить об универсальном, гармоничном типе родительского воспитания можно лишь с учетом возрастной стадии и актуальных задач развития (Naveghurst, 1972), социо-культурных особенностей экологической «ниши» развития (Harkness, 1980; Harkness, Super, 2002). Если первоначально детско-родительские отношения выступают как асимметричные, организованные иерархически с четко выраженной вертикалью «власть-подчинение» (Maccoby, 1992), то по мере взросления ребенка уменьшается его зависимость, растет самостоятельность и автономия, отношения становятся симметричными, а когда ребенок становится взрослым, по мере старения родителей детско-родительские отношения вновь трансформируются, но теперь в сторону возрастания зависимости пожилых родителей от заботы их взрослых детей.

Задачей подросткового возраста является сепарация и достижение автономии в отношениях с родителями (Mahler, 1968, 1963). По мнению П. Блоса (Blos) можно выделить пять стадий индивидуации как эмоционального отделения от родителей, содержанием которых становится реорганизация Эго-структуры посредством деидеализации образа родителя, что позволяет подростку находить объекты любви вне семьи (Blos, 1967; Collins, 2005; Steinberg, Silverberg, 1986).

В модели сепарации, разработанной Дж. Хоффманом (Hoffman, 1984), выделены когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты и стиль сепарации. Автономия может рассматриваться и как характеристика отношений с родителями, и как личностная характеристика, включающая, соответственно, ценностный, когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты (Поскребышева, Карабанова, 2014а, 2014б). Достижение автономии связано с построением отношений в направлении большего равенства и ослабления родительского контроля (Collins, 2005), увеличением дистанции от родителей (McElhaney et al., 2009). Эмоциональное дистанцирование подростка влечет за собой изменение образа родителя, который становится более реалистичным, но нередко трансформируется в сторону обесценивания родителя и отношений с ним (Steinberg, Silverberg, 1986). При позитивном значении эмоционального отделения подростка от родителей (Chen, Dornbush, 1998) существуют риски переживания им отторжения со стороны родителей (Ryan, Lynch, 1989). Рост когнитивной автономии приводит к изменению образа родителя в направлении большей реалистичности и сбалансированности, восприятию родителей с их «сильными» и «слабыми» сторонами и отказу подростков от мифа «всемогущества» родителей. Этому сопутствует возрастание ответственности подростка за выбор ценностей и принятие решений (Beyers, Goossens, 2003).

Достижение автономии связывается с обретением индивидуальности в рамках отношений с родителями (Youniss, Smollar, 1985). Индивидуация личности в подростковом и юношеском возрасте осуществляется в детско-родительских отношениях в процессе изменения соотношения меж-

ду автономией и связанностью/близостью (Cooper et al., 1983). Высокий уровень автономии, по мнению исследователей, обеспечивает высокий уровень социальной адаптации (Beyers, Goossens, 2003; Garber, Little, 2001), эффективность совладающего поведения (Allen et al., 1994) и готовность к успешному преодолению трудностей в поведении (Samuolis et al., 2005). Ценностный компонент автономии связан с уровнем морально-нравственной зрелости подростка (Climo, 1992).

В нашем исследовании (Поскребышева, Карабанова, 2014а, 2014б) была показана связь развития личностной автономии подростков с родительским контролем, сотрудничеством и поддержкой самостоятельности подростка в детско-родительских отношениях. Было выявлено изменение характера общения и взаимодействия в диаде «родитель-ребенок» от ведущей и направляющей роли родителей к взаимонаправленному сорегулированию совместной деятельности, в котором регуляция и контроль разделены между подростком и родителем.

Итак, линия развития автономии ребенка в детско-родительских отношениях сегодня признается ядром трансформации родительско-детских отношений в онтогенетическом развитии. Означает ли это, что стиль воспитания, обеспечивающий развитие автономии в условиях сбалансированности автономии и связанности, является оптимальным/гармоничным?

Экологическая модель развития, предложенная У. Бронфенбреннером (Bronfenbrenner), требует изучения развития ребенка в единстве его средовых контекстов, включая микросистемы, мезо-, экзо- и макросистему (Bronfenbrenner, 1979). Иными словами, она требует принять во внимание социо-культурный контекст развития ребенка и детско-родительских отношений с учетом специфики культурных ценностей воспитания (Markus, Kitayama, 1991; Segall, et al., 1999; Trommsdorff, Dasen, 2001), природных и социальных условий жизни ребенка, культурных практик воспитания детей, психологических особенностей родителей (Harkness, 1980; Harkness, Super, 2002).

Следуя положению о дифференциации культур на три типа: современная (западная модель постиндустриального общества), традиционная и динамически развива-

ющаяся (переходная), можно представить культурную специфику детско-родительских отношений следующим образом. В западной традиции современной культуры целью и приоритетом воспитания ребенка является формирование автономии. Условиями – сотрудничеством родителя с ребенком в форме «переговоров» на равноправной основе: разъяснения, аргументации, убеждения и все большая включенность ребенка в группу сверстников. Последняя к подростковому возрасту приобретает особую значимость как референтная группа и подталкивает подростков к ревизии отно-

Рост когнитивной автономии приводит к изменению образа родителя в направлении большей реалистичности и сбалансированности, восприятию родителей с их «сильными» и «слабыми» сторонами и отказу подростков от мифа «всемогущества» родителей. Этому сопутствует возрастание ответственности подростка за выбор ценностей и принятие решений

шений с родителями и усилению потребности в автономии (Laurson, Bukowski, 1997). В условиях возрастающей автономии партнеров по взаимодействию возникает потребность в доверии, которое позволяет сохранять безопасность и уверенность в просоциальном альтруистическом поведении партнера при отказе или невозможности реализовать власть, доминирование и контроль в его отношении (Rusbult, Arriaga, 1997). Однако это утверждение справедливо лишь для современной культуры западного типа, в то время как в традиционной культуре существует альтернатива ценности независимости и автономии – ценность взаимозависимости и сохранения стабильных родственных отношений (Fiske, et al., 1998; Greenfield, et al., 2003; Trommsdorff, 2001). В этом случае предпочтительными оказываются и иной тип воспитания, и иной характер детско-родительских отношений. Так, для традиционных обществ типична «семейная модель взаимозависимости», признающая приоритет включенности в семейную систему и стабильности отношений с расширенной семьей, заботу о благе членов семьи на основе связанности и родства (Kagitcibasi, 1996). Детско-родительские отношения основываются на взаимных ожиданиях и поддержке. Зачастую практикуется авторитарный стиль воспитания, от детей требуется послушание и принятие обязательств, связанных с обеспечением благополучия семьи. Так,

в восточно-азиатских культурах высоко ценятся сыновнее благочестие и выполнение обязательств в отношении родителей. Детско-родительские отношения характеризуются сотрудничеством, «симбиотической гармонией», ориентацией на ожидания партнера. Семейные системы часто имеют патрилинейный характер, высоко ценится статус человека, его социально-экономический потенциал (Greenfield, et al., 2003).

Третья модель, характерная для общества динамически развивающейся культуры («мира большинства») – модель се-

мьи эмоциональной взаимозависимости, была предложена Кагитцбаси (Kagitcibasi, 1996). Отличительные особенности этой модели: расширенная семья, высокая рождаемость и сохранение экономической ценности детей, особенно сыновей, поскольку они ответственны за поддержку родителей в старости. Детско-родительские отношения характеризуются ориентацией на семейные устои и ценности, авторитарным воспитанием при высокой значимости эмоциональных связей. Некоторое снижение экономической зависимости между родителями и детьми компенсируется возрастанием эмоциональной ценности детей и родительства при определенном расширении сферы автономии ребенка по мере его взросления. Таким образом, модель эмоциональной взаимозависимости основывается на сочетании взаимозависимости и автономии, мера сбалансированности которых создает диапазон вариативности детско-родительских отношений.

Исследования культурной специфичности детско-родительских отношений не отрицают возможности определения оптимальных для развития ребенка типа воспитания и детско-родительских отношений. Показано, что для общества современной культуры сочетание автономии и взаимосвязанности является условием реализации развивающего потенциала детско-родительских отношений (Grotevant,

Cooper, 1986; Youniss, Smollar, 1985). Измерение автономии не определяется противоположностью полюсов автономии и связанности, а имеет сложный характер (Kagitcibasi, 1996). Поощрение автономии создает зону ближайшего развития ребенка за свои поступки, а взаимозависимость удовлетворяет потребность в безопасности и социальной аффилиации и формирует ответственность за благополучие общества и окружающих людей.

Возвращаясь к вопросу о существовании «универсального» стиля воспитания, гармонично сочетающего условия формирования автономии и самостоятельности ребенка, с одной стороны, и готовность к сотрудничеству, содействию и сопереживанию, с другой, необходимо

Поощрение автономии создает зону ближайшего развития самостоятельности и ответственности ребенка за свои поступки, а взаимозависимость удовлетворяет потребность в безопасности и социальной аффилиации и формирует ответственность за благополучие общества и окружающих людей

определить значимые параметры детско-родительских отношений, перечень которых представлен ниже.

1. Особенности эмоциональных отношений включают:

- принятие родителем ребенка, основанное на признании самооценки ребенка и переживании родителем безусловной любви к нему;
- надежную привязанность ребенка к родителю (Д. Боулби, М. Айнсворт) и уважение родителя;
- эмпатию – понимание чувств и переживаний партнера;
- эмоциональную дистанцию, адекватную возрастным и индивидуально-личностным особенностям ребенка;
- эмоциональную включенность, релевантную мотивации родительства и отвечающую потребностям ребенка.

2. Общение и взаимодействие предполагают:

- полноту и адекватность удовлетворения базовых витальных, психологических и духовных потребностей ребенка;
- сотрудничество (совместная деятельность, направленная на достижение общей цели или решение проблемы);

- доверие и взаимопонимание;
- принятие решений (особенности системы принятия решений в детско-родительской диаде);
- конструктивное разрешение конфликтов;
- поощрение и поддержка инициативы и автономии ребенка (предоставление ответственности, признание взрослости подростка).

3. Требования и запреты:

- разумная система требований с учетом социальных норм, возрастных и индивидуально-психологических особенностей ребенка;
- запреты на действия, представляющие угрозу здоровью, жизни, личностной безопасности ребенка и окружающих людей.

4. Контроль означает

- требовательность (количество и содержание предъявляемых ребенку требований);
- мониторинг (осведомленность родителей об интересах, круге общения, увлечениях ребенка, проблемах и трудностях и готовность оказать поддержку и помощь в случае необходимости).

В зависимости от социо-культурной специфики выраженность каждого из параметров детско-родительских отношений может изменяться, обеспечивая необходимый баланс автономии и взаимозависимости соответственно культурным ценностям воспитания.

Заключение

Исследования влияния стиля родительского воспитания на формирование личности ребенка показало сложный нелинейный характер такого воздействия, опосредованный характером переживания ребенком своих отношений с родителем. Переживание как когнитивно-аффективный комплекс позволяет ребенку придать определенное значение и смысл

своему взаимодействию с родителем (Л.С. Выготский).

Активная позиция ребенка, его пристрастность, конструирование смыслов со-бытий, развертывающихся в пространстве диадического взаимодействия с близким взрослым изменяет прежнее представление о однонаправленности детско-родительских отношений. Признание детско-родительских отношений двунаправленными делает фокусом внимания формирование автономии как цели и конечного результата развития ребенка. Обретение автономии как нового качества активности ребенка является важным достижением в развитии, приводящим к трансформации родительско-детских отношений и выводит их на качественно новый уровень взаимодействия.

Культурные ценности определяют цели и стратегию воспитания, которая, в зависимости от типа культуры, создает определенный баланс между автономией и взаимозависимостью ребенка и родителей с учетом задач развития конкретной возрастной стадии.

Моделью оптимального стиля воспитания и детско-родительских отношений является поликомпонентная система эмоциональных отношений, коммуникации, контроля и требований, создающая зону ближайшего развития автономии ребенка при сохранении стабильной эмоциональной близости и взаимозависимости.

Информация о грантах и благодарностях

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ «Роль художественной кинематографии в формировании установки на реализацию родительской деятельности и образа эффективного родительства у современной молодежи» (проект № 18-013-01213).

Acknowledgments

This work was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research "The Role of Artistic Cinematography in Shaping Attitudes towards Parenting and the Image of Effective Parenthood among Modern Youth" (project No. 18-013-01213).

Литература

- Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Возрастно-психологический подход в исследовании личностной автономии подростка // Национальный психологический журнал. – 2014. – №1 (13). – С. 74–85. doi: 10.11621/npj.2014.0108
- Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – С. 34–41. doi: 10.11621/npj.2014.0404
- Allen, J.P., Kuperminc, G., Philliber, S. & Herre, K. (1994). Programmatic prevention of adolescent problem behaviors: The role of autonomy, relatedness, and volunteer service in the Teen Outreach Program. *American Journal of Community Psychology*, 2, 617–638. doi: 10.1007/BF02506896
- Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*, Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall.
- Baumrind, D. (1966). Effects of Authoritative Parental Control on Child. Behavior. *Child Development*, 37(4), 887–907. doi: 10.2307/1126611
- Baumrind, D. (1967). Child-care practices anteceding three patterns of preschool behavior. *Genetic Psychology Monographs*, 75, 43–88.
- Baumrind, D. (1991). The influence of parenting style on adolescents competence and substance use. *Journal of Early Adolescence*, 11(1), 56–95. doi: 10.1177/0272431691111004
- Bell, R.Q. (1979) Parent, child, and reciprocal influences. *American Psychologist*, 34, 821–826. doi: 10.1037/0003-066X.34.10.821
- Belsky, J. & Vondra, J. (1989). Lessons from child abuse: the determinants of parenting. In D.Chichetti and V.Carlson (eds.) *Child Maltreatment: Theory and Research on the Causes and Consequences of Child Abuse and Neglect*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beyers W., & Goossens L. (2003). Psychological Separation and Adjustment to University: Moderating Effects of Gender, Age, and Perceived Parenting Style. *Journal of Adolescent Research*, 18(4). doi: 10.1177/0743558403018004003
- Blos, P. (1967). The second individuation process of adolescence, in R.S. Eissler et. al. (Eds.) (1967). *Psychoanalytic study of the child*, New York: International Universities Press. doi: 10.1080/00797308.1967.11822595
- Bowlby, J. (1969). *Attachment and loss*: Vol. I. Attachment, New York: Basic.
- Bronfenbrenner, U. (1979). *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Chen, Z., & Dornbush, S. (1998). Relating aspects of adolescent emotional autonomy to academic achievement and deviant behavior. *Journal of Adolescent research*, 13, 293–319. doi: 10.1177/07435584898133004
- Climo, J. (1992). *Distant Parents*, Rutgers: Rutgers University Press.
- Collins, W.A. (2005). Parents' Cognitions and Developmental Changes in Relationships during Adolescence. In I.E. Sigel et al. (Eds.) *Parental belief systems: the psychological consequences for children*. 2nd Edition, New Jersey: N.J. University Press.
- Cooper, C.R., Grotevant, H.D., & Condon, S.M. (1983). Individuality and connectedness in the family as a context for adolescent identity formation and role-taking skill. *New Directions for Child Development*, 22, 43–59. doi: 10.1002/cd.23219832205
- Cox, M.J., & Paley, B. (2003). Understanding Families as Systems. *Current Directions in Psychological Science*, 12(5), 193–196. doi: 10.1111/1467-8721.01259
- Cummings, E. M., & Davies, P. (1994). *Children and Marital Conflict*. New York: Guilford.
- Fiske, A. P. Kitayama, S., Markus, H. K, & Nisbett, R. K (1998). The cultural matrix of social psychology. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology*, 2, Boston: McGraw-Hill.
- Garber J., & Little St.A., (2001). Emotional Autonomy and Adolescent Adjustment. *Journal of Adolescent Research*, 16(4), 124–129. doi: 10.1177/0743558401164004
- Greenfield, P. M., Keller, H., Fuligni, A. J., & Maynard, A. (2003). Cultural pathways through universal development. *Annual Review of Psychology*, 54, 461–490. doi: 10.1146/annurev.psych.54.101601.145221
- Grotevant, H.D., & Cooper, C.R. (1986). Individuation in family relationships: A perspective on individual differences in the development of identity and role-taking skill in adolescence. *Human Development*, 29, 82–100. doi: 10.1159/000273025
- Grusec, J.E. (2002). Parenting and the socialization of values, in M. Bornstein (Ed.), *Handbook of parenting*, Mahwah, NJ: Erlbaum, 143–148.
- Grusec, J.E., & Goodnow, J.J. (1994). Impact of parental discipline methods on the child's internalization of values: A reconceptualization of current points of view. *Developmental Psychology*, 30, 4–19. doi: 10.1037/0012-1649.30.1.4
- Harkness S. (1980). The cultural context of child development. *New Directions for Child Development*, 8, 7–13. doi: 10.1002/cd.23219800804
- Harkness, S., & Super, C.M. (2002). Culture and parenting. In M.H. Bornstein (ed.) *Handbook of parenting: Biology and ecology of parenting*. Vol. 2. 2nd ed. Mahwah, NJ: Erlbaum. 253–280.
- Havighurst, R. J. (1972). *Developmental tasks and education*. New York: MacKay.
- Hoffman, J.A. (1984). Psychological separation of late adolescents from their parents. *Journal of Counseling Psychology*, 31, 170–178. doi: 10.1037/0022-0167.31.2.170
- Hoghugh, M. (1997) Parenting at the margins: some consequences of inequality. In K.N. Dwivedi (ed.) *Enhancing Parenting Skills. A Guide Book for Professionals Working with Parents*. Chichester: Wiley.
- Jones, D. (2001). The assessment of parental capacity. In J.Horwatz (ed.) *The child's world: Assessing Children in Need*. London: Jessica Kingsley.
- Kagitcibasi C. (1996). The autonomous-relationalself: A new synthesis. *European Psychologist*, 1(3), 180–186. doi: 10.1027/1016-9040.1.3.180
- Laursen, B., & Bukowski, W. M. (1997). A developmental guide to the organization of close relationships. *International Journal of Behavioral Development*, 21, 747–770. doi: 10.1080/016502597384659
- Lerner, R. M., & Busch-Rossnagel, L. A. (1981). Individuals as producers of their development: Conceptual and empirical bases. In R. M. Lerner & N. A. Busch-Rossnagel (Eds.), *Individuals as producers of their development*, 1–36. New York: Academic. doi: 10.1016/B978-0-12-444550-5.50008-0
- Maccoby, E.E. (1992). The role of parent in the socialization of children: An historical overview. *Developmental Psychology*, 28, 1006–1017. doi:

10.1037/0012-1649.28.6.1006

Mahler M. On symbiosis and the vicissitudes of individuation (1968). New York: International Universities Press.

Mahler M. (1963). Thoughts about development and individuation. *Psychoanalytic Study of the Child*, 18, 307–324. doi: 10.1080/00797308.1963.11822933

Markus, H. R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*, 98, 224–253. doi: 10.1037//0033-295X.98.2.224

McElhaney K.B., Allen J.P., Stephenson J.C., & Hare A.L. (2009). Attachment and Autonomy During Adolescence. In R. M. Lerner, L. Steinberg (Eds.) *Handbook of Adolescent Psychology*. Vol. 1, New Jersey: NJ University Press. doi: 10.1002/9780470479193.adlpsy001012

Reder, P., Duncan, S., & Lucey, C. (2003). What principles guide parenting assessments? In P. Reder, S. Duncan, C. Lucey (eds.) *Studies in the Assessment of Parenting*, UK: Routledge, 3–26. doi: 10.4324/9780203420805_chapter_1

Rusbult, C.E., & Arriaga, X.B. (1997). Interdependence theory. In S. Duck (Ed.), *Handbook of personal relationships*. New York: Wiley, 221–229.

Ryan, R.M. & Lynch, J. (1989). Emotional autonomy versus detachment: Revising the vicissitudes of adolescence and young adulthood // *Child Development*, 60, 340–356. doi: 10.1111/j.1467-8624.1989.tb02720.x

Samuolis J., Hogue A., Dauber S., & Liddle H.A. (2005). Autonomy and Relatedness in Inner-City Families of Substance Abusing Adolescents. *Journal of Child and Adolescent Substance Abuse*, 15(2), 53–86. doi: 10.1300/J029v15n02_04

Segall, M.H., Dasen, P.R., Berry, J.W. & Poortinga, Y.H. (1999). Human behavior in global perspective: An introduction to cross-cultural psychology (2nd ed.). Boston: Allyn & Bacon.

Steinberg, L. (1990). Autonomy, conflict, and harmony in the family relationship. In S.S. Feldman & G.R.E. Elliott (Eds.), *At the threshold: The developing adolescent*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 255–265.

Steinberg, L., & Silverberg, S. B. (1986). The vicissitudes of autonomy in early adolescence. *Child Development*, 57(4), 841–851. doi: 10.2307/1130361

Trommsdorff, G., & Dasen, I.R. (2001). Cross-cultural study of education. In N.J. Smelser & P.B. Baltes (Eds.), *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. Oxford, UK: Elsevier, 3003–3007. doi: 10.1016/B0-08-043076-7/02332-9

Youniss, J.K., & Smollar, J. (1985). Adolescent relations with mothers, fathers, and friends. Chicago: University of Chicago Press.

References:

- Allen, J.P., Kuperminc, G., Philliber, S. & Herre, K. (1994). Programmatic prevention of adolescent problem behaviors: The role of autonomy, relatedness, and volunteer service in the Teen Outreach Program. *American Journal of Community Psychology*, 2, 617–638. doi: 10.1007/BF02506896
- Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*, Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall.
- Baumrind, D. (1966). Effects of Authoritative Parental Control on Child. Behavior. *Child Development*, 37(4), 887–907. doi: 10.2307/1126611
- Baumrind, D. (1967). Child-care practices anteceding three patterns of preschool behavior. *Genetic Psychology Monographs*, 75, 43–88.
- Baumrind, D. (1991). The influence of parenting style on adolescents competence and substance use. *Journal of Early Adolescence*, 11(1), 56–95. doi: 10.1177/0272431691111004
- Bell, R.Q. (1979) Parent, child, and reciprocal influences. *American Psychologist*, 34, 821–826. doi: 10.1037/0003-066X.34.10.821
- Belsky, J. & Vondra, J. (1989). Lessons from child abuse: the determinants of parenting. In D. Chichetti and V. Carlson (eds.) *Child Maltreatment: Theory and Research on the Causes and Consequences of Child Abuse and Neglect*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beyers W., & Goossens L. (2003). Psychological Separation and Adjustment to University: Moderating Effects of Gender, Age, and Perceived Parenting Style. *Journal of Adolescent Research*, 18(4). doi: 10.1177/0743558403018004003
- Blos, P. (1967). The second individuation process of adolescence, in R.S. Eisler et al. (Eds.) (1967). *Psychoanalytic study of the child*, New York: International Universities Press. doi: 10.1080/00797308.1967.11822595
- Bowlby, J. (1969). *Attachment and loss*. Vol. I Attachment, New York: Basic.
- Bronfenbrenner, U. (1979). *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Chen, Z., & Dornbush, S. (1998). Relating aspects of adolescent emotional autonomy to academic achievement and deviant behavior. *Journal of Adolescent research*, 13, 293–319. doi: 10.1177/0743554898133004
- Climo, J. (1992). *Distant Parents*, Rutgers: Rutgers University Press.
- Collins, W.A. (2005). Parents' Cognitions and Developmental Changes in Relationships during Adolescence. In I.E. Sigel et al. (Eds.) *Parental belief systems: the psychological consequences for children*. 2nd Edition, New Jersey: N.J. University Press.
- Cooper, C.R., Grotevant, H.D., & Condon, S.M. (1983). Individuality and connectedness in the family as a context for adolescent identity formation and role-taking skill. *New Directions for Child Development*, 22, 43–59. doi: 10.1002/cd.23219832205
- Cox, M.J., & Paley, B. (2003). Understanding Families as Systems. *Current Directions in Psychological Science*, 12(5), 193–196. doi: 10.1111/1467-8721.01259
- Cummings, E. M., & Davies, P. (1994). *Children and Marital Conflict*. New York: Guilford.
- Fiske, A. P. Kitayama, S., Markus, H. K., & Nisbett, R. K (1998). The cultural matrix of social psychology. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology*, 2, Boston: McGraw-Hill.
- Garber J., & Little St.A., (2001). Emotional Autonomy and Adolescent Adjustment. *Journal of Adolescent Research*, 16(4), 124–129. doi: 10.1177/0743558401164004
- Greenfield, P. M., Keller, H., Fuligni, A. J., & Maynard, A. (2003). Cultural pathways through universal development. *Annual Review of Psychology*, 54, 461–490. doi: 10.1146/annurev.psych.54.101601.145221
- Grotevant, H.D., & Cooper, C.R. (1986). Individuation in family relationships: A perspective on individual differences in the development of identity and

- role-taking skill in adolescence. *Human Development*, 29, 82–100. doi: 10.1159/000273025
- Grusec, J.E. (2002). Parenting and the socialization of values, in M. Bornstein (Ed.), *Handbook of parenting*, Mahwah, NJ: Erlbaum, 143–148.
- Grusec, J.E., & Goodnow, J.J. (1994). Impact of parental discipline methods on the child's internalization of values: A reconceptualization of current points of view. *Developmental Psychology*, 30, 4–19. doi: 10.1037/0012-1649.30.1.4
- Harkness S. (1980). The cultural context of child development. *New Directions for Child Development*, 8, 7–13. doi: 10.1002/cd.23219800804
- Harkness, S., & Super, C.M. (2002). Culture and parenting. In M.H. Bornstein (ed.) *Handbook of parenting: Biology and ecology of parenting*. Vol. 2. 2nd ed. Mahwah, NJ: Erlbaum. 253–280.
- Havighurst, R. J. (1972). *Developmental tasks and education*. New York: MacKay.
- Hoffman, J.A. (1984). Psychological separation of late adolescents from their parents. *Journal of Counseling Psychology*, 31, 170–178. doi: 10.1037/0022-0167.31.2.170
- Hoghugh, M. (1997) Parenting at the margins: some consequences of inequality. In K.N. Dwivedi (ed.) *Enhancing Parenting Skills. A Guide Book for Professionals Working with Parents*. Chichester: Wiley.
- Jones, D. (2001). The assessment of parental capacity. In J.Horwatz (ed.) *The child's world: Assessing Children in Need*. London: Jessica Kingsley.
- Kagitcibasi C. (1996). The autonomous-relationalself: A new synthesis. *European Psychologist*, 1(3), 180–186. doi: 10.1027/1016-9040.1.3.180
- Laursen, B., & Bukowski, W. M. (1997). A developmental guide to the organization of close relationships. *International Journal of Behavioral Development*, 21, 747–770. doi: 10.1080/016502597384659
- Lerner, R. M., & Busch-Rossnagel, L. A. (1981). Individuals as producers of their development: Conceptual and empirical bases. In R. M. Lerner & N. A. Busch-Rossnagel (Eds.), *Individuals as producers of their development*, 1–36. New York: Academic. doi: 10.1016/B978-0-12-444550-5.50008-0
- Maccoby, E.E. (1992). The role of parent in the socialization of children: An historical overview. *Developmental Psychology*, 28, 1006–1017. doi: 10.1037/0012-1649.28.6.1006
- Mahler M. *On symbiosis and the vicissitudes of individuation* (1968). New York: International Universities Press.
- Mahler M. (1963). Thoughts about development and individuation. *Psychoanalytic Study of the Child*, 18, 307–324. doi: 10.1080/00797308.1963.11822933
- Markus, H. R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*, 98, 224–253. doi: 10.1037//0033-295X.98.2.224
- McElhaney K.B., Allen J.P., Stephenson J.C., & Hare A.L. (2009). Attachment and Autonomy During Adolescence. In R. M. Lerner, L. Steinberg (Eds.) *Handbook of Adolescent Psychology*. Vol. 1, New Jersey: NJ University Press. doi: 10.1002/9780470479193.adlpsy001012
- Poskrebysheva, N.N., & Karabanova O.A. (2014). Age-based psychological approach in the study of personality autonomy in adolescents. *National Psychological Journal*, 1, 74–85. doi: 10.11621/npj.2014.0108
- Poskrebysheva, N.N., & Karabanova O.A. (2014). The study of the personal autonomy in adolescents in the context of a social development situation. *National Psychological Journal*, 4, 34–41. doi: 10.11621/npj.2014.0404
- Reder, P., Duncan, S., & Lucey, C. (2003). What principles guide parenting assessments? In P.Reder, S. Duncan, C.Lucey (eds.) *Studies in the Assessment of Parenting*, UK: Routledge, 3–26. doi: 10.4324/9780203420805_chapter_1
- Rusbult, C.E., & Arriaga, X.B. (1997). Interdependence theory. In S. Duck (Ed.), *Handbook of personal relationships*. New York: Wiley, 221–229.
- Ryan, R.M. & Lynch, J. (1989). Emotional autonomy versus detachment: Revising the vicissitudes of adolescence and young adulthood // *Child Development*, 60, 340–356. doi: 10.1111/j.1467-8624.1989.tb02720.x
- Samuolis J., Hogue A., Dauber S., & Liddle H.A. (2005). Autonomy and Relatedness in Inner-City Families of Substance Abusing Adolescents. *Journal of Child and Adolescent Substance Abuse*, 15(2), 53–86. doi: 10.1300/J029v15n02_04
- Segall, M.H., Dasen, P.R., Berry, J.W. & Poortinga, Y H. (1999). *Human behavior in global perspective: An introduction to cross-cultural psychology* (2nd ed.). Boston: Allyn & Bacon.
- Steinberg, L. (1990). Autonomy, conflict, and harmony in the family relationship. In S.S. Feldman & G.R.E. Elliott (Eds.), *At the threshold: The developing adolescent*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 255–265.
- Steinberg, L., & Silverberg, S. B. (1986). The vicissitudes of autonomy in early adolescence. *Child Development*, 57(4), 841–851. doi: 10.2307/1130361
- Trommsdorff, G., & Dasen, I.R. (2001). Cross-cultural study of education. In N.J. Smelser & P.B. Baltes (Eds.), *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. Oxford, UK: Elsevier, 3003–3007. doi: 10.1016/B0-08-043076-7/02332-9
- Youniss, J.K., & Smollar, J. (1985). *Adolescent relations with mothers, fathers, and friends*. Chicago: University of Chicago Press.

Изучение связи показателей личностной зрелости и социально-психологической адаптации молодых супругов

А.А. Реан

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Российская академия образования, Москва, Россия

Ю.А. Евграфова

ООО «Эксперт», Москва, Россия

Поступила 21 августа 2019/ Принята к публикации: 12 сентября 2019

The study of personal maturity and socio-psychological adaptation of the spouses in young couples

Artur A. Rean*

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Yuliya A. Evgrafova

LLC «Expert», Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: arean@hse.ru

Received August 21, 2019 / Accepted for publication: September 12, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Смена приоритетов в традиционной модели семейных отношений, произошедшая в последние десятилетия в современном обществе, изменение брачно-семейных установок и ценностей, гендерных ролей и стереотипов приводят к возникновению трудностей в процессе социально-психологической адаптации молодых людей, вступающих в брак. При этом эффективность адаптации зависит от различных аспектов, среди которых можно выделить личностную зрелость супругов, обуславливающую не только результативность процесса адаптации к семейной жизни, но и стабильность семейных отношений. Это определяет необходимость изучения связи личностной зрелости молодых супругов и их социально-психологической адаптации к семейной жизни.

Целью настоящего исследования стало изучение связи показателей личностной зрелости и социально-психологической адаптации супругов в молодых супружеских парах.

Описание хода исследования. В исследовании приняли участие 150 молодых супружеских пар. Возраст супругов 20–30 лет. Стаж совместной жизни до пяти лет. В исследовании применялись следующие методики: тест-опросник Ю.З. Гильбуха, опросник Д.Л. Буртыанского и В.В. Криштала.

Результаты исследования показали наличие связи между такими показателями личностной зрелости, как мотивация достижений, жизненная установка, способность к психологической близости с другим человеком, и социально-психологической адаптацией. Также установлена связь между общим показателем личностной зрелости и социально-психологической адаптацией.

Выводы. Выдвинутая гипотеза о связи между показателями личностной зрелости и социально-психологической адаптацией супругов в молодых супружеских парах частично подтвердилась. Развитие ориентации супругов на самореализацию в семейной жизни, формирование высокой эмоциональной устойчивости, способности к эмпатии позволяют повысить уровень адаптированности супругов к семейной жизни.

Ключевые слова: личностная зрелость, показатели личностной зрелости, социально-психологическая адаптация, семейная адаптация, молодые супружеские пары.

Background. The change of the traditional model of family relations that has occurred in recent decades in modern society, the change in marriage and family attitudes and values, gender roles and stereotypes lead to difficulties in the process of socio-psychological adaptation of young people who get married. Simultaneously, the effectiveness of adaptation depends on various aspects, e.g. personal maturity of spouses that determines not only the effectiveness of adaptation to family life, but also the stability of family relations. This identifies the need to study the relationship of personal maturity of young spouses and their socio-psychological adaptation to family life.

The Objective purpose is to study the dependence of personal maturity and socio-psychological adaptation of the spouses in young couples.

Design. The study involved 150 young couples. The age of spouses is 20–30 y.o. Taking residence together is up to five years. The study used the following methods: test questionnaire of Yu.Z. Gilbuha, questionnaire of D.L. Burtyansky and V.V. Crishtal.

Results. The results showed the existence of a connection between such indicators of personal maturity as the achievement motivation, life attitude, the ability for psychological intimacy with another person and socio-psychological adaptation. Also, the dependence has been established between the general indicator of personal maturity and socio-psychological adaptation. The hypothesis about the relationship between indicators of personal maturity and socio-psychological adaptation of spouses in young married couples has been partially confirmed.

Conclusion. The development of the orientation of spouses to self-realization in family life, high emotional stability, empathy can increase the level of spouse adaptation to family life.

Key words: personal maturity, indicators of personal maturity, socio-psychological adaptation, family adaptation, young married couples.

Введение

Для реализации молодых людей в семейной жизни особую значимость имеет их личностная зрелость. Данный факт отмечается в исследованиях Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, О.А. Карabanовой, Р. Левиса, М.С. Мацковского, С. Торохтия и других (Алешина, 2005; Гозман, 1987; Карabanова, 2007; Lewis, 1982; Мацковский, 1978; Торохтий, 2009).

Связь личностной зрелости с адаптацией супругов проявляется в стабильности и прочности их отношений. Важно отметить, что личностно зрелые супруги быстрее адаптируются к новым ролям, функциям, они менее конфликтно преодолевают возникающие перед ними трудности, грамотнее выстраивают отношения с родительскими семьями, определяя границы своей семьи. При этом они менее зависимы от чьей-либо помощи и стараются совместно решать семейные проблемы.

В связи с этим, важное значение приобретает изучение связи социально-психологической адаптации с личностной зрелостью супругов, особенно на начальном этапе становления семьи.

Представители гуманистического направления психологии большое внимание в семейных отношениях уделяют именно личностной зрелости супругов, а также стремлению к реализации высших мотивов. Так А. Маслоу, Р. Мэй, К. Род-

жерс, В. Франкл, Э. Фромм и другие авторы отмечают связь стабильности отношений супругов со зрелостью их личности и с высоким уровнем самоактуализации (Maslow, 1993; Роджерс, 1994; Франкл, 1990, Фромм, 1990).

По мнению И.С. Кона, «зрелая личность – это личность, которая активно владеет своим окружением, обладает устойчивым единством личностных черт и ценностных ориентаций и способна правильно воспринимать людей и себя» (Кон, 1999, С. 177). Такая трактовка личностной зрелости предполагает выделение социального аспекта, который является важным для семейных отношений супругов.

О.В. Смирникова определяет зрелость как условие компетентности супругов в семейной жизни (Смирникова, 2005). К. Витакер тоже подчеркивает необходимость личностной зрелости супругов для становления целостных отношений (Витакер, 1998).

При этом понятие личностной зрелости трактуется как социальный показатель, определяющий способность человека быть ответственным и независимым в своих проявлениях, действиях и поступках. В.И. Слободчиков выделяет еще один важный показатель личностной зрелости – ответственность «за собственную субъектность, которая зачастую складывалась не по воле и без ведома ее носителя» (Слободчиков, 2013, С. 316).

Л.И. Божович отмечает, что «психологически зрелой личностью является человек, достигший определенного достаточно высокого уровня психического развития», обуславливающего «способность вести себя независимо от непосредственно воздействующих обстоятельств, руководствуясь при этом собственными, сознательно поставленными целями» (Божович, 1997, С. 195).

Э. Эриксон определяет личностную зрелость как «естественное желание внести свой вклад в жизнь будущих поколений» (Erikson, 1982, С. 67).

А.А. Реан предлагает рассматривать четыре основных компонента личностной зрелости (Реан, 2013). При этом он отмечает, что «эти компоненты нельзя рассматривать как рядовые. То есть, они не являются просто «четверкой» из возможного множества других компонентов. Можно полагать, что эти четыре компонента социальной зрелости личности являются базовыми, фундаментальными, вокруг которых определенным образом группируется множество других» (Реан, 2013, С. 56). Он указывает, что «такими компонентами являются, во-первых, «тройка»: ответственность, терпимость, саморазвитие. И во-вторых, это четвертый интегративный компонент, который охватывает все предыдущие и одновременно присутствует в каждом из них. Таким компонентом является позитивное мышление, позитивное отношение к миру, определяющее позитивный взгляд на мир» (Реан, 2013, С. 56).

В большинстве случаев при рассмотрении понятия «личностная зрелость» выделяют способность личности брать ответственность не только за себя, но и за других (близких людей). И этот аспект особенно важен в семейных отношениях, так как личностная зрелость становится детерминантой гармоничных отношений.

Личностная зрелость супругов, по мнению Л.Б. Шнейдер, зависит от ряда факторов, среди которых, в первую очередь, можно назвать «потребность в психологической готовности и способности к выполнению роли мужа и жены, а затем отца и матери» (Шнейдер, 2011, С. 129).

Автор также отмечает, что личностную зрелость во внутрисемейных отношениях детерминирует следующая совокупность факторов: психологическая

**Артур Александрович Реан –**

доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, заведующий лабораторией профилактики асоциального поведения Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: arean@hse.ru

<https://www.hse.ru/org/persons/198024489>

**Юлия Александровна Евграфова –**

эксперт-аналитик ООО «Эксперт»

E-mail: laigil@mail.ru

Для цитирования: Реан А.А., Евграфова Ю.А. Изучение связи показателей личностной зрелости и социально-психологической адаптации молодых супругов // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 80–87. doi: 10.11621/npsj.2019.0309

For citation: Rean A.A., Evgrafova Yu.A. (2019). The study of personal maturity and socio-psychological adaptation of the spouses in young couples. National Psychological Journal, [Nationalnyy psikhologicheskij zhurnal], (12)3, 80–87. doi: 10.11621/npsj.2019.0309

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

поддержка; терпимость к недостаткам другого, умение прощать, владение психотехникой общения и саморегуляции, коммуникативные умения, умение преодолевать конфликтные ситуации, добродушие и отходчивость в споре, способность членов семьи переклестаться, не заикливаться на семейных проблемах и их активное участие в социальном взаимодействии, готовность к деторождению, проявление желаний и стремления заботиться, развивать и воспитывать детей (Шнейдер, 2011, С. 129).

Следовательно, личностная зрелость супругов способствует их реализации в браке, созданию материальной и финансовой базы семьи, дальнейшему совместному личностному развитию и самореализации, построению гармоничных отношений с социумом, более успешному и конструктивному разрешению проблем, возникающих в браке, возникновению духовной близости между супругами.

В целом, большинство авторов при описании понятия личностная зрелость выделяют такую особенность, как способность поступать свободно и независимо от внешних факторов, руководствуясь собственными представлениями и установками. При этом в супружеских отношениях зрелая личность ориентируется и на собственное мнение, и на позицию своего партнера. Зрелый человек способен заботиться о себе и других людях. Не менее важной характеристикой зрелой личности является ответственность за свой выбор и решения, а также ответственность за свою семью. Зрелая личность в равной степени уважает себя и других, проявляет способность разрешать конфликты и справляться с кризисами, умеет управлять своими желаниями, способна к конструктивной самокритике, рефлексии, проявляет потребность в психологической близости с другими людьми, с супругом, характеризуется высокой степенью самораскрытия и доверия к партнеру. Также зрелая личность должна проявлять активность, позволяющую развиваться и искать возможности для собственной реализации, в том числе и семейной реализации, а также для адаптации и формирования уникального типа супружеских отношений.

«Критерии личностной зрелости связаны с адаптацией личности в обществе,

Личностная зрелость супругов способствует их реализации в браке, созданию материальной и финансовой базы семьи, дальнейшему совместному личностному развитию и самореализации, построению гармоничных отношений с социумом, более успешному и конструктивному разрешению проблем, возникающих в браке, возникновению духовной близости между супругами

с ее способностью выполнять социальные функции, продуктивно трудиться, успешно общаться и адекватно познавать социальную действительность и себя, и на этой основе строить свой жизненный путь» (Головей, 2014, С. 13). Следовательно, рассматривая социально-психологическую адаптацию, необходимо говорить о ее связи с личностной зрелостью супругов.

Под социально-психологической адаптацией супругов понимается их активное приспособление друг к другу, к личностным особенностям каждого, особенностям поведения, взаимодействия с окружением, согласование ожиданий и представлений, а также выработка единого стиля взаимодействия и реализация супругами семейных ролей.

С.И. Голод определяет адаптацию как «целостную систему активных и направленных действий индивида, способствующих не только поддержанию динамического равновесия в конкретных социальных условиях, но и обеспечивающих возможность эволюции при их изменении» (Голод, 1998, С. 121).

Стабильность отношений в супружеской паре определяется внешними и внутренними условиями. При этом личностная зрелость как внутренний ресурс супругов связана с результатами действия их адаптивных возможностей и перестройкой системы взаимодействия в социуме, то есть, внешними условиями

Адаптация, по мнению И.В. Гребенникова, – это «приспособление супругов друг к другу и к той обстановке, в которой находится семья» (Гребенников, 1991, С. 137).

При рассмотрении социально-психологической адаптации нас интересует ее специальный аспект, а именно, семейная адаптация, которая, по замечанию Г.А. Балла, представляет собой «многоуровневый процесс длительного взаимного приспособления супругов друг к другу и к семейной жизни, результатом которого должно быть формирование устойчивого семейного уклада, распределение ролей, выработка приемлемого стиля об-

щения друг с другом, выработка приемов разрешения и профилактики конфликтов и разногласий, определение взаимоотношений с микроокружением» (Балл, 1989, С. 98). Это «единство следующих компонентов: приспособление к брачному партнеру и приспособление к семейной жизни, включающее в себя адаптацию к бытовым и психологическим ролям, к новым обязанностям и правам, к разделению труда в брачном союзе» (Шнейдер, 2005, С. 341).

Кроме того, как отмечает И.С. Клецина, «главными показателями благополучия семейных отношений становятся не внешние параметры: количественный состав (полная/неполная семья, есть или нет в семье дети), тип связи между родителями и детьми (родные или неродные дети), а определяющим фактором благополучия (эффективности и успешности) семьи становится характер семейных отношений» (Клецина, 2011, С. 116).

Таким образом, стабильность отношений в супружеской паре определяется внешними и внутренними условиями. При

этом личностная зрелость как внутренний ресурс супругов связана с результатами действия их адаптивных возможностей и перестройкой системы взаимодействия в социуме, то есть, внешними условиями.

Недостаточная изученность значимости личностной зрелости для успешной адаптации молодых супругов обусловила выбор темы исследования.

Проведение исследования

Нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение связи некоторых показателей лич-

ностной зрелости и социально-психологической адаптации супругов в молодых супружеских парах. Было выдвинуто предположение о существовании связи между такими показателями личностной зрелости, как мотивация достижений, Я-концепция, чувство гражданского долга, жизненная установка, способность к психологической близости с другим человеком, и социально-психологической адаптацией молодых супругов.

Было установлено, что уровень показателя «Мотивация достижений» у 6% супругов весьма высокий, у 22% – высокий. Это характеризует супругов как инициативных, стремящихся к достижению высоких результатов в предпринимаемых действиях, а также свидетельствует о достаточно высокой общей направленности деятельности на значимые жизненные цели. У 56% супругов обнаружен удовлетворительный уровень «Мотивации дости-

ворительный и неудовлетворительный уровни. Такие результаты свидетельствуют о том, что эти супруги не в полной мере удовлетворены или совсем не удовлетворены имеющимися у них на данный момент знаниями, умениями и навыками, уровнем развития способностей, а также собственными возможностями. Но, при этом 46% из них ориентированы на дальнейшее развитие ресурсов собственной личности.

Показатель «Чувство гражданского долга» у 2% супругов имеет весьма высокий уровень, у 26% – высокий уровень, у 40% – удовлетворительный и у 32% – неудовлетворительный. Большинство супругов этой выборки не проявляют социальную ответственность, у них слабо выражен интерес к общественно-политической жизни.

По показателю «Жизненная установка», который предполагает объединение таких личностных качеств, как понимание относительности всего сущего, преобладание интеллектуальной сферы над эмоциональной, эмоциональная уравновешенность или импульсивность, были получены следующие результаты. У 5% молодых людей выявлен весьма высокий уровень, у 21% – высокий, у 45% – удовлетворительный уровень, у 29% – неудовлетворительный. Следовательно, большинство супругов можно охарактеризовать как импульсивных, как правило, эмоционально неуравновешенных, остро реагирующих в конфликтных ситуациях.

Показатель «Способность к психологической близости с другим человеком» у 14% испытуемых имеет высокий уровень, у 30% – удовлетворительный. У большинства молодых супругов (56%) отмечается неудовлетворительный уровень этого показателя, что указывает на несформированность у них способности к психологической близости с другим человеком, слабо развитую эмпатию, неумение слушать другого. Возможно, эти результаты отражают тот факт, что молодые супруги склонны к проявлению эгоистических тенденций, интолерантности к недостаткам других людей, неконструктивности в решении жизненно важных вопросов.

По интегральному показателю личностной зрелости у 2% молодых людей определен весьма высокий уровень, у 20% – высокий. У большинства супругов (44%) выявлен удовлетворительный уровень

Большинство супругов в молодых парах обладают удовлетворительным уровнем личностной зрелости. При этом они редко проявляют активность в своей жизнедеятельности, чаще пассивны и безынициативны в собственных действиях и начинаниях. Они не в полной мере удовлетворены или совсем не удовлетворены имеющимися у них в данный момент знаниями, умениями и навыками, необходимыми для семейной жизни, уровнем развития своих способностей

В исследовании приняло участие 150 молодых супружеских пар. Возраст супругов 20–30 лет. Стаж совместной жизни до пяти лет.

Методики исследования: тест-опросник Ю.З. Гильбуха, опросник Д.Л. Буртянского и В.В. Кришгала.

Рассмотрим результаты изучения личностной зрелости супругов в молодых супружеских парах по тест-опроснику Ю.З. Гильбуха, которые представлены на диаграмме.

а у оставшихся 16% супругов – неудовлетворительный уровень, то есть данные молодые люди не проявляют активности в своей жизнедеятельности, они пассивны в своих действиях и начинаниях.

Показатель «Отношение к своему «Я» («Я-концепция»)» у 14% супругов имеет высокий уровень, у 46% – удовлетворительный и у 40% супругов – неудовлетворительный. То есть, у большинства молодых людей (86%) выявлен удовлет-

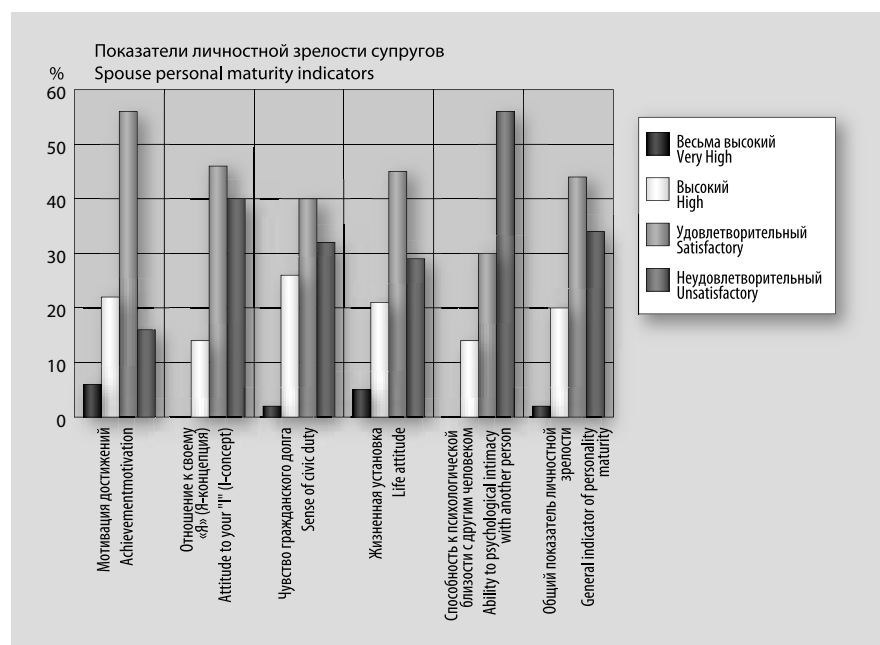


Рис. 1. Выраженность показателей личностной зрелости супругов в молодых супружеских парах (в процентах)

Fig. 1. Indicators of spouse personal maturity in young married couples (per cent)

Для цитирования: Реан А.А., Евграфова Ю.А. Изучение связи показателей личностной зрелости и социально-психологической адаптации молодых супругов // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 80–87. doi: 10.11621/npsj.2019.0309

For citation: Rean A.A., Evgrafova Yu.A. (2019). The study of personal maturity and socio-psychological adaptation of the spouses in young couples. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], (12)3, 80–87. doi: 10.11621/npsj.2019.0309

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

развития личностной зрелости и у 34% – неудовлетворительный.

Таким образом, большинство супругов в молодых парах обладают удовлетворительным уровнем личностной зрелости. При этом они редко проявляют активность в своей жизнедеятельности, чаще пассивны и безынициативны в собственных действиях и начинаниях. Они не в полной мере удовлетворены или совсем не удовлетворены имеющимися у них в данный момент знаниями, умениями и навыками, необходимыми для семейной жизни, уровнем развития своих способностей, а также собственными возможностями. Тем не менее, супруги ориентированы на дальнейшее развитие и адаптацию к семейной жизни. Однако они практически не проявляют социальную ответственность, у них слабо выражен интерес к общественно-политической жизни. В трудных, конфликтных ситуациях они проявляют импульсивность, эмоциональную неустойчивость. У них не сформирована способность к психологической близости с другим человеком, слабо развита эмпатия, они не умеют слушать другого.

Изучение социально-психологической адаптации супругов в молодых супружеских парах проводилось по опроснику Д.Л. Буртянского и В.В. Кришгала для исследования уровня социально-психологической адаптации супружеской пары.

Результаты диагностики уровня социально-психологической адаптации показали, что у большинства супругов в молодых супружеских парах (92%) отмечается слабая степень нарушения социально-психологической адаптации, у 8% наблюдается выраженная степень нарушения адаптации.

Данные результаты можно объяснить неготовностью молодых людей к браку, нежеланием что-либо менять, осуществлять активные действия, направленные на приспособление к новым условиям жизни.

Рассмотрим результаты изучения связи показателей личностной зрелости и социально-психологической адаптации супругов в молодых супружеских парах с использованием коэффициента корреляции г-Спирмена.

Анализ полученных данных показал наличие корреляционных связей между следующими показателями личностной

зрелости и социально-психологической адаптацией супругов:

1. Между мотивацией достижений и социально-психологической адаптацией ($r_s = 0,666$ при $p \leq 0,01$). Данная связь предполагает обусловленность повышения уровня адаптации супругов к семейной жизни в случае усиления их стремления к самореализации, к достижению согласия в семейных отношениях по вопросам лидерства и реализации семейных функций, возрастания инициативности в решении конфликтных ситуаций.
2. Между жизненной установкой и социально-психологической адаптацией ($r_s = 0,589$ при $p \leq 0,05$). Отражает повышение уровня социально-психологической адаптации в случае преобладания у супругов эмоциональной устойчивости, рассудительности при решении важных семейных вопросов. И, напротив, импульсивность и эмоциональная неуравновешенность приводят к нарушениям социально-психологической адаптации.

4. Между общим показателем личностной зрелости и социально-психологической адаптацией ($r_s = 0,719$ при $p \leq 0,01$). Данная связь свидетельствует о тесной, значимой зависимости успешности социально-психологической адаптации супругов от общего уровня личностной зрелости.

Выводы

Развитие ориентации супругов на самореализацию в семейной жизни, формирование высокой эмоциональной устойчивости, способности к эмпатии позволяют им повысить уровень адаптированности к семейной жизни на этапе становления семьи.

Выдвинутая нами гипотеза о связи между показателями личностной зрелости и социально-психологической адаптацией супругов в молодых супружеских парах подтвердилась.

Полученные результаты можно использовать в практической работе по



Рис. 2. Выраженность нарушений социально-психологической адаптации супругов в молодых супружеских парах (в процентах)

Fig. 2. Disturbances of the socio-psychological adaptation of spouses in young couples (per cent)

3. Между способностью к психологической близости с другим человеком и социально-психологической адаптацией ($r_s = 0,582$ при $p \leq 0,05$). Эта связь является свидетельством того, что развитая эмпатия, умение слушать, поддерживать близкие отношения, способность к духовной близости супругов связаны с успешностью социально-психологической адаптации.

оптимизации межличностных отношений с молодыми супругами, у которых возникают трудности на этапе адаптации. Также на основании полученных эмпирических данных о связях между показателями личностной зрелости и социально-психологической адаптацией супругов в молодых супружеских парах возможна разработка программ тренингов для молодых семей, находящихся на этапе становления.

Литература:

- Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. – Москва : Класс, 2005.
- Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 92–101.
- Божович Л.И. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. – Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : Модэк, 1997.
- Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта / пер. с англ. М.И. Завалова. – Москва : Класс, 1998.
- Гильбух Ю.З. Тест-опросник личностной зрелости. – Киев : НПЦ Психодиагностика и дифференцированное обучение, 1994.
- Гозман Л.Я., Алешина Ю.Е. Общение и развитие взаимоотношений в супружеской паре // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. – Москва : Изд-во Московского государственного университета, 1987. – С. 140–152.
- Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1998.
- Гребенников И.В. Основы семейной жизни. – Москва : Просвещение, 1991.
- Карабанова О.А. Психология семейных отношений. – Москва : Гардарики, 2007.
- Клецина И.С. Гендерный подход в психологических исследованиях современных семейных отношений // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Психология. – 2011. – № 4. – Т. 5. – С. 107–119.
- Клецина И.С., Прохорова О.Л. Гендерная компетентность: психологическое содержание и специфика проявления в межличностных отношениях // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Психология. – 2010. – № 2. – Т. 5. – С. 38–50.
- Кон И.С. Личность и развитие // Социологическая психология. – Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : Модэк, 1999. – С. 58–270.
- Психологическая зрелость личности / под общ. ред. Л.А. Головей. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, СПбГУ, 2014.
- Реан А.А. Личностная зрелость и социальная практика // Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып. 1. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 1995. – С. 34–40.
- Реан А.А. Психология личности. – Санкт-Петербург : Питер, 2013.
- Рищук Н.Н. Семейно-сексуальные дисгармонии. – Санкт-Петербург : Медпресса, 2011.
- Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – Москва : Прогресс Универс, 1994.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.С. Психология человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013.
- Смирникова О.В. Социально-психологические особенности доминирования-подчинения в супружеской паре : дис. ... кандидата психологических наук; [Курский государственный университет]. – Курск, 2005.
- Торохтий В.С., Прохорова О.Г. Психологическое здоровье семьи. – Санкт-Петербург : Каро, 2009.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. – Москва : Прогресс, 1990.
- Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. Г.Ф. Швейника; общ. ред. П.С. Гуревича. – Москва : Прогресс, 1990.
- Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы: социально-демографическое исследование. – Москва : Статистика, 1978.
- Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Модэк, 2005.
- Шнейдер Л.Б. Семейная психология. – Москва : Академический Проект ; Киров : Константа, 2011.
- Antonovsky A., & Sourani T. (1988) Family Sense of Coherence and Family Adaptation. *Journal of Marriage and Family*, 50(1), 79–92. doi: 10.2307/352429
- Arnett J. (2015) Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens through the Twenties. Oxford: Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001
- Bradbury T., Fincham F., & Beach S. (2000). Research on the nature and determinants of marital satisfaction: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, 62, 964–980. doi: 10.1111/j.1741-3737.2000.00964.x
- Bumpuss L.L., Martin T.C., & Sweet J.A. (1991). The impact of family background and early marital factors on marital disruption. *Journal of Family Issues*, 22–42. doi: 10.1177/019251391012001003
- Conger R.D., Conger K.J., & Martin M.J. (2010). Socioeconomic status, family processes, and individual development. *Journal of Marriage and the Family*, 72, 685–704. doi: 10.1111/j.1741-3737.2010.00725.x
- Das J. (2014). Emotional Maturity among Love Marriage Couples – With Special References to Agartala. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 1–4.
- Elder J., & Glen H. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. *Handbook of the Life Course*. New York: Springer, 3–19. doi: 10.1007/978-0-306-48247-2_1
- Erikson E.H. (1982) The life cycle completed. New York: Norton.
- Jaisri M., & Joseph M.I. (2013). Marital Adjustment and Emotional Maturity among Dual-Career Couples. *Guru Journal of Behavioral and Social Sciences*, 77–84.
- Klever Ph. (2009). Good directed and effectiveness, emotional maturity and nuclear family functioning. *Journal of marriage and family therapy*, 35, 308–324. doi: 10.1111/j.1752-0606.2009.00120.x
- Lewis R.A., & Spanier G.B. (1982). Marital quality, marital stability and social exchange. *Family relationships: Rewards and costs*. A Sage Focus Edition, 49–65.
- Maslow A.H. (1993). The farther reaches of human nature. New York: Arkana.
- McCrae R.R., Costa P.T. (2005). Personality in Adulthood. New York: Guilford Publications.

- Mosavi S.E., & Irvani M.R. (2012). A study on relationship between emotional maturity and marital satisfaction. *Management Science Letters*, 2, 927–932. doi: 10.5267/j.msl.2011.10.012
- Noller P., & Feeney J.A. & Peterson C.L. (2001). *Personal Relationships Across the Lifespan*. Hove, UK: Psychology Press.
- Papazova E. & Antonova R. (2013). Psychosocial maturity statuses and social environment in adolescence. *Cognition, Brain, Behavior. An Interdisciplinary Journal*, 17(3), 201–214.
- Peterson G.W., Bush K.R. (2013). *Handbook of Marriage and the Family*. New York: Springer. doi: 10.1007/978-1-4614-3987-5
- Quinn W.H., & Odell M. (2008). Predictors of marital adjustment during the first two years. *Marriage and Family Review*, 27, 113–130. doi: 10.1300/J002v27n01_08
- Rani R., Singh L.N., & Jaiswal Ar.K. (2017). Relationship between Emotional Maturity and Marital Adjustment Among Couples. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 1020–1023.
- Salmon C.A., & Shackelford T.K. (2008). *Family Relationships: An Evolutionary Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Shaefer J.A., & Moos R.H. (1992). Life crises and personal growth. *Personal coping: Theory, research, and application*, 149–170.
- Talukdar R.R., & Das J. (2013). A Study on Emotional Maturity Among Arranged Marriage Couples. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 16–18.
- Taylor P. (2010). *The Decline of Marriage and Rise of New Families*. Washington DC: Pew Research Center.
- Taylor P. (2010). *The Decline of Marriage and Rise of New Families* Washington, DC: Pew Research Center, 122 p.
- Varga A. (2003). *Family therapy and family life cycle in Russia. Global perspectives in family therapy: Development, practice, trends*. New York: Brunner-Routledge, 105–114.
50. White K.M., Speisman J.C., Jackson D., Bartis S., & Costos D. (1986). Intimacy maturity and its correlates in young married couples. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50(1), 152–162. doi: 10.1037/0022-3514.50.1.152

References:

- Aleshina Yu.Ye. (2005) Individual and family psychological counseling. M.: Klass.
- Antonovsky A., & Sourani T. (1988) Family Sense of Coherence and Family Adaptation. *Journal of Marriage and Family*, 50(1), 79–92. doi: 10.2307/352429
- Arnett J. (2015) *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001
- Ball G.A. (1989) The concept of adaptation and its importance for the psychology of personality. [*Voprosy psikhologii*], 1, 92–101.
- Bozhovich L.I. (1997) Problems of personality development. Moscow, Institut Practicheskoy Psikhologii. Voronezh, NPO Modek.
- Bradbury T., Fincham F., & Beach S. (2000). Research on the nature and determinants of marital satisfaction: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, 62, 964–980. doi: 10.1111/j.1741-3737.2000.00964.x
- Bumpuss L.L., Martin T.C., & Sweet J.A. (1991). The impact of family background and early marital factors on marital disruption. *Journal of Family Issues*, 22–42. doi: 10.1177/019251391012001003
- Conger R.D., Conger K.J., & Martin M.J. (2010). Socioeconomic status, family processes, and individual development. *Journal of Marriage and the Family*, 72, 685–704. doi: 10.1111/j.1741-3737.2010.00725.x
- Das J. (2014). Emotional Maturity among Love Marriage Couples – With Special References to Agartala. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 1–4.
- Elder J., & Glen H. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. *Handbook of the Life Course*. New York: Springer, 3–19. doi: 10.1007/978-0-306-48247-2_1
- Erikson E.H. (1982) *The life cycle completed*. New York: Norton.
- Frankl V. (1990). *Man in Search of Meaning*. Moscow, Progress.
- Fromm E. (1990). *Escape from Freedom*. In P.S. Gurevich (Ed.). Moscow, Progress.
- Gilbukh Yu.Z. (1994). *Test questionnaire of personal maturity*. Kiev, SPC Psychodiagnostics and Differential Learning.
- Golod S.I. (1998). *Family and marriage: historical and sociological analysis*. SPb., TC Petropolis LLP.
- Gozman L.Ya., & Aleshina Yu.Ye. (1987). Communication and development of relationships in a married couple. In G.M. Andreeva, YA. Yanoushek (Eds.). *Communication and optimization of joint activities*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 140–152.
- Grebennikov I.V. (1991). *Basics of family life*. Moscow, Prosvetshenie.
- Jaisri M., & Joseph M.I. (2013). Marital Adjustment and Emotional Maturity among Dual-Career Couples. *Guru Journal of Behavioral and Social Sciences*, 77–84.
- Karabanova O.A. (2007). *Psychology of family relationships*. Moscow, Gardariki.
- Kharchev A.G., & Matskovskiy M.S. (1978) *Modern family and its problems: a socio-demographic study*. M.: Statistics.
- Kletsina I.S. (2011). Gender approach in psychological studies of modern family relations. [*Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*]. Psychoogy Series, 5(4), 107–119.
- Kletsina I.S., & Prokhorova O.L. (2010). Gender competence: psychological content and specificity of manifestation in interpersonal relations [*Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*]. Psychoogy Series, 5(2), 38–50.
- Klever Ph. (2009). Good directed and effectiveness, emotional maturity and nuclear family functioning. *Journal of marriage and family therapy*, 35, 308–324. doi: 10.1111/j.1752-0606.2009.00120.x

- Kon I.S. (1999). *Personality and Development*. Sociological Psychology. Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NpoModek.
- Lewis R.A., & Spanier G.B. (1982). Marital quality, marital stability and social exchange. *Family relationships: Rewards and costs*. A Sage Focus Edition, 49–65.
- Maslow A.H. (1993). *The farther reaches of human nature*. New York: Arkana.
- McCrae R.R., Costa P.T. (2005). *Personality in Adulthood*. New York: Guilford Publications.
- Mosavi S.E., & Irvani M.R. (2012). A study on relationship between emotional maturity and marital satisfaction. *Management Science Letters*, 2, 927–932. doi: 10.5267/j.msl.2011.10.012
- Noller P., & Feeney J.A. & Peterson C.L. (2001). *Personal Relationships Across the Lifespan*. Hove, UK: Psychology Press.
- Papazova E. & Antonova R. (2013). Psychosocial maturity statuses and social environment in adolescence. *Cognition, Brain, Behavior. An Interdisciplinary Journal*, 17(3), 201–214.
- Peterson G.W., Bush K.R. (2013). *Handbook of Marriage and the Family*. New York: Springer. doi: 10.1007/978-1-4614-3987-5
- Psychological maturity of personality (2014). In L.A. Golovey (Ed.). SPb., Scythia-print, Sankt-Petersburgskiy Gosudarstvennyy Universitet.
- Quinn W.H., & Odell M. (2008). Predictors of marital adjustment during the first two years. *Marriage and Family Review*, 27, 113–130. doi: 10.1300/J002v27n01_08
- Rani R., Singh L.N., & Jaiswal Ar.K. (2017). Relationship between Emotional Maturity and Marital Adjustment Among Couples. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 1020–1023.
- Rean A.A. (1995). Personality maturity and social practice. In the book: *Theoretical and applied questions of psychology*, 1. SPb: Sankt-Petersburgskiy Gosudarstvennyy Universitet, 34–40.
- Rean A.A. (2013). *Psychology of Personality*. SPb., Piter.
- Rishchuk N.N. (2011). *Family-sexual disharmony*. SPb., Medpressa.
- Rogers C.R. (1994). *A look at psychotherapy. The formation of man*. M.: Progress Univers.
- Salmon C.A., & Shackelford T.K. (2008). *Family Relationships: An Evolutionary Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Shaefer J.A., & Moos R.H. (1992). Life crises and personal growth. *Personal coping: Theory, research, and application*, 149–170.
- Shneyder L.B. (2005). *Basics of family psychology*. Moscow, Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut; Voronezh: NPO Modek.
- Shneyder L.B. (2011). *Family psychology*. Moscow, Akademicheskij Proekt; Kirov, Konstanta.
- Slobodchikov V.I., & IsayevYe.S. (2013). *Human psychology. The development of subjective reality in ontogenesis*. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU.
- Smirnikova O.V. (2005). *Socially-psychological features of domination-submission in a married couple*: Ph.D. in Psychology, Thesis. Kursk state university. Kursk.
- Talukdar R.R., & Das J. (2013). A Study on Emotional Maturity Among Arranged Marriage Couples. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 16–18.
- Taylor P. (2010). *The Decline of Marriage and Rise of New Families*. Washington DC: Pew Research Center.
- Taylor P. (2010). *The Decline of Marriage and Rise of New Families* Washington, DC: Pew Research Center, 122 p.
- Varga A. (2003). *Family therapy and family life cycle in Russia. Global perspectives in family therapy: Development, practice, trends*. New York: Brunner-Routledge, 105–114.
- Vitaker K. (1998) *Midnight reflections of a family therapist*. Moscow, Class.
50. White K.M., Speisman J.C., Jackson D., Bartis S., & Costos D. (1986). Intimacy maturity and its correlates in young married couples. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50(1), 152–162. doi: 10.1037/0022-3514.50.1.152

Исследование особенностей автоагрессивного поведения у лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детском возрасте

С.О. Кузнецова, А.А. Абрамова, А.Г. Ефремов, С.Н. Ениколопов

Научный центр психического здоровья РАМН, Москва, Россия

Поступила 13 августа 2019/ Принята к публикации: 10 сентября 2019

The study of the auto-aggressive behaviour in individuals who survived sexual abuse in childhood

Svetlana O. Kuznetsova*, Aida A. Abramova, Alexander G. Efremov, Sergey N. Enikolopov

Mental Health Research Center RAMS, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: kash-kuznetsova@yandex.ru

Received August 13, 2019 / Accepted for publication: September 10, 2019

Актуальность тематики статьи. В современных психологических исследованиях тема аутоагрессии и самоповреждающего поведения занимает центральное место. Многие исследователи отмечают прямые корреляции перенесенного в детстве насилия с более поздним аутоагрессивным поведением и иными формами злоупотреблений.

Целью настоящего исследования является изучение взаимосвязи между пережитым в детстве сексуальным злоупотреблением (насилием) и последующими расстройствами пищевого поведения, наличием суицидальных мыслей и неудовлетворенностью имиджем тела в более старшем возрасте.

Описание хода исследования. В данном исследовании использовались следующие методики: краткая методика фиксации нарушений пищевого поведения (Morgan et al., 1999), шкала измерения степени неудовлетворенности имиджем тела (The Body Satisfaction Scale), шкала фиксации пережитых травм детства (короткая форма) (The Childhood Trauma Questionnaire) (Shortform, 2003), шкала оценки частоты появления суицидальных мыслей (The Positive and Negative Suicide Ideation) (Inventory, 1998). Выборку составили 113 человек. Средний возраст = 19,9 лет (стандартное отклонение = 5,2). Из них 104 девушки (средний возраст = 19,8 лет, стандартное отклонение = 5,1) и 9 юношей (средний возраст = 18,6, стандартное отклонение = 4,1).

Результаты исследования. Полученные нами результаты показали, что аутоагрессоры, пережившие сексуальное насилие в детстве, статистически существенно чаще ($p < 0.05$), чем аутоагрессоры без истории сексуального злоупотребления, сообщают и о других негативных моментах пережитого опыта: эмоциональное злоупотребление ребенком старшими, эмоциональное пренебрежение ребенком со стороны значимых взрослых, физическое (несексуальное) насилие со стороны более старших, физическое пренебрежение (заброшенность ребенка). Было также установлено, что аутоагрессоры, имеющие историю сексуального злоупотребления в детстве, статистически чаще сообщают о нарушениях пищевого поведения, чем аутоагрессоры без истории злоупотребления.

Выводы. Работа акцентирует непосредственное внимание на влиянии пережитого в детстве сексуального злоупотребления не только на возникновение поведения с самоповреждением в более старшем возрасте, но и рассматривает пережитое сексуальное злоупотребление как фактор риска возникновения целого ряда других негативных поведенческих проявлений, сопутствующих аутоагрессии. Полученные результаты могут быть использованы для психопрофилактической, психокоррекционной и психотерапевтической работы как с детьми и подростками, так и с людьми более старшего возраста.

Ключевые слова: аутоагрессивное поведение, сексуальное злоупотребление, расстройства пищевого поведения, имидж тела.

Background. In modern psychological research, auto-aggression and self-harming behavior occupies the leading position. Many researchers point out direct correlations of childhood-related violence with later auto-aggressive behaviour and other forms of abuse.

The Objective of this research is an empirical study of the relationship between sexual abuse in childhood and subsequent eating disorders, suicidal thoughts and dissatisfaction with the body image in adulthood.

Design. The following methods have been used: the method of recording eating disorders (short form) (Morgan JF et al., 1999), The Body Satisfaction Scale, The Childhood Trauma Questionnaire: Short form (2003), The Positive and Negative Suicide Ideation Inventory (1998). The sample consisted of 113 people. Average age = 19.9 years (standard deviation = 5.2): 104 females (average age = 19.8 years, standard deviation = 5.1) and 9 males (average age = 18.6; standard deviation = 4.1).

Results. The auto-aggressors who rienceed sexual abuse in childhood tend to report on other negative aspects of their experience statistically much more often ($p < 0.05$) than auto-aggressors without sexual abuse: emotional abuse of a child by adults, emotional neglect of a child by significant adults, physical (non-sexual) violence by adults, physical neglect (abandonment of a child). The results showed that autoagressors with childhood sexual abuse more often report about eating disorders than autoagressors without sexual abuse.

Conclusions. The study focuses on the influence of childhood sexual abuse on the occurrence of self-harming behavior in adulthood, and also considers the sexual abuse as a risk factor for other negative behavioural manifestations associated with auto-aggression. The results can be used for prevention, correction and psychotherapeutic work both with children and adolescents, and also with adults.

Keywords: auto-aggressive behaviour, sexual abuse, eating disorders, body image.

Введение в проблему

В последнее время феномен аутоагрессивного поведения находится в фокусе внимания многочисленных исследователей (Горобец, 1995; Фурман, 2003; Хензелер, 2001; Dieserud et al., 2000; Fowler et al., 2001; Gleaves, Eberenz, 1994; Kernberg, 2001). В России отмечается устойчивое снижение среднего возраста аутоагрессоров при одновременном росте числа совершения повторных попыток. Разно-

образии форм и степеней аутоагрессии и рост тенденции к повторному совершению наиболее свойственны юношескому возрасту (Портнов, Смирнов, 2000).

Под аутоагрессией понимаются различные формы и степени агрессии, при которой «объект и субъект действия совпадают» (Ениколопов, 2002). Аутоагрессия осуществляется через действия, намерения, высказывания, угрозы, попытки и даже внешнее бездействие. Выделяют следующие типы аутоагрессивного поведения:

- 1) суицидальное поведение: осознанные действия, направленные на добровольное лишение себя жизни;
- 2) суицидальные эквиваленты и аутодеструктивное поведение: неосознанные действия (иногда преднамеренные поступки), целью которых не является добровольное лишение себя жизни, но которые ведут к физическому (психическому) саморазрушению или к самоуничтожению;
- 3) несуйцидальное аутоагрессивное поведение: различные формы умышленных самоповреждений, целью которых не является добровольная смерть (заведомо неопасные для жизни).

Существуют две принципиально разные формы аутоагрессии: самоповреждение и аутодеструкция. Длительное время самоповреждение рассматривалось как начальная форма или первая фаза аутодеструктивного, саморазрушающего поведения. Как самостоятельный феномен самоповреждение привлекло внимание психологии относительно недавно (Feldman, 1988; Kahan, Pattison, 1984). Первым на отличие этих двух феноменов указал К. Меннингер (Меннингер, 2000). Автор рекомендовал исследователям, особенно практикам, отличать членовредительство (self-mutilation) от самоуничтожения (self-destructive). Сегодня среди зарубежных психологов принято отличать аутодеструктивное поведение (self-destructive behavior – саморазрушающее, самоубийственное, суицидное поведение) и поведение с причинением себе самовреда (self-harm behavior) как две принципиально разные формы аутоагрессии (Human, 1999; Levenkron, 1998; Zila, Kiselica, 2001). Согласно статистическим данным, самоповреждение, в отличие от аутодеструкции, считается поведенческим актом с низкой вероятностью летального исхода (Zila, Kiselica, 2001).

Самоповреждение отличается от аутодеструктивного несколькими параметрами. Главный из них – осознание результата. Совершая избранный акт аутоагрессии, суицидент сознательно стремится к прекращению своей жизни. При самоповреждении же человек, по крайней мере на осознанном уровне, избегает подобного результата. Следующее отличие заключается в социальной оценке и реакции окружения на избранную форму аутоагрессии.

**Светлана Олеговна Кузнецова** –

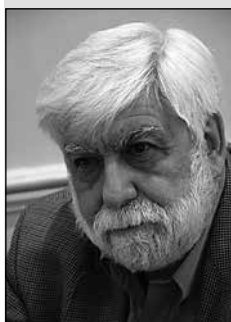
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела медицинской психологии ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН
E-mail: kash-kuznezova@yandex.ru
<http://ncpz.ru/stat/35>

**Аида Алексеевна Абрамова** –

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела медицинской психологии ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН
E-mail: aida-abramova@yandex.ru
<http://ncpz.ru/stat/35>

**Александр Георгиевич Ефремов** –

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела медицинской психологии ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН
E-mail: efremovalexander@mail.ru
<http://ncpz.ru/stat/35>

**Сергей Николаевич Ениколопов** –

кандидат психологических наук, доцент, заведующий отделом медицинской психологии ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН
E-mail: enikolopov@mail.ru
<http://ncpz.ru/stat/35>
<https://istina.msu.ru/profile/EnikolopovSN/>

Для цитирования: Кузнецова С.О., Абрамова А.А., Ефремов А.Г., Ениколопов С.Н. Исследование особенностей аутоагрессивного поведения у лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 88–100. doi: 10.11621/npj.2019.0310

For citation: Kuznetsova S.O., Abramova A.A., Efremov A.G., Enikolopov S.N. (2019). The study of the auto-aggressive behaviour in individuals who survived sexual abuse in childhood. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], (12)3, 88–100. doi: 10.11621/npj.2019.0310

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

Попытка самоубийства часто вызывает активно сострадательный ответ со стороны ближайшего окружения суицидента. Ответная реакция близких направлена, в первую очередь, на недопущение последующих попыток суицида. В отличие от попытки суицида, обнаруженный акт самоповреждения вызывает, за редким исключением, со стороны ближайшего окружения реакцию враждебности и подчас отвращения по отношению к совершившему. Третье отличие аутодеструкции от самоповреждения – влияние стрессовой ситуации на повторность совершения аутоагрессивных попыток. Суициденты достаточно часто отказываются от своих повторных аутодеструктивных намерений, если стрессовая ситуация, окружавшая их, отдалится, сходит на нет или изменяется к лучшему. Совершающие самоповреждение обычно продолжают свое аутоагрессивное поведение, несмотря на заботу ближайшего окружения. Частота совершения повторных актов самоповреждения мало зависит от стрессогенности ситуации. Четвертый отличительный признак – изменение эмоционального состояния и когнитивного стиля. В отличие от аутодеструкции, совершенный акт самоповреждения сопровождается чувством временного эмоционального облегчения для аутоагрессора. Кроме этого, аутодеструктивное поведение разворачивается на фоне размышлений о смерти и умирании, а поведение с самоповреждением крайне редко имеет подобную когнитивную составляющую (Kahan, Pattison, 1984). Одна из пациенток так описывает свои мысли и чувства в момент нанесения самопорезов: «Цель состояла не в том, чтобы истечь кровью до смерти, а только лишь в том, чтобы дать возможность выйти из меня тем уродливым чувствам, которые держали меня, как заложницу и которые вышли из меня при виде крови» (Kahan, Pattison, 1984, С. 64).

Следует отметить, что тенденция к аутоагрессивному поведению дебютирует, как правило, в подростковом возрасте. Наряду с этим бывают случаи, когда самоповрежденческий комплекс складывается и в более старшем возрасте как реакция на потерю близкого или вследствие депрессии.

Значительное число научных работ посвящены изучению взаимосвязи пове-

дения с преднамеренным самоповреждением и психологических травм раннего детства. В первую очередь, данные работы затрагивают тему пережитого в раннем детстве насилия (Van der Kolk et al., 1991).

Попытка самоубийства часто вызывает активно сострадательный ответ со стороны ближайшего окружения суицидента. Ответная реакция близких направлена, в первую очередь, на недопущение последующих попыток суицида. В отличие от попытки суицида, обнаруженный акт самоповреждения вызывает, за редким исключением, со стороны ближайшего окружения реакцию враждебности и подчас отвращения по отношению к совершившему

Были найдены прямые корреляции перенесенного в детстве насилия с более поздним аутоагрессивным поведением (Low et al., 2000; Wiederman et al., 1999). По данным разных исследователей, от 62% до 79% аутоагрессоров, принявших участие в экспериментах, указывали на детские травматические переживания (Favazza, 1989; Van der Kolk et al., 1991; Yaryura-Tobias et al., 1995). При этом, основной фокус исследований был сконцентрирован на изучении последствий сексуального насилия в раннем детстве как одного из главных предикторов поведения с преднамеренным самоповреждением в более старшем возрасте (Ениколопов, 2002; Boudewyn, Liem, 1995; Crowe, Bunclarke, 2000; Lipschitz et al., 1999). В ряде работ показано, что, действительно, перенесенное в детстве насилие имеет прямую и статистически значимую связь и с аутоагрессивным поведением, и с иными формами злоупотреблений (Ениколопов, 2002; Van der Kolk et al., 1991).

Основные теоретические подходы к аутоагрессии.

В рамках когнитивно-ориентированного направления аутоагрессивное поведение понимается как следствие специфических искажений познавательной сферы – дихотомичное мышление, склонность к глобализации и иррациональности предопределяет возникновение ощущения безвыходности. Суицидальные пациенты описываются А. Бекком склонными преувеличивать размах и остроту проблем, которые оцениваются ими как неразрешимые и невыносимые (Бек, URL: [https://psyjournal.ru/articles/metody-](https://psyjournal.ru/articles/metody-raboty-s-suicidalnym-pacientom)

[raboty-s-suicidalnym-pacientom](https://psyjournal.ru/articles/metody-raboty-s-suicidalnym-pacientom)). Кроме того, такие пациенты считают себя неспособными справиться с трудностями и склонны проецировать собственное поражение в будущее. Другая отличительная

особенность суицидентов состоит в том, что смерть для них является приемлемым и единственно возможным способом избавления от трудностей. Мышление и восприятие депрессивного пациента с суицидальным риском, приводящие к чувству безысходности, основаны на предвзятых, не подвергаемых сомнению умозаключениях, негативных предубеждениях (Бек, URL: <https://psyjournal.ru/articles/metody-raboty-s-suicidalnym-pacientom>).

Перечислим основные представления об аутоагрессии в рамках когнитивно-бихевиорального направления:

- 1) в теории репертуарных решеток Дж. Келли – предельное сжатие, узость системы конструкторов является фактором выбора единственного средства ухода от угрозы;
- 2) в теории социального научения – концепция выученной беспомощности М. Селигмана утверждает, что к аутоагрессии ведет депрессивное ожидание неуправляемых событий на основании повторных травматических ситуаций;
- 3) в социально-когнитивной теории Бандуры – к аутоагрессии приводит представление о низкой самооценочности, снижение возможностей саморегуляции, недостаток умения прогнозировать, задавать собственные стандарты поведения. В силу недоразвития когнитивных механизмов, недостаточной когнитивной и поведенческой компетентности у аутоагрессоров не развиты навыки отсроченного удовлетворения, умение себя подкреплять (Crowe, Bunclarke, 2000).

Поведенческий подход в рамках различных концепций стресса ограничивается рассмотрением аутоагрессии как одной из возможных, не самых удачных реак-

ций, когда индивид использует свое самоповреждение как адаптивный механизм. Например, Диатез-Стресс модель, рассматривает суицидальное поведение как результат взаимодействия между индивидуальным порогом суицидального акта и стрессором, который может привести к суициду (Вассерман, 2005). В целом, в концепциях стресс-уязвимости особое внимание уделяется личностным факторам в виде плохих, неэффективных механизмов совладания с тревогой, повышенной чувствительности к стрессу и объективной ситуации лишения, преград в удовлетворении потребностей.

Следует указать на уязвимость аутоагрессоров к фактору неопределенности ситуации, низкую способность переносить неизвестность и ожидания, а также на низкую способность к контролю над побуждениями и эмоциями, неспособность к их отсрочке. При невозможности мгновенного решения проблемы актуализируются чувства страха, бессилия и поражения, недостаток толерантности к которым ведет к желанию немедленно избавиться от невыносимых переживаний

В рамках когнитивно-ориентированных подходов изучается атрибутивный стиль, когнитивная гибкость/ригидность, стратегии саморегуляции, когнитивный стиль суицидентов (Beautrais et al., 1999; Dieserud et al., 2000; et al., 1999; Rickelman, Houfek, 1995). Неадаптивные, искажающие реальность когнитивные схемы, нарушение аффективной регуляции, когнитивная ригидность, дихотомичное мышление, по мнению авторов этого направления, являются основными характеристиками суицидальных пациентов (Вассерман, 2005). Среди факторов, предохраняющих от суицида выделяют такие характеристики когнитивного стиля, как способность к общению, поиску помощи при возникновении трудностей, открытость опыту и обучению (Вассерман, 2005). Многие эмпирические исследования в этом направлении подтверждают связь суицидального риска и перфекционизма (Гаранян и др., 2001). Нереалистично завышенный уровень це-

лей, идеалов, абсолютизм, ригидность и жестокость перфекционистских «утверждений» депрессивных пациентов были выявлены А. Беком и А. Эллисом в практике когнитивной психотерапии. Склонность к перфекционизму может сопровождаться мышлением в понятиях «все или ничего», которое предполагает либо абсолютный успех и полное соответствие идеалам, либо абсолютный крах, несостоятельность, а также избирательной концентрацией на ошибках и тотальной генерализацией высоких стандартов на все сферы жизни. Следует указать на уязвимость аутоагрессоров к факто-

ру неопределенности ситуации, низкую способность переносить неизвестность и ожидания, а также на низкую способность к контролю над побуждениями и эмоциями, неспособность к их отсрочке. При невозможности мгновенного решения проблемы актуализируются чувства страха, бессилия и поражения, недостаток толерантности к которым ведет к желанию немедленно избавиться от невыносимых переживаний (Бек, URL: <https://psyjournal.ru/articles/metody-raboty-s-suicidalnym-rascentom>). Данные представления можно сопоставить с психоаналитическими, в которых особое внимание уделяется примитивным защитным механизмам суицидентов, в частности, «отреагированию» как форме непосредственной разрядке импульсов и аффектов с целью бессознательной защиты.

В клинической психиатрии при исследовании суицидентов основной акцент делается на изучении аффективных, адап-

тационных, личностных факторов, повышающих суицидальный риск пациентов. Выделяют три основные клинические исследовательские направления:

- 1) эпидемиологическое, использующее методы статистики, позволяющее рассматривать суицидальный феномен как устойчивое явление, подчиняющееся определенным закономерностям;
- 2) нейробиологическое, направленное на выяснение физиологических, биохимических процессов, лежащих в основе суицидального поведения;
- 3) клиническое, базирующееся на психопатологическом анализе расстройств, выявляемых у большинства суицидентов (Смулевич и др., 2003).

В настоящее время проводятся многочисленные исследования, в которых устанавливаются корреляционные связи между стойкими психическими расстройствами, прежде всего, пограничными, и суицидальными попытками. Вопрос о типах личности, предрасположенных к суициду, является одним из основных в суицидологии. В связи с этим, представляет интерес точка зрения современной психоаналитически ориентированной психиатрии, в которой суицидальное и парасуицидальное поведение рассматривается как «визитная карточка» пограничного личностного расстройства на том основании, что, по разным данным, 75%–89% пограничных пациентов имеют в анамнезе суицидальные попытки (Портнов, Смирнов, 2000; Gunderson, 2001).

Следует отметить, что на настоящий момент отмечается выраженная тенденция к омоложению группы наибольшего риска (от 15 до 24 лет). В связи с этим, в фокусе внимания исследователей оказывается проблема детско-подросткового суицида, часто рассматриваемого как способ разрешения конфликта зависимости/автономии в семейном контексте (Пурич-Пейакович, Душан, 2000).

В отечественной суицидологии принято рассмотрение аутоагрессивного поведения как средства выхода из психологического кризиса, вызывающего социальную дезадаптацию личности. Аутоагрессия, таким образом, рассматривается как проявление одной из крайних моделей психологического стресса. При оценке тяжести дезадаптации выделяют следующие компоненты: серьезность нарушения привычных условий жизни, их индивидуаль-

В настоящее время проводятся многочисленные исследования, в которых устанавливаются корреляционные связи между стойкими психическими расстройствами, прежде всего, пограничными, и суицидальными попытками. Вопрос о типах личности, предрасположенных к суициду, является одним из основных в суицидологии. В связи с этим, представляет интерес точка зрения современной психоаналитически ориентированной психиатрии, в которой суицидальное и парасуицидальное поведение рассматривается как «визитная карточка» пограничного личностного расстройства

Для цитирования: Кузнецова С.О., Абрамова А.А., Ефремов А.Г., Ениколопов С.Н. Исследование особенностей аутоагрессивного поведения у лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 88–100. doi: 10.11621/npj.2019.0310

For citation: Kuznetsova S.O., Abramova A.A., Efremov A.G., Enikolopov S.N. (2019). The study of the auto-aggressive behaviour in individuals who survived sexual abuse in childhood. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], (12)3, 88–100. doi: 10.11621/npj.2019.0310

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

ная интерпретация, ресурсы преодоления ситуации для адаптации к новым условиям. Депрессия в состоянии ситуационно обусловленного кризиса описывается как эмоциональное расстройство с доминированием чувств тревоги, тоски, опустошенности и отчаяния, а также переживания отчужденности от других людей и собственной неполноценности. Суицидоопасные кризисные состояния возникают при невозможности преодоления препятствий при достижении жизненно важных целей и потребностей способом, сформированным на основе предыдущего опыта. В структуре суицидоопасных состояний выделяют аффективный и когнитивный компоненты. В аффективный входят переживания отчужденности, тревоги, обиды, ощущение бессилия, в когнитивный – представление о собственной ненужности, несостоятельности, бессельности и вывод о невозможности разрешить кризис (Старшенбаум, 1987). Наиболее распространенным мотивом суицида признается одиночество в его разнообразных формах: неутоленная потребность в родительской любви, ревность в ситуации покинутости, смерть близких, личностный неуспех. Отмечается полимотивированность суицида. Кроме этого, существуют возрастные различия в мотивах суицида: у пациентов в возрасте от 18 до 30 лет преобладают протест и призыв, в более позднем возрасте – чаще встречаются мотивы отказа и самонаказания.

Подобное понимание приближает отечественную суицидологию к теориям психологического стресса и «совладания» с ним. Совокупность суицидентов, по данным отечественных исследователей, представлена тремя основными категориями:

1. больные психическими заболеваниями;
2. больные пограничными нервно-психическими расстройствами;
3. практически здоровые.

В современной отечественной клинической суицидологии и медицинской психологии делается акцент на исследованиях клинко-психологических особенностей суицидентов, призванных выявить личностные predispositions суицидальных попыток (Толуб, 1993; Горобец, 1995; Ениколопов, 2002; Слущкий, Занадворов, 1992; Степанченко, 1999). Можно выделить следующие индивидуально-психологические характеристики, способствующие

рisku совершения аутоагрессивных попыток:

- психологическая ригидность и повышенная тревожность;
- эмоциональная лабильность, отсутствие комформности, патологическая чувствительность и уязвимость к эмоциональному стрессу, склонность к острым ощущениям, противоречивый стиль разрешения конфликтов, сочетающий ригидность целевых установок и импульсивность, пассивность, бегство в ситуации фрустрации и недоверие к другим;
- снижение толерантности к эмоциональным нагрузкам, неполноценность коммуникативных навыков, неадекватно заниженная самооценка, неустойчивое и неразвитое представление о себе, слабость психологической защиты, утрата ценности жизни, смысловых ориентиров;
- эгоцентризм, проявляющийся, с одной стороны, как фиксация на себе, с другой – как манипулятивная позиция в общении;
- пессимистическая личностная установка на перспективы выхода из кризиса, склонность к аутоагрессии, самообвинениям, паранойальность, сверхценный характер какой-либо ценности, психологическая зависимость, заключающаяся в сочетании чувства личностной неполноценности с эмоциональной незрелостью, недостаточной ответственностью за свое поведение, нестойкостью самооценки;
- восприятие окружающего мира как равнодушного, непредсказуемого и другого человека как условия собственной жизни;
- наличие сензитивного, истероидного, эмоционально-лабильного радикалов в структуре личности суицидентов.

Полученные данные говорят о том, что на первом плане в системе ценностей аутоагрессоров стоят любовные отношения,

«поиск тепла вне дома» с гиперболизацией роли Другого. Также выявлен противоречивый стиль адаптации – с одной стороны, ригидность и стереотипность (механичность) целевых установок, с другой – импульсивность, тормозящая достижение целей. Острая суицидальная реакция признается способом патологического отреагирования аффекта, что связано с особенностью личности суицидентов, в частности, с неэффективным стилем разрешения ситуаций фрустрации. Отмечается, что стратегия гиперконтроля со стороны родителей сочетается с выраженным эмоциональным отвержением. Детство суицидальных пациентов описывается, прежде всего, как «холодное», обрекающее на постоянный инфантильный поиск заботы и опеки во взрослом состоянии, навязчивое стремление к зависимости, отражающее «эмоциональный голод», недостаток тепла в семье, ощущение собственной «ненужности». Классики суицидологии Э. Шнейдман и Н. Фарберу подчеркивали, что суицидальное поведение – это своеобразный «крик о помощи», который вызван невыносимой «душевной болью» от неудовлетворенности значимых нужд, потребностей в любви, принадлежности, автономии, достижении, понимании (Fombonne, 1998). Однако до сих пор актуальным остается вопрос, почему «крик о помощи» совершается именно таким, потенциально смертоносным путем. Речь идет, по всей видимости, о своеобразных, нарушенных формах диалога по типу шантажно-манипулятивного, деструктивного способа вызывать эмоциональный отклик у значимых других.

С развитием психоанализа распространился взгляд на суицид как на проявление нарциссического кризиса. На первый план выдвинулось изучение чувства самоуважения и самопринятия, а также успешной и неуспешной саморегуляции. Исходя из гипотезы, что при недостаточной эффективности зрелых компенсаторных ме-

Такие факторы, как гендерная и расовая принадлежность, культуральные особенности, склонность к алкогольной и наркотической зависимостям, пережитое в детстве сексуальное насилие и физическое запугивание, имеют существенное значение в качестве предикторов аутоагрессивного поведения. От ощущения своей беспомощности и неспособности понять болезненные переживания и справиться с ними ребенок, спустя определенный период времени, может перейти к аутоагрессии, замещающей эмоциональные переживания

ханизмов вновь активируются защитные механизмы предыдущих ступеней, выводится модель нарциссически неустойчивой личности. Человек, склонный к аутоагрессии, описывается как неуверенный в себе, с нестабильной самооценкой, чувством неполноценности, использующий для защиты от обиды и разочарований инфантильные механизмы, в частности, регрессию к гармоничному состоянию, отрицание, идеализацию реальности и др.

Стоит отметить, что такие факторы, как гендерная и расовая принадлежность, культуральные особенности, склонность к алкогольной и наркотической зависимостям, пережитое в детстве сексуальное насилие и физическое запугивание, имеют существенное значение в качестве предикторов аутоагрессивного поведения. От ощущения своей беспомощности и неспо-

детстве не обязательно является переходным этапом к последующей аутоагрессии, но может таковым стать, особенно на фоне отсутствия эффективных форм эмоциональной родительской поддержки (Linehan, 1993; Yeo, Yeo, 1993).

В нашей работе мы будем использовать уже устоявшийся термин «преднамеренное самоповреждение». Использование данного термина удобно тем, что он широко охватывает все разнообразие возможных аутоагрессивных актов как суицидального, так и не суицидального спектра, включая непосредственное участие в суицидальном поведении. Сюда можно отнести передозировку медицинскими препаратами, самоудушение, самоповешивание, утопление, порезы острыми предметами и пр. (Ениколопов, 2002). Наиболее часто совершаемым видом преднамеренного са-

Hastings, Kern, 1994). Однако связь эти двух параметров с промежуточной переменной – неудовольствием имиджем собственного тела на сегодняшний день является мало изученной и не носит характера статистически достоверной (Calam et al., 1997). Кроме того, есть данные, что низкий уровень чувства собственного достоинства как результат неудовлетворенности телом может служить связующим фактором между пережитым насилием в детстве и последующей аутоагрессией в старшем возрасте (Low et al., 2000).

Выборка испытуемых. Всего в исследовании приняли участие 113 человек. Средний возраст 19,9 лет (ст. откл. = 5,2). Из них 104 девушки, средний возраст 19,8 лет (ст. откл. = 5,1) и 9 юношей, средний возраст = 18,6 лет (ст. откл.=4,1). Отбор участников проходил в рамках плановой диспансеризации абитуриентов и студентов нескольких вузов г. Москва, в рамках которой студенты заполняли в электронном виде анонимные опросники, где указывали необходимые демографические данные, а также информацию, связанную с частотой, датой начала и способами аутоагрессивного поведения и другими сопутствующими данными.

Методики исследования. В исследовании применялись методы тестирования, опроса, субъективного шкалирования. Участие в опросе было добровольным. Для сбора первичной информации была написана соответствующая компьютерная программа на языке программирования Visual Basic (версия 6.0). Сначала фиксировались демографические параметры: пол, возраст, регион постоянного проживания, возраст начала поведения с преднамеренным самоповреждением, частота его использования, конкретный вид или виды самоповреждения и т.п. Затем начиналось последовательное предъявление пунктов методик. Исследователи следили, чтобы испытуемые не пропускали утверждения. Математически обработка сравнительных результатов велась с помощью основных базовых статистических процедур, а также процедуры анализа дисперсий one-way ANOVA.

Были использованы следующие методики:

1. Краткая методика фиксации нарушений пищевого поведения (The SCOFF Questionnaire). Опросник был разра-

Цель нашего исследования – выявление взаимосвязи между показателями пережитого в детстве сексуального злоупотребления (abuse), расстройствами пищевого поведения и неудовлетворенностью имиджем тела у лиц, сообщивших о фактах преднамеренного самоповреждения

способности понять болезненные переживания и справиться с ними ребенок, спустя определенный период времени, может перейти к аутоагрессии, замещающей эмоциональные переживания. В то время как сексуальное насилие в раннем детстве, безусловно, является важным фактором, провоцирующим преднамеренное самоповреждение. Тем не менее, факт насилия может быть не связан с аутоагрессией. Кроме пережитого в детстве насилия указываются и другие факторы риска развития преднамеренного самоповреждения. В частности, самонанесение вреда связывается с расстройством пищевого поведения, злоупотреблениями психически активными веществами, степенью удовлетворения формой своего тела и чувством собственного достоинства, суицидальными мыслями (Feldman, 1988; Low et al., 2000; Van der Kolk et al., 1991).

На сегодняшний день есть две основные линии исследования поведения с преднамеренным самоповреждением у лиц, переживших в детстве насилие. Одна часть исследователей уверена в прямой связи пережитого в детстве насилия с аутоагрессивным поведением в более позднем возрасте, другая – не подтверждает это положение, указывая, что насилие в

моповреждение является эпизодическое самоповреждение: самопорезы (72% из числа опрошенных членовредителей), прижигание собственного тела огнем (35%), прокалывание мягких тканей острым предметом (30%), препятствование излечиванию раны (22%), выдирание волос (10%), повреждение костей (8%). Около 78% опрошенных применяют комплексные методы из нескольких способов самоповреждения, а 57% – на фоне приема алкоголя или наркотиков (Favazza, 1989).

Проведение исследования

Цель нашего исследования – выявление взаимосвязи между показателями пережитого в детстве сексуального злоупотребления (abuse), расстройствами пищевого поведения и неудовлетворенностью имиджем тела у лиц, сообщивших о фактах преднамеренного самоповреждения.

Мы исходим из того, что достоверная и прямая связь между пережитым в детстве насилием и расстройствами пищевого поведения в более старшем возрасте неоднократно показывалась в ряде зарубежных исследований (Gleaves, Eberenz, 1994;

ботан Morgan с соавторами в процессе создания ими наиболее короткой и простой скрининговой методики фиксации нарушений пищевого поведения (Morgan et al., 1999). Авторы отобрали пять наиболее общих вопросов, ответы на которые связаны с основными признаками булимии и нервной анорексии. Например, «Вы волнуетесь, что потеряли контроль над количеством съеденной еды?». Шкала ответов бинарная «да» – «нет». Ответ «да» дает один балл, ответ «нет» – ноль. Таким образом, вариация шкалы составляет от 0 до 5 баллов. Набранные два и более балла считаются индикаторами наличия нарушений пищевого поведения.

2. Шкала измерения степени неудовлетворенности имиджем тела (The Body Satisfaction Scale). Данная шкала была разработана Slade и предназначена для определения степени удовлетворения или неудовлетворения определенными частями тела. В опросе рассматривается отношение испытуемого к шестнадцати частям тела (голова, живот, ноги и т.д.). Используя семишкальную лакертовскую шкалу, испытуемый оценивает степень своей удовлетворенности или неудовлетворенности формами конкретных частей своего тела. Градации вариантов ответов от 1 – «вполне удовлетворен», до 7 – «совсем неудовлетворен». Возможное количество набранных баллов варьируется от 16 до 112 (Slade et al., 1990).
3. Шкала фиксации пережитых травм детства (короткая форма) (The Childhood Trauma Questionnaire: Short form). Опросник создан и валидизирован Bernstein с соавторами в рамках разработки ими скрининговой методики фиксации негативных переживаний детства среди испытуемых (как клинических, так и неклинических групп) (Bernstein et al., 2003). Краткая форма была получена как производная от большого варианта, насчитывающего 70 пунктов оценки разных злоупотреблений или родительских пренебрежений (Bernstein et al., 2003). Большой вариант методики учитывал негативный опыт детства и ранней юности и оценивал по пятибалльной лакертовской шкале от «никогда не было» (1 балл) до

«довольно часто» (5 баллов). Данный вариант имел пять шкал:

- 1) пережитое в детстве физическое насилие (нападение со стороны взрослого или более старшего, которое несло риск или непосредственно причиняло телесные повреждения);
 - 2) сексуальные злоупотребления (сексуальный контакт или его попытка, или соответствующего рода поведение взрослого или более старшего в отношении лица младше 18 лет);
 - 3) эмоциональные злоупотребления (вербальные нападения на чувства или эмоциональные ценности ребенка, его душевное состояние или любое унижающее ребенка поведение со стороны взрослого или более старшего);
 - 4) физическое пренебрежение со стороны родителей или опекунов (отказ или ненадлежащий уход за физическими потребностями ребенка в еде, одежде, жилье, личной безопасности, здравоохранении и т.п.);
 - 5) эмоциональное пренебрежение со стороны родителей или опекунов (отказ или ненадлежащие обеспечение ребенка основными эмоциональными и психологическими потребностями (в любви, эмоциональной поддержке и заботе).
- В коротком варианте методики каждый из перечисленных выше негативных опытов представлен пятью пунктами. Существенно сократив размер опросника, короткий вариант методики показал не только лучшую экономичность, но при этом и вполне адекватную надежность пунктов (альфа Кронбаха находится в рамках 0,6-0,75, в зависимости от шкалы). По каждой шкале можно было набрать от 5 до 25 баллов.
4. Шкала оценки частоты появления суицидальных мыслей (The Positive and Negative Suicide Ideation Inventory). Дан-

ная методика была разработана и валидизирована Коррег и соавторами как инструмент быстрой оценки частоты появления мыслей, связанных с суицидальным поведением. Представленная в виде самооценочной шкалы насчитывает 14 пунктов, 8 из которых – негативные утверждения (например, «Мое будущее представляется мне бессмысленным и бесперспективным» или «Меня посещали мысли, чтобы убить себя») и 6 позитивных утверждений (например, «Я чувствую себя уверенным в планах на будущее»). Участников просили оценить предложенные пункты применительно ко времени двухнедельной давности от начала эксперимента. Для оценки предлагалась пятиступенчатая лакертовская шкала с вариантами ответов от «никогда» до «большую часть времени». При подсчете окончательного индекса баллы ответов на положительные пункты инвертировались и суммировались с баллами негативных утверждений. Таким образом, более высокое итоговое значение указывает на более высокий уровень наличия суицидальных мыслей. Колебание итоговых баллов находится в диапазоне от 14 до 70 (Kopper et al., 1998).

Результаты исследования

Результаты настоящей работы вписываются в общий строй работ, поддерживающих тезис о том, что аутоагрессоры, пережившие сексуальное злоупотребление в детстве, статистически существенно чаще, чем аутоагрессоры без истории сексуального злоупотребления, сообщают и о других пережитых негативных опытах. В таблице 1 представлены результаты исследования по частоте встречаемости тех или иных видов самоповреждения в группе испытуемых.

Табл. 1. Характеристика испытуемых по видам самоповреждений

Виды самоповреждений	Количество испытуемых
Порезы	100% (n=113)
Прижигания	50,4% (n=57)
Удары	64,6% (n=73)
Расцарапывания	77% (n=87)
Ошпаривание	13,3% (n=15)
Другие виды	36,3% (n=41)

Table 1. Type of Self-Harm

Self-harm	N
Cuts	100% (n=113)
Scorch	50,4% (n=57)
Kicks	64,6% (n=73)
Scratching	77% (n=87)
Scalding	13,3% (n=15)
Other	36,3% (n=41)

Как видно из таблицы 1, самыми частыми являются такие виды самоповреждений, как порезы, прижигания и удары.

В таблице 2 представлены полученные нами результаты по частоте применения самоповреждения в исследуемой выборке.

ев (82,3%) аутоагрессоры избирают для исполнения не один, а сразу несколько видов физических самоповреждений.

Статистически значимые результаты были выявлены при анализе взаимных связей самого факта сексуального злоупотре-

Табл. 2. Характеристика испытуемых по частоте применения самоповреждения

Частота применения	Количество испытуемых
Ежедневно	22,1% (n=25)
Еженедельно	46,9% (n=53)
Ежемесячно	16,8% (n=19)
Реже 1 раза в месяц	14,4% (n=16)
Число видов самоповреждений, используемых 1 испытуемым	
Один	17,7% (n=20)
Два	19,5% (n=22)
Три	24,8% (n=28)
Четыре	12,4% (n=14)
Пять	19,5% (n=22)
Шесть	6,2% (n=7)

Table 2. Frequency of Self-Harm

Frequency of Self-Harm	N
Daily	22.1% (n=25)
Weekly	46.9% (n=53)
Monthly	16.8% (n=19)
Less than once per month	14.4% (n=16)
N of types of self-harm used by 1 subject	
One	17.7% (n=20)
Two	19.5% (n=22)
Three	24.8% (n=28)
Four	12.4% (n=14)
Five	19.5% (n=22)
Six	6.2% (n=7)

Как видно из таблицы 2, наиболее распространенная частота причинения самоповреждений – еженедельно (46,9% ответивших). Кроме этого, анализ первичных данных выявил, что в большинстве случа-

требления в детстве с другими формами злоупотреблений: эмоциональное злоупотребление ребенком старшими, эмоциональное пренебрежение ребенком со стороны значимых взрослых, физическое

(несексуальное) насилие со стороны более старших, физическое пренебрежение (заброшенность ребенка) (см. таблицу 3). Полученные данные согласуются с результатами других исследований, которые утверждают, что многие виды аутоагрессии происходят параллельно, и это, вероятно, связано с общей этиологией аутоагрессивного поведения (Low et al., 2000; Van der Kolk et al., 1991).

1. Как видно, наиболее значимые результаты в данной работе были выявлены при анализе взаимных связей самого факта сексуального насилия в детстве с другими формами злоупотреблений. Из всех форм злоупотреблений результаты по шкале эмоционального пренебрежения продемонстрировали наименьшую разницу в показателях между группами аутоагрессоров. Тем не менее, полученная разница является статистически значимой ($p < 0.022$). Как подтверждают и другие работы, хотя корреляция между поведением с преднамеренным самоповреждением и эмоциональным пренебрежением ребенка со стороны значимого взрослого действительно существует, но наиболее сильные ассоциации проявляются не с эмоциональным пренебрежением, а с различного рода другими злоупотреблениями. Это может объясняться тем, что эмоциональное пренебрежение имеет малый градиент направленности на какого-то конкретного члена семьи и довольно равномерно распределено между младшими членами семьи в силу специфики детско-родительских отношений. А негативные переживания от сексуального насилия связаны с процессом поиска и подбора замещающей жертвы, на которую изливается гнев. Поэтому переживание истории сексуального насилия в детстве ведет к наибольшему усилению риска развития у жертвы поведения с преднамеренным самоповреждением в старшем возрасте. Соединение нескольких видов самоповреждения может еще больше усиливать тенденцию аутоагрессора к повторению роли жертвы, увеличивая тем самым степень совершенной аутоагрессии. И хотя эмоциональное пренебрежение также может вызывать травматические переживания, оно обычно не столь сильно и не вызывает такой же степени виктим-

Статистически значимые результаты были выявлены при анализе взаимных связей самого факта сексуального злоупотребления в детстве с другими формами злоупотреблений: эмоциональное злоупотребление ребенком старшими, эмоциональное пренебрежение ребенком со стороны значимых взрослых, физическое (несексуальное) насилие со стороны более старших, физическое пренебрежение (заброшенность ребенка)

Табл. 3. Средние значения по исследуемым шкалам в группе аутоагрессоров, переживших сексуальное насилие в детстве, и аутоагрессоров без истории насилия в детстве

Показатель	Аутоагрессоры, пережившие сексуальное насилие в детстве		Аутоагрессоры без истории сексуального насилия в детстве		Уровень значимости
	Среднее	Станд.откл.	Среднее	Станд.откл.	
Неудовлетворенность имиджем тела	79,64	20,87	67,40	16,18	0,022
Пищевые нарушения	2,95	1,73	2,01	1,48	0,017
Эмоциональное пренебрежение	16,55	4,43	14,25	4,49	0,022
Эмоциональное насилие	19	4,26	13,08	5,29	0,001
Физическое пренебрежение	12,59	3,55	9,03	3,31	0,001
Физическое насилие	13,14	6,78	7,57	4,01	<0,001

Table 3. Mean value on the studied scales in autoaggressors who survived sexual abuse in childhood and autoaggressors without sexual abuse in childhood

Indicator	Autoaggressors who survived sexual abuse in childhood		Autoaggressors without sexual abuse in childhood		Value
	Mean	St.Dev.	Mean	St.Dev.	
Dissatisfaction with the image of the body	79.64	20.87	67.40	16.18	0.022
Eating Disorders	2.95	1.73	2.01	1.48	0.017
Emotional Neglect	16.55	4.43	14.25	4.49	0.022
Emotional Abuse	19	4.26	13.08	5.29	0.001
Physical neglect	12.59	3.55	9.03	3.31	0.001
Physical Violence	13.14	6.78	7.57	4.01	<0.001

ности, как сексуальное насилие, чтобы направить жертву на путь преднамеренного самоповреждения.

2. Также статистически значимые различия были получены по шкале нарушений пищевого поведения между двумя группами аутоагрессоров, которые подтверждают данные других исследований, свидетельствующих о наличии взаимных корреляций между пережитым в детстве насилием и нарушениями пищевого поведения в более старшем возрасте (Ениколопов, 2002; Gleaves, Eberenz, 1994; Hastings, Kern, 1994). Полученные нами результаты показали, что аутоагрессоры, имеющие историю сексуального насилия в детстве, статистически чаще сообщают о нарушениях пищевого поведения, чем аутоагрессоры без истории злоупотребления. Травмирующий опыт пережитого сексуального насилия может привести индивидуума к чувству неудовлетворения имиджем своего тела как в целом, так и какой-либо его части. Подобная травмирующая ассоциация пережитого насилия с образом тела или его части приводит к нарушениям пищевого поведения или к преднамеренному самоповреждению, имеющему своей целью изменение формы тела или какой-то его части. Тем самым уменьшается сила травматического переживания от пережитого насилия. В данном случае

перенесенное из-за насилия травматическое переживание может проявиться в будущем через негативное восприятие своего тела, а преднамеренное поведение и причинение себе физической боли становится путем редукации отрицательных эмоциональных переживаний.

3. Кроме этого, аутоагрессоры с исто-

детства, связанная с пережитым насилием, приводит к большому количеству негативных эмоциональных переживаний, с которыми индивидууму крайне тяжело справиться, что как следствие приводит его к мыслям суицидной тематики, а затем и к аутоагрессивному поведению. Здесь необходимо отметить, что на сегодняшний

Полученные нами результаты показали, что аутоагрессоры, имеющие историю сексуального насилия в детстве, статистически чаще сообщают о нарушениях пищевого поведения, чем аутоагрессоры без истории злоупотребления. Травмирующий опыт пережитого сексуального насилия может привести индивидуума к чувству неудовлетворения имиджем своего тела как в целом, так и какой-либо его части

рией сексуального насилия показали существенно более высокую степень наличия суицидальных мыслей, чем аутоагрессоры без такой истории, что подтверждает результаты ранее проведенного исследования (Hawton, Fagg, 1992). Несмотря на обозначенное в теоретической части принципиальное различие двух форм аутоагрессии – суицидного поведения и несуицидного поведения с преднамеренным самоповреждением, существует корреляционная связь между несуицидным поведением с преднамеренным самоповреждением и суицидными мыслями (Low et al., 2000). Видимо, травма

день остаются невыясненными дифференцирующие критерии, согласно которым одни из индивидуумов, пережившие злоупотребление, на фоне суицидных мыслей идут по пути суицидных попыток, а другие – на таком же фоне суицидных мыслей склонны к несуицидальному поведению с преднамеренным самоповреждением. В нашем случае можно лишь сделать предположение, что поведение с преднамеренным самоповреждением может рассматриваться как альтернатива суицидного поведения в деле совладания с травмирующей стрессовой ситуацией от пережитого наси-

Полученные в работе данные характеризуют сам факт сексуального насилия, пережитого в детстве, как мощный травмирующий фактор, который может иметь для жертвы серьезные последствия в плане развития в более старшем возрасте не только преднамеренного самоповреждающего поведения, но и целого ряда других видов неадекватного поведения, ассоциированных с аутоагрессией

лия. Испытанное в детстве сексуальное насилие рассматривается как стресс, ведущий к образованию посттравматического синдрома застревания на пережитой ситуации, что в старшем возрасте может привести либо к полному отказу от любых сексуальных отношений, либо к выбору аутоагрессивных оскорбляющих и унижительных для себя сексуальных контактов.

Полученные в работе данные характеризуют сам факт сексуального насилия, пережитого в детстве, как мощный травмирующий фактор, который может иметь для жертвы серьезные последствия в плане развития в более старшем возрасте не только преднамеренного самоповреждающего поведения, но и целого ряда других видов неадекватного поведения, ассоциированных с аутоагрессией.

Выводы

1. Полученные результаты указывают на непосредственное и прямое влияние пережитого в детстве сексуального насилия на возникновение в более старшем возрасте не только поведения

с аутоагрессивным самоповреждением, но целого ряда других негативных поведенческих проявлений, сопутствующих аутоагрессии.

2. Аутоагрессоры, пережившие в детстве сексуальное насилие, сообщают о более высоком уровне суицидальных мыслей и о неудовлетворенности собственной фигурой, чем аутоагрессоры без истории насилия. Таким образом, получил подтверждение тезис о том, что пережитое сексуальное злоупотребление является сильным фактором риска провоцирования именно суицидального поведения, начиная от его идеаторной разработки и до конкретных попыток исполнения.

3. Наиболее значимые результаты ($p < 0.05$) были выявлены при анализе взаимных связей самого факта сексуального злоупотребления в детстве с другими формами злоупотреблений такими, как эмоциональное злоупотребление ребенком старшими, эмоциональное пренебрежение ребенком со стороны значимых взрослых, физическое (несексуальное) насилие со стороны более старших, физическое пренебрежение (заброшенность ребенка).

4. Была установлена зависимость между показателями пережитого в детстве сексуального насилия с последующими расстройствами пищевого поведения и неудовлетворенностью имиджем тела в более старшем возрасте у лиц с аутоагрессивным поведением.

В заключение стоит отметить возможные пути дальнейшего изучения поведения с преднамеренным самоповреждением среди лиц, переживших в детстве сексуальное злоупотребление. Очевидно, стоит сместить возрастные границы выборки и провести повторные измерения с помощью методик, представленных в данной работе, на индивидах из других возрастных периодов и сравнить полученные результаты.

Как показывают зарубежные данные, аутоагрессивное поведение довольно широко распространено в школах и вузах. Около 12%–14% студентов и школьников практикуют преднамеренное самоповреждение (Favazza, 1989). Результаты, полученные на подобных выборках, можно сопоставить с данными экспериментов из выборок специализированных интернет-форумов («досок общения») по соответствующей тематике. Использование интернета придаст результатам существенно большую репрезентативность, поскольку позволяет охватить самую разнообразную аудиторию и гарантирует полную анонимность. Также следует расширить мужскую часть выборки, чтобы создать возможность сравнения результатов по гендерному признаку.

Литература:

- Бек А. Методы работы с суицидальным пациентом (Электронный ресурс) // Журнал практической психологии и психоанализа. – № 1. – 2003 : (сайт). URL: <https://psjjournal.ru/articles/metody-raboty-s-suicidalnym-pacientom> – (дата обращения 13.09.2019).
- Вассерман Д. Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств / ред. Д. Вассерман. – Москва : Смысл, 2005. – 310 с.
- Гарянин Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдева Т.Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 4. – С. 18–49.
- Голуб М. Взаимовлияние патологического влечения к алкоголю и суицидального поведения : дис. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 1993.
- Горобец Т.Н. Социально-психологические и биологические факторы аутодеструктивного поведения : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1995.
- Ениколопов С.Н. Некоторые проблемы психологии агрессивного поведения детей и подростков // Социальная и клиническая психиатрия. – 2002. – № 2. – С. 40–45.
- Каплан Б.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия. Т. 1. – Москва, 1998. – 672 с.
- Меннингер К. Война с самим собой / пер. с англ. Ю. Бондарева. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 480 с.
- Портнов В.А., Смирнов П.В. Антиципация возраста совершения повторных суицидальных попыток : материалы XIII съезда психиатров России. – Москва, 2000.
- Пурич-Пейакович Й., Душан Й.Д. Самоубийство подростков. – Москва : Медицина, 2000. – 168 с.
- Слуцкий А.С., Занадворов М.С. Некоторые психологические и клинические аспекты поведения суицидентов // Психологический журнал. – 1992. – № 1. – С. 77–85.
- Смулевич А.Б., Дубницкая Э.Б., Козырев В.Н. Депрессии и суицидальное поведение // А.Б. Смулевич Депрессии при соматических и психических заболеваниях. – Москва : МИА, 2003. – С. 191–211.

- Старшенбаум Г.В. Формы и методы кризисной психотерапии : метод. рекомендации. – Москва, 1987. – 20 с.
- Степанченко О.Ю. Психическая ригидность и тревожность как индивидуальные факторы суицидального риска : дис. ... канд. психол. наук. – Томск, 1999. – 160 с.
- Фурман Э. Некоторые трудности диагностики депрессии и суицидальных тенденций у детей (Электронный ресурс) // Журнал практической психологии и психоанализа. – № 1. – 2003 : (сайт). URL: <https://psyjournal.ru/articles/nekotorye-trudnosti-diagnostiki-depressii-i-suicidalnyh-tendenciya-u-detej> – (дата обращения 13.09.2019).
- Хензлер Х. Вклад психоанализа в проблему суицида // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 2. – Москва : Когито-центр, 2001. – С. 88–103.
- Beautrais, A.L., Joyce P.R., & Mulder, R.T. (1999). Personality traits and cognitive styles as risk factors for serious suicide attempts among young people. *Suicide Life Threat Behav.* Spring, 29(1), 37–47.
- Bernstein, D.P., Stein, J.A., Newcomb, M.D., Walker, E., Pogge, D., & Ahluvalia, T., et al. (2003). Development and validation of a brief screening version of the Childhood Trauma Questionnaire. *Child Abuse and Neglect*, 27, 169–190. doi: 10.1016/S0145-2134(02)00541-0
- Boudewyn, A.C., & Liem, J.H. (1995). Childhood sexual abuse as a precursor to depression and self-destructive behaviour in adulthood. *Journal of Traumatic Stress*, 8, 445–459. doi: 10.1002/jts.2490080307
- Calam, R.M., Griffiths, R., & Slade, P.D. (1997). Eating disorders, body satisfaction and unwanted sexual experience: U.K., Australian and U.S. data. *European Eating Disorders Review*, 5(3), 158–170. doi: 10.1002/(SICI)1099-0968(199709)5:3<158::AID-ERV197>3.0.CO;2-L
- Crowe, M., & Bunclark, J. (2000). Repeated self-injury and its management. *International Review of Psychiatry*, 12, 48–53. doi: 10.1080/09540260074120
- Dieserud, G., Roysamb, E., Ekeberg, O., & Kraft, P. (2000). Toward an integrative model of suicide attempt: a cognitive psychological approach. *Suicide Life Threat Behav. Summer*, 31(2), 153–68. doi: 10.1521/suli.31.2.153.21511
- Favazza, A. R. (1989). Self-mutilation and eating disorders. *Suicide and Life-threatening Behaviours*, 19(4), 352–362.
- Feldman M.D. (1988). The challenge of self-mutilation, a review. *Comprehensive Psychiatry*, 29, 252–269. doi: 10.1016/0010-440X(88)90048-X
- Fichman L., Koestner R., Zuroff D.C., & Gordon L. (1999). Depressive styles and the regulation of negative affect: A daily experience study. *Cognitive Therapy & Research*, 23(5), 483–495. doi: 10.1023/A:1018768320680
- Fombonne E. (1998). Suicidal behaviours in vulnerable adolescents: Time trends and their correlates. *British Journal of Psychiatry*, 173, 154–159. doi: 10.1192/bjp.173.2.154
- Fowler J.C., Hilsenroth M.J., & Piers C. (2001). An empirical study of seriously disturbed suicidal patients. *JAPA*, 49(1), 161–186. doi: 10.1177/00030651010490010901
- Gleaves, D.H., & Eberenz, K.P. (1994). Sexual abuse histories among treatment resistant bulimia nervosa patients. *International Journal of Eating Disorders*, 15, 227–231. doi: 10.1002/1098-108X(199404)15:3<227::AID-EAT2260150305>3.0.CO;2-B
- Gunderson, J.G. (2001). *Borderline Personality Disorder: A clinical Guide*. Washington DC: American Psychiatric.
- Hastings, T., & Kern, J.M. (1994). Relationships between bulimia, childhood sexual abuse and family environment. *International Journal of Eating Disorders*, 15, 103–111. doi: 10.1002/1098-108X(199403)15:2<103::AID-EAT2260150202>3.0.CO;2-1
- Hawton K., & Fagg J. (1992). Trends in deliberate self-poisoning and self-injury in Oxford, 1976–1992. *British Medical Journal*, 304, 1409–1411. doi: 10.1136/bmj.304.6839.1409
- Hyman J.W. (1999). *Women living with self-injury*. Philadelphia: Temple University.
- Kahan J., & Pattison E. (1984). Proposal for a distinctive diagnosis: The deliberate self-harm syndrome. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 14, 17–35. doi: 10.1111/j.1943-278X.1984.tb00334.x
- Kernberg O. J. The suicidal risk in severe personality disorders: differential diagnosis and treatment. *Personal. Disord.* Jun. 15(3), 195–208.
- Kopper, B.A., Barrios, F.X., & Chiros, C.E. (1998). The positive and negative suicide ideation inventory: Development and validation. *Psychological Reports*, 82, 783–793. doi: 10.2466/pr0.1998.82.3.783
- Levenkron S. (1998). *Cutting: Understanding and overcoming self-mutilation*. New York: W.W. Norton.
- Linehan M. (1993). *Cognitive-behavioral treatment of borderline personality disorder*. N.Y.: Guilford Press.
- Lipschitz, D.S., Bernstein, D.P., Winegar, R.K., & Southwick, S.M. (1999). Hospitalized adolescents' reports of sexual and physical abuse: A comparison of two self-report measures. *Journal of Traumatic Stress*, 12, 510–537. doi: 10.1023/A:1024717117960
- Low, G., Jones, D., MacLeod, A., Power, M., & Duggan, C. (2000). Childhood trauma, dissociation and self-harming behaviour: A pilot study. *British Journal of Medical Psychology*, 73, 269–278. doi: 10.1348/000711200160363
- Morgan, J.F., Reid, F., & Lacey, J.H. (1999). The SCOFF questionnaire: Assessment of a new screening tool for eating disorders. *British Medical Journal*, 319, 1467–1468. doi: 10.1136/bmj.319.7223.1467
- Rickelman B.L., & Houfek J.F. (1995). Toward an interactional model of suicidal behaviors: cognitive rigidity, attributional style, stress, hopelessness, and depression. *Psychiatr. Nurs.*, Jun. 9(3), 158–168. doi: 10.1016/S0883-9417(95)80039-5
- Schwartz, R., Cohen, P., Hoffman, N.G., & Meeks, J.E. (1989). Self-harm behaviours (carving) in female adolescent drug abusers. *Clinical Paediatrics*, 28, 340–346. doi: 10.1177/00092288902800801
- Slade, P. D., Dewey, M. E., Newton, T., Brodie, D., & Kiemle, G. (1990). Development of the body satisfaction scale (BSS). *Psychology and Health*, 4, 213–226. doi: 10.1080/08870449008400391
- Van der Kolk, B. A., Perry, J. C., & Herman, J. L. (1991). Childhood origins of self-destructive behaviour. *American Journal of Psychiatry*, 148, 1665–1676. doi: 10.1176/ajp.148.12.1665
- Wiederman, M.W., Sansone, R.A., & Sansone, L.A. (1999). Bodily self-harm and its relationship to childhood abuse among women in a primary care setting. *Violence Against Women*, 5(2), 155–163. doi: 10.1177/107780129952004
- Yaryura-Tobias J.A., Neziroglu F.A., & Kaplan S. (1995). Self-mutilation, anorexia, and dysmenorrhea in obsessive-compulsive disorder. *International Journal of Eating Disorders*, 17, 33–38. doi: 10.1002/1098-108X(199501)17:1<33::AID-EAT2260170104>3.0.CO;2-2

Yeo, H. M., & Yeo, W. W. (1993). Repeat deliberate self-harm: A link with childhood sexual abuse? *Archives of Emergency Medicine*, 10, 161–166. doi: 10.1136/emj.10.3.161

Zila L.M., & Kiselica M.S. (2001). Understanding and Counseling Self-Mutilation in Female Adolescents and Young Adults. *Journal of Counseling and Development*; Winter, 79(1), 46–52. doi: 10.1002/j.1556-6676.2001.tb01942.x

References:

- Beautrais, A.L., Joyce P.R., & Mulder, R.T. (1999). Personality traits and cognitive styles as risk factors for serious suicide attempts among young people. *Suicide Life Threat Behav.* Spring, 29(1), 37–47.
- Beck A. (2003). Methods of working with a suicidal patient. [Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza]. Retrieved from: <https://psyjournal.ru/articles/metody-raboty-s-suicidalnym-pacientom> (accessed 13.9.2019).
- Bernstein, D.P., Stein, J.A., Newcomb, M.D., Walker, E., Pogge, D., & Ahluvalia, T., et al. (2003). Development and validation of a brief screening version of the Childhood Trauma Questionnaire. *Child Abuse and Neglect*, 27, 169–190. doi: 10.1016/S0145-2134(02)00541-0
- Boudewyn, A.C., & Liem, J.H. (1995). Childhood sexual abuse as a precursor to depression and self-destructive behaviour in adulthood. *Journal of Traumatic Stress*, 8, 445–459. doi: 10.1002/jts.2490080307
- Calam, R.M., Griffiths, R., & Slade, P.D. (1997). Eating disorders, body satisfaction and unwanted sexual experience: U.K., Australian and U.S. data. *European Eating Disorders Review*, 5(3), 158–170. doi: 10.1002/(SICI)1099-0968(199709)5:3<158::AID-ERV197>3.0.CO;2-L
- Crowe, M., & Bunclarke, J. (2000). Repeated self-injury and its management. *International Review of Psychiatry*, 12, 48–53. doi: 10.1080/09540260074120
- Dieserud, G., Roysamb, E., Ekeberg, O., & Kraft, P. (2000). Toward an integrative model of suicide attempt: a cognitive psychological approach. *Suicide Life Threat Behav.* Summer, 31(2), 153–68. doi: 10.1521/suli.31.2.153.21511
- Enikolopov S.N. (2002). Some problems of the psychology of aggressive behavior of children and adolescents. [Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya], 2, 40–45.
- Favazza, A. R. (1989). Self-mutilation and eating disorders. *Suicide and Life-threatening Behaviours*, 19(4), 352–362.
- Feldman M.D. (1988). The challenge of self-mutilation, a review. *Comprehensive Psychiatry*, 29, 252–269. doi: 10.1016/0010-440X(88)90048-X
- Fichman L., Koestner R., Zuroff D.C., & Gordon L. (1999). Depressive styles and the regulation of negative affect: A daily experience study. *Cognitive Therapy & Research*, 23(5), 483–495. doi: 10.1023/A:1018768320680
- Fombonne E. (1998). Suicidal behaviours in vulnerable adolescents: Time trends and their correlates. *British Journal of Psychiatry*, 173, 154–159. doi: 10.1192/bjp.173.2.154
- Fowler J.C., Hilsenroth M.J., & Piers C. (2001). An empirical study of seriously disturbed suicidal patients. *JAPA*, 49(1), 161–186. doi: 10.1177/00030651010490010901
- Furman E. (2003). Some difficulties in diagnosing depression and suicidal tendencies in children (Electronic resource). [Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza]. 1. Retrieved from: <https://psyjournal.ru/articles/nekotorye-trudnosti-diagnostiki-depressii-i-suicidalnyh-tendenciy-u-detej> (accessed 13.09.2019).
- Garanyan N.G., Kholmogorova A.B., & Yudeeva T.Yu. (2001). Perfectionism, depression and anxiety. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 4, 18–49.
- Gleaves, D.H., & Eberenz, K.P. (1994). Sexual abuse histories among treatment resistant bulimia nervosa patients. *International Journal of Eating Disorders*, 15, 227–231. doi: 10.1002/1098-108X(199404)15:3<227::AID-EAT2260150305>3.0.CO;2-B
- Golub M. (1993). The interaction of pathological craving for alcohol and suicidal behaviour: Ph.D. in psychology, thesis. St. Petersburg.
- Gorobets T.N. (1995). Socio-psychological and biological factors of self-destructive behaviour: Ph.D. in psychology, thesis. Moscow.
- Gunderson, J.G. (2001). *Borderline Personality Disorder: A clinical Guide*. Washington DC: American Psychiatric.
- Hastings, T., & Kern, J.M. (1994). Relationships between bulimia, childhood sexual abuse and family environment. *International Journal of Eating Disorders*, 15, 103–111. doi: 10.1002/1098-108X(199403)15:2<103::AID-EAT2260150202>3.0.CO;2-1
- Hawton K., & Fagg J. (1992). Trends in deliberate self-poisoning and self-injury in Oxford, 1976–1992. *British Medical Journal*, 304, 1409–1411. doi: 10.1136/bmj.304.6839.1409
- Henseler H. (2001). The contribution of psychoanalysis to the problem of suicide. [Entsiklopediya glubinnoy psikhologii]. Vol. 2. Moscow, Kogito-Tsentr, 88–103.
- Hyman J.W. (1999). *Women living with self-injury*. Philadelphia: Temple University.
- Kahan J., & Pattison E. (1984). Proposal for a distinctive diagnosis: The deliberate self-harm syndrome. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 14, 17–35. doi: 10.1111/j.1943-278X.1984.tb00334.x
- Kaplan B.I., & Sadok B.J. (1998). *Clinical Psychiatry*. Vol. 1. Moscow, 672.
- Kernberg O. J. The suicidal risk in severe personality disorders: differential diagnosis and treatment. *Personal. Disord.*, Jun. 15(3), 195–208.
- Kopper, B.A., Barrios, F.X., & Chiros, C.E. (1998). The positive and negative suicide ideation inventory: Development and validation. *Psychological Reports*, 82, 783–793. doi: 10.2466/pr0.1998.82.3.783
- Levenkron S. (1998). *Cutting: Understanding and overcoming self-mutilation*. New York: W.W. Norton.
- Linehan M. (1993). *Cognitive-behavioral treatment of borderline personality disorder*. N.Y.: Guilford Press.
- Lipschitz, D.S., Bernstein, D.P., Winegar, R.K., & Southwick, S.M. (1999). Hospitalized adolescents' reports of sexual and physical abuse: A comparison of two self-report measures. *Journal of Traumatic Stress*, 12, 510–537. doi: 10.1023/A:1024717117960
- Low, G., Jones, D., MacLeod, A., Power, M., & Duggan, C. (2000). Childhood trauma, dissociation and self-harming behaviour: A pilot study. *British Journal of Medical Psychology*, 73, 269–278. doi: 10.1348/000711200160363
- Menninger K. (2000). *War with oneself*. Moscow, EKSMO-Press, 480.
- Morgan, J.F., Reid, F., & Lacey, J.H. (1999). The SCOFF questionnaire: Assessment of a new screening tool for eating disorders. *British Medical Journal*, 319, 1467–1468. doi: 10.1136/bmj.319.7223.1467
- Portnov V.A., & Smirnov P.V. (2000). Anticipation of the age of repeated suicidal attempts: materials of the 13th Congress of Psychiatrists of Russia. Moscow.
- Purich-Peyakovich Y., & Dushan Y.D. (2000). *Suicide in adolescents*. Moscow, Meditsina, 168.

- Rickelman B.L., & Houfek J.F. (1995). Toward an interactional model of suicidal behaviors: cognitive rigidity, attributional style, stress, hopelessness, and depression. *Psychiatr. Nurs.*, Jun. 9(3), 158–168. doi: 10.1016/S0883-9417(95)80039-5
- Schwartz, R., Cohen, P., Hoffman, N.G., & Meeks, J.E. (1989). Self-harm behaviours (carving) in female adolescent drug abusers. *Clinical Paediatrics*, 28, 340–346. doi: 10.1177/000992288902800801
- Slade, P. D., Dewey, M. E., Newton, T., Brodie, D., & Kiemle, G. (1990). Development of the body satisfaction scale (BSS). *Psychology and Health*, 4, 213–226. doi: 10.1080/08870449008400391
- Slutsky A.S., & Zanadvorov M.S. (1992). Some psychological and clinical aspects of suicidal behavior. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 1, 77–85.
- Smulevich A.B., Dubnitskaya E.B., & Kozyrev V.N. (2003). Depression and suicidal behaviour. In [A.B. Smulevich *Depressii pri somaticheskikh i psikhicheskikh zabolovaniyakh*]. Moscow, MIA, 191–211.
- Starshenbaum G.V. (1987). Forms and methods of crisis psychotherapy: method. recommendations. Moscow, 20.
- Stepanchenko O.Yu. (1999). Mental rigidity and anxiety as individual factors of suicidal risk: Ph.D. in psychology, thesis. Tomsk, 160.
- Van der Kolk, B. A., Perry, J. C., & Herman, J. L. (1991). Childhood origins of self-destructive behaviour. *American Journal of Psychiatry*, 148, 1665–1676. doi: 10.1176/ajp.148.12.1665
- Wasserman D. (2005). Vain death: causes and prevention of suicide. Moscow, Smysl, 310.
- Wiederman, M.W., Sansone, R.A., & Sansone, L.A. (1999). Bodily self-harm and its relationship to childhood abuse among women in a primary care setting. *Violence Against Women*, 5(2), 155–163. doi: 10.1177/107780129952004
- Yaryura-Tobias J.A., Neziroglu F.A., & Kaplan S. (1995). Self-mutilation, anorexia, and dysmenorrhea in obsessive-compulsive disorder. *International Journal of Eating Disorders*, 17, 33–38. doi: 10.1002/1098-108X(199501)17:1<33::AID-EAT2260170104>3.0.CO;2-2
- Yeo, H. M., & Yeo, W. W. (1993). Repeat deliberate self-harm: A link with childhood sexual abuse? *Archives of Emergency Medicine*, 10, 161–166. doi: 10.1136/emj.10.3.161
- Zila L.M., & Kiselica M.S. (2001). Understanding and Counseling Self-Mutilation in Female Adolescents and Young Adults. *Journal of Counseling and Development*; Winter, 79(1), 46–52. doi: 10.1002/j.1556-6676.2001.tb01942.x
- Eating Disorders, 15, 227–231. doi: 10.1002/1098-108X(199404)15:3<227::AID-EAT2260150305>3.0.CO;2-B
- Gunderson, J.G. (2001). Borderline Personality Disorder: A clinical Guide. Washington DC: American Psychiatric.
- Hastings, T., & Kern, J.M. (1994). Relationships between bulimia, childhood sexual abuse and family environment. *International Journal of Eating Disorders*, 15, 103–111. doi: 10.1002/1098-108X(199403)15:2<103::AID-EAT2260150202>3.0.CO;2-1
- Hawton K., & Fagg J. (1992). Trends in deliberate self-poisoning and self-injury in Oxford, 1976–1992. *British Medical Journal*, 304, 1409–1411. doi: 10.1136/bmj.304.6839.1409
- Hyman J.W. (1999). Women living with self-injury. Philadelphia: Temple University.
- Kahan J., & Pattison E. (1984). Proposal for a distinctive diagnosis: The deliberate self-harm syndrome. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 14, 17–35. doi: 10.1111/j.1943-278X.1984.tb00334.x
- Kernberg O. J. The suicidal risk in severe personality disorders: differential diagnosis and treatment. *Personal. Disord*, Jun. 15(3), 195–208.
- Kopper, B.A., Barrios, F.X., & Chiros, C.E. (1998). The positive and negative suicide ideation inventory: Development and validation. *Psychological Reports*, 82, 783–793. doi: 10.2466/pr0.1998.82.3.783
- Levenkron S. (1998). Cutting: Understanding and overcoming self-mutilation. New York: W.W. Norton.
- Linehan M. (1993). Cognitive-behavioral treatment of borderline personality disorder. N.Y.: Guilford Press.
- Lipschitz, D.S., Bernstein, D.P., Winegar, R.K., & Southwick, S.M. (1999). Hospitalized adolescents' reports of sexual and physical abuse: A comparison of two self-report measures. *Journal of Traumatic Stress*, 12, 510–537. doi: 10.1023/A:1024717117960
- Low, G., Jones, D., MacLeod, A., Power, M., & Duggan, C. (2000). Childhood trauma, dissociation and self-harming behaviour: A pilot study. *British Journal of Medical Psychology*, 73, 269–278. doi: 10.1348/000711200160363
- Morgan, J.F., Reid, F., & Lacey, J.H. (1999). The SCOFF questionnaire: Assessment of a new screening tool for eating disorders. *British Medical Journal*, 319, 1467–1468. doi: 10.1136/bmj.319.7223.1467
- Rickelman B.L., & Houfek J.F. (1995). Toward an interactional model of suicidal behaviors: cognitive rigidity, attributional style, stress, hopelessness, and depression. *Psychiatr. Nurs.*, Jun. 9(3), 158–168. doi: 10.1016/S0883-9417(95)80039-5
- Schwartz, R., Cohen, P., Hoffman, N.G., & Meeks, J.E. (1989). Self-harm behaviours (carving) in female adolescent drug abusers. *Clinical Paediatrics*, 28, 340–346. doi: 10.1177/000992288902800801
- Slade, P. D., Dewey, M. E., Newton, T., Brodie, D., & Kiemle, G. (1990). Development of the body satisfaction scale (BSS). *Psychology and Health*, 4, 213–226. doi: 10.1080/08870449008400391
- Van der Kolk, B. A., Perry, J. C., & Herman, J. L. (1991). Childhood origins of self-destructive behaviour. *American Journal of Psychiatry*, 148, 1665–1676. doi: 10.1176/ajp.148.12.1665
- Wiederman, M.W., Sansone, R.A., & Sansone, L.A. (1999). Bodily self-harm and its relationship to childhood abuse among women in a primary care setting. *Violence Against Women*, 5(2), 155–163. doi: 10.1177/107780129952004
- Yaryura-Tobias J.A., Neziroglu F.A., & Kaplan S. (1995). Self-mutilation, anorexia, and dysmenorrhea in obsessive-compulsive disorder. *International Journal of Eating Disorders*, 17, 33–38. doi: 10.1002/1098-108X(199501)17:1<33::AID-EAT2260170104>3.0.CO;2-2
- Yeo, H. M., & Yeo, W. W. (1993). Repeat deliberate self-harm: A link with childhood sexual abuse? *Archives of Emergency Medicine*, 10, 161–166. doi: 10.1136/emj.10.3.161
- Zila L.M., & Kiselica M.S. (2001). Understanding and Counseling Self-Mutilation in Female Adolescents and Young Adults. *Journal of Counseling and Development*; Winter, 79(1), 46–52. doi: 10.1002/j.1556-6676.2001.tb01942.x

Влияние характеристик семейной системы и индивидуально-психологических особенностей опекуна на эффективность социально-психологической адаптации больных шизофренией

Я.А. Гетманенко

Санкт-Петербургский государственный университет; Городская психиатрическая больница № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова, Санкт-Петербург, Россия.

А.В. Трусова

Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия.

А.Е. Добровольская, А.Г. Софронов

Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, Городская психиатрическая больница № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова, Санкт-Петербург, Россия.

Поступила 2 июля 2019/ Принята к публикации: 6 сентября 2019

The influence of family system and individual psychological characteristics of the caregiver on the effectiveness of socio-psychological adaptation in patients with schizophrenia

Yana A. Getmanenko* St. Petersburg State University, St. Petersburg Skvortsov-Stepanov Psychiatric Hospital 3, St. Petersburg, Russia

Anna V. Trusova Saint Petersburg State University, Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology St. Petersburg, Russia

Alla E. Dobrovol'skaya, Alexandr G. Sofronov North-Western Mechnikov State Medical University, St. Petersburg Skvortsov-Stepanov Psychiatric Hospital 3, St. Petersburg, Russia.

* Corresponding author E-mail: yana.getmanenko@gmail.com

Received July 2, 2019 / Accepted for publication: September 6, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Семья больного шизофренией является важным источником, определяющим его реабилитационный потенциал. С другой стороны, по многочисленным данным, неблагоприятные семейные отношения взаимосвязаны с увеличением числа рецидивов. Заболевание члена семьи выступает мощным стрессовым фактором, оказывающим влияние на всю семейную систему, однако семьи больных различаются по степени возникающих дисфункций. При этом механизмы, лежащие в основе нарушений взаимодействия в данных семьях, остаются не до конца изученными.

Цель. Комплексное исследование выраженности психопатологических симптомов (PANSS), характеристик семейного взаимодействия, описанных в параметрах адаптации и сплоченности (FACES-3), эмоциональной и коммуникативной компетентности (ЭМИн Люсин Д.В), а также жизненной удовлетворенности опекуна (индекс жизненной удовлетворенности Н.В. Панина) в социально-психологической адаптации пациентов (шкала PSP, опросник ВОЗ-КЖ СМ).

Описание хода исследования. Выборку составили 122 человека, объединенные в диады – больной шизофренией и его опекун, который в ходе совместного интервью определялся как лицо, взявшее на себя основные обязанности по уходу за пациентом. Гендерное распределение пациентов: 33 женщины и 28 мужчин, средний возраст $32,5 \pm 9,44$ года ($M \pm SD$), общее число госпитализаций в стационар $5,44 \pm 5,27$, с разбросом 1–20 раз, средняя давность заболевания $9,93 \pm 6,85$. Средний возраст опекуна $53 \pm 11,91$ года. Распределение опекунов по гендерным признакам – 12 мужчин и 49 женщин.

Результаты исследования. По результатам моделирования структурными уравнениями получена модель, свидетельствующая об отрицательном влиянии выраженности негативных и общесоматических симптомов на социальное функционирование пациентов ($p < 0,001$), в то время как более сбалансированные характеристики семейного взаимодействия оказывают суппортивный эффект ($p < 0,001$). Показано, что коммуникативная компетентность опекуна увеличивает сбалансированность семейного взаимодействия ($p < 0,001$).

Выводы. Возможность социальной адаптации пациентов с шизофренией определяются как объективными факторами (выраженность психопатологических симптомов), так и характером семейных дисфункций, которые, в свою очередь, тесно связаны с эмоциональной и коммуникативной компетентностью лиц, взявших на себя обязанности по уходу за пациентами. Поэтому развитие навыков межличностного общения опекунов пациентов может являться одним из направлений комплексных психосоциальных интервенций в семьи больных шизофренией. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на оценку эффективности указанных интервенций и на усовершенствование используемого инструментария, в частности, с использованием экспериментальных методов оценки характера семейного взаимодействия и эмоциональной и коммуникативной компетентности, а также на расширение числа измеряемых параметров (например, когнитивный дефицит пациентов).

Ключевые слова: шизофрения, семейные интервенции, эмоциональная экспрессивность, качество жизни, нагрузка на семью.

Background. Family of schizophrenic patient plays a key role in their psychosocial adaptation. On the other hand, according to numerous data, adverse family relations are associated with high relapse risk. Family member's illness is a severe stress factor for the whole family. However, families differ from each other to the degrees of emerging dysfunctions. Yet mechanisms which underlay interactional disturbances in those families remain unexplored.

Objective. The study represents complex research of the role of symptoms severity, interactional characteristics of a family, which are represented in family flexibility and cohesion parameters (FACES-3), and emotional and communicative competence (Emln Lousin D.V.) as well as life satisfaction of main caregiver in psychosocial adaptation of a patient with schizophrenia.

Design. The paper presents the research of 122 test subjects, paired in dyads – schizophrenic patient (paranoid form) and their major caregiver. Patients gender distribution: 33 female and 28 males, average age 32.5 ± 9.44 ($M \pm SD$), hospitalizations rate – 5.44 ± 5.27 , average illness duration – 9.93 ± 6.85 . Caregiver's genders: 12 males and 49 females. Average major caregiver's age – 53 ± 11.91 .

Results. Derived from structural equations, a model was invented showing that symptoms severity plays negative role in psychosocial adaptation of a patient with schizophrenia ($p < 0.001$), whilst more balanced family characteristics have a supportive effect ($p < 0.001$). Communicative competence of major caregiver increases balance of family characteristics ($p < 0.001$).

Conclusion. The results indicate that the possibilities of social adaptation in patients with schizophrenia are determined by both objective factors (the severity of psychopathological symptoms) and the character of family dysfunctions that are closely associated with the emotional and communicative competence of main caregivers. In this way development of communicational skills in major caregivers may be the part of complex psychosocial interventions into schizophrenic patient's families. Further research in this area may be aimed both at assessing the effectiveness of interventions, and at improving the tools to be used through experimental methods of assessing the family disruptions and emotional and communicative competence, as well as expanding the number of measured parameters (e.g. cognitive deficit of patients) for a more comprehensive understanding of the problem.

Keywords: schizophrenia, family interventions, expressed emotion, quality of life, family burden.

Введение в проблему

Шизофрения является одним из наиболее распространенных психических заболеваний человека, проявляющихся в трудоспособном возрасте. Оно приводит к серьезным материально-ресурсным издержкам государства и создает тяжелую психологическую и материальную нагрузку на ближайшее окружение пациентов (Гурович, Шмуклер, 2007; Martens, Addington, 2001). Современные исследо-

вания, проводимые в рамках биопсихосоциальной модели, во многом сфокусированы на оценке влияния социальных факторов, которые рассматриваются как связанные с характером психопатологических проявлений и их динамикой (Пашковский и др., 2017; Софронов и др., 2018). За последние полвека взгляды на роль семьи и социального окружения больных шизофренией претерпели серьезные изменения – от психоаналитических концепций, рассматривающих

условия раннего детского опыта взаимоотношений со значимыми другими в качестве фактора, провоцирующего развитие заболевания, до современного подхода, считающего, что близкие больные шизофренией – это люди, во многом определяющие реабилитационный потенциал пациента, на которых обычно ложится бремя нагрузки, связанной с необходимостью ухода за болеющим родственником, и потому нуждающиеся в многоуровневой информационной, материальной и социально-психологической поддержке (Seeman, 2009; Veltman et al., 2002). Таким образом, в последние годы интенсивное развитие получило новое направление клинической психологии – клиническая психология семьи. Ее основной задачей является разработка методов психологического воздействия, направленных на лечение пациента в семье и при помощи семьи, а также на оптимизацию семейных взаимоотношений (методов семейной психотерапии и психокоррекции) (Зверева, Рощина, 2012; Красильникова, Никольская, 2012).

В зарубежных исследованиях широкое распространение получил термин *main caregiver* – наиболее близкий по смыслу перевод на русский «основной попечитель» или «опекун». Это человек, на которого ложится основная нагрузка при оказании помощи больным шизофренией в повседневной жизни (Lauber et al., 2003). В отечественной практике в подавляющем большинстве случаев – это близкий член семьи больного, типичными обязанностями которого являются уход за ним, обеспечение его(ее) бытовых потребностей, организация приема лекарств, взаимодействие с медицинскими специалистами, представителями власти/администрации и т.п.

Роль такого лица в обеспечении повседневной жизни пациентов, страдающих шизофренией, трудно переоценить. И в то время как в развитых обществах роль опекуна все в большей степени признается важной как в функциональном, так и в экономическом отношении, в России эти лица, как правило, не имеют достаточной поддержки, причем, не только в социальном или экономическом плане, но даже и в информационном.

Основным изучаемым феноменом, связанным с динамикой болезненного состо-



Яна Александровна Гетманенко – аспирант кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета, клинический психолог городской психиатрической больницы № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова (г. Санкт-Петербург)
E-mail: yana.getmanenko@gmail.com



Анна Владимировна Трусова – кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева (г. Санкт-Петербург)
E-mail: anna.v.trusova@gmail.com
<http://www.psy.spbu.ru/department/teachers/31-2013-05-27-14-16-12/2013-05-27-14-54-55/623-trusova-av>



Алла Евгеньевна Добровольская – кандидат медицинских наук, заместитель главного врача городской психиатрической больницы № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова, доцент кафедры психиатрии и наркологии Северо-Западного государственного медицинского университета имени И.И. Мечникова (г. Санкт-Петербург)
E-mail: maxmmm@yandex.ru
<http://szgmu-psychiatry.ru/a.v.-dobrovolskaya>



Александр Генрихович Софронов – доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный врач городской психиатрической больницы № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова, заведующий кафедрой психиатрии и наркологии Северо-Западного государственного медицинского университета имени И.И. Мечникова (г. Санкт-Петербург)
E-mail: alex-sofronov@yandex.ru
<http://szgmu-psychiatry.ru/a.g.-sofronov>

яния пациента, живущего в семье, является эмоциональная экспрессивность, определяющаяся высотой разговорного тона, количеством критических высказываний в рутинном семейном взаимодействии и уровнем эмоциональной вовлеченности членов семьи в жизнь пациента. Повышенная эмоциональная экспрессивность связывается с увеличением частоты госпитализаций, невысокой осведомленностью членов семьи об особенностях заболевания и низким комплаенсом (Wang et al., 2017; Wearden et al., 2000). Эмоциональная экспрессивность связывается также со значительной нагрузкой на семью (Lauber et al., 2003). Последняя, в свою очередь, во многом определяется такими индивидуально-психологическими характеристиками опекуна, как негативное восприятие заболевания и своей роли, использование дезадаптивных копинг-стратегий, субъективная оценка собственных ресурсов как недостаточных для борьбы с заболеванием (Parabiaghi et al., 2007). Значительное же увеличение бремени семьи ассоциируется с большей выраженностью психопатологической симптоматики и сниженным социальным функционированием пациента (Martorell et al., 2007; Pakenham et al., 2007).

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о взаимосвязи индивидуально-психологических характеристик основного опекуна и с объективными клиническими данными о пациенте, и с семейной динамикой, социальным функционированием и качеством жизни пациента. Более углубленные исследования в данной области могут помочь выделить факторы, оптимизирующие психологическое и социальное функционирование пациентов с шизофренией и разработать дифференцированные семейные интервенции с учетом мирового опыта реализации социально-психологических и психообразовательных программ. Данный опыт свидетельствует о большей эффективности индивидуализированных подходов, по сравнению с типовыми (Degnan et al., 2018).

Исследования индивидуально-психологических характеристик ближайшего окружения больных относительно немногочисленны. Показано, что нормальные когнитивные способности опекунов больных шизофренией пре-

деляют более полное осознание ими наличия у родственника психического заболевания. Однако их связь с эмоциональной экспрессивностью и осведомленностью о заболевании не обнаруживается (Macgregor et al., 2017). Существует

Основным изучаемым феноменом, связанным с динамикой болезненного состояния пациента, живущего в семье, является эмоциональная экспрессивность, определяющаяся высотой разговорного тона, количеством критических высказываний в рутинном семейном взаимодействии и уровнем эмоциональной вовлеченности членов семьи в жизнь пациента

множество данных, свидетельствующих о нарушениях эмоционального интеллекта у больных шизофренией и о связи этих нарушений со снижением социального функционирования пациентов (Рычкова, Холмогорова, 2014; Рычкова, 2013). Исследования не имеющих нарушений психотического уровня ближайших родственников пациентов также свидетельствуют о снижении показателей эмоционального интеллекта в данной когорте (Lavoie et al., 2013), что позволило исследователям рассматривать его в качестве эндофенотипического фактора шизофрении (Albacete et al., 2016). При этом психологический аспект проблемы остается не до конца изученным – работ по оценке влияния социального и эмоционального функционирования ближайшего окружения на семейную динамику и течение болезненного процесса у родственника нами обнаружено не было.

Проведение исследования

Цель исследования: изучение взаимосвязи индивидуально-психологических характеристик опекуна, семейных дисфункций и уровня социально-психологической адаптации взрослых больных шизофренией.

Выборку составили 122 человека, объединенные в диады – больные шизофренией обоего пола и их основной опекун, который после беседы с пациентом и членами его семьи определялся как лицо, взявшее на себя основные обязан-

ности по уходу за пациентом. Гендерное распределение пациентов: 33 женщины и 28 мужчин. Средний возраст пациентов $32,5 \pm 9,44$ года ($M \pm SD$). Общее число госпитализаций в стационар $5,44 \pm 5,27$, с разбросом 1–20 раз. Средняя давность

заболевания $9,93 \pm 6,85$ лет. Средний возраст опекуна $53 \pm 11,91$ года. Распределение опекунов по гендерным признакам – 12 мужчин и 49 женщин.

Использовались следующие методики исследования.

Для пациентов:

- 1) Шкала оценки позитивных и негативных синдромов // The Positive and Negative Syndrome Scale – PANSS (Kay et al., 1987);
- 2) Шкала оценки социального функционирования PSP (Morosini et al., 2000);
- 3) Опросник качества жизни для больных шизофренией КЖ-СМ // WHOQOL-100 (Division of Mental Health, WHO) (Geneva, 1995) в адаптации (Козловский, Масловский, 2011);
- 4) Тест эмоционального интеллекта ЭМИн (Люсин, 2006).

Для опекунов:

- 1) Для оценки индивидуально-психологических характеристик лиц, осуществляющих основной уход за пациентами применялись:
 - а) Тест эмоционального интеллекта ЭМИн (Люсин, 2006);
 - б) Шкала оценки жизненной удовлетворенности ИЖУ // The measurement of life satisfaction (Neugarten, 1961) в адаптации (Панина, 1993);
 - 2) Для изучения особенностей внутрисемейного взаимодействия использовался Опросник семейной адаптации и сплоченности // FACES-3 (Olson et al., 1985) в адаптации (Эйдемиллер, 2003).
- Статистическая обработка данных** проводилась с использованием язы-

Имеющиеся данные свидетельствуют о взаимосвязи индивидуально-психологических характеристик основного опекуна и с объективными клиническими данными о пациенте, и с семейной динамикой, социальным функционированием и качеством жизни пациента

ка программирования R (версия 3.5.1). Количественные данные описывались средним и стандартным отклонением ($M \pm \sigma$). Медианой и 25–75 перцентилем ($Md[Q1;Q3]$) описывались как поряд-

ковые, так и количественные данные. Категориальные показатели были описаны абсолютными значениями и долями от целого $n(\%), (\%)$. Для оценки влияния группирующей переменной на распреде-

ление зависимых переменных использовалась логистическая регрессия, которая характеризовалась статистикой хи-квадрат. Сравнение показателей с нормой осуществлялось при помощи одновыборочного критерия Манна-Уитни. Коэффициенты корреляции вычислялись по методу Спирмена. Моделирование структурными уравнениями производилось при помощи библиотеки lavaan. В качестве характеристик модели использовались CFI, RSMEA, SRMR, хи-квадрат. Результаты признавались статистически значимыми при вероятности ошибки первого рода (p) менее 0.05. Для статистической обработки использовался язык программирования R v3.6.0.

Табл. 1. Описательная статистика клинико-психологических характеристик исследуемой выборки

Показатель	N	N (%)	Mean	SD	Median	q1	q3
PANSS Позитивные симптомы	-	-	13.46	3.53	13.0	11.0	16.0
PANSS Негативные симптомы	-	-	23.74	7.18	25.0	18.0	30.0
PANSS Композитный индекс	-	-	-10.33	6.43	-11.0	-14.0	-6.0
PANSS Общесоматические нарушения	-	-	30.49	8.14	29.0	.0	36.0
PANSS общий	-	-	67.66	16.03	66.0	55.0	80.0
PSP пациент	-	-	58.48	16.13	59.0	47.0	71.0
КЖ-СМ пациент	-	-	188.16	29.41	186.0	171.0	206.0
ЭМин пациент межличностный	-	-	36.90	8.81	36.0	31.0	43.0
ЭМин пациент внутриличностный	-	-	44.28	10.50	44.0	37.0	53.0
ЭМин пациент общий	-	-	81.18	17.71	80.0	68.0	91.0
ИЖУ опекун	-	-	22.69	6.35	22.0	18.0	27.0
ЭМин межличностный компонент опекун	-	-	39.52	6.61	39.0	34.0	43.0
ЭМин внутриличностный опекун	-	-	50.75	6.64	51.0	46.0	4.0
ЭМин общий показатель опекун	-	-	90.15	11.55	89.0	83.0	9.0

Примечание: N – абсолютные значения; N(%) – доли от целого; Mean – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение; Median – медианное значение; q1 – 25 перцентиль; q3 – 75 перцентиль.

Table 1. Descriptive statistics of the clinical and psychological characteristics of the sample

Indicator	N	N (%)	Mean	SD	Median	q1	q3
PANSS Positive Symptoms	-	-	13.46	3.53	13.0	11.0	16.0
PANSS Negative Symptoms	-	-	23.74	7.18	25.0	18.0	30.0
PANSS Composite Index	-	-	-10.33	6.43	-11.0	-14.0	-6.0
PANSS General somatic disorders	-	-	30.49	8.14	29.0	24.0	36.0
PANSS Total	-	-	67.66	16.03	66.0	55.0	80.0
PSP Patient	-	-	58.48	16.13	59.0	47.0	71.0
QOL patient	-	-	188.16	29.41	186.0	171.0	206.0
EQ patient interpersonal	-	-	36.90	8.81	36.0	31.0	43.0
EQ patient intrapersonal	-	-	44.28	10.50	44.0	37.0	53.0
EQ patient general	-	-	81.18	17.71	80.0	68.0	91.0
LSI caregiver	-	-	22.69	6.35	22.0	18.0	27.0
EQ interpersonal component caregiver	-	-	39.52	6.61	39.0	34.0	43.0
EQ intrapersonal caregiver	-	-	50.75	6.64	51.0	46.0	4.0
EQ total caregiver rate	-	-	90.15	11.55	89.0	83.0	9.0

NB: N – absolute values; N (%) – fractions of the whole; Mean – arithmetic mean; SD – standard deviation; Median – median value; q1 – 25 percentile; q3 – 75 percentile.

Табл. 2. Сравнение данных методики ЭМин с нормативными показателями

Показатель	Median	q1	q3	U	P
Эмин Межличностный пациент	3,0	1,0	5,0	261,0	<0,001
Эмин Внутриличностный пациент	5,0	4,0	7,0	778,5	0,277
Эмин Межличностный опекун	4,0	2,0	5,0	215,5	<0,001
Эмин Внутриличностный опекун	7,0	6,0	8,0	1139,0	<0,001

Table 2. Comparison of EQ methodology data with standard indicators

Indicator	Median	q1	q3	U	P
EQ Межличностный пациент	3.0	1.0	5.0	261.0	<0.001
EQ Внутриличностный пациент	5.0	4.0	7.0	778.5	0.277
EQ Межличностный опекун	4.0	2.0	5.0	215.5	<0.001
EQ Внутриличностный опекун	7.0	6.0	8.0	1139.0	<0.001

Результаты исследования

В таблице 1 представлены клинико-психологические характеристики выборки, полученные с использованием заявленных методов исследования.

Дополнительно к показателям таблицы 1 следует указать, что пациенты из исследуемой выборки имеют следующие клинико-психологические показатели: минимальный общий показатель выраженности симптоматики PANSS – 37 баллов, максимальный – 108, что свидетельствует о пребывании пациентов на момент обследования вне фазы острого психотического состояния (от 120 баллов). Минимальное значение показателя социального функционирования пациентов – 31 балл – значительные нарушения, максимальное – 88 – незначительные нарушения, что свидетельствует о достаточно широком охвате пациентов в данном исследовании. Показатели эмоционального интеллекта пациентов относительно невысоки и соответствуют диапазону (3–5 стенов). Средний показатель качества жизни пациентов из исследуемой выборки зафиксирован на среднем уровне. Полученные данные свидетельствуют о том, что опекуны пациентов так же демонстрируют показатели удовлетворенности жизнью, соответствующие среднему диапазону значений. Средние показатели внутриличностного компонента эмоционального интеллекта среди опекунов пациентов соответствуют диапазону высоких значений (7 стенов). При этом по-

казатели межличностного компонента ЭИ значительно ниже и соответствуют диапазону невысоких значений (4 степеней).

Учитывая достаточно мощную критику самооценочных методов измерения эмоционального интеллекта, мы сравнивали полученные в исследовании данные пациентов и их опекунов, имеющих родственные связи, по методике ЭИИ (Люсин, 2006) со средними нормативными значениями. Опекуны, не состоящие в прямом родстве с пациентом, были исключены из анализа. Это обусловлено необходимостью проверки полученных данных и соотнесения их с результатами исследований, рассматривающих эмоциональный интеллект в качестве эндотипического фактора шизофрении, что необходимо для выявления адекватности использования этого метода в работе с исследуемой выборкой. Полученные результаты представлены ниже.

Показано статистически достоверное снижение показателей межличностного компонента эмоционального интеллекта среди опекунов, имеющих родственные связи с пациентом. В то же время, отмечается достоверное повышение их показателей внутриличностного компонента ЭИ. Данные об ЭИ пациентов также не вполне однозначны – показано достоверное снижение показателей межличностного компонента, тогда как внутриличност-

Табл. 3. Данные методики FACES-3

Тип сплоченности	N	N(%)
Разобщенный	42	68.85
Разделенный	15	24.59
Связанный	4	6.56
Сцепленный	0	0
Тип адаптации	N	N(%)
Ригидный	3	4.92
Структурный	5	8.2
Гибкий	9	14.75
Хаотичный	44	72.13
Тип системы	N	N(%)
Среднесбалансированный	31	50.82
Несбалансированный (экстремальный)	30	49.18

Table 3. FACES-3 Method data

Unity Rate	N	N(%)
Disunited	42	68.85
Disjunct	15	24.59
Connected	4	6.56
Linked	0	0
Adaptation Type	N	N(%)
Rigid	3	4.92
Structural	5	8.2
Flexible	9	14.75
Chaotic	44	72.13
System Type	N	N(%)
Medium balanced	31	50.82
Unbalanced (extreme)	30	49.18

ный компонент не отличается от данных, полученных на здоровой выборке. Таким образом, имеющиеся данные нуждаются в

уточнении и ставят под сомнение возможность включения шкалы «Внутриличностный ЭИ» в дальнейший анализ данных.

Табл. 4. Описательная таблица с группирующим фактором «сбалансированность семейной системы»

Показатель	Несбалансированный тип				Сбалансированный тип				χ^2	P	Log (odd)	s.e.
	N	%	Mean	SD	N	%	Mean	SD				
Пол пациента женский	16	53	-	-	17	55	-	-	-	-	-	-
Пол пациента мужской	14	47	-	-	14	45	-	-	-	-	-	-
Возраст пациента	-	-	34	9.7	-	-	31	8.9	3.27	0.070	-	-
Число госпитализаций	-	-	6.1	5.9	-	-	4.8	4.7	0.62	0.430	-	-
Давность заболевания	-	-	11	6.6	-	-	8.8	7.0	2.55	0.110	-	-
PANSS Позитивные симптомы	-	-	13	3.6	-	-	14	3.5	0.03	0.854	-	-
PANSS Негативные симптомы	-	-	26	6.3	-	-	21	7.1	9.73	0.002	-1.52	0,49
PANSS Композитный индекс	-	-	-13	5.7	-	-	-7.8	6.1	12.28	<0.001	1,75	0,50
PANSS Другие нарушения	-	-	34	7.5	-	-	28	7.7	8.28	0.004	-1,36	0,47
PANSS Общий	-	-	73	15	-	-	62	15	7.64	0.006	-1,30	0,47
PSP пациент	-	-	49	11	-	-	68	15	21.11	<0.001	2,51	0,55
КЖ-СМ пациент	-	-	180	24	-	-	196	32	5.29	0.021	1,07	0,46
ЭИИИ пациент межличностный	-	-	35	7.9	-	-	39	9.4	1.65	0.198	-	-
ЭИИИ пациент внутриличностный	-	-	42	11	-	-	46	10	3.57	0.059	-	-
ЭИИИ пациент общий балл	-	-	77	17	-	-	85	17	3.94	0.047	0,92	0,46
ИЖУ опекун	-	-	20	4.5	-	-	25	6.9	9.77	0.002	1,52	0,49
ЭИИИ Межличностный опекун	-	-	36	5.6	-	-	43	5.3	25.16	<0.001	3,17	0,63
ЭИИИ Внутриличностный опекун	-	-	48	5.7	-	-	53	6.4	12.23	<0.001	1,72	0,49
ЭИИИ Общий балл опекун	-	-	83	9.4	-	-	97	9.7	20.42	<0.001	2,47	0,55

Для цитирования: Гетманенко Я.А., Трусова А.В., Добровольская А.Е., Софронов А.Г. Влияние характеристик семейной системы и индивидуально-психологических особенностей опекуна на эффективность социально-психологической адаптации больных шизофренией // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 101–112. doi: 10.11621/npsyj.2019.0311

For citation: Getmanenko Ya.A., Trusova A.V., Dobrovolskaya A.E., Sofronov A.G. (2019). The influence of family system and individual psychological characteristics of the caregiver on the effectiveness of socio-psychological adaptation in patients with schizophrenia. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], (12)3, 101–112. doi: 10.11621/npsyj.2019.0311

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

Table 4. Descriptive table with a grouping factor «balance of the family system»

Indicator	Unbalanced Type				Balanced Type				χ^2	P	Log (odd)	s.e.
	N	%	Mean	SD	N	%	Mean	SD				
Female gender	16	53	-	-	17	55	-	-	-	-	-	-
Male gender	14	47	-	-	14	45	-	-	-	-	-	-
Age	-	-	34	9.7	-	-	31	8.9	3.27	0.070	-	-
Number of hospitalizations	-	-	6.1	5.9	-	-	4.8	4.7	0.62	0.430	-	-
Disease duration	-	-	11	6.6	-	-	8.8	7.0	2.55	0.110	-	-
PANSS Positive Symptoms	-	-	13	3.6	-	-	14	3.5	0.03	0.854	-	-
PANSS Negative Symptoms	-	-	26	6.3	-	-	21	7.1	9.73	0.002	-1.52	0.49
PANSS Composite Index	-	-	-13	5.7	-	-	-7.8	6.1	12.28	<0.001	1,75	0,50
PANSS Other Disturbances	-	-	34	7.5	-	-	28	7.7	8.28	0.004	-1,36	0,47
PANSS Total	-	-	73	15	-	-	62	15	7.64	0.006	-1,30	0,47
PSP Patient	-	-	49	11	-	-	68	15	21.11	<0.001	2,51	0,55
QOL Patient	-	-	180	24	-	-	196	32	5.29	0.021	1,07	0,46
EQ Patient Interpersonal	-	-	35	7.9	-	-	39	9.4	1.65	0.198	-	-
EQ Patient Intrapersonal	-	-	42	11	-	-	46	10	3.57	0.059	-	-
EQ Patient Total score	-	-	77	17	-	-	85	17	3.94	0.047	0,92	0,46
LSI caregiver	-	-	20	4.5	-	-	25	6.9	9.77	0.002	1,52	0,49
EQ Interpersonal caregiver	-	-	36	5.6	-	-	43	5.3	25.16	<0.001	3,17	0,63
EQ Intrapersonal caregiver	-	-	48	5.7	-	-	53	6.4	12.23	<0.001	1,72	0,49
EQ Total score caregiver	-	-	83	9.4	-	-	97	9.7	20.42	<0.001	2,47	0,55

Ниже представлена описательная статистика категориальных переменных, полученных в результате оценки семейной динамики методикой FACES-3. Как следует из данных, приведенных в таблице 3, показатели сплоченности в семьях больных шизофренией в большинстве случаев имеют тенденцию к снижению в сторону значительной разобщенности ее членов. Большая часть семей имеет экстремально низкие показатели семейной сплоченности, в то время как ни одна из исследованных семей не продемонстрировала ее высоких значений. Наиболее распространенный тип семейной адаптации в данной выборке – хаотичный (72% наблюдений), при этом отмечается постепенное уменьшение числа наблюдений по мере увеличения адаптационных возможностей семьи.

Как следует из данных таблицы 3, полученные результаты методики FACES разделяют выборку на две подгруппы по показателю сбалансированности семейной системы. 31 пара испытуемых (50,8%) была отнесена к среднесбалансированному типу, 30 пар (49,2%) – к несбалансированному (экстремальному) типу. Ни одна из исследованных семей не была отнесена к гармоничному (сбалансированному) типу. Поскольку в литературе имеется большой объем данных о значительной роли семейных дисфункций

в течении шизофренического процесса, фактор сбалансированности семейной системы выступал группирующим фактором при дальнейшем анализе результатов.

Полученные данные свидетельствуют о том, что пациенты, проживающие в более сбалансированных семьях, имеют меньшую выраженность негативной симптоматики ($p < 0.05$), общесоматических симптомов ($p < 0.05$) и более низкий суммарный балл по методике PANSS ($p < 0.05$). При этом выраженность позитивной симптоматики как клиническая характеристика заболевания, имеющая меньшую устойчивость и способная значительно редуцироваться под влиянием медикаментозного лечения, с типом семейной системы не связана ($p = 0.854$). Обнаружено также отсутствие достоверной связи между типом семейной системы и такими объективными показателями, как длительность заболевания пациента ($p = 0.11$) и общее число госпитализаций ($p = 0.43$), что позволяет сделать выводы о не первостепенной роли объективных клинических характеристик заболевания в нарушениях семейного взаимодействия. Результаты статистического анализа также демонстрируют, что уровень социального функционирования ($p < 0.001$) и качества жизни ($p < 0.05$) пациентов из среднесбалансированных семей выше,

чем у пациентов из семей, имеющих экстремальную структуру.

Как следует из данных таблицы 4, достоверные различия были получены для показателя общего эмоционального интеллекта – проживающие в более сбалансированных семьях пациенты имеют достоверно более высокий суммарный балл ($p < 0.05$). При этом различия для межличностного ($p = 0.198$) и внутриличностного ($p = 0.059$) компонентов эмоционального интеллекта в данном исследовании были обнаружены только на уровне тенденции.

Были получены различия между индивидуально-психологическими характеристиками опекунов пациентов в зависимости от типа семейной системы. Так, показатели эмоционального интеллекта опекунов из среднесбалансированных семей оказались существенно выше, как по суммарному значению, так и отдельно для его межличностного ($p < 0.001$) и внутриличностного ($p < 0.001$) компонентов. Другим статистически значимым межгрупповым различием опекунов больных шизофренией является степень их удовлетворенности жизнью, которая определяется как пребывание в состоянии психологического комфорта и социальной адаптированности – больший показатель продемонстрировали представители среднесбалансированного типа семейной системы ($p = 0.002$).

Табл. 5. Статистические коэффициенты моделей

Переменные	Модель 1	Модель 2	Итоговая модель
СФ ~ П	-0,017(0,050), z=-0,33, (p=0,742)	-0,007(0,054), z=-0,13, (p=0,894)	
СФ ~ Н	-0,069(0,029), z=-2,35, (p=0,019)	-0,109(0,024), z=-4,50, (p<0,001)	-0,094(0,016), z=-5,85, (p<0,001)
СФ ~ Д	-0,077(0,027), z=-2,88, (p=0,004)	-0,050(0,023), z=-2,22, (p=0,026)	-0,067(0,012), z=-5,67, (p<0,001)
СФ ~ М	0,014(0,023), z=0,62, (p=0,536)	-0,068(0,025), z=-2,67, (p=0,008)	-0,003(0,008), z=-0,42, (p=0,675)
СФ ~ В	0,013(0,031), z=-0,42, (p=0,675)	-0,030(0,028), z=-1,06, (p=0,289)	
СФ ~ ИЖУ	0,033(0,032), z=1,03, (p=0,305)	0,014(0,023), z=0,60, (p=0,546)	
СФ ~ FACES	0,926(0,409), z=2,26, (p=0,024)	0,737(0,070), z=10,53, (p<0,001)	0,556(0,065), z=8,50, (p<0,001)
FACES ~ М		0,164(0,027), z=6,07, (p<0,001)	0,085(0,003), z=25,54, (p<0,001)
FACES ~ В		0,038(0,019), z=1,96, (p=0,050)	
FACES ~ ИЖУ		0,002(0,028), z=0,09, (p=0,928)	
медиация := a*b			0,047(0,006), z=7,42, (p<0,001)
total := c+a*b			0,044(0,008), z=5,48, (p<0,001)
chi	$\chi^2=0,000$, df=38,000, p=1,000	$\chi^2=65,630$, df=42,000, p=0,011	$\chi^2=26,366$, df=41,000, p=0,963
rmsea	0,000, p=1,000	0,097, p=0,059	0,000, p=0,990
srmr	0,000	0,207	0,131
cfi	1,000	0,000	1,000

Table 5. Statistical Model Coefficients

Variables	Model 1	Model 2	Final Model
SF ~ P	-0.017(0.050). z=-0.33. (p=0.742)	-0.007(0.054). z=-0.13. (p=0.894)	
SF ~ N	-0.069(0.029). z=-2.35. (p=0.019)	-0.109(0.024). z=-4.50. (p<0.001)	-0.094(0.016). z=-5.85. (p<0.001)
SF ~ D	-0.077(0.027). z=-2.88. (p=0.004)	-0.050(0.023). z=-2.22. (p=0.026)	-0.067(0.012). z=-5.67. (p<0.001)
SF ~ Ire	0.014(0.023). z=0.62. (p=0.536)	-0.068(0.025). z=-2.67. (p=0.008)	-0.003(0.008). z=-0.42. (p=0.675)
SF ~ Ira	-0.013(0.031). z=-0.42. (p=0.675)	-0.030(0.028). z=-1.06. (p=0.289)	
SF ~ QOL	0.033(0.032). z=1.03. (p=0.305)	0.014(0.023). z=0.60. (p=0.546)	
SF ~ FACES	0.926(0.409). z=2.26. (p=0.024)	0.737(0.070). z=10.53. (p<0.001)	0.556(0.065). z=8.50. (p<0.001)
FACES ~ Ire		0.164(0.027). z=6.07. (p<0.001)	0.085(0.003). z=25.54. (p<0.001)
FACES ~ Ira		0.038(0.019). z=1.96. (p=0.050)	
FACES ~ QOL		0.002(0.028). z=0.09. (p=0.928)	
Mediation:= a*b			0.047(0.006). z=7.42. (p<0.001)
total := c+a*b			0.044(0.008). z=5.48. (p<0.001)
chi	$\chi^2=0.000$. df=38.000. p=1.000	$\chi^2=65.630$. df=42.000. p=0.011	$\chi^2=26.366$. df=41.000. p=0.963
rmsea	0.000. p=1.000	0.097. p=0.059	0.000. p=0.990
srmr	0.000	0.207	0.131
cfi	1.000	0.000	1.000

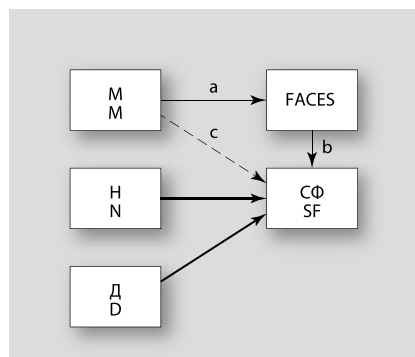
Дальнейший статистический анализ включал в себя переменные, имеющие наиболее достоверные межгрупповые различия. Для оценки комплексного влияния клинических и средовых факторов на социальное функционирование пациентов была сформулирована гипотеза о непосредственном конкурирующем влиянии выраженности симптомов, семейных дисфункций и индивидуально-личностных характеристик опекуна на возможности социальной адаптации пациента. Полученная модель подтверждала значительное влияние выраженности симптомов и семейных дисфункций на снижение возможностей социальной

адаптации пациентов. При этом роль индивидуально-личностных характеристик опекуна оценивалась как незначимая. Статистические коэффициенты модели представлены в таблице 5. Однако, учитывая значительные межгрупповые различия по индивидуально-личностным характеристикам опекунов, было предположено, что данные характеристики могут оказывать влияние на социальное функционирование пациента через фактор сбалансированности семейной системы (фактор FACES оказывает медирующее влияние). Коэффициенты полученной в результате проверки данной гипотезы модели (модель 2) и итоговой

модели, исключающей все незначимые переменные, приведены в таблице 5.

Для большей наглядности, итоговая модель взаимосвязи переменных представлена на рисунке 1.

Таким образом, итоговая модель взаимосвязи исследуемых факторов свидетельствует о значительном отрицательном влиянии выраженности негативных и общесоматических симптомов на социальное функционирование пациентов, в то время как более сбалансированные семейные динамические процессы оказывают суппортивный эффект. Взаимосвязь между эмоциональным интеллектом опекуна и социальным функ-



Примечание: CF – социальное функционирование пациента (PSP); H – негативные симптомы (PANSS); D – другие нарушения (общесоматические) (PANSS); M – межличностный ЭИ опекуна; FACES – среднесбалансированный тип семьи. Полу жирным выделены негативные эффекты, обычным шрифтом – положительные; пунктирная линия – отсутствие связи.

NB: SF – social functioning of the patient (PSP); N – negative symptoms (PANSS); D – other disorders (somatic) (PANSS); M – interpersonal EQ caregiver; FACES – medium balanced family type. Bold highlighted negative effects, normal font – positive; dashed line – lack of communication.

Рис. 1. Итоговая модель взаимосвязи индивидуально-личностных характеристик опекуна, семейной динамики, выраженности симптоматики и социального функционирования пациента

Fig. 1. Final model of the relationship of the individual-personality characteristics of the caregiver, family dynamics, severity of symptoms and social functioning of the patient

ционированием пациента полностью медируется фактором семейной динамики – повышение ЭИ опекуна ассоциировано с большей сбалансированностью семейной системы.

Обсуждение результатов исследования

Несмотря на отсутствие актуальных отечественных исследований социально-демографических характеристик лиц, осуществляющих уход за пациентами, и относительно небольшой объем исследованной нами выборки, попробуем составить предварительный «портрет» среднего представителя данной группы. Опекуном пациента больного шизофренией в России в основном является мать – женщина в возрасте от 42 до 64 лет, имеющая образование не ниже среднего специального, продолжающая трудовую

деятельность и проживающая совместно с пациентом. Указанные параметры целесообразно повторно проанализировать на более объемной выборке и дополнить данными, в частности, о семейном положении и социально-бытовой и материальной обеспеченности.

Нами получены неконсистентные данные относительно отсутствия снижения внутриличностного компонента эмоционального интеллекта как у самих больных, так и у их родственников на фоне достоверного снижения его межличностного компонента в обеих группах. Эти данные опровергают гипотезу о том, что результаты самооценочных методов оценки эмоционального интеллекта в большей степени связаны с представлениями индивида о своей личностной самоэффективности. В подобном случае, следовало бы ожидать равномерного снижения или повышения результатов, что соотносится с данными автора опросника, который математически показывает наличие достоверных корреляций между двумя основными компонентами ЭИ на здоровой выборке. Полученные данные, безусловно, нуждаются в дополнительном уточнении как посредством увеличения числа наблюдений, так и внедрением дополнительных методов оценки с целью прояснения причин обнаруженных различий. На сегодня рабочая гипотеза состоит в том, что обнаруженный феномен может быть связан с невысоким уровнем самопонимания и недостаточным развитием навыков саморефлексии в исследуемых группах. С такой точки зрения, оценка своих взаимоотношений и навыков коммуникации с окружающими людьми представляется более легкой задачей, чем предположительно. Тем самым объясняются достоверные снижения показателей шкалы межличностного эмоционального интеллекта.

В настоящей работе выявлен не только высокий процент нарушений семейной динамики среди испытуемых, но и их направление. Так, если говорить о факторе семейной сплоченности, который понимается как степень эмоциональной связи между членами семьи, то полученные на нашей выборке данные свидетельствуют об их значительной сепарированности и эмоциональной независимости

друг от друга, в большинстве случаев достигающей критических значений (разобщенный тип). Аналогичных отечественных исследований с использованием данного метода обнаружено не было, однако результаты работ, произведенных с использованием других методик оценки семейных взаимоотношений в данной нозологической группе (Коновалова, Холмогорова, 2013) демонстрируют сопоставимые результаты. Так, показано, что члены семей больных расстройствами шизофренического спектра, демонстрируют тенденцию к образованию внутрисистемных коалиций, наличие которых само по себе дисфункционально и не связано с эмоциональной близостью между членами семьи, которая снижается по мере течения заболевания. С другой стороны, в настоящем исследовании получены данные о преобладании экстремально низких значений показателей семейной адаптации, которые характеризуют семью как не имеющую четкой иерархии, лидера и отражают низкую ответственность членов семьи за принятие решений и выполнение семейных обязательств. Эти результаты расходятся с данными, полученными в уже упомянутом исследовании (Коновалова, Холмогорова, 2013). Там, напротив, выявлено увеличение семейной иерархичности по мере развития и течения заболевания. По данным автора опросника, хаотичные уровни семейной адаптации, с которыми они очень часто встречались в данном исследовании, могут являться следствием пребывания семейной системы в стрессовом состоянии. Если учитывать тот факт, что набор материала для настоящего исследования осуществлялся в условиях стационарирования пациентов, выступающего значительным стрессом для семьи и требующего перестройки семейных отношений, иерархии и перераспределения обязанностей, то обнаружение экстремальных уровней дезадаптации семьи представляется вполне естественным. Тем не менее, далеко не все семьи обнаружили столь низкие показатели. Таким образом, целью данной работы является попытка поиска объяснений обнаруженных различий.

Данные о наличии снижения показателей эмоционального интеллекта больных шизофренией хорошо представле-

ны в литературе (Рычкова, Холмогорова, 2014). Это согласуется с результатами текущего исследования, выявившего на основе анализа самоотчета пациентов недостаточность межличностного компонента ЭИ. Убедительных данных о межгрупповых различиях в зависимости от типа семейной системы, в которой функционирует пациент, в настоящем исследовании получено не было. Показано, что пациенты достоверно различаются только по общему показателю эмоционального интеллекта, который не рекомендуется автором опросника для самостоятельного рассмотрения. Полученные данные планируется уточнить в дальнейших исследованиях. Данная работа не претендует на представление полной картины факторов, определяющих социальную адаптивность пациентов, а сосредоточена на оценке влияния семейных факторов, поэтому результаты заполнения пациентами данной методики были временно исключены из заключительного анализа данных.

В данном исследовании показано, что статистически значимым межгрупповым различием опекунов больных шизофренией является степень их удовлетворенности жизнью, которая определяется как пребывание в состоянии психологического комфорта и социальной адаптированности. Более высокий показатель был выявлен у представителей среднесбалансированного типа семейной системы. В соответствии с полученными данными, исследования других авторов с использованием альтернативных методов оценки удовлетворенности опекунов своей ролью также демонстрируют связь между более позитивным опытом опекунов и меньшей выраженностью психопатологических симптомов у пациента и более гармоничными взаимоотношениями как на момент обследования, так и на этапе до появления симптомов заболевания (Kulhara et al., 2012). При этом процедура произведенного математического моделирования продемонстрировала отсутствие значимого вклада жизненной удовлетворенности опекуна и в семейную динамику, и в показатели социальной адаптации пациента. Указанный феномен может быть частично объяснен вкладом стрессового состояния, связанного с текущей госпитализацией подопечно-

го, который мог найти свое отражение в результатах заполнения опросника.

Еще одно межгрупповое различие состоит в том, что опекуны больных шизофренией по разному оценивали возможности своего эмоционального интеллекта – достоверное повышение по всем компонентам ЭИ фиксировалось у представителей более сбалансированного типа семьи. Эмоциональный интеллект, по определению автора опросни-

процессы обуславливают возможности социальной адаптации пациента. Важно отметить, что данная модель также демонстрирует связи межличностного компонента эмоционального интеллекта с возможностями социальной адаптации пациента через медирующий фактор – сбалансированность семейной системы. Показано, что большее развитие межличностного компонента ЭИ опекуна оказывает прямое влияние на степень гармо-

Полученные данные планируется уточнить в дальнейших исследованиях. Данная работа не претендует на представление полной картины факторов, определяющих социальную адаптивность пациентов, а сосредоточена на оценке влияния семейных факторов, поэтому результаты заполнения пациентами данной методики были временно исключены из заключительного анализа данных

ка, трактуется как способности индивида к пониманию и управлению эмоциями и своими собственными, и чужими. Эти способности проявляются в эффективности взаимодействия с окружающими людьми и способствуют лучшей социальной адаптации. Таким образом, развитый эмоциональный интеллект опекуна может выступать одним из факторов, определяющим качество взаимодействия в семьях. Последнее, в свою очередь, рассматривается, как связанное с прогнозом течения заболевания и выраженностью симптоматики (Wang, 2017).

ничности внутрисемейных отношений, которые, в свою очередь, оказываются значимым фактором успешности социальной адаптации пациента. В то же время, внутрисемейный компонент данного конструкта оказался не связан ни с характеристиками семейного взаимодействия, ни с показателями социальной адаптации пациента. Межличностный эмоциональный интеллект рассматривается авторами методики как способность индивида к пониманию и управлению эмоциями собеседника, содействующая эффективности коммуникации (Люсин,

Методом математического моделирования с учетом наиболее значимых переменных была построена модель взаимосвязи объективных клинических психосоциальных факторов. Было продемонстрировано, что негативные и общесоматические нарушения и семейные динамические процессы обуславливают возможности социальной адаптации пациента

Основной задачей данной работы являлся поиск факторов, способствующих расширению возможностей социальной адаптации пациентов с упором на семейные факторы. Однако их изолированное рассмотрение, без учета выраженности объективных психопатологических симптомов противоречило бы постулатам биопсихосоциальной модели. Методом математического моделирования с учетом наиболее значимых переменных была построена модель взаимосвязи объективных клинических психосоциальных факторов. Было продемонстрировано, что негативные и общесоматические нарушения и семейные динамические

2006). Обнаруженные в данном исследовании дисфункции в семейных отношениях больных шизофренией в основном характеризовались высокой разобщенностью членов семьи. Другие исследования также показывают, что опекуны больных шизофренией достаточно часто сообщают об ощущении эмоциональной дистанционности и отдаленности от других членов семьи в связи с заболеванием родственника (Саqueo-Urizar, 2017). Авторами опросника FACES-3 также подчеркивается тот факт, что семейные дисфункции ассоциированы с нарушениями коммуникации в семье (Olson, 2000). Однако следует учиты-

Можно предположить, что недостаточно развитые способности межличностного общения, наблюдаемые у родственников больных шизофренией, оказывают негативное влияние на семейную сплоченность и нарушения внутрисемейной коммуникации, которая, в свою очередь, связана со снижением адаптационных возможностей пациента

вать, что значимые результаты были получены лишь в отношении одной шкалы опросника эмоционального интеллекта Д.В. Любина, касающейся оценки индивидом своих возможностей в межличностной коммуникации, а также то обстоятельство, что термин «межличностный эмоциональный интеллект» является не вполне устоявшимся конструктом. Поэтому на данном этапе работы более корректным будет формулировать выводы с использованием «осторожных» формулировок таких, например, как «коммуникативная компетентность».

Таким образом, можно предположить, что недостаточно развитые способности межличностного общения, наблюдаемые у родственников больных шизофренией, оказывают негативное влияние на семейную сплоченность и нарушения внутрисемейной коммуникации, которая, в свою очередь, связана со снижением адаптационных возможностей пациента.

Выводы

1. Нарушения характеристик взаимодействия, описанные данными мето-

дики FACES-3, в семьях больных шизофренией равномерно представлены двумя степенями выраженности дисфункций (среднесбалансированный и экстремальный типы семьи). Они характеризуются эмоциональной разобщенностью членов семьи, препятствующей их эффективной коммуникации, и снижением адаптационных возможностей семейной системы.

2. Пациенты, проживающие в более сбалансированных семьях, имеют меньшую выраженность психопатологической симптоматики и более высокие уровни социального функционирования и качества жизни.
3. Опекуну пациентов из среднесбалансированных семей сообщают о большей жизненной удовлетворенности и компетентности в межличностных отношениях, по сравнению с представителями семей, имеющих экстремальную (несбалансированную) структуру.
4. В результате моделирования структурными уравнениями показано, что из всех исследованных параметров социальное функционирование пациентов с шизофренией определяют только два: выраженность негативной и обще-

соматической симптоматики и степень сбалансированности характеристик семейного взаимодействия. Большая выраженность психопатологической симптоматики и семейных дисфункций ассоциирована со снижением социального функционирования.

5. Подтвержденное в данном исследовании недостаточное развитие межличностного эмоционального интеллекта у родственников пациентов с шизофренией является значимым фактором, оказывающим негативное влияние на сбалансированность семейной системы.
6. Повышение эмоциональной и социальной компетентности опекунов пациентов больных шизофренией может являться одной из целей психосоциальных интервенций в семье больных шизофренией.

Информация о грантах и благодарностях

Статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта № 17-29-02173 при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Acknowledgments

The paper is prepared under scientific project No. 17-29-02173 with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Литература:

Гурович И.Я., Шмуклер А.Б. Практикум по психосоциальному лечению и психосоциальной реабилитации психически больных. – Москва : Медпрактика, 2007.

Зверева Н.В., Рошина И.Ф. Проблемы семьи в контексте клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2012. – № 1. : [сайт]. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n1/49967.shtml> – (дата обращения: 16.03.2019).

Коновалова А.Х., Холмогорова А.Б., Долныкова А.А. Репрезентации родительской семьи у больных шизоаффективными расстройствами и шизофренией // Консультативная психология и психотерапия. – 2013. – № 4. – С. 70–95.

Красильникова Е.Д., Никольская И.М. Психологические характеристики семей, воспитывающих детей с различными вариантами нарушения психического развития [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2012. – № 4. : [сайт]. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57308.shtml> – (дата обращения: 16.03.2019).

Любин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

Масловский С.Ю., Козловский В.Л. Измерение качества жизни больных шизофренией при проведении поддерживающей терапии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2009. – № 3. – С. 29–32.

Панина Н.В. Индекс жизненной удовлетворенности // LifeLine и др. новые методы психологии жизненного пути / сост., ред. А.А. Кроник. – Москва : Прогресс-Культура, 1993. – С. 107–114.

Пашковский В.Э., Софронов А.Г., Федоровский И.Д., Добровольская А.Е. Сравнительный анализ показателей социальной адаптации больных параноидной шизофренией с различной частотой госпитализаций // Социальная и клиническая психиатрия. – 2017. – № 3 (27). – С. 19–25.

Рычкова О.В. Исследования социального познания при шизофрении // Консультативная психология и психотерапия. – 2013. – № 1. – С. 63–89.

Рычкова О.В., Холмогорова А.Б. Основные теоретические подходы к исследованию нарушений социального познания при шизофрении: современный статус и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – Т. 22. – № 4. – С. 30–43.

Софронов А.Г., Пашковский В.Э., Добровольская А.Е., Федоровский И.Д. Характеристика средовых патопластических факторов в клинической картине шизофрении // Медицинский академический журнал. – 2018. – № 1 (18). – С. 45–55.

Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учеб. пособие для врачей и психологов. – Санкт-Петербург: Речь, 2003.

Albacete A., Bosque C., Custal N., Crespo J., Gilabert E., Albiach A., Menchón J., Contreras F. (2016) Emotional intelligence in non-psychotic first-degree relatives of people with schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 175(1–3), 103–108. doi: 10.1016/j.schres.2016.04.039

Caqueo-Urizar, A., Rus-Calafell, M., Craig, T., Irarrazaval, M., Urzúa, A., Boyer, L., Williams, D.R. (2017) Schizophrenia: Impact on Family Dynamics. *Current Psychiatry Reports*, 19(1). doi: 10.1007/s11920-017-0756-z

Degnan, A., Baker, S., Edge, D., Nottidge, W., Noke, M., Press, C., Drake, R. (2018) The nature and efficacy of culturally-adapted psychosocial interventions for schizophrenia: A systematic review and meta-analysis. *Psychological Medicine*, 48(5), 714–727. doi: 10.1017/S0033291717002264

Kay S., Fiszbein A., Opler L. (1987) The positive and negative syndrome scale (PANSS) for schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, 13(2), 261–276. doi: 10.1093/schbul/13.2.261

Kulhara P, Kate N, Grover S, Nehra R. (2013) Positive aspects of caregiving in schizophrenia: A review. *World Journal of Psychiatry*, 2(3), 43–48. doi: 10.5498/wjp.v2.i3.43

Lauber C., Eichenberger A., Luginbuhl P., Keller C., Rossler W. (2003) Determinants of burden in caregivers of patients with exacerbating schizophrenia. *European Psychiatry*, 18, 285–289. doi: 10.1016/j.eurpsy.2003.06.004

Lavoie M., Plana I., Bédard Lacroix J., Godmaire-Duhaime F., Jackson P., Achim A. (2013) Social cognition in first-degree relatives of people with schizophrenia: a meta-analysis. *Psychiatry Research*, 209(2), 129–35. doi: 10.1016/j.psychres.2012.11.037

Macgregor A., Norton J., Raffard S., Capdevielle D. (2017) Is there a link between biological parents' insight into their offspring's schizophrenia and their cognitive functioning, expressed emotion and knowledge about disorder? *Comprehensive Psychiatry*, 76, 98–103. doi: 10.1016/j.comppsy.2017.02.013

Martens L., Addington J. (2001) The psychological well-being of family members of individuals with schizophrenia. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 36(3), 128–133. doi: 10.1007/s001270050301

Martorell A., Pereda A., Salvador-Carulla L., Ochoa S., Ayuso-Mateos J. (2007) Validation of the Subjective and Objective Family Burden Interview (SOFBI/ECFOS) in primary caregivers to adults with intellectual disabilities living in the community. *Journal of Intellectual Disability Research*, 51(11), 892–901. doi: 10.1111/j.1365-2788.2007.00962.x

Morosini P, Magliano L, Brambilla L, Ugolini S, Pioli R. (2000) Development, reliability and acceptability of a new version of the DSM-IV Social and Occupational Functioning Assessment Scale (SOFAS) to assess routine social functioning. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 101(4), 323–329. doi: 10.1111/j.1600-0447.2000.tb10933.x

Olson D. (2000) Circumplex Model of Family Systems. *Journal of Family Therapy*, 22 (2), 144–167. doi: 10.1111/1467-6427.00144

Pakenham K., Chiu J., Bursnall S., Cannon T. (2007) Relations between social support, appraisal and coping and both positive and negative outcomes in young carers. *Journal of Health Psychology*, 12(1), 89–102. doi: 10.1177/1359105307071743

Parabiaghi A., Lasalvia A., Bonetto C., Cristofalo D., Marrella G., Tansella M., Ruggeri M. (2007) Predictors of changes in caregiving burden in people with schizophrenia: A 3-year follow-up study in a community mental health service. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 437, 66–76. doi: 10.1111/j.1600-0447.2007.01094.x

Seeman M. (2009) The changing role of mother of the mentally ill: From schizophrenogenic mother to multigenerational caregiver. *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*, 72(3), 284–294. doi: 10.1521/psyc.2009.72.3.284

Veltman A., Cameron J., Stewart D. (2002) The experience of providing care to relatives with chronic mental illness. *Journal of Nervous and Mental Disorders*, 190, 108–114. doi: 10.1097/00005053-200202000-00008

Wang X., Chen Q., Yang, M. (2017) Effect of caregivers' expressed emotion on the care burden and rehospitalization rate of schizophrenia. *Patient Preference and Adherence*, 11, 1505–1511. doi: 10.2147/PPA.S143873

Wearden A., Tarrier N., Barrowclough C., Zastowny T., Rahill A. (2000) A review of expressed emotion research in health care. *Clinical Psychology Review*, 20(5), 633–666. doi: 10.1016/S0272-7358(99)00008-2

References:

Albacete A., Bosque C., Custal N., Crespo J., Gilabert E., Albiach A., Menchón J., Contreras F. (2016) Emotional intelligence in non-psychotic first-degree relatives of people with schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 175(1–3), 103–108. doi: 10.1016/j.schres.2016.04.039

Caqueo-Urizar, A., Rus-Calafell, M., Craig, T., Irarrazaval, M., Urzúa, A., Boyer, L., Williams, D.R. (2017) Schizophrenia: Impact on Family Dynamics. *Current Psychiatry Reports*, 19(1). doi: 10.1007/s11920-017-0756-z

Degnan, A., Baker, S., Edge, D., Nottidge, W., Noke, M., Press, C., Drake, R. (2018) The nature and efficacy of culturally-adapted psychosocial interventions for schizophrenia: A systematic review and meta-analysis. *Psychological Medicine*, 48(5), 714–727. doi: 10.1017/S0033291717002264

Eidemiller E.G., Dobryakov I.V., & Nikolskaya I.M. (2003). Family diagnosis and family psychotherapy. A manual for doctors and psychologists. SPb., Rech.

Gurovich I.Ya., & Shmukler A.B. (2007). Workshop on psychosocial treatment and psychosocial rehabilitation of the mentally ill. Moscow, Medpraktika.

Kay S., Fiszbein A., Opler L. (1987) The positive and negative syndrome scale (PANSS) for schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, 13(2), 261–276. doi: 10.1093/schbul/13.2.261

Konovalova A.Kh., Kholmogorova A.B., & Dolnykova A.A. (2013). Representation of the parental family in patients with schizoaffective disorders and schizophrenia. [Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya], 4, 70–95.

Krasilnikova E.D., & Nikolskaya I.M. (2012). Psychological characteristics of a family raising children with different types of mental development disorders. [Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya], 4. Retrieved from: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57308.shtml> (accessed March 16, 2019).

- Kulhara P, Kate N, Grover S, Nehra R. (2013) Positive aspects of caregiving in schizophrenia: A review. *World Journal of Psychiatry*, 2(3), 43–48. doi: 10.5498/wjp.v2.i3.43
- Lauber C., Eichenberger A., Luginbuhl P., Keller C., Rossler W. (2003) Determinants of burden in caregivers of patients with exacerbating schizophrenia. *European Psychiatry*, 18, 285–289. doi: 10.1016/j.eurpsy.2003.06.004
- Lavoie M., Plana I., Bédard Lacroix J., Godmaire-Duhaime F., Jackson P., Achim A. (2013) Social cognition in first-degree relatives of people with schizophrenia: a meta-analysis. *Psychiatry Research*, 209(2), 129–35. doi: 10.1016/j.psychres.2012.11.037
- Lyusin D.V. (2006). A new methodology for measuring emotional intelligence: Emin questionnaire. [*Psikhologicheskaya diagnostika*], 4, 3–22.
- Macgregor A., Norton J., Raffard S., Capdevielle D. (2017) Is there a link between biological parents' insight into their offspring's schizophrenia and their cognitive functioning, expressed emotion and knowledge about disorder? *Comprehensive Psychiatry*, 76, 98–103. doi: 10.1016/j.comppsy.2017.02.013
- Martens L., Addington J. (2001) The psychological well-being of family members of individuals with schizophrenia. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 36(3), 128–133. doi: 10.1007/s001270050301
- Martorell A., Pereda A., Salvador-Carulla L., Ochoa S., Ayuso-Mateos J. (2007) Validation of the Subjective and Objective Family Burden Interview (SOFBI/ECFOS) in primary caregivers to adults with intellectual disabilities living in the community. *Journal of Intellectual Disability Research*, 51(11), 892–901. doi: 10.1111/j.1365-2788.2007.00962.x
- Maslovsky S.Yu., & Kozlovsky V.L. (2009). Measurement of the quality of life of patients with schizophrenia during maintenance therapy. [*Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V.M. Bekhtereva*], 3, 29–32.
- Morosini P., Magliano L., Brambilla L., Ugolini S., Pioli R. (2000) Development, reliability and acceptability of a new version of the DSM-IV Social and Occupational Functioning Assessment Scale (SOFAS) to assess routine social functioning. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 101(4), 323–329. 10.1111/j.1600-0447.2000.tb10933.x
- Olson D. (2000) Circumplex Model of Family Systems. *Journal of Family Therapy*, 22 (2), 144–167. doi: 10.1111/1467-6427.00144
- Pakenham K., Chiu J., Bursnall S., Cannon T. (2007) Relations between social support, appraisal and coping and both positive and negative outcomes in young carers. *Journal of Health Psychology*, 12(1), 89–102. doi: 10.1177/1359105307071743
- Panina N.V. (1993). Life Satisfaction Index. [*LifeLine i dr. novye metody psikhologii zhiznennogo puti*]. Moscow, Progress-Kultura, 107–114.
- Parabiaghi A., Lasalvia A., Bonetto C., Cristofalo D., Marrella G., Tansella M., Ruggeri M. (2007) Predictors of changes in caregiving burden in people with schizophrenia: A 3-year follow-up study in a community mental health service. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 437, 66–76. doi: 10.1111/j.1600-0447.2007.01094.x
- Pashkovsky V.E., Sofronov A.G., Fedorovsky I.D., & Dobrovolskaya A.E. (2017). Comparative analysis of indicators of social adaptation of patients with paranoid schizophrenia with frequent hospitalization. [*Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*], 3 (27), 19–25.
- Rychkova O.V. (2013). Studies of public knowledge in schizophrenia. [*Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*], 1, 63–89.
- Rychkova O.V., & Kholmogorova A.B. (2014). Main theoretical approaches to the study of violations of public cognition in schizophrenia: current status and development prospects [*Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*], 22(4), 30–43.
- Seeman M. (2009) The changing role of mother of the mentally ill: From schizophrenogenic mother to multigenerational caregiver. *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*, 72(3), 284–294. doi: 10.1521/psyc.2009.72.3.284
- Sofronov A.G., Pashkovsky V.E., Dobrovolskaya A.E., & Fedorovsky I.D. (2018). Description of environmental pathoplastic factors in the clinical picture of schizophrenia. [*Meditsinskiy akademicheskij zhurnal*], 1(18), 45–55.
- Veltman A., Cameron J., Stewart D. (2002) The experience of providing care to relatives with chronic mental illness. *Journal of Nervous and Mental Disorders*, 190, 108–114. doi: 10.1097/00005053-200202000-00008
- Wang X., Chen Q., Yang, M. (2017) Effect of caregivers' expressed emotion on the care burden and rehospitalization rate of schizophrenia. *Patient Preference and Adherence*, 11, 1505–1511. doi: 10.2147/PPA.S143873
- Wearden A., TARRIER N., Barrowclough C., Zastowny T., Rahill A. (2000) A review of expressed emotion research in health care. *Clinical Psychology Review*, 20(5), 633–666. doi: 10.1016/S0272-7358(99)00008-2
- Zvereva N.V., & Roshchina I.F. (2012). Family problems in clinical psychology. [*Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 1. Retrieved from: <http://psjournals.ru/psyclin/2012/n1/49967.shtml> (accessed March 16, 2019).

Целеполагание как метод саморегуляции деятельности спортсменов-керлингистов с разным уровнем предсоревновательной тревожности

З.А. Сагова, Р.Р. Шаяфетдинова
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 16 сентября 2019 / Принята к публикации: 24 сентября 2019

Goal setting as a method of self-regulation in curler athletes with different levels of pre-competition anxiety

Zurida A. Sagova*, Rimma R. Shaiafetdinova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
* Corresponding author E-mail: zas-msu@mail.ru

Received September 16, 2019 / Accepted for publication: September 24, 2019

Актуальность. В число наиболее важных факторов успешности в спорте входят развитые навыки саморегуляции деятельности, формирующиеся посредством целедостижения. Согласно проведенным исследованиям, направленность целей спортсменов может прогнозировать их эмоциональное состояние и вероятность возникновения повышенной тревожности в предстоящем состязании.

Цель. Выявление связи состояния предсоревновательной тревожности и особенностей целеполагания как способа саморегуляции деятельности спортсменов, занимающихся керлингом. Мы предполагали, что для спортсменов с эго-целевой ориентацией характерна более высокая предсоревновательная тревожность, по сравнению со спортсменами с целевой ориентацией на задачу.

Описание хода исследования. В статье проанализированы типы целевых ориентаций и состояние тревожности 56 спортсменов-керлингистов в предсоревновательный период ($m=16$, $ж=40$). Использованы следующие методики: шкала тревоги Спилбергера и шкала личностной соревновательной тревожности Р. Мартенса – обе методики в адаптации Ю.Л. Ханина, авторский опросник для установления направленности целей керлингистов.

Результаты исследования. Выдвинутое нами предположение не получило подтверждения, что противоречит результатам исследований, выполненных другими специалистами. Отсутствие связи предсоревновательной тревожности и направленности целей спортсменов, возможно, определяется спецификой керлинга, как командного вида спорта. Установлено, что у мужчин и женщин нет значимых различий приверженности той или иной направленности целей ($p>0,05$), вместе с тем, обнаружены достоверные гендерные различия по состоянию личностной и соревновательной тревожности ($p\leq 0,01$; $p<0,05$ соответственно).

Выводы. Выполненная работа позволила выделить новые направления для дальнейших исследований, такие, как: роль тренера в формировании целевых ориентаций спортсменов, дополнительные факторы, оказавшие влияние на полученные результаты.

Ключевые слова: спорт, спортсмены, саморегуляция, тревожность, целеполагание, эго-целевая ориентация, задача-целевая ориентация.

Background. Among the most important factors of success in sports there are self-regulation skills of that are formed through goal-attainment. In the context of achieving high sports results, the concept of achieving the goal of J. Nicholls deserves special attention (Nicholls, 1984). According to the research, the goals of athletes can predict their emotional state and the likelihood of anxiety in the upcoming competition.

The Objective is to reveal the connection between the state of pre-competitive anxiety and the goal-setting features as a way of self-regulation in curling athletes. In accordance with the researcher conclusions of the specifics of goal orientation, we assume that athletes with an ego goal orientation are characterized by a higher precompetitive anxiety compared to athletes with a task goal orientation.

Design. The article analyzes the types of target orientations and the state of anxiety in 56 curling athletes in the pre-competition period ($m = 16$, $f = 40$). The study used the following methods: Spielberger's anxiety scale and R. Martens' personal competitive anxiety scale with both methods in adaptation of Yu.Hanin, author's questionnaire to establish the focus of the curler athletes' goals.

Results. The assumption that athletes with an ego goal orientation are characterized by a higher precompetitive anxiety compared to athletes with a task goal orientation did not receive confirmation, which contradicts the results of studies performed by other specialists. The lack of connection between precompetitive anxiety and the orientation of the goals in athletes is probably determined by the specifics of curling as a team sport. It was established that men and women do not have significant differences in adherence to one or another orientation of goals ($p > 0.05$), however, significant gender differences were found in terms of personal and competitive anxiety ($p \leq 0.01$; $p < 0.05$).

Conclusions. The performed work allowed us to identify new areas for further research, such as: the role of the coach in the target-setting for athletes; the study of factors that influenced the results.

Keywords: sports, athletes, self-regulation, anxiety, goal-setting, ego goal orientation, task goal orientation.

Одним из важнейших условий развития и совершенствования человека в профессиональной сфере является эффективное владение навыками саморегуляции своей деятельности. Как показано в исследованиях О.А. Конопкина, успешность различных видов практической деятельности обеспечивается сформированностью целостной системы осознанной саморегуляции. Процесс саморегуляции как системно-организованный процесс внутренней психической активности самоуправления произвольной активностью человека, непосредственно реализующей достижение принимаемых целей, способствует формированию его гармоничного и оптимального поведения (Конопкин, 1995). В процессе саморегуляции развивается способность человека направлять свое поведение в соответствии с профессиональными задачами и требованиями жизни (Конопкин, 2018).

Процесс саморегуляции как системно-организованный процесс внутренней психической активности самоуправления произвольной активностью человека, непосредственно реализующей достижение принимаемых целей, способствует формированию его гармоничного и оптимального поведения

Концепция осознанной саморегуляции О.А. Конопкина, основанная на идее активности осознающего свои задачи субъекта деятельности, имеет структуру, единую для любого вида деятельности

и состоящую из взаимосвязанных звеньев, включающих в себя процессы планирования целей, моделирования значимых для их достижения условий, программирования действий, оценки результатов, коррекции активности (Конопкин, 2018). Недостаточное развитие перечисленных компонентов системы саморегуляции может ограничивать эффективность выполняемой деятельности.

Основываясь на теории осознанной саморегуляции, В.И. Моросанова вводит понятие индивидуального стиля саморегуляции (Моросанова, 1995). Автор поясняет, что люди в разной степени планируют цели активности, используют различные программы и способы действий, по-разному учитывая значимые внешние и внутренние условия, оценивая результаты и корректируя свою активность. Согласно данному, полученному В.И. Моросановой, развитие осознанной саморегуляции способствует становлению позитивных форм

самосознания человека и усилению их регулирующей роли в его поведении при решении личностных и профессиональных задач; является условием высокой эффективности деятельности и препятствует

развитию стресса в напряженных ситуациях (Моросанова, 2012, 2013). Целеполагание является системообразующим компонентом саморегуляции. При этом личностные характеристики определяют сам процесс саморегуляции: «... личностные структуры оказывают существенное влияние на то, какие цели и как ставит перед собой человек, а также модулируют специфическим образом индивидуальный профиль саморегуляции, то есть особенности достижения этих целей» (Моросанова, 2004, С. 124). Критерием эффективности саморегуляции, очевидно, является развитость звеньев структуры осознанной саморегуляции.

А.К. Осницкий считает, что в рамках саморегуляции деятельности человек самостоятельно приводит свои возможности в соответствие с требованиями той или иной деятельности. При этом автор, используя понятие регуляторного опыта, рассматривает человека как «способного инициировать, организовывать и контролировать свою деятельность в решении задач, ... способного осваивать все новые и новые аспекты этой деятельности, открывать в себе все новые и новые возможности, связанные с освоением деятельности» (Осницкий, 2010, С. 122). Как показано А.К. Осницким, умения саморегуляции выступают условием успешного осуществления запланированных действий, средством развития активности и творческих сил человека.

Согласно выводам Д.А. Леонтьева, процесс саморегуляции проходит основные этапы планирования, реализации и поддержания деятельности (Леонтьев, 2011). В рамках предлагаемой им модели личностный потенциал, рассматриваемый в качестве потенциала саморегуляции, включает такие переменные, как жизнестойкость, локус каузальности, интернальность и самоэффективность. Именно благодаря этим переменным, обеспечивается способность человека к формированию адекватного и гибкого поведения в сложных ситуациях. «Развитие навыков целеполагания и уверенность в себе (в том числе и самостоятельность) необходимы для успешного достижения цели в условиях неопределенности» (Леонтьев, 2011, С. 15).

В.А. Зобков, выделяя личностный аспект регуляции деятельности, показыва-



Зурида Айсовна Сагова –

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: zas-msu@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/SagovaZA/>



Римма Ренатовна Шаяфетдинова –

студент факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: rimma997@yandex.ru

ет, что мотивационно-самооценочный компонент регуляции оказывает существенное влияние на форму и содержание отношения человека к деятельности (Зобков, 2011).

Модель саморегуляции Б. Зиммермана, известная как SR-модель, дает описание ключевых процессов саморегуляции, направленных на решение разнообразных задач: академических, музыкальных, спортивных и др. (Zimmerman, 2000). В SR-модели саморегуляция представлена как способность человека к приложению систематических усилий по фокусированию своих мыслей, чувств и действий на достижение целей. Данная концепция включает когнитивный, мотивационный и поведенческий компоненты и, соответственно, постановку целей, выбор стратегии по их достижению, структурирование и оптимизацию деятельности. Б. Зиммерман отмечает, что студенты, использующие саморегуляцию учебной деятельности, «активно ищут информацию, когда это необходимо и принимают необходимые меры для ее усвоения. Когда они сталкиваются с различными препятствиями, ... находят способ добиться успеха» (Zimmerman, 1990, Р. 4). При этом подчеркивается, что эти важнейшие навыки можно развивать.

Проблемы саморегуляции в обучении обсуждаются также в модели П. Пинтрича, основанной на ключевых положениях социально-когнитивной теории (Bandura, 2001; Schunk, 2001). Согласно данной модели, саморегуляция обучения представляет собой сложный процесс, направленный на повышение эффективности в учебе. Этот процесс развивается циклически и проходит три основных этапа: этап планирования, предшествующий учебной деятельности и непосредственно влияющий на нее, этап волевой реализации намеченных целей, этап контроля и оценки достигнутых результатов (Pintrich, 2000). Каждый этап актуализируется с учетом прошлого опыта и текущего уровня знаний и навыков человека.

В работе А. Коча и Дж. Нафziger, где изучалось влияние самодисциплины и саморегуляции на повышение производительности деятельности, подчеркивается, что цели имеют ключевое значение как инструмент саморегуляции (Koch, Nafziger, 2011). В предлагаемой модели

продемонстрировано существование предельных саморегуляции, связанное с уровнем устанавливаемых целей. Цели являются важным звеном саморегулирования деятельности, однако завышенные цели могут стать источником внутриличностных конфликтов, способствующих снижению мотивации и ослаблению активности, связанной с саморегуляцией. В этом случае актуальные для человека цели становятся болезненным самодисциплинирующим средством (Koch, Nafziger, 2011).

Недостаточно развитые навыки саморегуляции являются источником ошибок в технике исполнения и принятии решений, фактором межличностных конфликтов. Профессиональные спортсмены и тренеры считают саморегуляцию одним из наиболее важных факторов их успеха, а итоги соревнований – проверкой способности спортсмена к саморегуляции

Таким образом, мы видим, что развитие навыков саморегуляции является важной задачей для совершенствования и оптимального функционирования человека в профессии и жизни. Все вышеуказанные работы, содержащие разнообразные подходы к широкому кругу исследуемых факторов саморегуляции деятельности, вносят существенный вклад в постижение условий ее успешности.

Саморегуляция в спорте

Профессиональный спорт требует от своих субъектов наличия высокого уровня развития способностей, в том числе к саморегуляции. Недостаточно развитые навыки саморегуляции являются источником ошибок в технике исполнения и принятии решений, фактором межличностных конфликтов. Профессиональные спортсмены и тренеры считают саморегуляцию одним из наиболее важных факторов их успеха, а итоги соревнований – проверкой способности спортсмена к саморегуляции (Kitsantas et al., 2018; Collins, Durand-Bush, 2014; Kitsantas, Kavussanu, 2011; Ommundsen, 2006).

Исследования показывают различия в использовании стратегий саморегуляции деятельности спортсменами разного уровня мастерства. Так, Т. Клэри и Б. Зиммерман изучали преимущества использования стратегий саморегуляции у опытных, неопытных спортсменов и новичков

в баскетболе (Cleary, Zimmerman, 2001). Результаты выявили более высокое качество саморегуляции во время тренировок у опытных атлетов, по сравнению с неопытными и новичками. Опытные атлеты чувствовали себя более уверенными и в том, что смогут последовательно выполнить успешные броски мяча. В исследовании также оценивалась реакция спортсменов на неудачные попытки бросков. В этом случае опытные атлеты, в отличие от неопытных и новичков, чаще обраща-

лись к саморефлексии, объясняли свои неудачи ошибочным исполнением конкретных техник. Авторы делают заключение о том, что полученные результаты могут быть полезны для развития адаптивного самовосприятия и самоэффективности спортсменов (Cleary, Zimmerman, 2001).

Исследование Ю. Сан и Х. Ву показало тесную связь успешной саморегуляции у спортсменов высокого класса с концентрацией и чувством потока, в то время как, неудачная саморегуляция сопровождалась умственной усталостью и ощущением напряжения (Sun, Wu, 2011).

Постановка цели как значимый компонент саморегуляции в спорте

Постановка цели, как один из неотъемлемых компонентов механизма саморегуляции деятельности, выполняет системообразующую функцию – процесс саморегуляции развивается посредством достижения поставленной цели с учетом особенностей личности и условий, в которых разворачивается деятельность. От успешности саморегуляции зависит достижение цели как конечный результат деятельности. Таким образом, следует отметить, что существует взаимная зависимость данных процессов. Постановку целей можно считать общей стратегией, применимой в различных сферах жизни

человека. Цели занимают значимое место в структуре деятельности и являются важной характеристикой существования человека, определяющей успешность его жизнедеятельности (Леонтьев, 2005; Рубинштейн, 1989; Тихомиров, 1984).

В процессе работы над задачей человек сравнивает свои текущие результаты с образом цели, осознание прогресса усиливает самоэффективность и поддерживает мотивацию. Воспринимаемое несоответствие реальной ситуации желаемому образу вызывает неудовлетворенность, которая также может способствовать новым усилиям

Спортивная деятельность – одна из сфер деятельности человека, в которой объективная необходимость развития и совершенствования личности актуализирует вопросы, связанные с целеполаганием. Независимо от уровня спортивных достижений спортсмена и вида спорта, цели являются неотъемлемой частью сотрудничества тренера и спортсмена. Структура целеполагания в спорте включает: определение цели тренировок и участия в соревновании, создание позитивной установки на достижение цели, формирование у спортсмена уверенности в высокой вероятности желаемого результата (Ильин, 2012). Для успешной реализации поставленной цели необходимы оценка ситуации с учетом возможностей спортсмена и планирование действий на

венной значимостью результата соревнований (Дмитриев, 2010; Ильин, 2011). Вероятность достижения цели связана с отражением в сознании спортсмена всесторонней готовности к соревнованию, которая включает в себя функциональ-

ную, физическую, технико-тактическую и психологическую виды подготовки, а также предполагаемые условия предстоящего соревнования с учетом силы соперников (Vysochina, Vorobiova, 2017).

Постановка цели способствует организации и оптимизации деятельности, обеспечивает выбор наиболее актуальных задач и действий, стимулирует саморефлексию и саморегуляцию человека. Хотя нельзя сказать, что при постановке цели все это происходит автоматически. Очевидно, что цели помогают сосредоточиться на задаче, выбирать и применять соответствующие стратегии, отслеживать прогресс в достижении цели. В процессе работы над задачей человек сравнивает свои текущие результаты с образом цели, осознание прогресса усиливает самоэф-

Демонстрация способностей человека основана на сравнении уровня развития своих ресурсов в настоящее время и в прошлом. Человек упорствует в преодолении неудач, стремится выбирать сложные задачи и испытывает все более высокий внутренний интерес к деятельности

основе анализа динамики личных результатов. Постановка соревновательной цели предполагает преодоление спортсменом препятствий, возникающих на пути к ней, наиболее рациональным и оперативным образом. Важной особенностью постановки соревновательной цели является осознанное отношение спортсмена к процессу целеполагания – понимание значимости поставленной цели и проблем подготовительного периода, оценка и распределение ресурсов. Вместе с тем, как соревновательная целевая установка, так и характер эмоциональной напряженности спортсмена зависят от степени выраженности у него потребности в достижении цели, интенсивность которой определяется личной и общест-

фективность и поддерживает мотивацию. Воспринимаемое несоответствие реальной ситуации желаемому образу вызывает неудовлетворенность, которая также может способствовать новым усилиям. Таким образом, процесс достижения целей повышает уровень производительности и побуждает человека выбирать новые, все более сложные задачи.

В контексте достижения высоких результатов деятельности одним из современных подходов, вызывающих большое внимание как теоретиков, так и исследователей-практиков, является концепция достижения цели. Теория достижения цели вначале была разработана для исследований в системе образования, а впоследствии стала успешно использоваться и в спор-

тивной сфере. Теория выделяет две формы целевых ориентаций: целевая ориентация на задачу (taskgoalorientation) и эго-целевая ориентация (egogoalorientation) (Nicholls, 1984). Согласно авторам теории, лица с эго-ориентацией целей склонны к демонстрации своих физических, интеллектуальных и других ресурсов и возможностей. Сравнивая себя с другими, они высоко оценивают свои способности и результаты деятельности, при этом нередко действительно показывают высокую производительность (Nicholls, 1984; Dweck, 1986; Ames, 1992). Объектами сравнения достижений этих лиц являются успехи других людей.

При ориентации целей на задачу человек стремится к более глубокому пониманию вопросов, связанных с решаемыми проблемами. Для человека характерно стремление к усвоению новых навыков, повышению собственных рекордов, достижению профессионализма в своей деятельности. Демонстрация способностей человека основана на сравнении уровня развития своих ресурсов в настоящее время и в прошлом. Человек упорствует в преодолении неудач, стремится выбирать сложные задачи и испытывает все более высокий внутренний интерес к деятельности. В ряде исследований эго-ориентацию целей связывают с неадаптивными мотивами, которые зависят от восприятия человеком своих способностей, с выбором несложных задач, позволяющих ожидать более высокие шансы на успех, с ослаблением внутренней мотивации и усилением внешней, с повышенной тревожностью до и во время соревнований (Ntoumanis, 2001; Xiang, Lee, 2002; Tysonatal, 2009).

Согласно выводам Дж.Л. Дуды, характер целей, которые ставит перед собой спортсмен, можно считать ярким показателем физических, интеллектуальных и эмоциональных усилий, которые он готов приложить в стремлении к желаемому результату. Автор приводит примеры утверждений, соответствующие каждому виду целевой ориентации. «Я – лучший, я явно превосхожу моих оппонентов, я достигаю то, чего другие не могут достичь» – это высказывания сторонников эго-ориентированных целей. «Я работаю в меру своих возможностей, я упорно тружусь, я осваиваю то, чего не мог делать раньше» – это ут-

верждения при задача-ориентированных целях (Duda, 2001). Спортсмены с задача-ориентированными целями не рассматривают конкуренцию как угрозу для себя и для своего успеха, в отличие от спортсменов с эго-ориентацией целей.

В исследовании Дж. Эйди и коллег предполагалось, что спортсмены с эго-ориентированными целями должны воспринимать приближение спортивных соревнований как угрозу их успеху, учитывая, что основная цель этой категории спортсменов – превзойти соперников (Adie et al., 2008). В работе показано, что предположения подтвердились, в связи с чем авторы заключают, что эго-ориентация целей спортсменов может являться предпосылкой возникновения высокой тревожности и страха неудачи в предстоящем состязании.

Тревожность в спортивной деятельности

Постоянными спутниками как профессионалов, так и начинающих спортсменов являются психоэмоциональные перегрузки, повышенная тревожность и стрессы. Ю.Л. Ханин описывает тревогу в спорте как эмоциональное состояние различной интенсивности, изменчивое во времени; сопряженное с неприятными переживаниями напряженности, беспокойства и опасения, сопровождающееся выраженной активацией вегетативной нервной системы (Ханин, 1983). Причем, чем ближе старт соревнований, тем более выражено состояние ситуативной тревоги у спортсменов (Ханин, 1978). Похожие данные получены А.Д. Ганюшкиным, согласно которым за неделю до соревнований чувство тревоги испытывали 6% обследованных спортсменов, за два-три дня до старта – 10%, за день до соревнования – 20%, утром в день соревнований – 33,5%, за один-два часа до старта – 30,8%. При этом наблюдалась высокая корреляция между повышенной личностной и ситуативной тревожностью спортсменов (Ганюшкин, 2002).

Тревога выступает своеобразным рычагом воздействия на мобилизующую функцию адаптации спортсмена, стимулируя его принять необходимые меры для совладания с ситуацией. Согласно выводам Б.Дж. Кретти, тревожность спортсменов,

связанная с ожиданиями неодобрения значимых людей в случае проигрыша или потери престижа, наблюдается чаще, чем опасения получить травму (Кретти, 1978). Исследование уровня тревожности в разные периоды деятельности легкоатлетов

Тревога выступает своеобразным рычагом воздействия на мобилизующую функцию адаптации спортсмена, стимулируя его принять необходимые меры для совладания с ситуацией. Согласно выводам Б.Дж. Кретти, тревожность спортсменов, связанная с ожиданиями неодобрения значимых людей в случае проигрыша или потери престижа, наблюдается чаще, чем опасения получить травму (Кретти, 1978)

показало значительное его повышение в соревновательный период, по сравнению с подготовительным. У спортсменов с небольшим опытом спортивной деятельности, как и у не применявших методы саморегуляции, в соревновательный период усиливались тревожность, неуверенность в своих силах, страх проиграть и, как следствие – уязвимость перед соперником (Воскресенская, 2015). Согласно исследованиям В.С. Мерлина и Б.А. Вяткина, у спортсменок с повышенной тревожностью результативность на соревнованиях снижается, несмотря на высокие показатели во время тренировок (Вяткин, Мерлин, 1975). Исследования индивидуальных и командных видов спорта показали тесную положительную

Наиболее низкие результаты оказались у атлетов, уровень тревожности которых за несколько дней до выступления был существенно выше или ниже их индивидуально-оптимальных показателей. Очевидно, достижение желательных спортивных результатов требует проведения психологической работы по выявлению оптимального эмоционального состояния атлетов, выбору и обучению методам саморегуляции.

связь обсуждаемых переменных – предсоревновательное состояние тревоги существенно меняет физиологическую, психологическую выносливость и поведение спортсменов, негативно влияет на их работоспособность (Wang et al., 2004; Smith et al., 2007; Muhammad et al., 2017).

Вместе с тем, нельзя делать однозначные выводы относительно влияния состояния тревожности на успешность соревновательных выступлений. Например, Г. Гейслер и Дж. Керр обнаружили, что в состоянии предсоревновательной тревожности игроки в мини-футболе способны были адекватно выполнять необходимые действия и работать с высокой настойчи-

востью и результативностью (Geisler, Kerr, 2007). Ряд ученых при изучении этой проблемы также не выявили значимых корреляций между обсуждаемыми переменными (Aritzsch, 1973; Basler et al., 1976; Craft et al., 2003). Объяснить неоднозначность по-

лученных результатов исследований можно тем, что в спорте конечный результат состязаний не всегда отражает реальную подготовленность спортсменов (Weinberg, Barthol, 1977).

Основываясь на данной точке зрения, возможно, следует соотносить уровень тревожности спортсмена не с занятым местом на соревнованиях, а с его личной результативностью. Ведь каждый спортсмен обладает оптимальным уровнем эмоционального состояния, способствующим его наилучшему выступлению. В определенных ситуациях уровень тревожности нужно не только снижать, но и повышать, в зависимости от индивидуальных особенностей спортсменов, ситуации, вида спорта. В подтверждение таких рассу-

ждений можно привести исследование Ю.Л. Ханина, в котором изучался уровень тревоги квалифицированных тяжелоатлетов за несколько дней до соревнований (Ханин, 1969). Данные сравнивались с ранее полученными индивидуально-оптимальными показателями тех же атлетов. Итоги соревнования указывали на взаимосвязь результативности спортсменов и их состояния тревожности за три дня до выступления. Наиболее низкие результаты оказались у атлетов, уровень тревожности которых за несколько дней до выступления был существенно выше или ниже их индивидуально-оптимальных показателей. Очевидно, достижение жела-

Табл. 1. Результаты корреляционного анализа направленности целей и предсоревновательной тревожности спортсменов

Корреляции ^с		1	2	3	4	5	
Кoeffициент корреляции Спирмена (R)	Эго-ориентация целей	Кoeffициент корреляции	1,000	-,266*	,136	,089	,063
	1	Знач. (2-х сторонняя)	.	,048	,316	,516	,647
	Ориентация целей на задачу	Кoeffициент корреляции	-,266*	1,000	,099	,065	,027
	2	Знач. (2-х сторонняя)	,048	.	,470	,634	,844
	Ситуативная тревожность	Кoeffициент корреляции	,136	,099	1,000	,790**	,493**
3	Знач. (2-х сторонняя)	,316	,470	.	,000	,000	
Кoeffициент корреляции Спирмена (R)	Личностная тревожность	Кoeffициент корреляции	,089	,065	,790**	1,000	,445**
	4	Знач. (2-х сторонняя)	,516	,634	,000	.	,001
	Соревновательная тревожность	Кoeffициент корреляции	,063	,027	,493**	,445**	1,000
5	Знач. (2-х сторонняя)	,647	,844	,000	,001	.	

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

с Списочное значение N = 56

Table 1. Correlation analysis of the of goal orientation and pre-competitive anxiety of athletes

Correlation ^с		1	2	3	4	5	
Spearman's correlation coefficient (R)	Ego goal orientation	Correlation Coefficient	1,000	-,266*	,136	,089	,063
	1	Value (2 sided)	.	,048	,316	,516	,647
	Target Orientation	Correlation Coefficient	-,266*	1,000	,099	,065	,027
	2	Value (2 sided)	,048	.	,470	,634	,844
	Situational Anxiety	Correlation Coefficient	,136	,099	1,000	,790**	,493**
3	Value (2 sided)	,316	,470	.	,000	,000	
Spearman's correlation coefficient (R)	Personal Anxiety	Correlation Coefficient	,089	,065	,790**	1,000	,445**
	4	Value (2 sided)	,516	,634	,000	.	,001
	Competitive Anxiety	Correlation Coefficient	,063	,027	,493**	,445**	1,000
5	Value (2 sided)	,647	,844	,000	,001	.	

* Correlation is significant at the level of 0.05 (two-way).

** Correlation is significant at the level of 0.01 (two-way).

с List value N = 56

тельных спортивных результатов требует проведения психологической работы по выявлению оптимального эмоционального состояния атлетов, выбору и обучению методам саморегуляции.

Проведение исследования

Целью нашего исследования являлось выявление связи состояния предсоревновательной тревожности и особенностей целеполагания как способа саморегуляции деятельности спортсменов, занимающихся керлингом.

Мы предполагали, что для спортсменов с эго-целевой ориентацией характерна более высокая предсоревновательная

тревожность, по сравнению со спортсменами с целевой ориентацией на задачу. Такое предположение было основано на выводах вышеприведенных исследований об особенностях ориентации целей и на мнении о том, что спортсмены с эго-ориентированными целями оценивают предстоящие соревновательные события как источник опасности (Nicholls, 1984; Dweck, 1986; Ames, 1992; Duda, 2001; Adie et al., 2008).

Выборку составили 56 спортсменов, занимающихся керлингом (M=16, Ж=40), в возрасте 14–37 лет, со стажем спортивной деятельности 4–22 года, владеющих спортивными разрядами и званиями: первый и второй разряды, кандидат в мастера спорта, мастер спорта, мастер спорта меж-

дународного класса, заслуженный мастер спорта. Сбор данных у участников исследования проходил в предсоревновательный период.

В исследовании были использованы следующие методики:

- Шкала тревоги Спилбергепа (State-Trait Anxiety Inventory – STAI) в адаптации Ю.Л. Ханина. Методика считается информативным способом измерения уровня тревожности в конкретный момент времени (как ситуативной тревожности) и личностной тревожности (как устойчивой характеристики человека).
- Модифицированная шкала личностной соревновательной тревожности Р. Мартенса в адаптации Ю.Л. Ханина, предназначенная для выявления индивидуальных различий спортсменов в эмоциональном реагировании на предстоящее соревнование (как типичная реакция человека на предстоящую значимую деятельность). Шкала пригодна для работы с детьми от десяти лет и взрослыми, может проводиться индивидуально и в группе.
- Авторский опросник по выявлению направленности целевых установок спортсменов. Опросник состоит из двух частей А и Б, каждая часть включает в себя по 8 утверждений. Часть А состоит из утверждений, относящихся к целевой ориентации на задачу. Например: «На тренировках/соревнованиях я осваиваю то, чего не мог делать раньше», «Я чувствую себя наиболее успешным, когда отработанные на тренировках сложные броски уверенно выполняю на соревнованиях» и др. Часть Б – это утверждения, относящиеся к эго-целевой ориентации: «На соревнованиях я стремлюсь показать своей игрой другим участникам, что я лучший», «Я всегда стремлюсь обыгрывать своего соперника по количеству/качеству бросков» и др. Формулировки утверждений составлены в соответствии с работами авторов теории достижения цели.

Для анализа данных использовалась статистическая программа SPSS-21, проведен корреляционный анализ основных параметров. Проверка выборки на соответствие закону нормального распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова показала отклонение от нормы.

Обсуждение полученных результатов

Для проверки гипотезы о связи состояния предсоревновательной тревожности и эго-целевой ориентации керлингистов рассчитан коэффициент корреляции r -Спирмена между данными переменными. Состояние предсоревновательной тревожности выявлялось посредством двух методик и представлено тремя шкалами: ситуативная и личностная тревожность, личностная соревновательная тревожность. Характер направленности целей спортсменов выявлен с помощью специального опросника.

Полученные данные противоречат выводам исследователей, показавших тесную положительную корреляцию высокой тревожности спортсменов с эго-целевой ориентацией (Adie, 2008; Duda, 2001; Elliot, 1999). В нашем исследовании коэффициенты корреляции указывают на отсутствие значимой связи исследуемых параметров. Результаты отражены в таблице 1.

Согласно полученным результатам, состояние предсоревновательной тревожности керлингистов, участвовавших в исследовании, не зависит от направленности их целевых установок. Отсутствие связи между предсоревновательной тревожностью у спортсменов и эго-целевой ориентацией, как и целевой ориентацией на задачу, очевидно, определяется спецификой керлинга, как командного вида спорта. В командных видах спорта результативность достигается посредством сложного процесса подготовки, включающего тактическое развитие, мобилизацию ресурсов, мотивацию, постановку целей и др. Все звенья этого процесса предполагают координацию усилий и вклад каждого игрока в решение общих задач и достижение стратегической цели команды. Членам команды свойственны различные физические и личностные особенности, ценности и индивидуальные цели, и роль тренера как лидера команды состоит в том, чтобы создать коллектив, ориентированный на достижение общей цели. В этом случае принятие и приверженность общеконандной цели выступает на первый план, являясь важным фактором сплоченности команды, а собственные стремления игроков адаптируются

Табл. 2. Результаты расчета U-критерия Манна-Уитни по гендерным различиям направленности целей и состояния тревожности спортсменов

Статистические критерии ^a	Эго-ориентация целей	Ориентация целей на задачу	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность	Соревновательная тревожность
U Манна-Уитни	269,000	301,500	229,500	178,000	184,500
W Вилкоксона	1089,000	1121,500	365,500	314,000	320,500
Z	-,940	-,348	-1,644	-2,578	-2,476
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,347	,728	,100	,010	,013

a Группирующая переменная: ПОЛ

Table 2. Calculation of the Mann-Whitney U-test for gender differences in the goal orientation and anxiety of athletes

Statistics Criteria ^a	Ego-goal orientation	Target Orientation	Situational Anxiety	Personal Anxiety	Competitive Anxiety
U Mann-Whitney	269,000	301,500	229,500	178,000	184,500
W Wilcoxon	1089,000	1121,500	365,500	314,000	320,500
Z	-,940	-,348	-1,644	-2,578	-2,476
Asymptotic value (2-sided)	,347	,728	,100	,010	,013

a. Grouping variable: GENDER

к коллективным. При этом игроки оказывают влияние друг на друга, разделяя ответственность за успехи и неудачи команды, что может существенно снизить их беспокойство в соревновательный период и повысить уверенность в себе. Таким образом, вероятно, респонденты представляют собой сплоченную и хорошо организованную команду. Кроме того, результаты могут быть связаны с индивидуальными особенностями респондентов и другими факторами, для уточнения которых требуются дополнительные исследования.

Следует отметить, что у абсолютного большинства участников исследования наблюдается целевая ориентация на задачу и лишь у 10% обнаружена эго-целевая ориентация. Это означает, что качества, приписываемые людям с эго-ориентацией целей, как стремящимся к демонстрации превосходства над другими, у участников исследования проявлены слабо. Преимущественная ориентация целей на задачу как стремление к повышению собственной компетентности, как убеждение, что усилия ведут к успеху и как осознание ценности членства в команде, может быть предиктором снижения тревожности

и достижения оптимального предсоревновательного состояния спортсменов. Данное обстоятельство можно считать также признаком адаптивного поведения членов команды и подтверждением их сплоченности.

Результаты расчетов с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни показывают отсутствие различий между мужчинами и женщинами по приверженности той или иной направленности целей ($p > 0,05$) (таблица 2).

Полученные результаты согласуются с итогами исследования С.Т. Макулда, где показано, что у студентов колледжа, занимающихся индивидуальными и командными видами спорта, не обнаружено существенных гендерных различий в ориентации целей на задачу и эго-ориентацией, а также в мотивации занятий спортом (Maculada, 2007). Кроме того, автор отмечает, что цели студентов были преимущественно ориентированы на задачу. Вместе с тем, наши результаты противоречат выводам Д.М. Андерсон и А.В. Диксон, которые утверждают, что мужчины, как правило, имеют более высокие баллы по эго-ориентации, чем женщины (Anderson, Dixon, 2009). В работах дру-

гих коллег показано, что во время занятий по физкультуре студентки чаще придерживались целей, ориентированных на задачу, чем студенты. Вероятность получения удовольствия от занятий физической активностью у них также была выше (Bagić et al, 2014; Boyd, 2017).

Согласно таблице 2, существуют значимые различия по состоянию личностной и соревновательной тревожности спортсменов по гендерному признаку. По шкале личностной тревожности у мужчин наблюдается низкий уровень, в то время как у женщин – средняя степень тревожности. Соревновательная тревожность у мужчин находится на среднем уровне, у женщин – на самом высоком. Полученные резуль-

тации целей с таким параметром, как спортивное звание/разряд респондентов ($R=-0,433$; $p=0,001$). Очевидно, с ростом профессиональной квалификации спортсмены все чаще ориентированы на повышение мастерства и развитие навыков, успехи и неудачи оцениваются субъективным восприятием своих выступлений. Кроме того, у них, вероятно, повышается ценность и привлекательность профессиональной спортивной этики, в отличие от приверженцев эго-ориентации целей, для которых характерны демонстрация способностей, хвастовство, оскорбления противника. Корреляции направленности целей и состояния тревожности с параметрами возраста и стажа профессиональ-

и психологического состояния перед соревнованиями (Martens, 1979; Martens et al, 1990; Smith et al, 1990; Abenza et al, 2009; Mosley, Laborde, 2016; Altfeld et al, 2017).

Заключение

Целеполагание является неотъемлемым компонентом механизма саморегуляции деятельности в спорте, от успешности которого зависит результативность спортсменов. Постановка цели способствует организации и оптимизации деятельности, активизирует процессы саморефлексии и самоконтроля человека. Направленность целей на задачу или эго-ориентация характеризуют представления субъекта об успешности, прогнозируют его способность к сотрудничеству с другими людьми и эмоциональные реакции на значимые события. Встречающееся в проанализированных исследованиях положение о значимой связи эго-целевой ориентации и высокой тревожности у спортсменов в нашей работе не нашло подтверждения. Состояние предсоревновательной тревожности спортсменов-кёрлингистов, участвовавших в исследовании, не зависело от направленности их целевых установок. Предсоревновательную тревожность переживают респонденты разного возраста, спортивного звания/разряда и стажа профессиональной деятельности без значимых различий. Вместе с тем, женщины более подвержены личностной и соревновательной тревожности.

В качестве основных направлений дальнейших исследований по обсуждаемой проблематике можно выделить изучение роли тренера в формировании направленности целей спортсменов и уточнение дополнительных факторов, оказавших влияние на полученные в настоящей работе результаты.

Информация о грантах и благодарностях

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-013-01211\18.

Acknowledgements

The work was performed as part of the RFBR project No. 18-013-01211\18.

Направленность целей на задачу или эго-ориентация характеризуют представления субъекта об успешности, прогнозируют его способность к сотрудничеству с другими людьми и эмоциональные реакции на значимые события. Встречающееся в проанализированных исследованиях положение о значимой связи эго-целевой ориентации и высокой тревожности у спортсменов в нашей работе не нашло подтверждения

таты созвучны с выводами других специалистов, установивших значительную разницу в состоянии тревожности у спортсменов и спортсменок индивидуальных и командных видов спорта до и во время соревнований, где женщины получали высокие баллы по данному параметру (Perry, Williams, 1998; Thatcher et al, 2004; Cartoni et al, 2005; Parnabas, Mahamood, 2010; Schaal et al, 2011; Rocha, Osório, 2018). Отсутствие значимых гендерных различий по ситуативной тревожности следует объяснять тем, что, вероятно, данная шкала представляет тревожность как реакцию на конкретные ситуации, но не как интегральный показатель во всех связанных случаях.

Одна из причин обнаруженных гендерных различий может заключаться в стремлении к эмоциональному самоконтролю и большей уверенности в себе у спортсменов, по сравнению со спортсменками, об этом нередко сообщается в научных статьях (Lirgg, 1991; Esfahani, Soflu, 2010). Другим предположением может быть наличие более высокой готовности и способности женщин выражать свои чувства, в том числе неприятные, поскольку они считают такое поведение социально приемлемым.

Обнаружена умеренная отрицательная и значимая корреляция эго-ориен-

ной деятельности респондентов не обнаружены.

Согласно таблице 1, наблюдается тесная положительная корреляция личностной, ситуативной и соревновательной тревожности спортсменов, что подтверждает результаты многочисленных исследований. Спортсмены с высокой степенью личностной тревожности в напряженной или стрессовой ситуации демонстрируют более высокий уровень состояния тревоги; взаимодействие личностных и ситуационных факторов (уровень самооценки, значимость и неопределенность ситуации и др.), актуализируется возбуждение и состояние тревоги, которые могут как превысить, так и не достигнуть оптимального уровня. Спортсмены с личностной тревожностью предрасположены воспринимать широкий спектр соревновательных обстоятельств как угрожающие, что приводит к усилению их мышечного напряжения, сужению поля и объема внимания, повышению риска возникновения травм. Диагностика тревожности как черты личности и как ситуативного состояния позволяет прогнозировать реакции спортсменов на соревновательную ситуацию и их эффективность. Применение методов саморегуляции способствует достижению оптимального физиологического

Литература

- Воскресенская Е.В., Воскресенская Е.В., Мельник Н.В., Кухтова Е.В. Психология страха и тревоги в спортивной деятельности (теория и практика) : методические рекомендации . – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 53 с.
- Вяткин Б.А., Мерлин В.С. Личность и стресс // Психический стресс в спорте. – Пермь, 1975. – С. 5–12.
- Ганюшкин А.Д. Исследование состояния психической готовности человека к деятельности в экстремальных условиях. – Москва : Просвещение, 2002. – 126 с.
- Дмитриев С.В. Принципы целеполагания в спорте – новые понятия, новые реальности или парадоксы мышления? // Физическое воспитание студентов. – 2010. – № 3. – С. 17–30.
- Зобков В.А. Психология отношения человека к жизнедеятельности: теория и практика : монография. – Владимир : Калейдоскоп, 2011. – 264 с.
- Ильин Е.П. Психология спорта. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 352 с.
- Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – Санкт-Петербург : Питер, 2011.
- Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5–12.
- Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – Москва : УРСС, 2018. – 320 с.
- Кретти Б.Дж. Психология в современном спорте. – Москва : Физкультура и спорт, 1978. – 224 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Смысл, 2005. – 352 с.
- Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика. – Москва : Смысл, 2011. – 679 с.
- Мартенс Р. Социальная психология и спорт. – Москва : Физкультура и спорт, 1979. – 176 с.
- Моросанова В.И. Дифференциальный подход к психической саморегуляции и его применение к исследованию действий профессионала // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 3. – С. 98–111.
- Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 26–35.
- Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции личности // Вопросы психологии. – 2004. – № 1. – С. 121–127.
- Моросанова В.И. Дифференциально-психологические основы саморегуляции в обучении и воспитании подрастающего поколения // Мир психологии. – 2013. – № 2. – С. 189–200.
- Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. – Москва ; Обнинск : ИГ– СОЦИН, 2010. – 232 с.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Москва : Педагогика, 1989. – 488 с.
- Тихомиров О.К. Психология мышления. – Москва : Изд-во МГУ, 1984. – 270 с.
- Ханин Ю.Л. Исследование тревоги в спорте // Вопросы психологии. – 1978. – Т. 6. – С. 94–104.
- Ханин Ю.Л. Стресс и тревога в спорте. – Москва : Физкультура и спорт, 1983. – 288 с.
- Ханин Ю.Л. Исследование чувства страха у спортсменов высшей квалификации : материалы Российской республиканской межвузовской научной конференции по физиологии моторно-висцеральной регуляции, мышечной деятельности и физического воспитания. Т. 2. – Калинин, 1969. – С. 282–283.
- Abenza L., Alarcon F., Pinar M.I., & Urena N. (2009). Relationship between the anxiety and performance of a basketball team during competition. *Revista de Psicología del Deporte*, 18(3), 409–413.
- Adie J.W., Duda J.L., & Ntoumanis N. (2008). Achievement Goals, Competition Appraisals, and the Psychological and Emotional Welfare of Sport Participants. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 30, 302–322. doi: 10.1123/jsep.30.3.302
- Altfeld S., Langenkamp H., Beckmann J., & Kellmann M. (2017). Measuring the effectiveness of psychologically oriented basketball drills in team practice to improve self-regulation. *International Journal of Sports Science & Coaching*, 12, 725–736. doi: 10.1177/1747954117738891
- Ames C. (1992). Classrooms: Goals, structures, and student motivation. *Journal of Educational Psychology*, 84, 261–271. doi: 10.1037/0022-0663.84.3.261
- Anderson D.M., & Dixon A.W. (2009). Winning isn't everything: goal orientation and gender differences in university leisure-skills classes. *Recreational Sports Journal*, 33(1), 54–64. doi: 10.1123/rsj.33.1.54
- Apitzsch E. (1973). Pre-start anxiety in competitive swimmers. World Congress of the International Society of Sport Psychology. Madrid.
- Bandura A. (2001). Social cognitive theory: An agentic perspective. *Annual review of psychology*, 52(1), 1–26. doi: 10.1146/annurev.psych.52.1.1
- Baric R., Vlasic J., & Erpic S.C. (2014). Goal orientation and intrinsic motivation for physical education: does perceived competence matter? *Kinesiology*, 46(1), 117–126.
- Basler, M.L., Fisher, A.C., & Mumford, N.L. (1976). Arousal and anxiety correlates of gymnastic performance. *Research Quarterly*, 47(4), 586–589. doi: 10.1080/10671315.1976.10616714
- Boyd A.M. (2017). An Examination of Goal Orientation between Genders – An Exploratory Study. University Honors Program Theses. 276–277.
- Cartoni A.C., Minganti C., & Zelli A. (2005). Gender, age and professional-level differences in the psychological correlates of fear of injury in Italian gymnast. *Journal of Sport Behavior*, 28, 3–17.
- Cleary T. J., & Zimmerman B. J. (2001). Self-regulation differences during athletic practice by experts, non-experts, and novices. *Journal of Applied Sport Psychology*, 13(2), 185–206. doi: 10.1080/104132001753149883
- Collins J., Durand-Bush N. (2014). Strategies used by an elite curling coach to nurture athletes' self-regulation: A single case study. *Journal of Applied Sport Psychology*, 26(2), 211–224. doi: 10.1080/10413200.2013.819823
- Craft L. L., Magyar T. M., Becker B. J., & Feltz D. L. (2003). The relationship between the Competitive State Anxiety Inventory-2 and sport performance: A meta-analysis. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 25, 44–65. doi: 10.1123/jsep.25.1.44
- Duda J.L. (2001). Achievement goal research in sport: Pushing the boundaries and clarifying some misunderstandings. In G.C. Roberts (Ed.) *Advances in motivation in sport and exercise*. Champaign, IL: Human Kinetics, 129–182.
- Dweck C.S. (1986). Motivational processes affecting learning. *American Psychologist*, 41, 1040–1048. doi: 10.1037/0003-066X.41.10.1040
- Elliot A.J. (1999). Approach and avoidance motivation and achievement goals. *Educational Psychologist*, 34, 169–189. doi: 10.1207/s15326985ep3403_3

- Esfahani N., Soflu G.H. (2010). The comparison of pre-competition anxiety and state anger between female and male volley ball players. *World Journal of Sport Sciences*, 13(4), 237–242.
- Geisler G., Kerr J. H. (2007). Competition stress and affective experiences of Canadian and Japanese futsal players. *International journal of sport psychology*, 2, 135–143.
- Kitsantas A., & Kavussanu M. (2011). Acquisition of sport knowledge and skill: The role of self-regulatory processes. *Handbook of Self-Regulation of Learning and Performance*. NY: Routledge, 217–233.
- Kitsantas A., Kavussanu M., Corbato D. & Van de Pol P. (2018). Self-regulation in sports learning and performance. *Handbook of self-regulation of learning and performance*. Routledge, 194–207. doi: 10.4324/9781315697048-13
- Koch A.K., & Nafziger J. (2011). Self-regulation through Goal Setting. *The Scandinavian Journal of Economics*, 113(1), 212–227. doi: 10.1111/j.1467-9442.2010.01641.x
- Lirgg C.D. (1991). Gender differences in self-confidence in physical activity: A meta-analysis of recent studies. *Journal of Sport & Exercise Psychology*, 13(3), 294–310.
- Maculada S.T. (2007) Gender Differences in Task and Ego Goal Orientations and Motivation in Sport Participation. *Philippine journal of psychology*, 40(1), 123–135. doi: 10.1123/jsep.13.3.294
- Martens R., Vealey R.S., Burton D. (1990). Competitive anxiety in sport. Champaign, IL: Human Kinetics, 117–173.
- Mosley E., & Laborde S. (2016). Performing under Pressure: Influence of Personality-Trait-Like Individual Differences. *Performance Psychology*, Elsevier, 291–314. doi: 10.1016/B978-0-12-803377-7.00018-1
- Muhammad K.K., Alamgir K., Sami U.K., & Salahuddin K. (2017). Effects of Anxiety on Athletic Performance. *Research & Investigations in Sports Medicine*, 1(1). doi: 10.31031/RISM.2017.01.000508
- Nicholls J. G. (1984). Achievement motivation: Conceptions of ability, subjective experience, task choice and performance. *Psychological Review*, 91, 328–346. doi: 10.1037/0033-295X.91.3.328
- Ntoumanis N. (2001). Empirical links between achievement goal theory and self-determination theory in sport. *Journal of Sport Science*, 19(6), 397–419. doi: 10.1080/026404101300149357
- Ommundsen Y. (2006). Pupils' self-regulation in physical education: The role of motivational climates and differential achievement goals. *European Physical Education Review*, 12(3), 289–315. doi: 10.1177/1356336X06069275
- Parnabas V.A., & Mahamood Y. (2010) Competitive anxiety level before and during competition among Malaysian athletes. *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*, 18(2), 399–406.
- Perry J.D., Williams J.M. (1998). Relationship of intensity and direction of competitive trait anxiety to skill level and gender in tennis. *The Sport Psychologist*, 12, 169–179. doi: 10.1123/tsp.12.2.169
- Pintrich P.R. (2000). The role of goal orientation in self-regulated learning. Academic Press, doi: 10.1016/B978-012109890-2/50043-3
- Rocha V.V.S., & Osório F.L. (2018). Associations between competitive anxiety, athlete characteristics and sport context: evidence from a systematic review and meta-analysis. *Archives of Clinical Psychiatry*, 45(3), 67–74. doi: 10.1590/0101-60830000000160
- Schaal K., Tafflet M., & Nassif H., et al. (2011). Psychological balance in high level athletes: Gender-Based differences and sport-specific patterns. *PLoS ONE*, 6(5). doi: 10.1371/journal.pone.0019007
- Schunk D.H. Social Cognitive Theory and Self-Regulated Learning. In B.J. Zimmerman, D.H. Schunk (Eds.). *Self-Regulated Learning and Academic Achievement: Theoretical Perspectives-An Educational Perspective*. New Jersey: Prentice Hall. 2001. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates, 125–151.
- Smith R.E., Smoll F.E. & Schutz R.W. (1990). Measurement and correlates of sport-specific cognitive and somatic trait anxiety: The Sport Anxiety Scale. *Anxiety Res.*, 2, 263–280. doi: 10.1080/08917779008248733
- Smith R.E., Smoll F.L., & Cumming S.P. (2007). Effects of a motivational climate intervention for coaches on young athletes' sport performance anxiety. *Journal of Sport Exercise Psychology*, 29 (1), 39–59. doi: 10.1123/jsep.29.1.39
- Sun Y., & Wu X. (2011). Self-regulation of elite athletes in China. *Social Behavior and Personality*, 39(8), 1035–1044. doi: 10.2224/sbp.2011.39.8.1035
- Thatcher J., Thatcher R., & Dorling D. (2004). Gender differences in the pre-competition temporal patterning of anxiety and hormonal responses. *Journal of Sports Medicine Physical Fitness*, 44(3), 300–308.
- Tyson D.F., Linnenbrink G.L., & Hill N.E. (2009). Regulating debilitating emotions in the context of performance: Achievement goal orientations, achievement-elicited emotions and socialization contexts. *Human Development*, 52(6), 329–56. doi: 10.1159/000242348
- Wang J., Marchant D., Morris T., Gibbs P. (2004). Self-consciousness and trait anxiety as predictors of choking in sport. *Journal Science Medicine Sport*, 7 (2), 174–185. doi: 10.1016/S1440-2440(04)80007-0
- Weinberg R., & Barthol R.P. (1977). Anxiety, quality of movement and performance. *I Vth World congress of the International Society for Sport Psychology*. Prague. October 3–9.
- Xiang P., & Lee A. (2002). Achievement goals, perceived motivational climate, and student's self-reported mastery behaviours. *Research Quarterly Exercise Sport*, 73(1), 58–65. doi: 10.1080/02701367.2002.10608992
- Zimmerman B.J. (1990) Self-Regulated Learning and Academic Achievement: An Overview. *Educational Psychologist*, 25(1), 3–17. doi: 10.1207/s15326985ep2501_2
- Zimmerman B.J. (2000). Attaining Self-Regulation: A Social Cognitive Perspective. In M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner (Eds.), *Handbook of Self-Regulation*, 13–39. San Diego, CA: Academic Press. doi: 10.1016/B978-012109890-2/50031-7
- Zobkov V.A. (2011). Psychology of human attitudes to life: theory and practice: monograph. Vladimir, Kaleydoskop, 264.

References

- Abenza L., Alarcon F., Pinar M.I., & Urena N. (2009). Relationship between the anxiety and performance of a basketball team during competition. *Revista de Psicología del Deporte*, 18(3), 409–413.
- Adie J.W., Duda J.L., & Ntoumanis N. (2008). Achievement Goals, Competition Appraisals, and the Psychological and Emotional Welfare of Sport Participants. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 30, 302–322. doi: 10.1123/jsep.30.3.302

- Altfeld S., Langenkamp H., Beckmann J., & Kellmann M. (2017). Measuring the effectiveness of psychologically oriented basketball drills in team practice to improve self-regulation. *International Journal of Sports Science & Coaching*, 12, 725–736. doi: 10.1177/1747954117738891
- Ames C. (1992). Classrooms: Goals, structures, and student motivation. *Journal of Educational Psychology*, 84, 261–271. doi: 10.1037/0022-0663.84.3.261
- Anderson D.M., & Dixon A.W. (2009). Winning isn't everything: goal orientation and gender differences in university leisure-skills classes. *Recreational Sports Journal*, 33(1), 54–64. doi: 10.1123/rsj.33.1.54
- Apitzsch E. (1973). Pre-start anxiety in competitive swimmers. World Congress of the International Society of Sport Psychology. Madrid.
- Bandura A. (2001). Social cognitive theory: An agentic perspective. *Annual review of psychology*, 52(1), 1–26. doi: 10.1146/annurev.psych.52.1.1
- Baric R., Vlastic J., & Erpic S.C. (2014). Goal orientation and intrinsic motivation for physical education: does perceived competence matter? *Kinesiology*, 46(1), 117–126.
- Basler, M.L., Fisher, A.C., & Mumford, N.L. (1976). Arousal and anxiety correlates of gymnastic performance. *Research Quarterly*, 47(4), 586–589. doi: 10.1080/10671315.1976.10616714
- Boyd A.M. (2017). An Examination of Goal Orientation between Genders – An Exploratory Study. University Honors Program Theses. 276–277.
- Cartoni A.C., Minganti C., & Zelli A. (2005). Gender, age and professional-level differences in the psychological correlates of fear of injury in Italian gymnast. *Journal of Sport Behavior*, 28, 3–17.
- Cleary T. J., & Zimmerman B. J. (2001). Self-regulation differences during athletic practice by experts, non-experts, and novices. *Journal of Applied Sport Psychology*, 13(2), 185–206. doi: 10.1080/104132001753149883
- Collins J., Durand-Bush N. (2014). Strategies used by an elite curling coach to nurture athletes' self-regulation: A single case study. *Journal of Applied Sport Psychology*, 26(2), 211–224. doi: 10.1080/10413200.2013.819823
- Craft L. L., Magyar T. M., Becker B. J., & Feltz D. L. (2003). The relationship between the Competitive State Anxiety Inventory-2 and sport performance: A meta-analysis. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 25, 44–65. doi: 10.1123/jsep.25.1.44
- Cretti B.J. (1978). Psychology in modern sport. Moscow, Fizkul'tura i sport, 224.
- Dmitriev S.V. (2010). The principles of goal-setting in sports – new concepts, new realities or paradoxes of thinking? [*Fizicheskoe vospitanie studentov*], 3, 17–30.
- Duda J.L. (2001). Achievement goal research in sport: Pushing the boundaries and clarifying some misunderstandings. In G.C. Roberts (Ed.) *Advances in motivation in sport and exercise*. Champaign, IL: Human Kinetics, 129–182.
- Dweck C.S. (1986). Motivational processes affecting learning. *American Psychologist*, 41, 1040–1048. doi: 10.1037/0003-066X.41.10.1040
- Elliot A.J. (1999). Approach and avoidance motivation and achievement goals. *Educational Psychologist*, 34, 169–189. doi: 10.1207/s15326985ep3403_3
- Esfahani N., Soflu G.H. (2010). The comparison of pre-competition anxiety and state anger between female and male volley ball players. *World Journal of Sport Sciences*, 13(4), 237–242.
- Ganyushkin A.D. (2002). Study of the state of a person's mental readiness for activities in extreme conditions. Moscow, Prosveshhenie, 126.
- Geisler G., Kerr J. H. (2007). Competition stress and affective experiences of Canadian and Japanese futsal players. *International journal of sport psychology*, 2, 135–143.
- Ilyin E.P. (2011). Emotions and feelings. St. Petersburg, Piter, 752.
- Ilyin E.P. (2012). Sports Psychology. St. Petersburg, Piter, 352.
- Khanin Yu.L. (1969). The study of fear in highly qualified athletes. [*Rossiyskaya respublikanskaya mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya po fiziologii motorno-vistseral'noy regulyatsii, myshechnoy deyatelnosti i fizicheskogo vospitaniya*]. Kalinin, 2, 282–283.
- Khanin Yu.L. (1978). Study of anxiety in sport. [*Voprosy psikhologii*], 6, 94–104.
- Khanin Yu.L. (1983). Stress and anxiety in sports. Moscow, Fizkul'tura i sport, 288.
- Kitsantas A., & Kavussanu M. (2011). Acquisition of sport knowledge and skill: The role of self-regulatory processes. *Handbook of Self-Regulation of Learning and Performance*. NY: Routledge, 217–233.
- Kitsantas A., Kavussanu M., Corbato D. & Van de Pol P. (2018). Self-regulation in sports learning and performance. *Handbook of self-regulation of learning and performance*. Routledge, 194–207. doi: 10.4324/9781315697048-13
- Koch A.K., & Nafziger J. (2011). Self-regulation through Goal Setting. *The Scandinavian Journal of Economics*, 113(1), 212–227. doi: 10.1111/j.1467-9442.2010.01641.x
- Konopkin O.A. (2018). Psychological mechanisms of activity regulation. Moscow, URSS, 320.
- Konopkin O.A. (1995). Mental self-regulation of arbitrary human activity (structural and functional aspect). [*Voprosy psikhologii*], 1, 5–12.
- Leont'ev A.N. (2005). Activities. The consciousness. Personality. [*Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*]. Moscow, Smysl, 352.
- Leont'ev D.A. (2011). Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika. [*Personal potential: structure and diagnostics*]. Moscow, Smysl, 679.
- Lirgg C.D. (1991). Gender differences in self-confidence in physical activity: A meta-analysis of recent studies. *Journal of Sport & Exercise Psychology*, 13(3), 294–310.
- Maculada S.T. (2007) Gender Differences in Task and Ego Goal Orientations and Motivation in Sport Participation. *Philippine journal of psychology*, 40(1), 123–135. doi: 10.1123/jsep.13.3.294
- Martens R. (1979). Social psychology and sport. Moscow, FiS, 176.
- Martens R., Vealey R.S., Burton D. (1990). Competitive anxiety in sport. Champaign, IL: Human Kinetics, 117–173.
- Morosanova V.I. (1995). Individual style of self-regulation in voluntary human activity. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 4, 26–35.
- Morosanova V.I. (2004). Stylistic features of self-regulation of personality. [*Voprosy psikhologii*], 1, 121–127.
- Morosanova V.I. (2012). Differential approach to mental self-regulation and its application to the study of professional actions. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 33, 1, 98–111.
- Morosanova V.I. (2013). Differential psychological bases of self-regulation in training and education of the younger generation. [*Mir psikhologii*], 2, 189–200.
- Mosley E., & Laborde S. (2016). Performing under Pressure: Influence of Personality-Trait-Like Individual Differences. *Performance Psychology*, Elsevier,

291–314. doi: 10.1016/B978-0-12-803377-7.00018-1

Muhammad K.K., Alangir K., Sami U.K., & Salahuddin K. (2017). Effects of Anxiety on Athletic Performance. *Research & Investigations in Sports Medicine*, 1(1). doi: 10.31031/RISM.2017.01.000508

Nicholls J. G. (1984). Achievement motivation: Conceptions of ability, subjective experience, task choice and performance. *Psychological Review*, 91, 328–346. doi: 10.1037/0033-295X.91.3.328

Ntoumanis N. (2001). Empirical links between achievement goal theory and self-determination theory in sport. *Journal of Sport Science*, 19(6), 397–419. doi: 10.1080/026404101300149357

Ommundsen Y. (2006). Pupils' self-regulation in physical education: The role of motivational climates and differential achievement goals. *European Physical Education Review*, 12(3), 289–315. doi: 10.1177/1356336X06069275

Osnitsky A.K. (2010). Psychological mechanisms of independence. Moscow, Obninsk, IG– SOTSIN, 232.

Parnabas V.A., & Mahamood Y. (2010). Competitive anxiety level before and during competition among Malaysian athletes. *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*, 18(2), 399–406.

Perry J.D., Williams J.M. (1998). Relationship of intensity and direction of competitive trait anxiety to skill level and gender in tennis. *The Sport Psychologist*, 12, 169–179. doi: 10.1123/tsp.12.2.169

Pintrich P.R. (2000). The role of goal orientation in self-regulated learning. Academic Press, doi: 10.1016/B978-012109890-2/50043-3

Rocha V.V.S., & Osório F.L. (2018). Associations between competitive anxiety, athlete characteristics and sport context: evidence from a systematic review and meta-analysis. *Archives of Clinical Psychiatry*, 45(3), 67–74. doi: 10.1590/0101-60830000000160

Rubinshtein S.L. (1989). Fundamentals of General psychology. Moscow, Pedagogika, 488.

Schaal K., Tafflet M., & Nassif H., et al. (2011). Psychological balance in high level athletes: Gender-Based differences and sport-specific patterns. *PLoS ONE*, 6(5). doi: 10.1371/journal.pone.0019007

Schunk D.H. Social Cognitive Theory and Self-Regulated Learning. In B.J. Zimmerman, D.H. Schunk (Eds.). *Self-Regulated Learning and Academic Achievement: Theoretical Perspectives-An Educational Perspective*. New Jersey: Prentice Hall. 2001. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates, 125–151.

Smith R.E., Smoll F.E. & Schutz R.W. (1990). Measurement and correlates of sport-specific cognitive and somatic trait anxiety: The Sport Anxiety Scale. *Anxiety Res.*, 2, 263–280. doi: 10.1080/08917779008248733

Smith R.E., Smoll F.L., & Cumming S.P. (2007). Effects of a motivational climate intervention for coaches on young athletes' sport performance anxiety. *Journal of Sport Exercise Psychology*, 29 (1), 39–59. doi: 10.1123/jsep.29.1.39

Sun Y., & Wu X. (2011). Self-regulation of elite athletes in China. *Social Behavior and Personality*, 39(8), 1035–1044. doi: 10.2224/sbp.2011.39.8.1035

Thatcher J., Thatcher R., & Dorling D. (2004). Gender differences in the pre-competition temporal patterning of anxiety and hormonal responses. *Journal of Sports Medicine Physical Fitness*, 44(3), 300–308.

Tikhomirov O.K. (1984). Psychology of thinking. Moscow, MGU, 270.

Tyson D.F., Linnenbrink G.L., & Hill N.E. (2009). Regulating debilitating emotions in the context of performance: Achievement goal orientations, achievement-elicited emotions and socialization contexts. *Human Development*, 52(6), 329–56. doi: 10.1159/000242348

Voskresenskaya E.V. (ed.) (2015). Psychology of fear and anxiety in sports (theory and practice): guidelines. Vitebsk, 53.

Vyatkin B.A., & Merlin V.S. (1975). Personality and stress. [Psikhicheskiy stress v sporte]. Permian, 5–12.

Vysochina N., & Vorobiova A. (2017). Goal-setting in sport and the algorithm of its realization. *Știința culturii fizice*, 28, 108–112.

Wang J., Marchant D., Morris T., Gibbs P. (2004). Self-consciousness and trait anxiety as predictors of choking in sport. *Journal Science Medicine Sport*, 7 (2), 174–185. doi: 10.1016/S1440-2440(04)80007-0

Weinberg R., & Barthol R.P. (1977). Anxiety, quality of movement and performance. *I Vth World congress of the International Society for Sport Psychology*. Prague. October 3–9.

Xiang P., & Lee A. (2002). Achievement goals, perceived motivational climate, and student's self-reported mastery behaviours. *Research Quarterly Exercise Sport*, 73(1), 58–65. doi: 10.1080/02701367.2002.10608992

Zimmerman B.J. (1990) Self-Regulated Learning and Academic Achievement: An Overview. *Educational Psychologist*, 25(1), 3–17. doi: 10.1207/s15326985ep2501_2

Zimmerman B.J. (2000). Attaining Self-Regulation: A Social Cognitive Perspective. In M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner (Eds.), *Handbook of Self-Regulation*, 13–39. San Diego, CA: Academic Press. doi: 10.1016/B978-012109890-2/50031-7

Zobkov V.A. (2011). Psychology of human attitudes to life: theory and practice: monograph. Vladimir, Kaleydoskop, 264.

Проблемы и возможности реализации инклюзивного образования в современном вузе

А.С. Дамадаева

Дагестанский государственный университет Махачкала, Россия

А.А. Бехоева

Чеченский государственный университет Грозный, Россия

Поступила 25 февраля 2019/ Принята к публикации: 21 августа 2019

Problems and opportunities of implementing inclusive education in modern University

Anzhela S. Damadaeva

Dagestan state University, Makhachkala, Russia

Aset A. Behoeva*

Chechen state University Grozny, Russia

* Corresponding author E-mail: damadaeva.as@dagiro.ru

Received February 25, 2019 / Accepted for publication: August 21, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. В настоящее время одним из приоритетных направлений реформирования образования является внедрение инклюзивного обучения. И хотя инклюзия не является новым явлением для нашей страны, на пути ее эффективного внедрения существует много трудностей и препятствий. В республиках Дагестан и Чечня опыт инклюзии еще не нашел широкого применения в образовательной практике, и поэтому проблемы и возможности ее реализации на переходном этапе имеют важное значение для перспектив развития этого направления.

Цель работы: на основе анализа опыта использования инклюзивного образования (ИО) за рубежом исследовать проблемы внедрения ИО в систему высшего образования в Республике Дагестан и в Чеченской Республике.

Описание хода исследования. Проанализированы и рассмотрены вопросы методологии инклюзивного образования с целью расширения представления о возможностях и порядке работы ИО. В результате социологического опроса выявлена основная проблема, характерная для первой ступени введения инклюзивного образования. Это психологическая неготовность участников инклюзивного процесса к введению такого образования в образовательные организации.

Результаты исследования. Выяснилось, что внедрение инклюзивного образования в Республике Дагестан и в Чеченской Республике связано со многими проблемами. Проведенный опрос позволил выделить основные противоречия образовательной среды вуза, препятствующие введению ИО в обучение студентов с особенностями психофизического развития (ОПФР).

Выводы. Исследование показало необходимость создания в вузах Центра инклюзивного обучения. Предложены основные возможные направления деятельности Центра, его структура, требуемые ресурсы.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное обучение, студенты, особенности психофизического развития, адаптация, трансдисциплинарное научное направление, центр инклюзивного обучения.

Background. Currently, one of the priorities of education reform is the introduction of inclusive education. Although «inclusion» is not a new phenomenon for our country, there are many difficulties and obstacles to its effective implementation. For the Republic of Dagestan and Chechnya, the experience of inclusion has not yet found wide application in educational practice, and therefore the problems and opportunities of implementation at the transition stage are important for the prospects of development of this direction.

The Objective of the paper is based on the analysis of the experience of inclusive education (IO) abroad to investigate the problems of implementation (IO) in the system of higher education in the Republic of Dagestan and the Chechen Republic.

Design. Analyzed and reviewed the methodological issues of inclusive education with the aim of enhancing understanding of the capabilities and modus operandi (IO). As a result of the sociological survey, the main problems that start at the first stage of the introduction of inclusive education, such as psychological unpreparedness of participants of the inclusive process to the introduction of such education in educational organizations, are identified. Research result. The issues of the order of work of inclusive education (IO) in the Republic of Dagestan and in the Chechen Republic testify to the existence of numerous problems. The survey allowed to identify the main contradictions of the educational environment of the University, preventing the introduction of IO in the training of students with opr.

Conclusion. Based on this study the conclusion about the necessity of establishing at the University a centre of inclusive learning. The main possible activities of the Center, its structure and required resources are proposed.

Keywords: inclusion, inclusive education, students, features of psychophysical development, adaptation, transdisciplinary scientific direction.

Введение

Потребность в трансформации образования вызвана глобальными изменениями в современном обществе, включающими его гуманизацию и масштабное внедрение научных достижений в образовательную практику. Преобразования осуществляются на организационном, содержательном, процессуальном, оценочно-результативном уровнях (Жукова, URL: <http://www.samrgu.ru/society/obrazovanie/83628.html>).

Для того, чтобы всесторонне рассмотреть проблему внедрения инклюзивного образования (ИО) в образовательную систему организаций, надо начать с методологии системы специального образования. Методология инклюзивного об-

нергетический и экзистенциальный подходы.

Аксиологический (от греч. *axia* – ценность, *logos* – слово, учение) подход отражает ценностное отношение к каждому человеку. Он обеспечивает доступность образования для всех гражданам, в том числе и для лиц с особенностями психофизического развития, в соответствии с их возможностями и потребностями, независимо от степени выраженности нарушения. Важное условие эффективности инклюзивного образования – создание комфортных условий для всех учащихся, способствующих их личностному становлению, интеллектуальному развитию, обогащению социального опыта (Инклюзивное образование ..., 2017).

рантирует ребенку сохранение его здоровья.

Синергетический подход (от греч. *sinergos* – совместно действующий) основан на использовании данных разных наук для эффективного построения системы образования. Он связан с развитием психиатрии, нейрохирургии, специальной психологии и специальной педагогики. Использование их достижений увеличивает возможности влияния на развитие ребенка. В основе синергетического подхода лежат нелинейность (многозначность) решений, взаимодействие специалистов, проявление активности (самоорганизации). Синергетический подход радикально расширяет возможности инклюзивного образования и коррекционно-педагогической помощи, так как нелинейные подходы меняют традиционные представления об образовании лиц с особенностями психофизического развития (Горюнова, Гутерман, URL: <http://e-koncept.ru/2014/54323.htm>). Инклюзивное образование, с позиции синергетики, рассматривается как открытая, нелинейная самоорганизующаяся система. При этом специалистами могут высказываться противоположные точки зрения, которые, пересекаясь, позволяют обнаружить новое в содержании и структуре происходящих явлений и процессов.

Экзистенциальный (от позднелат. *ex(s)istentia* – существование) подход указывает на необходимость создания для каждого ребенка в условиях инклюзивного образования условий для проявления им свободы и ответственности при определении собственного бытия (Коноплева, 2012).

Кроме того, методологию инклюзивного образования определяют культурологический, герменевтический, компетентностный подходы (Инклюзивное образование ..., 2017).

Культурологический (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание) подход отражает соответствие инклюзивного образования требованиям и достижениям мировой (цивилизационной) и национальной культур, наличие многовариантности образовательных культур и практик в условиях совместного обучения и воспитания (Семаго, 2015). Процессы глобализации делают важным сохранение основ национальной культуры. Освоение куль-

Методология инклюзивного образования рассматривается как учение о способах преобразования системы существующего специального образования во включенное, совместное. Потребность в трансформации образования вызвана изменениями в мировой культуре, научными достижениями и своеобразными гуманистическими тенденциями в современном обществе

разования рассматривается как учение о способах преобразования системы существующего специального образования во включенное, совместное.

Общонаучную методологию инклюзивного образования выражают аксиологический, антропологический, си-

Антропологический (от греч. *anthropos* – человек, *logos* – слово, учение) подход предполагает использование данных генетических, медицинских, психолого-педагогических исследований и материалов интуитивного познания каждого ребенка в педагогическом процессе и га-



Анжела Сергеевна Дамадаева –

доктор психологических наук, доцент кафедры психологии развития и профессиональной деятельности факультета психологии и философии Дагестанского государственного университета
<http://cathedra.dgu.ru/?id=117>
E-mail: damadaeva.as@dagiro.ru



Асет Абдулмуслимовна Бехоева –

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Чеченского государственного университета
E-mail: behoevasya@icloud.com

туры происходит, прежде всего, посредством усвоения системы ценностей своего народа. В то же время, образование прививает уважительное отношение к другим обычаям, правилам поведения, если они не противоречат гуманистическим нормам человеческих взаимоотношений. Культурологический подход регулирует отношения образовательных субкультур (подсистем) в условиях инклюзивного образования. Образовательная культура многовариантна. В ней проявляются и закрепляются различные ценности, нормы поведения, могут отражаться различные образовательные стандарты.

Герменевтический (от греч. *hermeneia* – толкование) предполагает отслеживание самочувствия и переживаний детей, использование интерпретации, реконструкции действий, осмысления происходящего с учащимся педагогом. Для этого он «проживает» жизнь ученика, переживает вместе с ним, он «вчувствуется» в его состояние. Необходимыми при этом являются реальный диалог между педагогом и родителями, конгруэнтность педагога и учащихся, включение в образовательный процесс требований нравственности, ответственности, воплощение в процессе образования идеалов гуманизма. Педагог пытается наиболее полно и глубоко проникнуть в суть происходящего с детьми, чтобы с учетом социально-культурных традиций осмыслить жизненный опыт каждого ученика и коллективный опыт (Горюнова, Гутерман, URL: <http://e-koncept.ru/2014/54323.htm>).

Компетентностный (от лат. *kompetens* – соответствующий, способный) подход отражает целевую установку современного образования на развитие личности, формирование способов творческой и (или) практической деятельности, перевод учащегося в позицию субъекта познания, труда и общения, развитие способности эффективно действовать в жизненно важных ситуациях (Closs, Lannen, Reid, 1996; Hall, Tinklin, URL: <http://www.sere.ac.uk/resreport/rf85/index.html>; Holloway, 2001).

На основе методология инклюзивного общего образования обосновываются направления преобразования специального образования: эволюционность процесса, системность и непрерывность изменений, их соответствие гуманистиче-

ским ценностям общества, возможностям и потребностям детей с особенностями психофизического развития, использова-

– несформированность понятийного аппарата для описания явлений российского инклюзивного образования;

Процессы глобализации делают важным сохранение основ национальной культуры. Освоение культуры происходит, прежде всего, посредством усвоения системы ценностей своего народа. В то же время, образование прививает уважительное отношение к другим обычаям, правилам поведения, если они не противоречат гуманистическим нормам человеческих взаимоотношений

ние разнообразия форм и моделей образовательных систем, преодоление отчужденности, инвалидизации учащегося и его изолированности от семьи, содействие его социальной адаптации и интеграции в обществе (Vogel et al., 1999; Schmitt, 2015).

Проблемы внедрения инклюзивного образования

Инклюзивный подход в образовании вызван социальным заказом общества и государства. Основным критерием эффективности включающего образования должна стать максимальная социальная адаптация, а в дальнейшем – профессиональная и трудовая адаптация учащихся с ограниченными возможностями развития (ОВЗ) (Сапрыкина, 2017). Однако на современном этапе развитию инклюзивного образования присущи проблемы и противоречия. Одной из важнейших проблем является недостаточная подготовка родителей и специалистов сопровождения, которые способны реализовать инклюзивный подход.

Риски инклюзивного образования выявляются на основе существующих мнений потенциальных участников реализации данной образовательной модели: родителей студентов с инвалидностью из коррекционных организаций и родителей студентов без инвалидности, окончивших общеобразовательные школы, посредством сравнительного анализа имеющихся у тех и других опасений по поводу инклюзивного образования.

На современном переходном этапе, скорее, стоит говорить не об «инклюзии», а о некоем опыте обучения студентов с разными возможностями здоровья в единой образовательной среде, поскольку имеют место:

– смешение понятий «интеграция» и «инклюзия»;

– условность деления на общеобразовательные и инклюзивные школы;

– размытость критериев готовности образовательных организаций по материально-техническим характеристикам и профессиональной квалификации педагогического состава (Ash et al., 1996; Baron et al., 1996).

На «Всемирной конференции по образованию лиц с особыми потребностями: доступность и качество», состоявшейся в Саламанке (Испания) 7–10 июня 1994 г., была принята Саламанкская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями, в которой отмечено, что инклюзия является одним из основных путей достижения цели получения образования людьми с особыми потребностями. Участниками Всемирной конференции «Образование для всех», собравшимися в Джомтьене (Таиланд) 5–9 марта 1990 г., была разработана Всемирная декларация «Образование для всех». Основываясь на рекомендациях, содержащихся в этих декларациях, многие страны мира в течение последних десятилетий предприняли шаги по реформированию специального образования в инклюзивное (Колупаева, 2009).

Составной частью инклюзивного образования является инклюзивное обучение. Инклюзивное обучение студентов с особенностями психофизического развития (ОПФР) – это форма получения ими высшего образования в процессе совместного обучения со здоровыми студентами при адаптации вуза к возможностям и потребностям студентов с ОПФР. Однако введение процесса инклюзивного образования протекает крайне тяжело.

Результаты проведенного исследования (Magomedova, Damadaeva, 2015) по-

казывают, что с введением ФГОС, уже на первой ступени введения инклюзивного образования отмечается психологическая неготовность участников инклюзивного процесса к введению такого образования в образовательные организации. То

Инвалиды – выпускники школ, решившие получить высшее образование, не могут выбрать желаемое образовательное учреждение, так как оно чаще всего не адаптировано к его индивидуальным особенностям. На сегодняшний день меры по развитию безбарьерной инфраструктуры ограничиваются установкой пандусов, иногда специальных лифтов

есть, схема введения инклюзии хромает в самом начале вертикали. Инвалиды – выпускники школ, решившие получить высшее образование, не могут выбрать желаемое образовательное учреждение, так как оно чаще всего не адаптировано к его индивидуальным особенностям. На сегодняшний день меры по развитию безбарьерной инфраструктуры ограничиваются установкой пандусов, иногда специальных лифтов.

Необходимо отметить еще одну проблему, препятствующую внедрению инклюзивного образования: недостаточная компетенция преподавателей в работе со студентами-инвалидами. С.В. Алехина и Т.А. Силантьева отмечают, что «преподавателям необходимо обеспечить сотрудничество со специалистами в области инклюзии», тогда, посредством координированной работы, будет происходить разработка новых стратегий развития инклюзии в высшем образовании

Решить проблему недостаточной компетенции преподавательского состава высшей школы можно с помощью включения материалов по инклюзивному образованию в программы курсов повышения квалификации преподавателей вузов. Кадровое обеспечение также требует обновления, переквалификации и повышения квалификации тьюторов, консультантов, ассистентов

(Формы обучения студентов-инвалидов ..., URL: <http://unecon.ru/centr-obucheniya-invalidov/formy-obucheniya>). Решить проблему недостаточной компетенции преподавательского состава высшей школы можно с помощью включения материалов по инклюзивному образованию в программы курсов повышения квалификации преподавателей вузов. Кадровое обеспечение также требует обновления, переквалификации и повышения квалификации тьюторов, консультантов, ассистентов.

Специально адаптированные учебные программы и индивидуальные учебные планы являются важными условиями успешного получения образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, они дают «возможность обучаться

студентам с разными потребностями за счет увеличения сроков обучения и снижения учебной нагрузки» (О поступлении инвалидов ..., URL: <http://www.csu.ru/roles/prospective-students/2014/invalid.aspx>).

Следует отметить, что в нашей стране есть высшие учебные заведения, которым удалось адаптироваться к новым требованиям. Так, Уральский государственный педагогический университет создал условия для слабовидящих студентов (Сапрыкина, 2017). В Санкт-Петербургском государственном экономическом университете для студентов, имеющих ограничения в передвижении, было введено электронное обучение на основе дистанционных образовательных технологий (Формы обучения студентов-инвалидов ..., URL: <http://unecon.ru/centr-obucheniya-invalidov/formy-obucheniya>). В Челябинском государственном университете (в главном корпусе), создана безбарьерная архитектурная среда: для студен-

тов, которые имеют нарушения зрения, создана тифло-техническая учебная аудитория, для имеющих нарушения слуха – сурдологическая учебная аудитория (Условия обучения инвалидов ..., URL: <http://ucheb.rsu.ru/section.html?id=10311>). Московский городской психолого-педагогический университет на базе Республиканской государственной библиотеки подготовил для незрячих студентов 5 аудиоучебников (Условия обучения инвалидов ..., URL: <http://ucheb.rsu.ru/section.html?id=10311>).

rsuh.ru/section.html?id=10311). В Самарском государственном аэрокосмическом университете за последние 14 лет «были внесены поправки в учебные программы и планы, предусмотрены возможности обучения по индивидуальному графику и дистанционно, продуман комплекс мер социально-психологической защиты (разные виды стипендий, материальная помощь, бесплатные путевки в санаторий-профилакторий и др.), организовано кураторство и наблюдение за ходом обучения со стороны деканатов» (Сапрыкина, 2017). В Российском государственном гуманитарном университете используется инклюзивная система обучения в общих группах по индивидуальному учебному плану с применением дистанционных образовательных технологий (Сапрыкина, 2017).

Одним из эффективных методов реализации инклюзивного обучения является использование трансдисциплинарного научного направления – Informing Science (далее – IS), разрабатывающего проблемы интеграции информационных наук и образовательного процесса в зависимости от специфики получателя информации (клиента). Трансдисциплинарный подход IS дает возможность решать проблемы информирования студентов с ОПФР комплексно. В этой конфигурации информационные ресурсы конкретных дисциплин не как рассматриваются подчиненные части (просто информационный материал, который формирующий целостность), а как составляющие, благодаря целостности приобретают новые смыслы и значения (Cohen, 1997; Ash et al., 1996). В целом, мировой опыт свидетельствует, что обучающиеся с ОПФР в таком образовательном пространстве эффективно интегрируются в социум и могут достичь высоких образовательных результатов.

ИО является эффективным средством, которое обеспечивает солидарность между субъектами образования (Ainscow, 1997). Создание посредством ИО образовательной среды, мотивирующей студентов с ОПФР на приобретение необходимого опыта, стимулирует взаимопонимание и социальное взаимодействие, становится более индивидуализированным и выполняет роль защитного пространства (Алехина и др., 2011; Назарова, 2011).

По мнению исследователей, высшее образование обучающихся с ОПФР развивается в двух направлениях. В первом студент с ОПФР занимает в вузе положение обычного обучающегося со всеми происходящими положительными и отрицательными сторонами. Плюсы подобно-го положения в том, что в данном случае к таким студентам относятся точно так, как к остальным обучающимся, что означает действительное равноправие, проявление уважения к человеческому достоинству (Михальчи, URL: www.science-education.ru/116-12445). Однако при подобной ситуации многие студенты с ОПФР исключаются из образовательного процесса по причине неприспособленности образовательного пространства вуза к их потребностям.

Во втором варианте студент с ОПФР занимает в вузе положение не просто обучающегося, но также инвалида. Это находит свое отражение в планировании учебной деятельности, методах преподавания, в величине его учебной нагрузки, специфике штатного расписания вуза и, самое главное, в тех услугах и приспособлениях образовательной среды вуза, которые дают возможность такому студенту осуществлять беспрепятственные перемещения по образовательной территории вуза, обладать доступом к спецтехнике и библиотечным ресурсам, получить навыки обучения и деятельности в соответствующей образовательной среде.

Таким образом, внедрение инклюзии в образовании представляется значительно более сложным процессом, нежели простая интеграция образовательной среды. Студенты с ОПФР проходят обучение в обычных вузах, где все студенты обучаются совместно, несмотря на различия, существующие между ними. При этом основное требование к ИО в вузе заключается в том, что собственно образовательный процесс должен строиться с учетом сильных и слабых сторон и возможностей всех обучающихся (Silver, 1990).

Реализация принципов ИО в вузе скажется позитивно не только на студентах с ОПФР, но и на здоровых обучающихся. Последние будут бережнее относиться к потенциалу, дарованному им природой. Повседневные контакты с лицами с ОПФР будут способствовать расширению социального опыта обычных студен-

тов, возможно, даже мировоззренческих границ. При правильно построенной педагогической ситуации этот опыт может стать основой настоящего личностного роста. Таким образом, наличие в обычной группе студента с ОПФР становится условием, способствующим личностному развитию его сверстников.

Проведение эмпирического исследования

Для определения основных направлений развития системы ИО в вузах Дагестана и Чеченской Республики, в том числе в сфере оказания помощи образовательному и профессиональному становлению молодых людей с ОПФР, нами было проведено специальное исследование.

На его первом этапе проводился опрос преподавателей вуза для определения их лояльности к студентам с ОПФР, уровня развития доступности образовательной среды, спектра востребованных специальностей, оптимальных, по мнению преподавателей, форм обучения студентов с ОПФР, а также мер, с помощью которых вузы могут дать гарантии получения лицами с ОПФР высшего профессионального образования. На втором этапе исследования осуществлялось анкетирование самих студентов с ОПФР с целью выявления проблем и образовательных нужд данной категории студентов.

Внедрение инклюзии в образовании представляется значительно более сложным процессом, нежели простая интеграция образовательной среды. Студенты с ОПФР проходят обучение в обычных вузах, где все студенты обучаются совместно, несмотря на различия, существующие между ними. При этом основное требование к ИО в вузе заключается в том, что собственно образовательный процесс должен строиться с учетом сильных и слабых сторон и возможностей всех обучающихся

По результатам опроса преподавательского коллектива вуза можно сделать выводы, что в своем большинстве (76%) преподаватели относятся к перспективе обучения в вузе студентов с ОПФР положительно. Они полагают, что в вузе может получать образование любой, кто способен к самостоятельным занятиям. Более половины опрошенных связали данное направление образовательной политики с принципами реализации личностных прав и свобод, социальной справедливо-

сти и гуманизации общественных отношений. Указанные принципы нацелены на обеспечение необходимых условий для фактической материальной независимости людей с ограниченными возможностями.

В целом, отношение педагогов к внедрению ИО можно разделить на две группы факторов: внешние и внутренние. К внешним факторам относятся материальное обеспечение вуза, наличие специальных программ и дидактического материала, вовлеченность педагогов в инклюзивный процесс, наличие у них опыта работы с обучающимися данной категории. К внутренним факторам относятся уровень самоактуализации педагога, гибкость в общении, способность к самораскрытию и отсутствие социальных стереотипов, уровень эмпатии, а также особенности отношения к обучающимся.

По мнению преподавательского коллектива вуза, существуют определенные группы факторов, которые препятствуют вовлечению молодых людей с ОПФР в процесс получения высшего образования.

Во-первых, это невысокая доступность образовательного пространства вузов. Конкретное обсуждение данной проблемы показало, что более половины преподавателей полагают, что на их факультетах отсутствуют соответствующие условия для обучения студентов с ОПФР (лишь 30%

опрошенных говорят о возможности обучения студентов с ОПФР). По их мнению, решение данной проблемы потребует осуществления значительного объема работ в таких направлениях, как переоборудование зданий под нужды студентов с ОПФР (30%), обеспечение материально-технических условий образовательного процесса (14%).

Во-вторых, необходимость осуществления широкой медико-социальной и психолого-педагогической поддержки

данной категории обучающихся. К факторам данной группы опрошенные отнесли такие, как необходимость в привлечении специальных работников, в том числе тьюторов (17%), организацию специальных медицинских кабинетов (13%), организационно-методическое и технологическое обеспечение образовательного процесса (33%).

В-третьих, недостаточный уровень подготовки к обучению в вузе абитуриентов с ОПФР и наличие определенных когнитивных барьеров. Респонденты утверждали, что современные общеобразовательные школы недостаточно готовят студентов с ОПФР к поступлению в вузы (39%). При этом часть преподавателей отметила отсутствие готовности у родителей студентов с ОПФР оказывать помощь своим детям при подготовке к поступлению в вуз и в дальнейшем профессиональном самоопределении (20%), а также неадекватные притязания самих абитуриентов с ОПФР на получение высшего образования.

В-четвертых, существование социально-психологических барьеров. По мнению преподавателей, значительная часть студентов с ОПФР психологически не готова на равных обучаться с остальными студентами (43%). Отмече-

ние, прибавляет им уверенности в доступности для них учебного материала.

Результаты

В результате проведенного анкетирования студентов с ОПФР выделены следующие проблемы, с которыми они сталкиваются в процессе обучения:

- отсутствие закона об инклюзивном образовании в вузах не позволяет в полной мере реализовать права лиц с ОПФР на получение качественного высшего образования с учетом их возможностей и потребностей;
- недостаточное методическое и техническое обеспечение учебного процесса студентов с ОПФР;
- недостаточный уровень подготовки вузов к работе со студентами с ОПФР;
- отсутствие сформированной единой базы данных студентов с ОПФР, которые обучаются в вузе, а также учебного материала в адаптированном виде;
- отсутствие специального оборудования и озвученного программного обеспечения.

Пути решения указанных проблем студенты с ОПФР назвали:

- разработку научно-методического

- адаптацию учебного материала к потребностям и возможностям указанной категории студентов.

Заключение

Под инклюзией в широком смысле, понимается система, которая включает в себя ряд взаимосвязанных процессов, позволяет каждому индивиду принимать полноценное участие в жизни общества с учетом собственных желаний, потребностей и особенностей. Признавая инклюзию, общество признает все многообразие мира и людей с любыми особенностями (не только с ОПФР). Инклюзивный подход к студенту с ОПФР заключается в осознании его ограниченных возможностей, принятии его таким, какой он есть, чувствительности к его проблемам, уважению как к личности и симпатии.

Внедрение инклюзивного образования в систему высшего образования является важным фактором развития общества, предполагает доступность обучения молодежи с ОПФР в высших учебных заведениях, а также создание условий приспособления образовательного процесса к особым потребностям данной категории обучающихся. Для того, чтобы инклюзивные идеи могли стать полной реальностью недостаточно только нормативных или законодательных реформ, необходимо правильное понимание со стороны общества и педагогов.

Инклюзивное обучение предусматривает создание соответствующего образовательного пространства, обеспечение научного, психолого-педагогического сопровождения, создание учебных программ, адаптированных к возможностям и потребностям студентов с ОПФР, в том числе с использованием достижений трансдисциплинарного научного направления Informing Science. Основным направлением профессиональной подготовки специалистов является получение ими знаний о возможностях обеспечения равных возможностей в процессе личностно-ориентированного обучения.

Вместе с тем, инклюзивное обучение в полной мере не является альтернативой специального образования, однако оно значительно расширяет его возможности. Учебные заведения

Большинство абитуриентов с ОПФР, планирующих поступление в вузы, обладают опытом интегрированного образования, который снижает их страхи и опасения по поводу будущей коммуникации в студенческом коллективе, прибавляет им уверенности в доступности для них учебного материала

ны низкие показатели будущего трудоустройства выпускников с ОПФР (45%), которые, по нашему мнению, связаны с существующими в обществе стереотипами о невозможности получить работу таким студентам после окончания вуза. Когда социально-психологические барьеры воспринимаются как основное препятствие обучения молодежи с ОПФР в вузе, необходимо оказание адресной поддержки обучающимся на системном уровне. При этом следует отметить, что большинство абитуриентов с ОПФР, планирующих поступление в вузы, обладают опытом интегрированного образования, который снижает их страхи и опасения по поводу будущей коммуникации в студенческом коллек-

обеспечения инклюзивного обучения в условиях университета;

- создание технической базы, включающей специальное оборудование и программное обеспечение (интерактивные доски, сканирующие машины и т.д.);
- проведение мониторинга количества студентов с ОПФР и создание единой базы статистических данных об этой категории студентов и их нозологий;
- проведение семинаров по особенностям инклюзивного обучения студентов с ОПФР для преподавателей вуза;
- создание безбарьерной среды в вузе;
- проведение занятий по ориентации таких студентов в университетской среде;

с инклюзивным обучением должны работать в тесной связи со специальными образовательными учебными заведениями, используя наработанные методики работы с лицами соответствующей нозологии, привлекать к консультированию специалистов с многолетним опытом работы с такой категорией людей.

Проведенная нами работа по изучению проблем инклюзивного обучения студентов с ОПФР свидетельствует о необходимости дополнения имеющихся и разработки новых внутривузовских документов, касающихся практических мер по обеспечению доступа студентов с ОПФР к необходимым дидактическим материалам и созданию доступной для таких студентов среды. Разрабатывая учебно-методическое

обеспечение инклюзивного обучения, следует использовать опыт стран, которые достигли успеха в этой сфере, и адаптировать его к реалиям Дагестана и Чеченской республики. Необходимо

на наш взгляд будет, способствовать созданию Центра инклюзивного обучения и практическая реализацию соответствующих мероприятий. Создание в структуре вузов инклюзивной ориентации по-

Решению проблем инклюзивного обучения студентов с ОПФР в условиях вуза, на наш взгляд будет способствовать создание Центра инклюзивного обучения и практическую реализацию соответствующих мероприятий. Создание в структуре вузов инклюзивной ориентации подразделения для работы с абитуриентами и студентами с ОПФР является важным и необходимым условием оптимальной организации социально-педагогической работы и эффективного внедрения инклюзивного обучения

сформировать в обществе толерантное отношение к людям с ОПФР, в том числе и с помощью средств массовой информации.

Решению проблем инклюзивного обучения студентов с ОПФР в условиях вуза,

разделения для работы с абитуриентами и студентами с ОПФР является важным и необходимым условием оптимальной организации социально-педагогической работы и эффективного внедрения инклюзивного обучения.

Литература:

- Алехина С.В., Алексеева М.А., Агафонова Е.Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 1. – С. 83–82.
- Горюнова Л.В., Гутерман Л.А. Внедрение инклюзивного образования как инновационный проект развития университета взаимодействия [Электронный ресурс] // Концепт : научно-методический электронный журнал. – 2014. – Т. 20. – С. 316–320. : [сайт]. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54323.htm>.
- Жукова Ю. Инклюзивное обучение в вузах Самары 2015 [Электронный ресурс] // SAMRU.RU : портал города Самара : [сайт]. URL: <http://www.samgu.ru/society/-obrazovanie/83628.html> – (дата обращения 06.10.2018).
- Инклюзивное образование: состояние, проблемы, перспективы. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 208 с.
- Колупаева А.А. Инклюзивное образование: реалии и перспективы: монография. – Москва : Саммит-Книга, 2009.
- Коноплева А.Н., Лещинская Т.Л. Синергетический подход к социальному развитию и воспитанию лиц с особенностями психофизического развития // Педагогическая наука и образование. – 2012. – № 1. – С. 82–90.
- Лешер О.В., Демина Л.В. Инклюзивное обучение студентов университета: комплекс научных подходов [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. : [сайт]. URL: www.science-education.ru/121-18603. – (дата обращения 08.11.2015).
- Михальчи Е.В. Состояние инклюзивного образования в системе высшего образования в России [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. : [сайт]. URL: <http://www.science-education.ru/116-12445>.
- Назарова Н.М. Теоретические и методологические основы образовательной интеграции // Инклюзивное образование: методология, практика, технология : материалы международной научно-практической конференции 20–22.06.2011, Москва / ред. О.Н. Ертанова, М.М. Гордон. – Москва : Московский городской психолого-педагогический университет, 2011. – С. 9–11.
- О поступлении инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в ЧелГУ [Электронный ресурс] // Челябинский государственный университет : [сайт]. URL: <http://www.csu.ru/roles/prospective-students/2014/invalid.aspx> – (дата обращения 17.11.2015).
- Сапрыкина Л. А. Условия реализации доступной среды инклюзивного образования в вузах // Молодой ученый. – 2017. – № 10. – С. 444–446.
- Семаго М.М. Психология развития в постнеклассической научной картине мира : монография. – Москва : АПК и ППРО, 2015. – 332.
- Студенты-инвалиды в российских вузах: межвузовское исследование. – Москва, 2010. [Электронная версия]. – Режим доступа: http://www.rsr-online.ru/doc/2010_12_03/2.pdf. – (дата обращения 07.11.2015).
- Условия обучения инвалидов РГГУ [Электронный ресурс] // Российский государственный гуманитарный университет. : [сайт]. URL: <http://uchebr.rshu.ru/section.html?id=10311> – (дата обращения 06.10.2018).
- Условия обучения студентов из числа инвалидов [Электронный ресурс]: ФГБОУ ВПО Уральский государственный педагогический университет. : [сайт]. URL: <http://www.uspu.ru/2015-03-17-07-24-08/upravlenie-socialnoj-raboty/item/253-usloviya-obucheniya-studentov-iz-chisla-invalidov.html> – (дата обращения 08.11.2015).
- Формы обучения студентов-инвалидов в СПбГЭУ [Электронный ресурс]: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. : [сайт]. URL: <http://unecon.ru/centr-obucheniya-invalidov/formy-obucheniya>. – (дата обращения 06.10.2018).
- Ainscow M. (1997). Inclusive Education: A Global Agenda. London: Routledge.
- Ash A., Bellew J., Davies M., Newman T. & Richardson L. (1996). Everybody In? The experience of disabled students in colleges of further education. Essex: Barnardo's.

- Baron S., Phillips R., & Stalker K. (1996). Barriers to Training for Disabled Social Work Students. *Disability & Society*, 11(3), 361–377. doi: 10.1080/09687599627660
- Closs A., Lannen S. & Reid G. (1996). Dyslexia in Further and Higher Education - A Framework for Practice. In Reid G. (Ed.). *Dimensions of Dyslexia*. Vol. 1. Assessment, Teaching and the Curriculum. Edinburgh: Moray House Publications.
- Curran P., McGee A.M. & Reynolds G.M. (1994a). SHEFC Disability Initiative: Interim Audit Report on Access for Students with Disabilities to Higher Education in Scotland. Edinburgh: SHEFC.
- Eli Boyd Cohen. A (2009). Philosophy of Informing Science. Informing Science. *The International Journal of an Emerging Transdiscipline*, Volume 12. doi: 10.28945/425
- Hall, J., & Tinklin T. (1998). Students First: The Experiences of Disabled Students in Higher Education. SCRE Research Report 85. Scottish Council for Research in Education. Retrieved from: <http://www.sere.ac.uk/resreport/rr85/index.html>. (accessed 04.02.19).
- Holloway, S. (2001). The experiences of higher education from the perspective of disabled students. *Disability & Society*, 16(4), 597–615. doi: 10.1080/09687590120059568
- Magomedova, S.A. & Damadaeva A.S. (2015). Psychological readiness of primary school teachers to the introduction of the inclusive education in the Republic of Dagestan. *Biosciences, Biotechnology Research Asia*, 12(3), 2587–2680. doi: 10.13005/bbra/1938
- Shevlin, M., Kenny, M., & Mcneela, E. (2004). Participation in higher education for students with disabilities: An Irish perspective. *Disability & Society*, 19(1), 15–31. doi: 10.1080/0968759032000155604
- Silver P. (1990). Students with Disabilities in Higher Education: a project report. Oxford: Oxford Polytechnic, 210 p.
- Stowell R. (1987). Provision for students with special educational needs in further and higher education. London: National Bureau for Students with Disabilities.
- Ulrich Schmitt (2015). Putting Personal Knowledge Management under the Macroscopic of Informing Science. Informing Science. *The International Journal of an Emerging Transdiscipline*, Volume 18. doi: 10.28945/2161
- Vogel, S., Leyser, Y., Wyland, S., & Brulle, A. (1999). Students with learning disabilities in higher education: Faculty attitude and practices. *Learning Disabilities Research and Practice*, 14(3), 173–186. doi: 10.1207/sldrp1403_5

References:

- Ainscow M. (1997). Inclusive Education: A Global Agenda. London: Routledge.
- Alekhina S.V., Alekseeva M.A., & Agafonova E.L. (2011). The willingness of teachers as the main factor in the success of the inclusive process in education. *[Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie]*, 1, 83–82.
- Ash A., Bellew J., Davies M., Newman T. & Richardson L. (1996). Everybody In? The experience of disabled students in colleges of further education. Essex: Barnardo's.
- Baron S., Phillips R., & Stalker K. (1996). Barriers to Training for Disabled Social Work Students. *Disability & Society*, 11(3), 361–377. doi: 10.1080/09687599627660
- Closs A., Lannen S. & Reid G. (1996). Dyslexia in Further and Higher Education - A Framework for Practice. In Reid G. (Ed.). *Dimensions of Dyslexia*. Vol. 1. Assessment, Teaching and the Curriculum. Edinburgh: Moray House Publications.
- Conditions for the training of persons with disabilities. Russian State University for the Humanities. Retrieved from: <http://ucheb.rsuh.ru/section.html?id=10311> (accessed 04.02.19).
- Curran P., McGee A.M. & Reynolds G.M. (1994a). SHEFC Disability Initiative: Interim Audit Report on Access for Students with Disabilities to Higher Education in Scotland. Edinburgh: SHEFC.
- (2010). Disabled students in Russian universities: an inter-university study. Moscow. Retrieved from: http://www.rsr-online.ru/doc/2010_12_03/2.pdf. (accessed 04.02.19).
- Educational conditions for students from the number of disabled people. Ural State Pedagogical University. Retrieved from: <http://www.uspu.ru/2015-03-17-07-24-08/upravlenie-socialnoj-raboty/item/253-usloviya-obucheniya-studentov-iz-chisla-invalidov.html> (accessed 04.02.19).
- Eli Boyd Cohen. A (2009). Philosophy of Informing Science. Informing Science. *The International Journal of an Emerging Transdiscipline*, Volume 12. doi: 10.28945/425
- Forms of training for students with disabilities at St. Petersburg State University of Economics. St. Petersburg State University of Economics. Retrieved from: <http://unecon.ru/centr-obucheniya-invalidov/formy-obucheniya>. (accessed 04.02.19).
- Goryunova L.V., & Guterman L.A. (2014). The introduction of inclusive education as an innovative project for the development of a university of interaction. *[Konsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal]*, 20, 316–320. Retrieved from: <http://e-koncept.ru/2014/54323.htm>. (accessed 04.02.19).
- Hall, J., & Tinklin T. (1998). Students First: The Experiences of Disabled Students in Higher Education. SCRE Research Report 85. Scottish Council for Research in Education. Retrieved from: <http://www.sere.ac.uk/resreport/rr85/index.html>. (accessed 04.02.19).
- Holloway, S. (2001). The experiences of higher education from the perspective of disabled students. *Disability & Society*, 16(4), 597–615. doi: 10.1080/09687590120059568
- (2017). Inclusive education: state, problems, perspectives. Minsk, Chetyre chetverti, 208.
- Kolupaeva A.A. (2009). Inclusive education: realities and prospects: a monograph. Moscow, Sammit-Kniga.
- Konopleva A.N., & Leshchinskaya T.L. (2012). Synergetic approach to social development and education of individuals with special needs of psychophysical development. *[Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie]*, 1, 82–90.
- Leshner O.V., & Demenina L.V. (2015). Inclusive teaching of university students: a set of scientific approaches. *[Sovremennye problemy nauki i*

- obrazovaniya*]. 1. Retrieved from: www.science-education.ru/121-18603. (accessed 04.02.19).
- Magomedova, S.A. & Damadaeva A.S. (2015). Psychological readiness of primary school teachers to the introduction of the inclusive education in the Republic of Dagestan. *Biosciences, Biotechnology Research Asia*, 12(3), 2587–2680. doi: 10.13005/bbra/1938
- Mikhailchi E.V. (2014). The state of inclusive education in the system of higher education in Russia. [*Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*]. 2. Retrieved from: <http://www.science-education.ru/116-12445>. (accessed 04.02.19).
- Nazarova N.M. (2011). Theoretical and methodological foundations of educational integration. In eds. I.T. Ertanova, & M.M. Gordon [*Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologiya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 20–22.06.2011*]. Moscow, Moskovskiy gorodskoy psikhologo-pedagogicheskiy universitet, 9–11.
- On admission of disabled people and persons with disabilities to Chelyabinsk State University. Retrieved from: <http://www.csu.ru/roles/prospective-students/2014/inval.aspx> (accessed 04.02.19).
- Saprykina L. A. (2017). Conditions for the implementation of an accessible environment of inclusive education in universities. [*Molodoy uchenyy*], 10, 444–446.
- Semago M.M. (2015). Developmental psychology in the post-non-classical scientific picture of the world: monograph. Moscow, APK i PPRO, 332.
- Shevlin, M., Kenny, M., & Mcneela, E. (2004). Participation in higher education for students with disabilities: An Irish perspective. *Disability & Society*, 19(1), 15–31. doi: 10.1080/0968759032000155604
- Silver P. (1990). Students with Disabilities in Higher Education: a project report. Oxford: Oxford Polytechnic, 210 p.
- Stowell R. (1987). Provision for students with special educational needs in further and higher education. London: National Bureau for Students with Disabilities.
- Ulrich Schmitt (2015). Putting Personal Knowledge Management under the Macroscopic of Informing Science. Informing Science. *The International Journal of an Emerging Transdiscipline*, Volume 18. doi: 10.28945/2161
- Vogel, S., Leyser, Y., Wyland, S., & Brulle, A. (1999). Students with learning disabilities in higher education: Faculty attitude and practices. *Learning Disabilities Research and Practice*, 14(3), 173–186. doi: 10.1207/sldrp1403_5
- Zhukova Yu. (2015). Inclusive education in Samara universities. SAMRU RU: *portal of the city of Samara*. Retrieved from: <http://www.samru.ru/society/-obrazovanie/83628.html> (accessed 04.02.19).

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научное информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в pdf.kxyuys[электронном ви де. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учреждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшиф-

рованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в конце статьи перед списком литературы.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок.
- курсива, полужирного шрифта и подчеркиваний при оформлении текста статьи,
- выделение заголовков прописными буквами.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 30 ссылок для статей и 50 ссылок для обзоров. 50% ссылок необходимо давать на иностранные источники.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление пристатейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>. Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982)). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, С. 47). Использование сносок в качестве ссылок на литературу не допускается.

Ссылки на иностранные источники оформляются по требованиям Американской психологической ассоциации (APA).

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков. Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах .jpeg (показатель качества не ниже 8) или .tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале) и портретную фотографию. При наличии нескольких авторов обязательно указывайте ответственного автора (Corresponding author).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствие текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments are provided in a footnote at the foot of the first page.

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, Graphs, Drawings Tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: .Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal).

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на неё ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, изобилуют общими ничем не значащими словами, увеличивающими объем, но не способствующими рас-

крытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации) выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;

- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.